

Святитель Иоанн Златоуст

Толкование на 2-е послание к Коринфянам святитель Иоанн Златоуст

Беседа [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) [14](#) [15](#) [16](#) [17](#) [18](#) [19](#) [20](#) [21](#)
[22](#) [23](#) [24](#) [25](#) [26](#) [27](#) [28](#) [29](#) [30](#)

Послание написано апостолом Павлом, адресовано христианской общине города Коринф, расположенного на коринфском перешейке между полуостровом Пелопоннес и основной Грецией. Община Коринфа, в древние времена большого портового города, была основана самим апостолом Павлом около 50 года во время его второго путешествия.

Послание написано в 57 году в Македонии ([2Кор. 7:5](#)). По сведениям из Деяний Апостолов ([Деян. 20:1](#)) Павел в 57 году путешествовал по Македонии, затем посетил Ахайю, в том числе Коринф и затем праздновал Пасху 58 года в македонском городе Филиппах. Послание написано вскоре после 1-го послания, но до второго посещения Коринфа. Написанию послание предшествовало путешествие Тита в Коринф ([2Кор. 7:7](#)), который и сообщил Павлу реакцию на 1-е послание.

Беседа 1

2Кор.1:1–4. Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, церкви Божией, находящейся в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахаии: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!

Для чего апостол написал второе послание к коринфянам. – Смиренномудрие Павлово. – Бог всегда утешает. – Как следует поступать в скорбях.

1. Прилично прежде рассмотреть, для чего апостол к первому посланию прилагает второе, и почему начинает его указанием на щедроты Божии и на утешение. Итак, для чего он пишет второе послание? Так как в первом он сказал: «приду к вам, ...и испытаю не слова возгордившихся, а силу» (1Кор.4:19), и в конце его опять в более мягких словах обещал то же самое, говоря: «приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию. У вас же, может быть, поживу, или и перезимую» («Прииду же к вам, егда македонию преиду: македонию бо прохожду: у вас же, аще случится, ...пребуду, или и озимею») (1Кор.16:5–6), между тем, после того прошло много времени, а он еще не приходил, даже и назначенный срок уже прошел, а он еще собирался и медлил, будучи удерживаем Духом для других гораздо нужнейших дел, то он и почел поэтому нужным (написать) второе послание, в котором не было бы нужды, если бы он не долго промедлил. Впрочем, не одна эта была причина, но еще и та, что после первого послания коринфяне сделались лучшими. Именно соблудившего, которому прежде рукоплескали и которым гордились, они отсеки и отлучили совершенно от Церкви верующих, как это видно из следующих слов апостола: «Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, – чтобы не сказать много, – и всех вас. Для такого довольно сего наказания от многих» («аще ли кто оскорбил, не

мене оскорби, но отчасти, да не отягчу всех вас. Довольно таковому наказание сие, еже от многих») (2Кор.2:5–6). И далее, продолжая послание свое, (апостол) опять указывает на то же, когда говорит: «Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование *на виновного*, какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание! По всему вы показали себя чистыми в этом деле» («се бо сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание? колики извинения, и негодование, и страх, и желание, и ревность, и строгость. Во всем представисте себе чисты быти в сем деле») (2Кор.7:11).

Равным образом и милостыню, которой он просил у них, они начали собирать с великим усердием, почему и сказал: «знаю усердие ваше и хвалюсь вами перед Македонянами, что Ахаия приготовлена еще с прошедшего года» («вем... усердие ваше, имже о вас хвалюся македоняном, яко Ахаия готова еще от прошедшаго лета») (2Кор.9:2). И Тита, которого послал (апостол), они приняли со всею благосклонностью, на что и указывает опять словами: «сердце его весьма расположено к вам, при воспоминании о послушании всех вас, как вы приняли его со страхом и трепетом""" ("и сердце его чрезвычайно расположено к вам, ...воспоминающаго всех вас послушание, яко со страхом и трепетом приясте его») (2Кор.7:15). По всем этим причинам он и пишет второе послание. Да и нужно было, чтобы он как согрешивших их тогда упрекал, так исправившихся теперь похвалил и принял в свое благоволение. Потому-то и все это послание чуждо угроз и упреков, за исключением некоторых только мест к концу послания, которые были нужны потому, что и между коринфскими христианами были некоторые из иудеев, высоко о себе мудрствовавшие и порицавшие Павла, как человека хвастливого и не заслуживавшего никакого уважения. Так они говорили: «в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна» («послания убо, ...тяжки, ...а пришествие тела немощно, и слово уничижено») (2Кор.10:10), то есть, когда он приходит, то оказывается ничего не стоящим, потому что это (и означают

слова): «в личном присутствии слаб» («пришествие тела немощно»); отшедши же, высоко превозносишь себя в своих посланиях, что (означают слова): «в посланиях он строг и силен» («послания... тяжка»). А чтобы показать себя достойными уважения, они притворялись нелюбостязательными, на что и намекает (апостол) словами: «дабы они, чем хвалятся, в том оказались *такими* же, как и мы» («да, о немже хвалятся, обрящутся, якоже и мы») (2Кор.11:12). Вместе с тем, имея дар слова, они весьма этим превозносились, почему (апостол) и называет себя "невеждою" (2Кор.11:6), показывая, что он не стыдится этого, и не считает (дар слова) за какое-то великое приобретение, а напротив, вменяет в ничто. А так как естественно было некоторым из верующих (слыша такие отзывы об апостоле) поколебаться в доверенности к нему, то он, сперва похвалив верных за то, в чем они исправились, и посрабив безумие горделивых, требовавших соблюдения иудейских обрядов, – потому что не время уже было исполнять их, – потом и за это делает упрек.

Итак, вот, мне кажется, причина настоящего послания, как может это заметить всякий, слегка прочитав его. Обратимся теперь к началу послания, и исследуем, для чего (апостол), после обыкновенного своего приветствия, начал послание указанием на щедроты Божии. Прежде всего нужно сделать замечание о самом начале и узнать, почему он здесь присовокупляет к себе Тимофея, говоря: «Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат» («Павел посланник Иисус Христов, волею Божиею, и тимофей брат») (2Кор.1:1). Между тем, в первом послании он обещался послать его к ним, и убеждал их, говоря: «если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен» («аще же приидет тимофей, блюдите, да без страха будет у вас») (1Кор.16:10). Как же здесь в начале (послания) говорит, что он с ним? Это потому, что (Тимофей), пришедши к ним, по обещанию учителя «для сего я послал к вам, – писал Павел, – Тимофея, ...который напомнит вам о путях моих во Христе» ("послах бо к вам, тимофея, ...иже вам воспомянет пути моя, яже о Христе») (1Кор.4:17), и исправив все порученное, возвратился назад, так

как и посылая его, (апостол) наказывал: «проводите его с миром, чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братьями» («проводите... его с миром, да придет ко мне: жду бо его с братиею») (1Кор.16:11).

2. И вот, так как (Тимофей) возвратился к своему учителю, и (апостол), исправив вместе с ним нужное в Азии: «в Ефесе же я, -говорит, – пробуду до Пятидесятницы» ("пребуду... бо во Ефесе до пентекостии») (1Кор.16:8), опять перешел в Македонию, то естественно и упоминает (о Тимофее), как уже находящимся с ним, потому что прежнее послание препроводил он из Азии, а настоящее из Македонии. Поставил же вместе с собою (Тимофея), чтобы проявить ему этим больше уважения, а в себе показать глубокое смиренномудрие, потому что хотя (Тимофей) и был ниже его, но любовь все сочетавает. Потому он везде и равняет его с собою, – то говорит о нем: «как сын отцу, служил мне» («якоже отцу чадо, со мною поработал») (Филип.2:22); то: «ибо он делает дело Господне, как и я» («дело... Господне делает, яко же и аз») (1Кор.16:10); а здесь и "братом» (2Кор.1:1) его называет. Таким образом представляет его по всем отношениям достойным уважения коринфян, – и тем более, что он, как я сказал, был уже у них, и показал опыты своих добродетелей. «Церкви Божией, находящейся в Коринфе» («Церкви Божией, сущей в коринфе») (2Кор.1:1). (Апостол) опять называет коринфян Церковью, желая этим собрать и совокупить всех их воедино. Иначе и не может быть единая Церковь там, где составляющие ее разделяются между собой и враждуют друг на друга. «Со всеми святыми по всей Ахаии» («Со святыми всеми, сущими по всей Ахаии») (2Кор.1:1). Этими словами (апостол) оказывает и предпочтение коринфянам, когда чрез послание, писанное к ним, приветствует всех прочих, и вместе всю от язык собранную Церковь побуждает к миру и согласию. Наименованием же святых показывает, что нечистым не принадлежит это приветствие.

Но почему (апостол), писав здесь к главной Церкви, вместе с нею пишет и ко всем прочим, между тем как он не всегда так делает? Так послания к фессалоникийцам он не посылал вместе и к македонянам; равным образом, пиша к ефесянам, не

обращался вместе и ко всей Азии; и послание к римлянам не послано вместе и к прочим жителям Италии. Но здесь он делает то же, что и в послании к Галатам. И это послание он посылает не одному, не двум или трем городам, но всем вообще живущим в той стране, когда говорит: «Павел Апостол, *избранный* не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых, и все находящиеся со мною братия – церквам Галатийским: благодать вам и мир» («Павел апостол ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых, и иже со мною вся братия, церквам Галатийским: благодать вам и мир») (Гал.1:1–3). Равно и евреям он написал для всех одно послание, не разделяя их по городам. Какая же этому причина? Мне кажется, причиною тому были общие господствовавшие там болезни. Для того он и посылает общее ко всем послание, что все требовали общего исправления. Все ведь и галатяне страдали одной болезнью, и евреи. То же я думаю и о коринфянах.

Итак, соединив всех воедино, и сделав общее приветствие, по принятому им обыкновению приветствовать всех: «благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа» (Гал. 1:3), – слушай, как сообразно с избранным им предметом он начинает послание: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения» («Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всякия утехи») (2Кор.1:3). Но какая тут, скажешь ты, сообразность с избранным предметом? Самая близкая. Посмотри же. Коринфян очень опечалило и обеспокоило то, что апостол не пришел к ним, несмотря на то, что обещал придти, но все это время провел в Македонии, и как будто предпочитал им других. Итак, имея в виду это беспокойство, он рассказывает им причину, почему не пришел. Впрочем, не тотчас открывает ее, и не говорит: «Я помню, что обещался придти, но меня задержали случившиеся со мною скорби, почему простите меня, и не обвиняйте в каком-нибудь презрении, или нерадении о вас», но ведет к тому иным способом, гораздо величественнее и с большим убеждением, стараясь наперед утешить их, чтобы они

уже и не спрашивали о причине, почему он не пришел. И это делает он точно так же, как если бы кто, обещавшись придти к своему другу, и, по преодолении весьма многих бедствий, пришедши, сказал: «Слава Тебе, Боже, что Ты показал мне возлюбленного друга моего! Благословен Ты, Господи, – от каких бед Ты избавил меня!» Такое славословие пришедшего есть вместе и оправдание пред намеревающимся обвинять его, и не попускает этому последнему жаловаться на замедление первого. Ему стыдно уже звать на суд приносящего Богу благодарение за избавление от стольких зол и требовать у него отчета в медлительности. Потому и (апостол), начиная речь словами «Благословен Бог щедрот», указывает тем на изведение и избавление его от великих бедствий.

Подобным образом и Давид не везде одинаково называет Бога, и не от одних и тех же свойств производит имена Его; но когда рассуждает о войне и победе, говорит: «Возлюблю тебя, Господи, крепость моя! Господь – твердыня моя» («Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь... защититель мой») (Пс.17:2–3); когда же воспоминает об избавлении его от скорби и мрака, одержавшего душу его, говорит: «Господь – свет мой и спасение мое» («Господь просвещение... и спаситель мой») (Пс.26:1). Иногда заимствует наименования Его от человеколюбия, иногда от правды Его, иногда от нелицеприятного Его суда, – сообразно обстоятельствам, в которых он находился. Так и Павел здесь в начале послания называет (Бога) со стороны Его человеколюбия, говоря: «Бог щедрот», – т. е. явивший столь великие щедроты, что извел нас из самых врат смерти.

3. Подлинно, миловать так преимущественно пред всеми свойственно и сродно Богу. Поэтому он и называет Его Богом щедрот. Но заметь и здесь смиренномудрие Павлово. Претерпевая беды ради проповеди, не говорит он, что по достоинству от них спасается Богом, но ради щедрот Божиих. Но об этом еще яснее сказал он ниже. А теперь, продолжая речь свою, говорит: «утешающий нас во всякой скорби» («утешаяй нас... во всякой скорби») (2Кор.1:4). Не сказал: не попускающий нам впадать в скорби, но – утешающий нас в

скорби, потому что это и показывает силу Божию, и укрепляет терпение скорбящих. "От скорби, – говорит он (в другом месте), – происходит терпение» («скорбь терпение соделывает») (Рим.5:3)¹. Это выразил и пророк словами: «В тесноте Ты давал мне простор» («в скорби распространил мя еси») (Пс.4:2). Не сказал: «Ты не попустил впасть мне в скорбь», или «Ты тотчас рассеял скорбь» но – «в продолжение скорби Ты распространил меня», – то есть, великую дал прохладу и отдохновение. То же самое было и с тремя отроками. Он не взбранил ввергнуть их в печь, и, когда они были ввержены, не угасил пламени; но, когда пылала печь, подал им прохладу.

Так и всегда обыкновенно делает Бог. Намекая на это, и Павел говорит: «утешающий нас во всякой скорби». Но этим он показывает еще нечто новое. Что же такое? То, что Бог не однажды, не дважды, но всегда так поступает. Не так, чтобы ныне утешал, а в другое время оставлял; но всегда и во всякое скорбное время подает утешение. Поэтому и сказал (апостол): «утешающий» ("утешай"), а не – утешивший, и: «во всякой скорби»; не в той или другой, но – «во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих» ("во всякой, ...яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби, утешением, имже утешаемся сами от Бога») (2Кор.1:4). Видишь ли, как он предуготовляет себе оправдание, напоминая слушателю о великой скорби? А вместе с тем и смиряет себя, когда говорит, что самая эта милость оказана не ради его достоинства, но ради тех, которые от него должны принимать назидание. Для того, говорит, и утешил нас Бог, чтобы мы другу друга утешали. Но в этих же словах дает чувствовать и достоинство апостолов, когда показывает, что, получив утешение и отдохновение, он не предается беспечности, как мы, но приступает к возбуждению, укреплению и восстановлению других. Некоторые же еще дают словам (апостола) и такой смысл, что утешение наше есть вместе утешение и для других. А мне кажется, что он здесь в виде введения направляет речь свою еще и против лжеапостолов, напрасно хвалящихся, сидящих дома и предающихся неге. Впрочем, на это намекает он не прямо, но

как бы мимоходом; главная же цель его была та, чтобы оправдать себя в своем замедлении. «Если для того, – говорит, – мы сами утешаемся, чтобы утешать и других, то не упрекайте нас за то, что мы не пришли к вам, потому что все это время мы употребили на отвращение воздвигаемых на нас злоумышлений, нападений и различных зол». «Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» («Зане якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше») (2Кор.1:5).

Чтобы не привести в уныние учеников слишком сильным описанием своих бедствий, он показывает и великое богатство утешения, и таким образом ободряет их дух; и не только этим ободряет их, но еще и тем, что напоминает о Христе, говоря о своих страданиях, что они страдания Христовы, и, таким образом, прежде всякого другого утешения, извлекает утешение из самих скорбей. В самом деле, что может быть приятнее, как быть общником Христу, и ради Его терпеть страдания? Что может равняться с этим утешением? И не этим только, но и другим образом он восставляет души скорбящих. Чем же? Тем, что говорит: «умножаются» («избыточествуют»). Не сказал: «как постигают нас страдания Христовы», но: «как умножаются» («якоже избыточествуют»), показывая тем, что (апостолы) претерпевают не только страдания Христовы, но еще большие. Мы претерпели, говорит, не только те страдания, которые Он претерпел, но и преизбыточествующие. Христос был гоним, преследуем, биен, умер. Но мы, говорит, более того претерпели. Этого одного уже достаточно для утешения. И никто не подозревай здесь преувеличения. Вот он и в другом месте говорит: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей» («Ныне радуюсь во страданиях моих, и ...исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей») (Колос.1:24). И ни в том, ни в другом месте нет ни дерзости, ни самохвальства. Подобно тому, как (апостолы) совершили большие знамения, нежели сам Христос («верующий в Меня, – говорит Господь, – ...и больше сих сотворит» ("веруяй бо в мя... больша сих сотворит») (Иоан.14:12), – хотя все это совершает

Он же, действуя в них, – так и пострадали больше Его, – хотя это опять же принадлежит одному Господу, Который утешал их и давал им силы к перенесению приключавшихся зол.

4. Вот почему и Павел, чувствуя сам, как много он сказал, смотри, как опять смягчает сказанное, говоря: «умножается Христом и утешение наше» («так Христом избыточествует и утешение наше»); он все приписывает Господу, прославляя и этим Его человеколюбие. Не только, говорит, насколько скорбим, настолько и утешаемся, но гораздо более. Не сказал, что утешение равно страданиям, но: «умножается утешение» («избыточествует утешение»), так что время подвигов есть вместе время и новых венцов. В самом деле, скажи мне, что может равняться с тем, как терпеть бичевание за Христа и удостоиться за то беседования с Богом, быть сильнее всех, торжествовать над своими гонителями, быть выше целой вселенной, и чаять таких благ, каких «не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» («их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша») (1Кор.2:9)? Что может равняться с тем, как терпеть скорби ради благочестия, и за то сподобиться бесчисленных утешений от Бога, получить отпущение стольких грехов, удостоиться Духа, освящения и оправдания, никого не бояться и не трепетать, и среди самых напастей быть славнее всех? Итак не будем унывать во время искушений. Никто из любящих увеселения, беспечно почитающих и услаждающихся, никто из проводящих жизнь изнеженную и рассеянную не может быть общником Христу. Но кто проводит жизнь среди скорбей и искушений и ходит тесным путем, тот близок к Нему. Он ведь и Сам шествовал тем же путем, – почему сказал: «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» («Сын человеческий не имеет где главы подклонити») (Мф.8:20).

Итак, не печалься, если терпишь скорби, помышляя, кому ты через них приобщаешься, как ты очищаешься чрез искушения и какую великую получаешь от них пользу. Подлинно, нет ничего тяжкого и печального, кроме оскорбления Бога. Если же этого нет, то ни скорби, ни козни, ни что другое не может опечалить богомудрой души. Напротив, как малая искра,

брошенная в великую морскую бездну, тотчас же угасает, так точно и всякая печаль, даже самая великая, приразившись к благой совести, легко рассеивается и тотчас исчезает. Потому-то и Павел всегда радовался, что всегда подвизался в делах, угодных Богу, и даже не замечал постигавших его великих зол; хотя он и чувствовал скорбь, как человек, но не падал духом.

Так и великий патриарх не переставал радоваться, хотя и постигали его многие огорчения. Посмотри: он лишился отечества, принужден был предпринять длинное и многотрудное путешествие; пришедши на чужую землю, не имел на ней и одной пяди собственности; здесь, опять, встретил его голод и заставил переселяться с одного места на другое; за голодом последовали похищение жены, страх смерти, бесчадие, война, опасности, злоумышление соседей, и наконец сильнейшая из всех скорбей – тяжкое и нестерпимое заклятие единокровного и любимого сына. Беспрекословно он повиновался Богу; но не подумай поэтому, что он и переносил все это равнодушно. Хотя бы он был и в высшей степени праведник, каков он был и действительно, все же он был человек и подвержен немощам естества человеческого. И однако ничто не могло сразить его; он устоял, как мужественный ратоборец, после каждого искушения увенчиваясь победным венцом. Так и блаженный Павел, видя тучи искушений, каждодневно на него находящих, среди них, как бы среди рая, утешался, радовался и веселился. Но как радующийся этою радостью не может быть пленен унынием, так напротив, не стяжавший ее делается легко уловимым для всякой скорби, и претерпевает то же, что и худо вооруженный, которого и легкий удар уязвляет. Напротив, тот, кто хорошо отовсюду вооружен, удобно отражает всякий направленный против него удар. Радость же по Боге сильнее всякого оружия, и кто имеет ее, того ничто не может привести в уныние и малодушие; напротив, он все переносит мужественно. Что может быть хуже огня, что лютее непрестанных мучений? Хотя бы кто лишился бесчисленных богатств, или детей, или другого чего подобного, но это (огонь и мучения) нестерпимее всех скорбей. "Кожу, – сказано, – за кожу, а за жизнь свою

отдаст человек все, что есть у него» («Кожу за кожу, и вся, елика имать человек, даст за душу свою») (Иов.2:4).

Так, ничего нет тягостнее мучений; но радость по Боге и для слуха нестерпимые мучения делает сносными и даже приятными. И если бы ты снял с дерева или со сковороды едва-едва дышащего мученика, ты нашел бы в нем такую радость, какой и изобразить невозможно. Но скажут: «как могу я страдать теперь, когда прошло время (подвигов) мученичества? Что ты говоришь? Разве теперь прошло время мученичества?» Оно никогда не проходит, напротив – всегда перед нашими глазами, если только мы бодрствуем. Ведь не повешение только на дереве делает мучеником. Если бы так было, то Иов остался бы без венца мученического. Он не стоял пред судилищем, не слышал голоса судии, не видал мучителя, не был строгаем по ребрам, повешенный и поднятый на дерево. И однако он страдал более, нежели многие мученики; сообщения вестников, приходивших друг за другом, нестерпимее всякого удара поражали его и прободали со всех сторон; а уста червей лютее множества палачей отовсюду терзали его.

5. Итак, с каким мучеником не может он сравняться? Подлинно (он равен) с бесчисленно многими. Он отовсюду выдерживал борьбу и собирал венцы – и от потери имущества, и от гибели детей, и гниения тела, и от укоров жены, и от друзей, и от врагов, и даже от рабов своих, – потому что и те плевали на лице его, – и от голода, и от сновидений, и от мучительной боли, и от зловония. Вот почему я и сказал, что он может равняться не с одним, не с двумя, не с тремя, а с бесчисленным множеством мучеников. Кроме сказанного, и самое время дает великое преимущество венцам его, потому что он терпел эти скорби прежде закона и благодати, терпел в продолжение многих месяцев, и все в высшей степени, притом же все эти несчастия обрушились на него вдруг, тогда как каждое из них и само по себе нестерпимо, не исключая даже и потери стяжаний, которая, по-видимому, (не)сноснее других зол. В самом деле, многие перенесли удары, а потери имущества не перенесли; напротив, предпочитали лучше терпеть бичевание и множество других мучений, нежели уступить что-нибудь из своих

стяжаний, так что потерю их считали для себя самым тяжким ударом. Таким образом, и потеря имущества есть некоторый род мученичества для того, кто мужественно ее переносит. Но как, скажешь, перенести мужественно такие потери? Ты научишься этому, когда узнаешь, что через одно слово благодарности ты приобретешь больше, чем потерял. В самом деле, если, услышав о гибели наших благ, мы не смутимся, а скажем: «Благословен Бог», – то этим приобретем гораздо большее богатство. И действительно, не столько ты получишь пользы, тратя свое богатство на неимущих, всюду обходя и ища бедных, расточая все, что имеешь, алчущим, сколько приобретешь одним этим словом. Вот почему я не столько удивляюсь Иову, отверзавшему для бедных дом свой, сколько изумляюсь и с удивлением восклицаю, видя, как он с благодарением переносил потерю своих стяжаний.

То же самое можно приложить и к потере детей. И здесь ты можешь получить не меньшую награду, чем и тот, который возложил на жертвенник и готов был заклать сына своего, если, видя умирающим свое детище, будешь благодарить человеколюбивого Бога. В самом деле, поступающий так чем будет ниже Авраама? Авраам еще не видел (сына своего) лежащего мертвым, но только готовился к этому, так что если он и имеет преимущество в том отношении, что хотел принести в жертву (сына своего), протянул руку и взял нож, то, с другой стороны, он уступает в том отношении, что здесь лежит уже мертвый сын. Кроме того, Авраама ободряла уверенность, что он совершает доблестный поступок, и что славный этот подвиг есть дело собственного его мужества; да и глас с неба, им слышанный, воодушевлял его к этому подвигу; здесь же, напротив, нет ничего подобного. Вот почему тому, кто видит распростертого и лежащего во гробе единокровного сына своего, воспитанного в богатстве и подававшего добрые надежды, нужно иметь адамантовую душу, чтобы кротко перенести постигшее его несчастье. И если таковой, укротив естественное волнение, сможет без слез сказать с Иовом: «Господь дал, Господь и взял» («Господь даде, Господь отъят») (Иов.1:21), то за одно это слово встанет в ряд с Авраамом и вместе с Иовом

будет прославляем. И если, остановив вопли жен и воспретив клики плачущих, обратит всех к славословию Бога, то получит бесчисленные почести и от Бога и от людей: люди будут ему удивляться, ангелы рукоплескать, Бог увенчает его славою.

6. Но как могу я не плакать, скажешь ты, когда я человек? (Можешь), если подумаешь о том, что и патриарх, и Иов, будучи оба людьми, ничего подобного не испытали, и притом еще живя оба прежде закона и благодати, и не зная еще тех богомудрых законов, какие у нас; если сообразишь, что умерший переселился в лучшую страну и перешел к лучшему наследию, и что ты не потерял сына, а только препроводил его в безопаснейшее жилище. Итак, не говори: «Я не могу уже называться отцом». Почему тебе не называться отцом, когда сын твой жив? Разве ты потерял детище? Разве ты погубил сына? Напротив, приобрел его, и с большею безопасностью владеешь им. Чрез это ты не здесь только будешь называться отцом, но и на небе, и не только не потерял имени отца, но приобрел право на еще большее наименование: ты будешь называться отцом уже не смертного сына, но бессмертного, отцом мужественного воина, вечно пребывающего в доме Божиим. Не думай, что он уже и погиб, если не стоит пред тобою. Ведь если бы он находился теперь в путешествии, то его телесное отсутствие не прекратило бы между вами родственной связи. Не останавливай же своих взоров на лице лежащего, потому что возбудишь этим в себе страдание; но возведи мысль твою от лежащего к небу. Не этот лежащий труп есть сын твой, но тот, который отлетел и восшел на неизмеримую высоту. Итак, когда видишь закрытые глаза, сомкнутые уста и неподвижное тело, не о том помышляй, что эти уста уже не говорят, эти глаза уже не видят, эти ноги уже не ходят, и все обращается в тление, – не так говори, а совершенно напротив: эти уста будут говорить лучше, эти глаза увидят больше, эти ноги понесутся на облаках, это разрушающееся тело облечется в бессмертие, и я опять получу сына, но светлейшего. Если же видимое тобою печалит тебя, то скажи себе: это – одежда, и он скинул ее для того, чтобы опять получить ее же, но более многоценную, это – дом, но он разрушается для того, чтобы стать светлее.

Подобно тому как мы, когда хотим очистить дом, не позволяем оставаться внутри его живущим в нем, чтобы предохранить их от пыли и от шума, но велим на некоторое время выйти; когда же совсем устроим дом, тогда опять безбоязненно вводим их, – так делает и Бог: разрушив гнилую храмину усопшего, Он взял его в Свой отеческий дом, даже к Себе, чтобы после, как она разберется и вновь перестроится, опять отдать ему ее в лучшем и светлейшем виде. Итак, не говори, что он погиб, и что не будет его более; это слова неверующих; но говори: он спит и восстанет; он отправился в путь и возвратится с Царем. Кто так говорит? Тот, кто имеет в себе говорящим Христа. «Ибо, если мы веруем, – говорит (апостол), – что Иисус умер и воскрес и живет, то и умерших чрез Иисуса Бог приведет с Ним» («Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе тако и Бог умерших... приведет с ним») (1Сол.4:14). Итак, если ты ищешь сына, ищи его там, где находится Царь, где воинство ангелов, не в гробе, не в земле, чтобы, тогда как он вознесен на такую высоту, тебе самому не остаться поверженным на земле. Если мы таким образом будем Любоумудрствовать, то легко преодолеем всякую подобную печаль. Бог же щедрот и Отец всякия утешит сердца всех нас, и подобными скорбями и другими печальми одержимых, дарует нам избавление от всякого уныния, и сподобит нас стяжать духовную радость и получить будущие блага, которых и да сподобимся все мы достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 2

2Кор.1:6–7. Скорбим ли мы, *скорбим* для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим. И надежда наша о вас тверда.

Добродетель праведника в скорбях просиявает и возрастает. – Сила молитвы. – Молитвы за оглашенных. – Природа греха.

1. Предложив одно и главное побуждение к утешению (именно общение со Христом), (апостол) присовокупляет еще другое, именно то, что (скорби, претерпеваемые апостолами) содействуют к устройению спасения самих наставляемых в вере. «Итак, не падайте духом, – говорит он, – не смущайтесь, и не предавайтесь страху оттого, что мы терпим скорби; напротив это-то самое и должно исполнять вас бодростью и упованием. В самом деле, если бы мы не подвергались скорбям, это привело бы всех нас к гибели. Как же и почему? Потому что, если бы мы по малодушию и из опасения бедствий не стали вам проповедывать слово, чтобы научить вас истинному знанию, то спасение ваше подверглось бы крайней опасности». Видишь ли опять силу и твердость Павла? Чем они смущались, тем он утешает их. «Чем тягостнее, – говорит, – становятся наши гонения, тем более должна в вас умножаться добрая надежда, потому что тем более открывается и средств к вашему спасению, случаев к утешению. В самом деле, что может принести вам столько утешения, как те великие блага, которые вы получаете от нашей проповеди?» Потом, чтобы не подумали, что он всю похвалу в этом случае приписывает только себе одному, посмотри, как он и их делает общниками тех же похвал. Сказав: «Скорбим ли мы, *скорбим* для вашего утешения и спасения» («аще ли скорбим, о вашем утешении и спасении»), он присовокупляет: «которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим» («действующемся в терпении тех же страданий, яже и мы страждем»). Яснее то же самое выражает он ниже, говоря: «вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении» («якоже общницы есте страдем,

также и утешению»), здесь же пока выразил это, обобщая свою речь словами: «тех же страданий». Смысл его слов таков: «Не мы одни были виновниками вашего спасения, но и вы сами. Как мы, проповедуя, терпим скорби, так и вы, принимая наше слово, то же самое терпите: мы, чтобы передать вам то, что сами получили, а вы, чтобы принять передаваемое и не потерять». С чем можно сравнить такое смиренномудрие Павла, когда он и столь далеко отстоящих от него в добродетели поставляет на одной с собой степени терпения? Именно он говорит: «которое совершается перенесением тех же страданий» («действующемся в терпении тех же страданий»), то есть, не тем только устраивается спасение ваше, что веруете, но и тем, что вы так же страдаете и терпите, как и мы. Как ратоборец, хотя возбуждает удивление и тогда, когда только показывается зрителям, и дает видеть свою телесную крепость и искусство, которым он владеет; но несравненно более покрывается славой тогда, когда борется со врагом, выдерживает удары его и ему самому наносит удары, – потому что тогда особенно обнаруживается его сила и высказывается на деле высота его искусства, – так и спасение ваше тогда особенно действует, т. е. делается явным, возрастает и возвышается, когда бывает соединено с терпением, страданиями и мужественным перенесением всех зол.

Таким образом, действительная сила спасения состоит не в том, чтобы не делать зла, но в том, чтобы (самим мужественно) терпеть зло. И не сказал: «которое совершаем» (действующем), но: «которое совершается» («действующемся»), показывая тем, что наряду с их собственным рвением много совершила и благодать, действующая в них. «И надежда наша о вас тверда» («И упование наше известно о вас») (2Кор.1:7). То есть, хотя вы терпите и бесчисленные бедствия, однако мы уверены, что вы не отпадете даже и тогда, когда вас будут гнать. Мы не только не имеем подозрения, чтобы вы смутились нашими страданиями, но и уповаем, что вы пребудете тверды и тогда, когда сами подвергнетесь опасностям. Видишь, какой плод принесло в них первое послание (Павла)! Здесь же он гораздо более восхвалил их, нежели сколько в первом послании хвалил

и перевозносил македонян. За тех он опасался, и потому говорил: "и послали к вам Тимофея,... чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей, чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено» ("послахом к вам Тимофея,... утвердити вас и утешити в вере, яко ни единому смущатися в скорбех сих: сами бо весте яко на сие истое учинени есмы»). И опять: «посему и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей, чтобы как не искусил вас искунитель и не сделался тщетным труд наш» («сего ради и аз ктому не терпя, послах разумети веру вашу, да не како искусил вы искушаяй, и вотще будет труд наш») (1Сол.3:2–3, 5).

О коринфянах же ничего подобного не говорит, а напротив, пишет: «И надежда наша о вас тверда. Утешаемся ли, *утешаемся* для вашего утешения и спасения, зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении» («упование наше известно о вас. Аще ли утешаемся, о вашем утешении и спасении: ведящи, зане якоже общницы есте страстем, такожде и утешению»). Что ради них апостолы терпели скорби, это уже показал он выше, когда сказал: «скорбим ли мы, *скорбим* для вашего утешения и спасения» («аще ли же скорбим, о вашем утешении и спасении»), а теперь хочет показать, что (апостолы) и утешались для них же. И выше он говорил об этом, хотя и не так определенно, когда сказал: «благословен Бог, утешающий нас во всякой скорби нашей» («благословен Бог, утешаяй нас во всякой скорби, яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби»). И здесь говорит опять то же другими словами, но гораздо яснее и назидательнее. «Утешаемся ли, *утешаемся*, – говорит, – для вашего утешения и спасения» («Аще ли утешаемся, о вашем утешении»). Смысл этих слов такой: «Наше утешение обращается вам в успокоение даже и тогда, когда бы нам не случилось утешать вас словами. Если мы получим только малую отраду, то и этого довольно к утешению вашему. И хотя бы нам одним случилось получить утешение, и это уже утешит вас, потому что как страдания наши вы принимаете, точно свои собственные, так и утешение наше вы должны считать своим собственным. Если в скорбях наших вы участвуете, почему же не будете участвовать в радостях?

Если же вы во всем имеете общение с нами – и в скорби и в утешении, то не обвиняйте меня за то, что так долго медлю придти к вам, – ведь и скорбим мы для вас, и утешаемся для вас». Чтобы не показалось кому тяжким сказанное, что для вас мы терпим скорби, он присовокупляет, что «для вас мы и утешаемся; и не одни мы терпим бедствия, потому что и вы, – говорит, – участвуете с нами в тех же страданиях».

2. Таким образом, принимая их в соучастники в бедствиях, и относя к ним причину бедствия своего, (апостол этим самым) смягчает свое слово. «Итак, строит ли нам ковы, – говорит, – будьте тверды духом, потому что мы терпим это для того, чтобы ваша вера делалась сильнее. Дается ли нам утешение, и вы радуйтесь этому, потому что мы ради вас получаем его, чтобы и вам отсюда могло быть некоторое утешение, как участникам в нашей радости». А что он действительно говорит теперь о том роде утешения, которое получил он, не только будучи утешен коринфянами, но еще и узнав, что они чувствуют облегчение в скорбях, – послушай об этом далее, где он ясно открыл это, говоря: «зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении» («ведяще, зане якоже общницы есте страstem, такожде и утешению»). То есть, как тогда, когда преследуют нас, вы скорбите, как бы сами терпели гонение, так мы уверены, что и тогда, когда мы получаем утешение, вы принимаете его так, как бы вы сами им наслаждались.

Что может быть смиренномудреннее таковой души? Тот, кто столько претерпел бедствий, называет соучастниками в них тех, которые не претерпели и малейшей их части; а говоря об утешении, всю причину его приписывает им, а не своим трудам. Потом, так как он говорил о скорбях неопределенно, то далее называет и место, где их претерпел: «Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии» («не бо хотим вас не ведети, братие, о скорби нашей, бывшей нам во Азии») (2Кор.1:8). «Возвещаем вам, – говорит, – об этом, чтобы вы не были в неведении о случившемся с нами. Мы желаем, чтобы вы знали все, что с нами происходит, и весьма об этом заботимся». А это служит величайшим доказательством любви его к ним. То же говорил он и в первом

послании: «ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много» («дверь бо ми отверзеса велика и поспешна, и сопротивнии мнози») в Ефесе (1Кор.16:9).

Итак, желая сделать известными им свои скорби и все, что он потерпел, говорит: «не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии» («не хочу вас не вести о скорби, бывшей нам во Азии»). Подобное писал он и в послании к ефесянам; посылая к ним Тихика, представил ту же самую причину его посольства: «А дабы и вы знали, – говорит, – о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе слуга, которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши» («да увесте же и вы яже о мне, что делаю, вся скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верен слуга о Господе: его же послах к вам на сие истое, да увесте яже о нас, и да утешит сердца ваша») (Ефес.6:21–22). То же самое делает он и в других посланиях. И это было не излишне, а напротив, весьма нужно, как по побуждению великой любви его к ученикам, так по причине непрестанных искушений, при которых величайшим утешением было знать взаимное состояние друг друга, чтобы, если оно будет скорбное, приготовиться к подвигу и вооружиться мужеством против опасностей, если же радостное, то вместе разделять радость.

Здесь, впрочем, он говорит вместе и о нападении искушений, и об освобождении от них: «потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы» («яко попремногу отяготихомся паче силы») – подобно кораблю, обремененному сверх меры каким-нибудь грузом и готовому потонуть. По-видимому, (апостол) выражает одно и то же словами – «чрезмерно» («попремногу») и «сверх силы» («паче силы»); на самом деле, однако, это не одно и то же. Именно чтобы кто не сказал: «Как ни чрезмерна была опасность, но она не велика была для тебя», (в предупреждение этого апостол) присовокупил, что она и велика была, и превышала силы наши, и притом настолько превышала, «яко не надеяться нам и жити», то есть, мы не чаяли уже и в живых остаться. Что Давид называет «вратами ада», «болезнями смертными» и «сению смерти» (Пс.87), то же

самое выражает и апостол, говоря, что мы подверглись такой опасности, которая несомненно угрожала смертью. «Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых» («Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющиеся будем на ся, но на Бога, возставляющего мертвых») (2Кор.1:9). Что же такое значит – «приговор к смерти» («осуждение смерти»)? Значит – приговор, определение, ожидание смерти. Так говорили дела, такой приговор произносили случившиеся обстоятельства, т. е. что мы непременно должны умереть. Впрочем, этого не случилось на самом деле, но ограничилось только нашим ожиданием. Хотя положение вещей предвещало такой конец, но сила Божия не допустила этому приговору придти в исполнение, допустив совершиться ему только в нашей мысли и ожидании. Потому и говорит: «сами в себе», а не на самом деле, «имели приговор к смерти» («осуждение смерти имехом»). Для чего же попустил Бог подвергнуться такой опасности, что мы даже потеряли надежду и отчаялись в жизни? «Чтобы надеяться, – говорит, – не на самих себя, но на Бога» («Да не надеющиеся будем на ся, но на Бога»).

3. Впрочем, Павел сказал это не потому, чтобы сам был так настроен. Нет; но он, под видом повествования о себе самом, хотел только вразумить других, а притом сказал так по свойственному ему смирению. Подобно говорит он и ниже: «дано мне жало в плоть... (разумея искушения) удручать меня, чтобы я не превозносился» («дадеса ми пакостник плоти... (разумея искушения), да не превозношуся») (2Кор.12:7), показывая впрочем, что Бог и не для того попустил эти искушения, но по другой причине. По какой же именно? Чтобы тем более просияла в нем сила Божия. «Довольно для тебя, – говорит, – благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» («Довлеет бо ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается») (2Кор.12:9). Но, как я уже сказал, он никогда не оставляет своего обыковения – ставить себя наряду с худшими людьми, которых нужно много учить и исправлять. В самом деле, если и для вразумления обыкновенных людей довольно бывает одного или двух искушений, то как же тот,

который подвигами целой жизни стяжал особенное пред всеми людьми смиренномудрие, и столько претерпел, сколько никто другой, по истечении стольких лет и по достижении любомудрия, достойного небес, мог иметь нужду в столь тяжком вразумлении? Отсюда ясно, что и здесь он только по смирению и для приведения к тому же смирению тех, кто много мечтает о себе и гордится собою, говорит: «чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога» («да не надеющиеся будем на ся, но на Бога»). И смотри, как он и этим врачует их: «Бог, – говорит, – попустил найти на нас искушениям для вас. Вот сколько вы драгоценны у Бога!».

«Скорбим ли мы, – говорит, – *скорбим* для вашего утешения и спасения» («Аще бо скорбим, о вашем утешении и спасении»); а избыток искушений попущен собственно для нас, чтобы не думали много о себе. «Потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы... для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых» («Яко попремногу и паче силы отяготихомся, да не надеющиеся будем на ся, но на Бога, возставляющего мертвых»). Здесь опять напоминает им о воскресении, о котором так много говорил в первом послании, и настоящими обстоятельствами утверждает его истину. Потому и присовокупил: «который и избавил нас от столь *близкой* смерти» («иже от толиких смертей избавил ны есть») (2Кор.1:10). Не сказал: «от стольких опасностей» (от толиких опасностей) – как для того, чтобы показать этим непреодолимую силу искушений, так и для того, чтобы еще более уверить в истине своего учения, которое предлагал прежде. Так как воскресение мертвых есть еще дело будущее, то он показывает здесь, что оно и каждодневно бывает.

Когда Бог человека, отчаявшегося и дошедшего до врат адовых, исторгает оттуда, то что другое делает Он, как не воскрешает мертвого, изымая их самых уст смерти впадшего в них? Потому-то при неожиданном освобождении какого-нибудь человека из отчаянного состояния, как-то: от жестокой болезни, или от невыносимых бедствий, у многих вошло в обыкновение говорить: «На этом человеке мы видели воскресение из мертвых». «Надеемся, что и еще избавит, при содействии и

вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас» («Уповахом же, яко и еще избавит, споспешествующим и вам по нас молитвою, да от многих лиц еже в нас дарование многими благодарится о нас») (2Кор.1:10–11). Так как слова: «чтобы надеяться не на самих себя» («да не надеющиеся будем на ся») могли показаться общим обвинением и обличением, а потому падали и на некоторых из коринфян, то он опять смягчает сказанное, приписывая молитвам их великое предстательство, и вместе показывает, что нам непрестанно должно подвизаться в продолжение всей жизни.

Именно в словах «надеемся, что и еще избавит» («уповахом же, яко и еще избавит») содержится предсказание, что еще много будет искушений, и в них опять не будем оставлены, а получим помощь и содействие свыше. Затем, чтобы они, услышав, что им непрестанно должно бороться с бедствиями, не пали духом, он показал наперед пользу бедствий, состоящую в том, что они удерживают нас в непрестанном смиренномудрии – «чтобы надеяться не на самих себя» («да не надеющиеся будем на ся»), что ими соделовается спасение наше и еще другие многие блага, как-то: общение с Христом – «умножаются в нас, – говорит, – страдания Христовы» («избыточествуют страдания Христова в нас») (2Кор.1:5), страдания в пользу верующих – «Скорбим ли мы, – говорит, – скорбим для вашего утешения и спасения» («аще бо скорбим, о вашем утешении и спасении»), большая очевидность (спасения верующих) – «которое совершается, – говорит, – перенесением тех же страданий» («действующемся в терпении тех же скорбей»), укреплении (в терпении) и, сверх того, ясное и как бы пред глазами поставленное доказательство воскресения – «который и избавил нас от столь *близкой* смерти» («от толиких смертей избавил ны есть»), утверждение нас в подвигах и непрестанном взирании на Бога – «надеемся, – говорит, – что и еще избавит» («уповахом бо, яко и еще избавит»), наконец приучение к прилежной молитве – «при содействии и вашей молитвы за нас» («споспешествующим и вам по нас молитвою»).

Показав, таким образом, пользу скорбей, и вдохнув в них мужество, (апостол) вновь воспламеняет их сердца и внушает им большую готовность и ревность к добродетели тем, что приписывает великую силу их молитвам, так как ими они и Павлу споспешествовали: «при содействии, – говорит, – и вашей молитвы за нас» («споспешествующим и вам по нас молитвою»). Что же значат слова его: «дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас» («да от многих лиц еже в нас дарование многими благодарится о вас»)? «Избавил нас, – говорит, – от столь *близкой* смерти... при содействии и вашей молитвы за нас» («Избавил ны есть... от смертей оных, споспешествующим и вам молитвою»), т. е. по ходатайству всех вас в молитвах за нас, потому что «дарование, еже в нас», т. е. спасение наше, Бог восхотел даровать всем вам, чтобы многие возблагодарили его, так как и благодать получили многие.

4. Это сказал он как для того, чтобы побудить их к молитве за других, так и для того, чтобы приучить их всегда благодарить Бога и за избавление других от бедствий, показывая вместе, что и Бог особенно желает этого, потому что молящиеся и благодарящие за других тем более сделают то и другое в отношении к себе самим. Кроме того, (апостол) научает их и смиренномудрию и возбуждает к более горячей любви. В самом деле, если он сам, будучи несравненно выше их, приписывает свое спасение их молитвам, и дар, полученный им от Бога, их ходатайству, то подумай, как они должны были смиряться и унижаться. Заметь здесь еще и то, что когда Бог и по милости дарует что-нибудь, и здесь молитва много содействует. Так, хотя в начале послания (Павел) приписал спасение свое щедротам Божиим: "Бог... щедрот, – говорит, – избавил нас» («Бог... щедрот... избавил ны есть»), но здесь приписывает он и молитвам. Так и раба, который должен был десять тысяч талантов, тогда только помиловал господин его, когда тот упал к ногам его, хотя и сказано, что «умилосердившись,... долг простил ему» («милосердовав... прости его») (Мф.18:24,27). Равно и хананейской жене (Господь) не прежде даровал здоровье дочери ее, как после долгого и неотступного ее

моления и терпения, хотя и по милости только исцелил ее (Мф.15:22–28). Отсюда мы научаемся, что и тогда, когда хотим милости от Бога, должны прежде показать себя достойными этой милости, потому что хотя Он и милостив, однако ищет достойных, и не без разбора разделяет Свои милости всем, даже и ожесточенным. «кого помиловать, – говорит, – помилую, кого пожалеть – пожалею» («Помилую, его же еще помилую, и ущедрю, его же еще ущедрю») (Исх.33:19; Рим.9:15).

Смотри, что и здесь говорит (апостол): «при содействии и вашей молитвы за нас» («споспешествующим и вам молитвою»). Не все и им приписывает, чтобы не довести их до надменности, но и не совсем лишает их заслуги, чтобы возбудить их усердие, сделать их ревностнейшими и привести их в союз любви между собою. Потому и сказал: «вам даровал Бог спасение мое», что часто единодушная и согласная молитва многих преклоняет Бога. Потому и пророку Ионе сказал Он: «Мне ли не пожалеть Ниневи, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек?» («Аз же не пощажу ли града сего, в нем же живут множайшии, неже двенадцать тем человек») (Ион.4:11). А чтобы ты не подумал, что только на множество взирает (Бог), говорит: «Ибо, хотя бы народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится» («еще будет число Израиля, яко песок морской, останок спасется») (Ис.10:22). Почему же спас ниневитян? Потому что здесь не множество только было, но множество обратившихся к добродетели: «каждый обратился от злого пути своего» («возвратися во кийждо от пути своего лукаваго») (Ион.3:8), и Спасаящий их сказал, что они «не умели отличить правой руки от левой» («не познаша десницы, ниже шуйцы») (Ион.4:11). Отсюда ясно, что и грешили они прежде более по неведению, нежели по развращению; это оправдывается и тем, что они немногих слов послушались и покаялись. Если же довольно было двенадцати тем для их спасения, то что и прежде препятствовало спасти их? И почему не сказал Бог пророку: «Я ли не пощажу град сей, столь искренно покаявшийся», а выставляет на вид эти десятки тысяч? Ужели напрасно сказано так? Нет! Покаяние их известно было пророку,

а число и простота их не были известны. Итак, отовсюду (апостол) старается научить коринфян смиреномудрию, потому что и множество имеет силу только тогда, когда оно соединено с добродетелью.

То же самое и в другом месте подтверждает Писание, говоря: «церковь прилежно молилась о нем Богу» («молитва же бе прилежна, бываемая от Церкви к Богу о нем») (Деян.12:5). Молитва эта была так сильна, что, несмотря на то, что и двери темницы были заперты, и узы связывали апостола, и с обеих сторон около него спали стражи, извела его из темницы и освободила от всех этих опасностей. Но насколько сильно множество в соединении с добродетелью, настолько же ничтожно, когда оно исполнено нечестия. Так и те израильтяне, о которых говорит пророк (Ис.10:22), что «народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского» («число их было яко песок морской»), все погибли. Равно и во дни Ноевы много, даже бесчисленное множество было людей; однако это не принесло им никакой пользы, потому что одно множество само по себе не имеет никакой силы, но сильно только в соединении с добродетелью.

Итак, будем тщательно сходить на молитву и станем молиться друг за друга, как коринфяне за апостолов. Делая это, мы и заповедь исполним, и в любви преуспеем (когда же я называю любовь, то разумею здесь все добродетели), и научимся усерднее благодарить Бога. Ведь кто за благодеяния, оказанные другим, благодарит Бога, тот тем более будет благодарить Его за свои. Так поступал и Давид, который говорит: «Величайте Господа со мною, и превознесем имя Его вместе» («возвеличите Господа со мною, и вознесем имя Его вкупе») (Пс. 33:4). Того же требует везде и апостол. То же и мы должны делать – проповедовать пред всеми благодеяния Божии, чтобы всех возбудить к прославлению Бога. Если, возвещая всем благодеяния, получаемые от людей, мы сильнее располагаем их к себе, то тем более, возвещая всем благодеяния Божии, мы привлечем на себя большее Его благоволение. И если, будучи облагодетельствованы людьми, побуждаем и других благодарить своих благодетелей, то тем

более благодарящих за нас должны приводить к Богу. И если Павел так делает, сам имея великое дерзновение к Богу, то тем более мы должны так делать.

5. Итак будем молить святых, чтобы они благодарили за нас Бога, и сами будем делать то же друг за друга. Правда, это преимущественно долг священников, как дело особенной важности. Приступая к Богу, мы прежде приносим благодарение за вселенную и за общие блага. Если же всех вообще касаются благодеяния Божии, то в числе всех и ты получил спасение. Поэтому, один ли ты получил благодеяние, ты должен благодарить за всех, все ли вместе получили его, справедливо можешь благодарить за себя. Так, хотя Господь и не для тебя одного, а для всех возжег солнце, однако и ты пользуешься им столько же, сколько и все видят, так что и ты обязан такою же благодарностью Богу, какую должны воздавать Ему все вместе. Потому справедливо и ты должен благодарить и за общие благодеяния, равно как и за добродетели других людей, так как и за добродетели других мы получаем многие блага. Так, если бы хотя десять праведников нашлось в городах Содомских, они не потерпели бы того, что потерпели. Потому и за дерзновение, какое другие имеют у Бога, будем благодарить Бога. Это – древний закон, свыше насажденный в церкви. Так и Павел благодарит Бога за римлян, за коринфян и за всю вселенную. Не говори же мне теперь: «Это не мое дело». Хотя бы и не твое было, и тогда ты должен благодарить, потому что это сочлен твой. Притом же ты делаешь его своим посредством (общего) славословия, и, таким образом, становишься участником в наградах, и сам получишь благодать.

Вот почему законы церковные повелевают творить молитвы не только за верных, но и за оглашенных. Так, церковный закон побуждает верующих молиться и за не посвященных еще в таинства веры. Когда диакон говорит: «о оглашенных усердно помолимся», он делает не что иное, как возбуждает весь народ верных к молитвам о них, хотя оглашенные еще и чужды верующим, так как не принадлежат еще к телу Христову, еще не имеют общения в таинствах, еще отделены от стада духовного. Если же о них должно молиться, то тем более мы должны

молиться о наших членах. Для того и говорит: «усердно помолимся», чтобы ты не отринул их как чуждых, не забыл как чужестранцев. Они еще не получили заповеданной и данной Христом молитвы, еще не стяжали дерзновения, но имеют нужду в помощи посвященных в таинства. Они еще стоят вне царских чертогов, далеко от священной ограды. Поэтому они и высылаются, когда приносятся те страшные молитвы. Потому диакон и приглашает тебя молиться за них, чтобы они сделались твоими членами, и не были уже чужестранными и отчужденными: слово «помолимся» обращается не к священникам только, но относится вместе и к народу; когда говорит диакон: «станем добре, помолимся», то приглашает этими словами всех к молитве. Потом, начиная прошение, говорит: «да всемилостивый и щедрый Бог услышит моления их». Чтобы ты не сказал: «К чему нам молиться? Они чужды нам, еще не соединены с нами – как я могу умолить Бога? Как могу преклонить Его, чтобы явил им милость Свою и простил их?», чтобы ты не смущался такими вопросами, смотри как он разрешает твое недоумение, говоря: «да всемилостивый и щедрый Бог». Слышишь ли: «всемилостивый Бог»! Не сомневайся же более, потому что всемилостивый всех милует – и грешников и друзей.

Итак, не говори: «Как за них приступлю к Богу? Сам услышит моления их». В молитве же об оглашенных о чем лучше молиться, как не о том, чтобы им не оставаться навсегда оглашенными? Далее показывает и самый образ молитвы. Какой же? «Да отверзет уши сердец их», которые заключены еще и ожесточены. Впрочем, не о чувственных ушах здесь говорится, но об умственных. «Да услышат, чего не видел... глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку» («Да услышат, яже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша») (1Кор.2:9). Они еще не слышали неизреченных тайн, потому что стоят вдали и отдельно от верных, а если и слышат что, то не понимают слышанного, поскольку здесь не довольно одного слышания, но требуется еще и большое разумение; а они не имеют еще внутреннего слуха. Вот почему для них и испрашивается пророческий дар. И пророк так же

говорит о себе: «Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего; каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал» («Бог дает мне язык научения, еже разумети, егда подобает рещи слово, зане сам отверзает уста мои, даде ми рано, приложи ми ухо, еже слышати»). (Ис.50:4). Подобно тому, как пророки иначе слышали, нежели другие люди, так и верные иначе слышат, нежели оглашенные. Отсюда и оглашенный научается не от людей ожидать научения и отверзтия слуха («не называйтесь, – говорит, – учителями" («не нарицайте учителя на земли»)) (Мф.23:8), но свыше – с небес: «И все... будут научены Господом» ("будут вси научены Богом») (Ис.54:13). Потому (диако́н) и говорит далее: «огласит их словом истины», т.е., чтобы излил истину в сердца их, потому что они еще не знают слов истины так, как должно знать. «Да всеет страх свой в них». Однако, этого еще недостаточно, потому что одно семя пало при пути, а другое на камне.

6. А мы не того просим. Мы просим, чтобы как плуг разверзает борозды на тучной земле, так было бы и здесь, т. е., чтобы обновленные приняли в глубину сердца всеянное слово и верно сохраняли все слышанное. Поэтому диако́н и присовокупляет: «и утвердит веру свою в сердцах их», т. е., чтобы она оставалась не на поверхности, а пустила свой корень в глубину. «Да откроет им евангелие правды». Здесь он указывает на двоякое покрывало: одно, которое покрывает умственные их очи; другое, которым закрыто от них Евангелие.

Вот почему прежде просил он: «да отверзет уши сердец их», теперь же просит: «да откроет им евангелие правды», т. е., да соделает их мудрыми и способными к принятию его, да научит их и посеет семена Евангелия. Иначе, хотя они и будут способны, но если Бог не откроет им, не получают от того никакой пользы. И обратно: хотя бы и открыл Бог, но если они не примут открытого, опять угрожает та же опасность. Вот почему мы и просим того и другого – чтобы и сердца отверз, и Евангелие открыл. Так, и царское украшение ничего не представляет для глаз, хотя бы на него и смотрели, если оно закрыто, равно как и наоборот, нет никакой пользы и от того, что оно открыто, если не

будут смотреть на него глаза. Но то и другое может быть достигнуто, когда (люди) сами наперед пожелают того. Какое же это «Евангелие правды»? То, которое делает людей праведными. Чрез то он возбуждает в них желание крещения, показывая, что это Евангелие не только разрешает от грехов, но и делает праведными. «Да даст им ум божественный, целомудренный помысл и добродетельное жительство». Пусть выслушают это те из верных, которые прикованы к житейским заботам. Если для непосвященных еще нам повелевается просить этого, то подумай, каковы должны быть мы, которые просим этого для других? Жизнь наша должна быть сообразна с Евангелием.

Вот почему и порядок молитвы от догматов идет к жизни. А именно, сказав: «да откроет им Евангелие правды», прибавляет: «да даст им божественный ум». Что значит «божественный»? Значит, чтобы Бог обитал в нем, как и говорится: «и поставлю жилище Мое среди вас... и буду ходить среди вас» («вселюся в них, и похожду») (Лев.26:11–12). Когда ум бывает чист, когда совлекается грехов, тогда он делается домом Божиим. Когда же Бог вселяется в него, то уже ничего не остается в нем человеческого. И таким образом он делается божественным, все вещающим от Бога, как дом живущего в нем Бога. Отсюда очевидно, что срамословящий не имеет божественного ума; равно как и любящий веселье и смех. «Целомудренный помысл». Что же значит – иметь «целомудренный помысл»? Значит – стяжать здравие душевное. Тот, кто одержим наклонностью ко злу и прилепился к настоящим благам, не может быть назван целомудренным, т. е. здоровым. И как больной желает и вредного себе, так и этот. «И добродетельное жительство» – потому что догматы веры требуют от нас добродетельной жизни. Выслушайте это те, которые приходите к крещению при конце жизни. Мы молимся, чтобы вы после крещения имели и доброе жительство; а ты всячески стараешься, чтобы умереть, не имея добродетельной жизни. Положим, что ты и получишь оправдание, но одною верою; а мы просим, чтобы ты и делами заслужил дерзновение пред Богом.

«Всегда Божие мыслить, Божие мудрствовать и об угождении Ему пеccия». Целомудренного помысла и добродетельной жизни мы просим тебе не на один день, не на два и не на три, но на целую жизнь, и, как основания всех благ, просим у Бога, чтобы ты угодное Ему мудрствовал. «Многие ведь ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу» (Флп.2:21). Как же это может быть? Ведь к молитве должно присоединяться и собственное старание, если мы будем пребывать в законе Его день и ночь. Потому и в прощении далее говорит: «в законе Его пребывать». И как выше он сказал – «всегда», так и здесь говорит: «день и ночь». Вот почему я и стыжусь за тех, которые едва и один раз в год показываются в церкви. В самом деле, какое могут иметь оправдание те, которым заповедано день и ночь не просто заниматься законом, но пребывать, т. е. возрастать и жить в нем, и которые, между тем, даже малейшей части жизни не посвящают на то, чтобы помнить заповеди Его и хранить оправдания Его?

7. Видишь ли, какая здесь превосходная цепь, и как каждое звено ее тесно связано и согласовано с другим крепче и красивее всякой золотой цепи? В самом деле, после прощения о даровании божественного ума, сказывает, как и стяжать его. Как же? Заботясь всегда об угождении Ему. А это как? Путем непрестанного внимания к закону Божию. Как же могут увериться в этом люди? Если будут хранить заповеди Его. Вернее же сказать, от внимания к закону Божию является и соблюдение заповедей, подобно тому как от мудрствования по Боге и стяжания божественного ума рождается забота и попечение об угодном Ему. Каждая из сказанных добродетелей такую имеет силу, что и создает другую и сама создается от нее, поддерживает другую и сама поддерживается от нее. «Еще прилежнее помолимся о них». Так как продолжительное слово обыкновенно утомляет душу, то он опять возбуждает ее. Он намеревается просить чего-то великого и высокого, почему и говорит: «еще прилежнее помолимся о них». Чего же именно? Да «избавит их от всякого злого и несовместного дела». Здесь мы просим, чтобы Господь не допустил их впасть в искушение и избавил от всякого навета – телесного и духовного. Потому и

присовокупляет еще: «от всякого» греха диавольского, и от всякого нападения противника, указывая этим на искушения и грехи.

Грех весьма близок к нам, отовсюду окружает нас – и спереди и сзади, и потому легко низлагает нас. Так как выше он говорил о том, что нам должно делать с своей стороны, т. е. пребывать в законе Божиим, помнить заповеди Его, хранить оправдания Его, то теперь наконец убеждает, что всего этого недостаточно, если сам Бог не будет присутствовать с нами и помогать нам. «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» («Аще бо не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии») (Пс.126:1); и особенно это невозможно для тех, которые еще подчинены диаволу и находятся под его властью. Вы, посвященные в таинства, знаете уже это. Итак, припомните те слова, которыми вы отрекались владычества диавола, когда с преклонением колен добровольно прибегли к Царю своему, произнося те страшные слова, научающие нас ни в чем и никогда не слушаться диавола. Называет же его противником и диаволом, т. е. клеветником, потому, что он клеветает и на Бога людям, и на нас Богу, и нам самим друг на друга. Так он клеветал некогда Богу на Иова, говоря: «разве даром богобоязнен Иов?» («еда ту не чтит Иов Господа») (Иов.1:9–10). И опять Иову на Бога: «огонь Божий упал с неба» («огнь спаде с небесе») (Иов.1:16). Подобным образом он клеветал Адаму на Бога, когда говорил, что «отверзутся очи их». (Быт.3:5). И ныне многим из людей клеветает, говоря: «Не промышляет Бог о мире, но вверил вашу судьбу демонам». Также многим из иудеев клеветал он на Христа, называя его льстецом и волхвом.

Может быть кто пожелает знать, как он действует на человека? Когда не находит в человеке ума божественного и души целомудренной; когда человек забывает заповеди Божии и не хранит оправданий Божиих, тогда диавол уводит его в плен. Так, если бы Адам помнил заповедь, гласящую: «от всякого дерева в саду ты будешь есть» («от всякаго древа... снеси») (Быт.2:16), если бы сохранил повеление, которое говорит: «в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» («в онъ

же еще день снесете..., смертью умрете») (Быт.2:17), то не потерпел бы того, что потерпел. «Да сподобит их во время благопотребно бани пакибытия, оставления грехов». Мы просим и настоящего и будущего; и рассуждаем о купели (крещения), и показываем им в прощении силу ее. В самом деле, прощение дает им ясно разуметь, что дело в возрождении, и что мы, как рождаемся из утробы матери, так возрождаемся от воды, – чтобы кто из них не сказал с Никодимом: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» ("како можем кто родиться стар сый? Еда может внити во утробу матери своя, и паки родиться?») (Ин.3:4). Так как он сказал об оставлении грехов, то далее удостоверяет в истине этого, говоря: «и одежды нетления», потому что кто усыновляется Богу, тот, очевидно, уже делается и нетленным. Что же значит: «во время благопотребно»? Когда, т. е., готовящийся к крещению хорошо расположил себя, когда с усердием и верою приступает к принятию его, потому что для верующего такое время и есть благопотребное. «Да благословит входы их и исходы, все житие их». Здесь дозволяется им просить и телесных благ, как слабым еще в вере. «Домы их и живущих в них», т. е. слуг их, сродников и других близких к ним, кого имеют. Все это было в числе наград в ветхом завете, и ничто не казалось столь страшным, как вдовства, бесчадие, преждевременная смерть, голод, неуспех в делах. По этой-то причине церковь на время дозволяет и оглашенным просить телесных благ, понемногу возводя их к совершенству. Так делает и Христос, делает и Павел, приводя на память своим ученикам данные древним благословения. Так Христос говорит: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» («блажени кротцыи, яко тии наследят землю») (Мф.5:5). А Павел: «Почитай отца твоего и мать... и будешь долголетен на земле» («чти отца твоего и мать твою: и будеши долголетен на земли») (Еф.6:2–3).

8. «Да умножив чада их, благословит, и в меру возраста привед, умудрит». Здесь опять (просит) и телесного и духовного, как еще несовершенным. Далее же только духовного: «да направит все предлагаемое на пользу им», не

просто предлагаемое, но на пользу. Так, часто предлагается, напр., путешествие, но не приносит пользы; или что-нибудь другое подобное, но так же без пользы. Отсюда они научаются за все благодарить Бога, потому что все направляется к их пользе. После всего этого наконец (диакон) повелевает им восстать. Доселе он держал их как бы поверженными на земле; по испрошении же им вышесказанных благ, когда они и сами получили дерзновение и веру, он восставляет их от земли и повелевает и самим уже приносить молитвы к Богу. Сперва мы просим за них, потом и им повелеваем просить за себя, отверзая им двери молитвы, подобно тому, как детей сперва мы учим говорить, а потом им самим велим за нами говорить. Так мы говорим: «ангела мирна просите оглашении». Есть ангел мучитель, как говорит Писание: «посольство злых ангелов» («послание ангелы лютыми») (Пс.77:49). Есть также ангел губитель (2Цар.24:16). Поэтому и повелеваем им просить ангела мирного, и вместе научаем их прежде всего искать мира, как союза всех благ, чтобы они были свободны от всякой вражды, всякой брани и всяких распрей. «Мирна вся прилежаша вам», – потому что и тяжкое при посредстве мира делается легким. Вот почему и Христос сказал: «Мир Мой даю вам» (Ин.14:27).

Подлинно, ничто не доставляет диаволу столь сильного оружия, как раздоры, вражды и брани. «Настоящего дне мирна и вся дни жизни ваша просите». Видишь, как опять всю жизнь повелевает проводить добродетельно. «Христианской вашей кончины; а наипаче всего доброго и полезного», – так как что не хорошо, то и не полезно. У нас другое понятие о полезном, нежели какое имеет большая часть людей. «Сами себе живому Богу и Христу Его предадите». Мы еще не требуем от них, чтобы они молились за других, но считаем достаточным, если они и о себе могут молиться. Видишь ли полноту и совершенство молитвы, объемлющей и догматы веры и правила для жизни? В самом деле, когда говорим о Евангелии, об одежде нетления, о бане пакибытия, то называем все догматы; когда же говорим о божественном разуме, целомудренном помысле и о прочем вышеуказанном, то указываем этим на жизнь. Вслед затем мы

повелеваем им преклонить главы в знак того, что молитвы их услышаны, и Бог благословляет их.

Подлинно, не человек благословляет, но рукою и устами человека мы подклоняем главы предстоящих Царю небесному, и тогда все взывают: «Аминь». Для чего же все это говорил я? Для того, чтобы научить, что мы должны искать пользы других; чтобы не думали верные, что их нисколько не касаются молитвы об оглашенных. Не стенам же ведь говорит диакон: «о оглашенных помолимся». Несмотря на то, некоторые до того бессмысленны, безумны и рассеянны, что не только во время молитвы оглашенных, но и во время молитвы верных стоят и разговаривают. Вот отчего у нас все не в порядке, вот отчего все идет к гибели – оттого, что мы и тогда, когда более всего должно умиловать Бога, прогневаем Его, и так уходим из церкви. Нам повелевается здесь, в присутствии верных, молить человеколюбца Бога о епископах, о пресвитерах, о царях, о властях, о земле и море, о воздухах, о всей вселенной. Итак, если мы, которые должны иметь дерзновение молиться о других, не молимся и о себе с должным вниманием, то какое будем иметь оправдание, какое извинение? Потому, размысливши обо всем этом, прошу помнить время молитвы, быть возвышеннее духом, отрешаться от земли и воспарять в самые выси небесные, да возможем умиловать Бога и получить обетованные блага, которых и да сподобимся все мы достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 3

2Кор.1:12. Ибо похвала наша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире.

Утешение, доставляемое чистою совестью. – Непреложность Божиих обетований. – Вера и добродетель Авраама. – Его твердость.

1. Здесь (апостол) открывает нам еще другое, не только немаловажное, напротив очень важное средство к утешению, могущее ободрить душу, потопляемую бедствиями. Так как он сказал: «Бог... избавил нас» («избавил ны есть»), и все дело приписал щедротам Божиим и молитвам коринфян, то, чтобы не сделать чрез это своих слушателей беспечными, если они будут возлагать упование свое только на милосердие Божие и молитвы других, он далее показывает, что и сами (апостолы) немало сделали со своей стороны. На такое участие свое (апостол) и выше указал, когда говорил: «Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» («якоже избыточествуют страдания Христова..., избыточествует и утешение наше») (2Кор.1:5). Но здесь он высказывает еще другую свою добродетель. Какую же? Ту, что: «Мы, – говорит, – где ни жили, везде поступали по чистой и искренней совести. А это немало служит к успокоению и утешению нашему, и не только к утешению, но и к другому, что гораздо более утешения, – к похвале». Так говорил (апостол верующим) как для того, чтобы и их научить не упадать духом в скорбях, но радоваться, если только будут иметь чистую совесть, так, отчасти, и для того, чтобы обличить пред ними лжеапостолов. И как в первом послании говорил он: «Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова» («посла мене Христос... благовестити не в премудрости слова, да не испразднится крест Христов») (1Кор.1:17), и: «чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» («да вера ваша не в мудрости человеческой, но в силе

Божией будет») (1Кор.2:5), так и здесь говорит: «не в мудрости, но благодатию Божиею». Кроме того, словом «не в мудрости» он намекает и на нечто другое, т. е. не обманом и обольщением; и таким образом посрамляет мирское научение. «Похвала наша, – говорит, – есть свидетельство совести нашей», т. е., когда совесть наша не имеет причины осуждать нас как преступников, преследуемых за худые дела. «Хотя бы, – говорит, – мы терпели бесчисленные бедствия, хотя бы нам отовсюду угрожали нападения и опасности, для нашего утешения, и не только для утешения, но и для получения венца, достаточно одного свидетельства чистой совести – что мы терпим эти бедствия не за какое-нибудь преступление, но за угодное Богу, за добродетель, за истинное любомудрие и за спасение многих». Итак, первое утешение (о котором выше говорил апостол) проистекало от Бога; а это (о котором теперь говорит) от них самих, и было плодом чистой их жизни. Потому-то и похвалою он называет это утешение, что оно было плодом их добродетели. В чем же эта похвала и что свидетельствует нам совесть наша? «В простоте и богоугодной искренности» («Яко в простоте и чистоте»), – т. е., ничего не делали коварно, или лицемерно, или притворно, или из лести, или злонамеренно, или для обмана и обольщения, или по другим подобным побуждениям; но поступали всегда со всякой свободой, простотою, истиною, в чистоте и незлобии сердца, с бесхитростною душою, не имели ничего, что бы нужно было скрывать, ничего зазорного. «Не по плотской мудрости» («не в мудрости плоти»), т. е., без коварства и лукавства, без изысканных слов и хитросплетенных умствований – это именно он и называет плотскою мудростью.

Итак, чем (лжеапостолы) надмевались, то именно он отвергает и презирает, явно показывая этим, что плотское мудрование недостойно похвалы, и что сам он не только не ищет его, но еще стыдится и отвращается. «Но по благодати Божией жили в мире» («но благодатию Божиею жихом в мире»). Что значит: «по благодати Божией»? Значит – премудростью и силою, данными нам от Бога, проявляемыми в чудесах и победе над мудрецами, риторам, философами, царями и

народами, несмотря на то, что мы люди грубые и ничего не заимствовали от мирской мудрости. И немаловажное это было утешение и похвала – в сознании, что они действовали не человеческою силою, но совершали все благодатью Божией. "В мире". Так было не в Коринфе только, но и по всей вселенной. «Особенно же у вас» («Множае же у вас»). Что «особенно же у вас»? – «по благодати Божией жили». «У вас мы совершали, – говорит, – больше чудес и знамений, большую соблюдали осторожность и заботились о безукоризненном образе жизни». (Апостол) и это называет благодатью Божией, ей же приписывая и собственные подвиги. Там (в Коринфе) он совершил сверхдолжный подвиг, когда, щадя слабость коринфян, проповедывал у них Евангелие без всякого со стороны их возмездия. «Мы пишем вам не иное, как то, что вы читаете или понимаете» («Не иная бо пишем вам, но яже чтете и понимаете») (2Кор.1:13). Так как (апостол) высказывал себе великие похвалы, и, по-видимому, свидетельствовал только сам о себе, что могло показаться неудобным, то он приводит в свидетели того, что говорил, опять самих коринфян. «Пусть, – говорит, – никто не думает, что слова мои самохвальство, неоправданное делами: я передаю вам только то, что вы сами знаете, и, что я не лгу, в том мне свидетелями прежде других должны быть вы. Читая послания наши, вы видите, что в них написано то же самое, что вам известно о нас же на самом деле, и что ваше свидетельство не противоречит нашим посланиям, напротив – то, что вы прежде знали о нас, совершенно согласно с тем, что читаете о нас в посланиях». «Так как вы отчасти и уразумели уже» («Якоже и понимаете нас отчасти») (2Кор.1:14), т. е., «Вы не по слуху знаете о наших делах, но из самого опыта». Слово же "отчасти" (апостол) употребил из скромности. Таков уже у него обычай: лишь только скажет о себе что-нибудь великое, по требованию необходимости (иначе он этого не делает), как тотчас старается смягчить возвышенность слов своих. «Надеюсь, до конца уразумеваете» («Уповаю же, яко и до конца уразумеваете») (2Кор.1:13).

2. Видишь ли, как он на бывшем основывает надежду на будущее – и не только на бывшем, но и на силе Божией; не просто выразил уверенность, но все возложил на Бога и надежду на Него. «Мы будем вашею похвалою, равно и вы нашею, в день Господа нашего Иисуса Христа» («Яко похваление вам есмы, якоже и вы нам в день Господа нашего Иисуса Христа») (2Кор.1:14). Здесь (апостол), представляя коринфян участниками и сообщниками в славе его деяний, предупреждает зависть, которая могла родиться в них от прежних его слов. «Похвала моя, – говорит, – принадлежит не мне одному, но от меня переходит и к вам, и взаимно от вас ко мне». Так как он превознес себя, указав на прошедшие свои дела и обещав такие же впредь, то, чтобы слушатели не вздумали упрекать его как человека высокомерного и не увлеклись, как я сказал, чувством зависти, он разделяет с ними славу свою, усвоая и им этот венец похвал. «Если, – говорит, – мы будем действительно таковы, то наша похвала будет и вашей славой, подобно тому, как, наоборот, когда и вы имеете добрую славу, мы радуемся, торжествуем и увенчиваемся». И здесь опять слова (апостола) показывают великое его смиренномудрие – он говорит не как учитель с учениками, а как ученик с равными учениками. Так он умеряет речь свою! И смотри, как он возводит коринфян к высшему и приучает их к любомудрию, когда устремляет мысли к великому дню Господню. «Не сказывайте мне, – говорит, – о настоящем, т. е. о поношениях, оскорблениях, насмешках, которые терпим от многих; земное ничто не важно – ни радости, ни печали, ни порицания, ни похвалы человеческие; но вспоминайте тот страшный и ужасный день, в котором все будет открыто. Тогда и мы прославимся в вас, и вы в нас, если откроется, что у вас были такие учителя, которые ничему человеческому не учили, и, ведя жизнь непорочную, не подавали никакого повода к соблазну; а у нас были такие ученики, которые поступали не так, как обыкновенные люди – не колебались, но с готовностью принимали все и ни в чем не противомудрствовали. И ныне открыто это имеющим ум Христов, а тогда откроется всем.

Итак, если мы и скорбим ныне, то не малое имеем и утешение, как от доброй совести, так и от ожидаемого тогда откровения. Ныне одна совесть наша знает, что мы во всем поступаем по благодати Божией, как и вы это знаете, и еще узнаете; а тогда и все люди узнают и наши и ваши дела, и увидят, как мы прославляемся друг за друга». Таким образом, чтобы (коринфяне) не подумали, что вся слава от похвалы принадлежит только одному ему, он представляет и им случай к похвалению, и тем отвлекает (их внимание) от настоящих скорбей. И как поступил относительно утешения, сказав: «утешаемся для вашего утешения» («утешаемся о вашем утешении»), так и здесь поступает, говоря: «мы хвалимся вами, так же как и вы нами», делая их, таким образом, участниками себе во всем – в утешении, в страданиях и в самом спасении своем, поскольку и это спасение приписывает их молитвам, когда говорит: «при содействии и вашей молитвы за нас,... избавил нас Бог» («споспешествующим и вам молитвою,... избавил ны есть Бог»). Так же точно и похвалу свою делает общую (с коринфянами). Как там говорил: «зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении» («ведяще, зане якоже общницы есте страстем нашим, такожде и утешению») (2Кор.1:7), так и здесь говорит: «мы будем вашею похвалою, равно и вы нашею, в день Господа нашего Иисуса Христа. И в этой уверенности я намеревался придти к вам ранее» («похваление вам есмы, якоже и вы нам... И сим упованием хотех к вам приити прежде») (2Кор.1:14–15). Какая это «уверенность»? «То, – говорит, – что я надеюсь на вас, что вы будете моею похвалою, а я вашею, что я от сердца люблю вас, что я не сознаю в себе ничего худого и уверен, что у вас все духовно, и что свидетелями в этом будете для нас вы». «Намеревался придти к вам... и через вас пройти в Македонию» («Хотех к вам приити... и вами пройти в Македонию»). Но в первом послании (апостол) дал противное этому обещанию: «Я приду к вам, – говорит, – когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию» («прииду к вам, егда Македонию преиду: Македонию бо прохожду») (1Кор.16:5). Итак, почему же он говорит здесь противное? Нет, не противное. Правда, это

противоречит тому, что он писал прежде, но не противоречит его желанию. Поэтому он и не сказал здесь: «я писал вами пройти в Македонию», но: «намеревался». «Если, – говорит, – я и не так написал, но я все же прежде старался и желал придти к вам; до такой степени, – говорит, – не хотелось мне придти к вам позже, нежели как обещал, что даже хотел придти ранее». «Чтобы вы вторично получили благодать» («Да вторую благодать имате»). Что такое «вторую благодать»? Т. е. сугубую – одну от послания, другую от присутствия. «Благодатью» же здесь называет он радость. «И через вас пройти в Македонию, из Македонии же опять придти к вам; а вы проводили бы меня в Иудею. Имея такое намерение, легкомысленно ли я поступил?» («И вами пройти в Македонию, и паки от Македонии прийти к вам, и вами проводится во Иудею. Сие же хотя, еда что убо легкотою деях?») (2Кор.1:16–17).

3. Здесь (апостол) уже прямо снимает с себя упрек в замедлении и неисполнении своего обещания придти (к коринфянам). Смысл слов его такой: «Я хотел придти к вам. Почему же не пришел? Не по легкомыслию ли и непостоянству? (А таково значение слов «легкомысленно ли я поступил?» («еда что убо легкотою деях»). Нет. Почему же? Потому что, «что я предпринимаю, не по плоти предпринимаю» («яже совещаваю, не по плоти совещаваю»). Что же значит: «не по плоти»? Не как плотской человек. «У меня то «да, да», то «нет, нет?»» («Да будет у мене, еже ей ей, и еже ни ни?»). Но и это еще не ясно. Что же такое он говорит? «Человек плотской, – говорит, – т. е. прикованный только к настоящему, в настоящем всегда живущий и не находящийся под влиянием Духа Божия, может пойти всюду и блуждать, где вздумает; напротив, служитель Духа Божия и им водимый и управляемый, не может всегда быть господином своей воли, завися от власти Духа. С ним бывает то же, что с верным рабом, который только исполняет приказания господина своего, и не имеет власти над собою, и не знает отдыха даже на малое время; он иногда обещает что-либо своим товарищам, но после не исполняет своего обещания, когда оно окажется противным воле господина его». Вот что значат слова (апостола): «не по плоти предпринимаю»

("не по плоти совещаваю»), то есть: «Я нахожусь под управлением Духа Божия, и не имею власти идти, куда хочу: я подчинен власти и повелениям Утешителя, и Его голос руководит и управляет мною. Потому я и не мог придти к вам; это не угодно было Духу Божию. Подобное часто бывало и судя по Деяниям Апостольским (Деян.16:6–9): когда апостолы намеревались идти вместе, Дух повелевал им идти в другое место. «Итак, что я не пришел к вам, несмотря на свое обещание, это зависело не от легкомыслия моего или непостоянства, но от Духа, которому я подчинен и должен повиноваться». Видишь ли и здесь обычный образ его умствования? Из того, что, по мнению других, служило доказательством, что он рассуждает по плоти, т. е., что он не исполнил своего обещания, – из этого самого он показывает, что он располагает собою всецело по Духу, совершенно противно предпринимаемому по плоти. «Что же, – скажет кто-либо, – разве (апостол) не по внушению Духа Божия обещался (прийти)?» Нет (не по внушению Духа). Я и прежде говорил, что Павел не все предвидел будущее и имеющее совершиться успешно. Вот почему и в первом послании он говорит: «чтобы вы меня проводили, куда пойду» («да вы мя проводите, аможе аще пойду») (1Кор.16:6), – конечно, из опасения, чтобы, сказавши «в Иудею», после не быть принужденным отправиться в другое место; здесь же, после того как этого не случилось, говорит уже: «а вы проводили бы меня в Иудею» («и вами проводитесь во Иудею»). Так как обещание придти к ним (в Коринф) было делом любви его к ним, то он и сказал об этом ясно. А желание его отправиться от них в Иудею несколько их не касалось; потому он и сказал раньше об этом неопределенно. Но после, когда удостоверился и в этом, говорит здесь уже прямо, что пойдет в Иудею. И это сделано для пользы, чтобы кто-нибудь из них не подумал о нем более надлежащего. В самом деле, если бы (апостолы) не показали в себе никаких знаков немощи человеческой, то до какого бы нечестия могли дойти люди, когда, несмотря и на эти знаки, хотели принести в жертву им волов? И что ты удивляешься тому, что Павел не всегда знал будущее, если иногда не знал и

того, о чем лучше молиться? «Ибо мы не знаем, – говорит, – о чем молиться, как должно» («О чесом бо помолимся, яко же подобает, не вемы») (Рим.8:26). И не только это говорит, чтоб показать свою скромность, но еще указывает и самый случай, когда он не знал, о чем лучше ему надлежало молиться. Когда же он не знал этого? Тогда, как молился об удалении от него искушений. "Дано мне, – говорит, – жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но *Господь* сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»" («Дадесе ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет. О сем трикраты Господа молих. И рече ми: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается») (2Кор.12:7–9). Видишь ли, как не знал (апостол), чего ему лучше надлежало просить? А потому и не получил, хотя и неоднократно молил о том. «Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет»" («Верен же Бог, яко слово наше, еже к вам, не бысть ей и ни») (2Кор.1:18). Здесь (апостол) прекрасно разрешает возникавшее возражение. «Если ты, – могли ему сказать, – обещавшись придти к нам, отложил намерение, и у тебя нет "да да" и "нет нет", напротив, ты впоследствии переменяешь прежде сказанное тобою, как поступил касательно твоего путешествия к нам, – то – горе нам! – не случилось ли того же и в самой проповеди?» Итак, чтобы этого не подумали и не смущались, он говорит: «Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет»". «В проповеди, – говорит, – этого не было, а бывало это только в дороге и путешествиях. В проповеди наши слова всегда верны и неизменны», – "словом" же здесь называет он проповедь. Далее представляет неоспоримое доказательство этого, относя все дело проповеди к Богу. Слова его имеют такой смысл: «обещание придти было мое, т. е., я от себя обещал это; проповедь же не мое дело и не человеческое, но Божие; а что от Бога, то недоступно для лжи и обмана. Поэтому и сказал: "верен Бог", т. е. истинен. Итак, не заподозривайте того, что происходит от Бога, и в чем нет ничего человеческого».

Упомянув же о "слове", (апостол) далее присовокупляет и объяснение, о каком слове он говорит.

4. Итак, какое же это "слово"? «Ибо Сын Божий, – говорит, – Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном и Тимофеем, не был «да» и «нет»" («Ибо Сын Божий, иже у вас нами проповеданный, мною и Силуаном и Тимофеем, не бысть ей и ни») (2Кор.1:19). Здесь он выводит на сцену и других учителей для того, чтобы этим указанием не на слушателей только, но вместе и на учителей, еще более подтвердить достоверность своего свидетельства. Правда, (те, на кого указывает апостол), были ученики же; но он, по своему смирению, причисляет и их к чину учителей. Что же значит: «не был «да» и «нет»"? «Я не извращал, – говорит, – смысла первой моей проповеди; не проповедывал вам ныне так, а завтра иначе, потому что это свойственно только заблудившемуся разуму, а не вере. «Но в Нем было «да»" («Но в Нем самом ей бысть»), т. е., слово проповеди остается непоколебимо и твердо». «Ибо все обетования Божии в Нем «да» и в Нем «аминь», – в славу Божию, через нас» («Елика бо обетования Божия, в том ей, и в том аминь: Богу к славе нами») (2Кор.1:20). Что значит: «все обетования Божии» («елика обетования Божия»)? Много обетований содержит проповедь Евангельская, и о многих обетованиях благовествовали и проповедовали (апостолы). Они говорили и о воскресении, и о восхищении на небо, и о бессмертии, и о великих наградах в будущей жизни и неизреченных там благах. Эти-то обетования (апостол) называет непреложными и говорит, что в них не было – "ей и ни". Смысл его слов такой: «Что я вам говорил об этих обетованиях, то не было иногда истинно, а иногда ложно, как мое обещание придти к вам, но всегда истинно». И, прежде всего, защищает догматы веры и слово о Христе, говоря: «И слово мое, и проповедь моя «не было то «да», то «нет» («не бысть ей и ни»); потом уже самые обетования: «ибо все обетования Божии в Нем «да» («елика бо обетования Божия, в том ей»). Если же верны обетования Божии, и нет сомнения, что Бог исполнит их, то тем более верен Он сам, и слово о Нем твердо, и нельзя сказать,

что иногда Он есть, иногда же нет Его, но всегда есть, и один и тот же».

Что же значит: «в Нем «да» и в Нем «аминь»» («в том ей, и в том аминь»)? Этими словами он показывает, что обетования Божии непременно сбудутся, поскольку и существование, и исполнение их зависит от Бога, а не от человека. Итак, нечего бояться: обещает не человек, которого можно подозревать в неверности, но Бог, Который говорит и творит. «В славу Божию, через нас» («Богу к славе нами»). Что значит: «в славу через нас»? Он исполнит обетования Свои чрез нас, т. е., изливая благодеяния Свои на нас, к славе Его. Это и значит: «В славу Божию». А если исполнение обетований служит к славе Божией, то они непременно исполнятся, потому что Бог не может презреть Своей славы, хотя бы и презрел наше спасение, равно как и в силу беспредельного Его человеколюбия. Кроме того, спасение наше тесно соединено с Его славой, которая открывается в исполнении обетований Его. Итак, если исполнение обетований служит к славе Божией, то, конечно, совершится и наше спасение. То же самое постоянно внушает (апостол) и в послании к Ефесеям, когда говорит: «в похвалу славы Его» (Ефес.1:14); и везде употребляет такие выражения, желая показать необходимость исполнения обетований Божиих. То же говорит и здесь, т. е., что обетования Божии непреложны, так как исполнение их служит не только к нашему спасению, но вместе и к славе Божией. «Итак, не беспокойся, – говорит, – о том, что обетования эти через нас возвещены, и не сомневайся в верности их исполнения, потому что исполнение их зависит не от нас, а от Бога, Которому они и принадлежат, так как мы возвестили вам не свои, а Его обетования». «Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас *есть* Бог: и запечатлевший и давший залог Духа в сердца наши» («Известуяй же нас с вами во Христа и помазавый нас, Бог, и запечатлевший и давший обручение Духа в сердца наши») (2Кор.1:21–22). Опять из бывшего утверждает истину будущего. «Если, – говорит, – сам Бог утверждает нас во Христе, т. е., не попускает нам колебаться в вере во Христа, и сам помазал нас и даровал Духа в сердца наши, то как не дарует нам благ,

обетованных в будущей жизни? Если он даровал уже начало и основание, корень и источник благ, т. е. истинное познание о Нем и причастие Св. Духа, то как же Он не даст тех благ, которые проистекают отсюда? Подлинно, если и настоящие блага, которыми пользуемся, даны ради тех, которых ожидаем еще, то тем более даровавший эти блага дарует и ожидаемые. И если первые блага Он даровал нам тогда, когда мы были еще врагами Его, то тем более дарует нам вторые, когда мы сделали уже любезными Ему. Потому-то (апостол) и не сказал просто – «Духа», но прибавил – "зalog" («обручение»), чтобы этим уверить нас в получении всего обещанного Богом. Действительно, если бы Бог не хотел даровать нам всего, что обещал, то не благоволил бы дать и залога, чтобы не потерять его попусту и напрасно. И смотри, какое благомыслие у Павла! «Что еще, – говорит он, – должно сказать в подтверждение того, что истина обетований зависит не от нас, когда и то самое, что вы твердо и непоколебимо стоите в вере, зависит не от нас, но от Бога? «Утверждающий» («Извествуй же»)² вас, – говорит, – "Бог", т. е., не мы утверждаем вас, потому что и мы сами имеем нужду в утверждающем. Итак, никто не должен думать, что истина проповеди чрез нас подвергается опасности. Сам (утверждающий нас в вере) все принял на Себя, сам о всем печется».

5. Что же значит: «помазавший» и «запечатлевший»? Значит – даровавший Духа, чрез Которого совершил и то и другое – помазание и запечатление, соделав нас вместе и пророками, и священниками, и царями, потому что в древности были помазываемы получавшие эти достоинства. Но мы ныне имеем не одно какое-нибудь из этих достоинств, но все три, и притом в высшей мере, так как мы и царство надеемся получить, и соделываемся священниками, когда приносим тела наши в жертву Богу, (по наставлению апостола, который) говорит: «представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугodную Богу» («представьте члены ваши жертву живу... благоугodну Богу») (Рим.12:1), наконец мы делаемся и пророками, потому что чего «не видел глаз, не слышало ухо» («око не виде и ухо не слыша»), то открыто нам. (1Кор.2:9). Но

царями мы можем быть еще и иначе, именно – если будем обуздывать неуместные помыслы. Что такой (обуздывающий свои помыслы) действительно есть царь, и даже более чем облеченный только в диадему, это я теперь же покажу вам. Царь имеет много войска, а мы и более того имеем помыслов. В самом деле, невозможно исчислить необъятного множества помыслов наших. Впрочем, можно видеть не только многочисленность наших помыслов, но и то, что в этом множестве их есть и полководцы, и тысячники, и сотники, и стрелки, и пращники. Что еще отличает царя? Одежды. Но и он (обуздывающий свои помыслы) облачается еще в лучшую и драгоценнейшую одежду, которой ни моль не снедает, ни время не истребляет. Он имеет и многовидный славный венец – венец милосердия Божия, как сказано: «благослови душе моя Господа... венчающего тебя милостию и щедротами» (Пс.102:1, 4); венец славы – «славою и честью увенчал Его» (Пс.8:6); венец благоволения Божия – «благоволением, как щитом, венчаешь его» («яко оружием благоволения венчал еси нас») (Пс.5:13); венец благодатей – «прекрасный венок для головы твоей» («венец бо благодатей примешь на твоей главе») (Притч.1:9). Видишь ли, как разнообразно украшена эта диадема, и насколько она великолепнее обыкновенной. Но исследуем тщательнее и глубже принадлежности этих царей. Обыкновенный царь, имея во власти своей копьеносцев, всем им дает повеления, и все они повинуются и служат ему. Но я покажу тебе, что другой царь имеет бóльшую власть. Что касается числа подвластных, то оно у обоих равное, или даже у последнего и больше; остается только рассмотреть покорность (тому и другому оказываемую). Не представляй мне здесь в пример (царей) лишившихся царства, или умерщвленных собственными их телохранителями. Нет, не таких (царей) выведем на сцену, но с той и другой стороны поищем таких, которые благополучно управляли своими царствами. Итак, представь со своей стороны кого угодно, а я всякому, кого ты представишь, противопоставлю одного патриарха (Авраама).

Подумай, какое множество помыслов должно было восстать в душе его, когда ему повелено было принести в жертву сына?

Однако все эти помыслы он покорил, и все они повиновались ему с бóльшим страхом, чем какому-нибудь царю его телохранители. Одним взором он укротил все помыслы, так что ни один из них не осмелился показать ни малейшего знака противоречия, но все преклонились пред ним, и покорились ему, как царю, хотя по природе они весьма непокорны и даже неукротимы. Не так страшны острия копий, прямо устремленных многочисленными воинами, как страшны были тогда эти помыслы. Естественная любовь отца к сыну не острее ли самых копий? Потому она могла и уязвлять душу отца гораздо глубже, чем самое изощренное острие копья. Не бывало столь острого копья, как остры были стрелы помыслов, изощряемые в глубине души родительскою любовью к сыну и пронзавшие сердце праведника. Там потребны и время, и намерение, и удар, и чувство мучительной боли, а затем уже следует смерть. Здесь же ничего подобного не требовалось; следовательно, и раны наносимы были несравненно скорее и глубже. Но, несмотря на то, что против него ополчилось тогда такое множество помыслов, в душе его была великая тишина; и все помыслы, предстоя пред ним в стройном чине, более украшали его, нежели устрашали. Итак, посмотри на этого праведника в ту минуту, когда он извлек нож, и противопоставляй ему каких тебе угодно царей – Августов, Кесарей. Ты, верно, не представишь ничего столь высокого, и никогда не найдешь образца столь величественного и столь достойного небес. Этот праведный муж восторжествовал тогда над самовластием самым могущественным, потому что нет ничего самовластнее природы. Поэтому хотя бы ты представил тысячи мужей, которые умертвили тиранов, ты не укажешь нам ни одного подобного мужа. Поистине, это была победа, свойственная ангелу, а не человеку. Смотри. Природа повержена долу со всем ее оружием, со всем воинством; а он твердо стоит, простерши руки не с венцом, но с ножом, который блистательнее всякого венца; и сонмы ангелов рукоплещут ему, и сам Бог с небес провозглашает его победителем. Так как он был гражданином неба, то оттуда же он получил и провозглашение. Итак, что может быть славнее этого? Или, лучше, что могло бы равняться

этой награде? Если бы и на олимпийских играх одержавшего победу не глашатай, стоящий внизу, но сам царь, вверху сидящий, встав, провозгласил победителем, то не почел ли бы он такое провозглашение наградой, блистательнейшей самых венцов, и не обратил ли бы на себя внимания всех зрителей? Скажи же теперь, на какой степени славы и величия должно поставить этого святого мужа, которого не земной царь, но сам Бог с неба во всеуслышание провозглашает победителем, – не на олимпийском зрелище, но на зрелище целого мира, пред сонмами ангелов и архангелов? Если угодно, выслушаем и самое провозглашение. В чем же состояло это провозглашение? – «Авраам! Авраам!... не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» («Аврааме, Аврааме,... да не возложиши руки твоея на Исаака, ниже да сотвориши ему что: ныне бо познах, яко боишься ты Бога, и не пощадел еси сына твоего возлюбленного Мене ради») (Быт.22:11–12). Что же это значит? Ужели Тот, Который знает все вещи прежде бытия их, только теперь узнал (Авраама)? Ведь и человеку даже была очевидна богобоязненность этого мужа: столько показал он примеров своего повиновения Богу – напр., когда Бог сказал ему: «пойди из земли твоей, от родства твоего» («изыди от земли твоея и от рода твоего») (Быт.12:1), когда для Бога и из благоговения к Нему предоставил племяннику своему избрать плодоноснейшую страну, когда избавил его от великих и многих опасностей, когда по повелению Божию не усомнился идти в Египет, и не огорчился, когда там лишился было жены, и во многих других случаях. По этим примерам, как я сказал, богобоязненность (Авраама) мог знать и человек, не только Бог, Который не имеет нужды выжидать самых дел, чтобы видеть их последствия. Притом как же (Бог) и оправдал его, если не знал его? "Поверил, – говорится, – Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность» («Верова Авраам... и вменися ему в правду») (Рим.4:3).

6. Итак, что же значит: «теперь Я знаю» («ныне познах»)? Сирийский переводчик передает эти слова так: «теперь ты

показал», т. е. людям. «Я сам, – говорит, – давно знал тебя, еще прежде всех Моих тебе повелений». Но почему же и людям (показал только) теперь? Разве прежние примеры недостаточны были показать его богобоязненность? Без сомнения, достаточны. Но этот последний пример, несомненно, настолько превосходит все прежние, что те в сравнении с ним кажутся ничего не значащими. Итак, «теперь Я знаю» сказано с тем намерением, чтобы превознести этот последний подвиг (Авраама) и поставить его выше всех других. Это обыкновенный образ выражения и у многих людей в случаях особенной важности и превосходящих прежние. Например, если кто получит от другого дар, несравненно больше прежних, то он обыкновенно говорит: «Теперь я узнал, что такой-то любит меня», выражая этим не то, чтобы он прежде не знал этого, а желая показать, что настоящий дар более всех (прежде полученных). Так и Бог, беседуя (с Авраамом) человеческим языком, говорит: «теперь Я знаю», желая показать не что иное, как превосходство настоящего его подвига, а не то, чтобы в это время только узнал его богобоязненность, или как велика эта богобоязненность. Так и тогда, когда Он сказал: «сойду и посмотрю» («приидите, сошедши узрим») (Быт.18:21), сказал так не потому, чтобы Ему нужно было сходить – ведь Он все наполняет, и все ясно видит – но для того, чтобы нас вразумить, что Он не без причины что-либо определяет. Также, когда Давид говорит: «Господь с небес призрел» («Господь с небесе приниче») (Пс.13:2), то этой метафорой, взятой от людей, означает в Боге точное познание. Так и здесь: «теперь Я знаю» для того сказал (Бог), чтобы показать, что этот подвиг выше всех прежних; и в подтверждение этого присовокупляет следующие слова: «не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» («яко не пощадел еси сына твоего возлюбленного Мене ради»). Не сказал просто – "сына", но присовокупляет еще – «единственного» («возлюбленного»). В самом деле, (Авраам) с твердостью подвизался здесь не только против природы, но и против той любви к сыну, которая была особенно велика в нем, как в силу собственной добродетели, так и в виду многих добродетелей сына. Если же отцы

неравнодушно переносят смерть и преступных детей, но и их оплакивают, то кто выразит высоту любомудрия этого отца, который решился заковать собственными руками сына, – сына настоящего, единокровного, возлюбленного Исаака? Подлинно, этот подвиг блистательнее целых тысяч диадем и бесчисленных венцов. У того, кто носит обыкновенный венец, может отнять его не только внезапная смерть, но и прежде смерти еще тысячи неблагоприятных обстоятельств; напротив, у того, кто украшен этою необыкновенною диадемою, отнять все и после смерти не может никто – ни свой, ни чужой. Рассмотрим же, прошу, и драгоценнейший камень в этой диадеме, потому что наверху она закрепляется как бы драгоценным камнем. Чем же это? Словом: "Для Меня" ("Мене ради"). В самом деле, не то удивительно, что не пощадил сына, но то, что – ради Него. О, блаженная десница! Какой чудный нож ты восприняла? О, дивный нож! Какая чудная десница тебя восприняла? О, дивный нож! На какое употребление ты назначен, какое ты совершил служение, и сколь чудным образом послужил? Как это – и обагрился ты кровью, и не обагрился? Я не знаю уже, что и сказать: так страшно было это таинство! Нож не коснулся тела отрока, не прошел чрез гортань этого святого, не обагрился кровью праведника; а если справедливее сказать, то и коснулся, и прошел, и обагрился кровью, и потоплен был в ней, и не был потоплен. Может быть, вам кажется, что я противоречу сам себе, как потерявший рассудок. И действительно, рассудок мой теряется при размышлении о чуде, случившемся с этим праведником; однако я нисколько не противоречу себе. Действительно, рука этого праведника вонзила уже нож в гортань сына, но рука Божия и вонзенному ножу не допустила обагриться кровью. Не Авраам только держал нож, но и Бог. И тогда как Авраам наносит удар решением воли, Бог останавливает его Своим гласом. Один и тот же глас и вооружил десницу праведника и удержал ее, и рука, управляемая Богом, как бы вождем, все делала по Его мановению, и во всех движениях повиновалась Его гласу. Смотри, в самом деле: Бог сказал: «заколи» – и она тотчас вооружилась; сказал: «не заколай» – и она тотчас отлагает

оружие. Так искусно устроено было все. Таким образом, Бог показал в нем всему миру – вождя и воина, сонмам ангелов – венценосного священника, царя, увенчанного диадемою, или лучше сказать – ножом, с победным знаменем в руке, героя, победителя без сражения. Подобно тому, как какой-нибудь военачальник, выставив вперед искусного и мужественного воина, одним вращением оружия, одним видом и быстротою движения его часто приводит в страх врага своего, так и Бог одним только произволением, одним только видом и положением праведника поразил и обратил в бегство всеобщего нашего врага дьявола, который, я думаю, тогда бежал в страхе и ужасе. «Но, - скажет кто-нибудь, – почему же Бог не попустил деснице праведника обогреться кровью (сына), чтобы тотчас воскресить закланного?» Потому что Богу несвойственно принимать такие кровавые жертвы: они служат трапезою только для проклятых демонов. Здесь же (в жертвоприношении Авраамовом) открылись вместе – и человеколюбие Владыки, и верность раба. Прежде (Авраам) вышел только из земли своей; а теперь отказался даже от своей природы. Потому-то и получил сверх сына еще и другое несравненно большее, – и весьма справедливо. В самом деле, он решился не называться отцом, лишь бы перед Богом явиться верным рабом, и за это не только остался отцом, но сделался еще и священником. И так как он отказался от своего для Бога, за это и Бог, возвратив, что было его, даровал ему и Свое. Притом, когда враги строят козни праведникам, Бог попускает дойти искушениям до самого дела и тогда творит чудеса, – так было, напр., в печи вавилонской и во рве львином; когда же сам повелевает им что-либо, то повеление Его останавливается на готовности их исполнить его.

7. Скажи же теперь, чего еще недоставало к этой доблести? В самом деле, разве Авраам предвидел, что будет? Разве мог предугадывать человеколюбие Божие? Правда, он был пророк, но и пророк не все знает. Иначе, заклание (Исаака) было бы излишне и недостойно Бога. Если же ему нужно было узнать, что Бог силен воскресить и из мертвых, то это он гораздо убедительнее узнал в разрешении неплодия Сарры, или даже еще прежде этого примера, потому что веровал. Ты же должен

не удивляться только этому праведнику, но и соревновать ему. Видя, как он во время такого великого возмущения и обуревания волн плывет как бы при ясной и тихой погоде, и ты, подобно ему, возьми в руки кормило послушания и мужества. Не о том только рассуждай, что он устроил жертвенник и приготовил дрова, но вспомни и то, что говорил ему сын его, и размысли, сколько страшных полчищ устремилось на него, когда он, отец, услышал от сына слова: «где же агнец?» ("где овча?") (Быт.22:7). Подумай, сколько тогда восстало на него помыслов, вооруженных не железом, но огненными копьями, которые поражали и пронзали сердце его со всех сторон? Если и теперь многие, даже не будучи отцами, сокрушаются об этом и проливают слезы, не зная, чем кончилось это дело; многие же, и зная это, плачут, как я вижу, то какие страдания должен был вытерпеть тот, который родил, воспитал и, будучи уже в старости, имел только одного этого сына, которого теперь видит пред собою, слышит эти слова, и готовится тотчас умертвить? С другой стороны, какое благоразумие в словах (сына)! С какой кротостью он выслушивает ответ (отца)! И кто же тут действовал? Неужели диавол, чтобы еще более разжечь сердце (Авраама)? Нет, тут действовал Бог, чтобы еще более испытать и очистить златую душу этого праведника. Когда говорила жена Иова, тогда действовал диавол, потому что таков был совет (Иов.2:9). Но Исаак не произнес ни одного богохульного слова; напротив, все говорил весьма благочестиво и благоразумно. Необыкновенно трогательны были слова его, и как мед сладкие истекали из его спокойной и кроткой души. Каменное сердце могли смягчить такие слова; но они нисколько не тронули и не поколебали того адаманта (Авраама). Он не сказал: «Для чего ты называешь отцом того, кто немного спустя не будет твоим отцом; того, кто лишился уже этой чести?» Но для чего сын спрашивает (отца)? Конечно, не просто из любопытства и не по излишней любознательности, но потому, что и он заботился об исполнении предпринятого (жертвоприношения). Он так рассуждал с собою: «Если бы отец не хотел сделать меня участником (жертвоприношения), то не оставил бы рабов при подошве горы, а меня не взял бы одного (на гору)», вот почему

он и спрашивает отца тогда, когда они были одни, и никто не мог слышать их разговора. Вот как благоразумен был этот сын! Муж и жена, не воспламеняется ли сердце у всех вас? Не каждый ли из вас мысленно готов обнять и облобызать этого отрока? Кто из вас не дивится его благоразумию и не изумляется той благоговейной покорности его, по которой он и в то время как (отец) связывал его и возлагал на дрова, не испугался, не вскочил, не стал обличать отца, как бы сумасшедшего; напротив, позволил ему связать себя, вести и возложить на дрова, и все это перенес молча, как какой-нибудь агнец, или – лучше – как общий всех Владыка? И действительно, Исаак подражал Ему в послушании и кротости, и был образом Его: «как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен» («яко овца на заколение ведется и, яко агнец пред стригущим его, безгласен») (Ис.53:7). Правда, отрок этот говорил; но говорил также и Владыка его. Как же он был безгласен? То есть ничего не говорил дерзко и грубо, но все так скромно и уступчиво, что слова его более, чем молчание, обнаруживали покорность и кротость его. Точно также и Христос хотя ударившему Его в ланиту и сказал: «если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» («аще зле глаголах, свидетельствуй о зле; аще ли добре, что Мя биеши?») (Иоан.18:23), но этими словами еще более обнаружил Свою кротость, чем, если бы промолчал. И как Исаак произносил имя отца у жертвенника, так и Христос с креста взывал, говоря: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» («Отче, отпусти им: не ведут бо что творят») (Лк.23:34). Что же патриарх? «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой» (Быт.22:8). Оба они произносят естественные имена, один – отца, другой – сына. Жестокая война и сильная буря поднимается с обеих сторон, а кораблекрушения нет ни на которой из них. И это потому, что всем управляет любомудрие. Потом, лишь только услышал Исаак имя Бога, ни слова уже не говорил более, чтобы не любопытствовать напрасно. Так благоразумен был этот отрок в самом цвете возраста! Итак, видишь, сколько воинств и в скольких сражениях победил этот царь? Подлинно, варвары,

часто нападавшие на Иерусалим, не были так страшны для этого города, как (для Авраама) помыслы, отовсюду на него восстававшие. И, однако, он восторжествовал над всеми ими. Желает ли видеть в нем и священника? Доказательство не далеко. В самом деле, когда ты видишь его с огнем и ножом в руках стоящим у жертвенника, почему после этого будешь сомневаться в его священстве? Если хочешь видеть и жертву, им принесенную, можешь видеть – даже сугубую. Он принес сына, принес и овна, а прежде всего – свою волю. Кровью овна он освятил свою десницу, а закланием сына – свою душу. Таким образом, он рукоположен во священника кровью единокровного и принесением в жертву агнца, подобно тому, как и (подзаконные) священники освящаемы были кровью (жертв) приносимых Богу. Желает ли, наконец, видеть (в Аврааме) и пророка? «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался», – говорит (Христос) (Ин.8:56). Так точно и ты в купели крещения соделываешься царем и священником и пророком: царем – повергнув долу все злые дела и умертвив греховные пожелания; священником – через посвящение себя Богу, чрез принесение тела своего в жертву Ему и чрез духовное заклание самого себя, (по словам апостола, который) говорит: «если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем» (2Тим.2:11); наконец, соделываешься и пророком, – так как познаешь будущее, делаешься богодухновенным и запечатленным. Подобно тому, как воины запечатлеваются печатью, так и верующие – Духом Святым, чтобы всякому ты был замечен, если выйдешь из строя. Иудеи имели печатью обрезание, а мы – «залог Духа» («обручение Духа»). Итак, узнав это и размыслив о высоком достоинстве, полученном нами в крещении, покажем в себе жизнь, достойную этой благодати, чтобы получить нам и будущее царство, которого все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 4

2Кор.1:23. Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф.

Мудрость Павла. – Его любовь к ученикам. – Признак добрых учеников. – Способы очищения грехов.

1. Что ты говоришь, блаженный Павел? Щадя их, не пришел ты в Коринф? Нам кажется, что, говоря так, ты противоречишь самому себе. Выше ты сказал, что не пришел потому, что ничего не предпринимаешь по плоти, не имеешь власти над собою, но идешь туда, куда велит тебе Святый Дух. Притом, как на препятствия к этому, указывал ты и на скорби свои. А теперь говоришь, как будто не придти зависело от тебя, а не от власти Духа. "Щадя вас, – говоришь, – доселе (ктому) не приидох в Коринф». Что же должно сказать на это? Или то, что и это самое случилось по воле Духа, который тогда, как (апостол) хотел идти, внушил ему отложить это путешествие, представляя необходимость щадить их; или он говорит о другом путешествии, и этим дает им знать, что он хотел идти к ним еще прежде, нежели написал первое послание, но удержался от этого по любви к ним, чтобы не застать их не исправившимися. Впрочем, вероятно и то, что (апостол) по той же причине после и сам решился остаться на месте, когда писал второе послание, хотя Дух уже и не удерживал его идти. И такое предположение гораздо вероятнее, т. е., что вначале его удерживал Дух, а после и сам он остался, рассудив, что так будет лучше. А ты смотри, как (апостол) опять упоминает о себе, – чего замечать я не перестану, – извлекая для себя защиту из самых нареканий, какие бы могли ему сделать. Коринфяне могли возыметь подозрение и сказать ему: «Ты возненавидел нас, потому и не хотел к нам придти». (Предупреждая такое подозрение, апостол) представляет противную причину, почему не пришел, именно ту, что любил их. Что же значит: "щадя вас"? «Я слышал, – говорит, – что некоторые из вас блудодействовали; потому и не хотел придти к вам, чтобы не опечалить вас.

Находясь у вас, я бы был поставлен в необходимость сам разбирать и исследовать это дело и многих наказать.

Итак, я почел за лучшее не быть у вас, чтобы дать вам время раскаяться, нежели, пришедши к вам, наказывать вас, и самому понести от вас еще большую скорбь». Эту мысль он ясно изложил под конец послания, когда сказал: «чтобы опять, когда приду, не унижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали» («боюсь, еда како... пришедша мя смирят Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших, и не покаявшихся о нечистоте и блудении,... яко содеяша») (2Кор.12:20–21). То же понимает он и здесь, и хотя говорит это как бы в оправдание себя, но вместе с тем сильнейшим образом обличает и устрашает их самих. (Самым оправданием себя пред ними) он дает им разуместь, что они подлежат еще наказанию, и могут что-нибудь потерпеть, если не поспешат исправиться. И это опять он высказывает в конце послания, говоря: «когда опять приду, не пощажу» («еще прииду паки, не пощажу») (2Кор.13:2). Различие только в том, что в конце послания говорит об этом прямо, а здесь – как еще в начале послания – не так открыто и с некоторым снисхождением, и даже мало того, далее смягчает и поправляет и этот образ выражения. В самом деле, так как (апостол) сказал, как прилично говорить только имеющему великую власть, – а щадить других может только тот, кто властен их и наказывать, – то, чтобы смягчить и несколько прикрыть то, что могло казаться резким, он говорит далее: «не потому, будто мы берем власть над верою вашею» («не яко обладаем верою вашею») (2Кор.1:24), – т. е.: «когда я сказал, что, щадя вас, не пришел, то сказал так не потому, чтобы хотел властвовать над вами». Не сказал даже – «над вами», но – "над верою", что и гораздо благосклоннее, и согласнее с истиною. Ведь не желающего верить кто властен принудить к вере? «Но мы споспешествуем радости вашей» («Но споспешницы есмы вашей радости»). «Так как ваша радость, -говорит, – есть вместе и наша, то я не пришел к вам, чтобы не ввергнуть вас в уныние, и тем не увеличить своей печали; и остался для того,

чтобы дать вам случай радоваться своему исправлению только от (заочной моей) угрозы. Мы все делаем для вашей радости и только о ней и заботимся, потому что и мы сами имеем общение в ней». «Ибо верую вы тверды» («Верую бо стоите»). Смотри, с какою опять осторожностью говорит он. Он опасается снова упрекать их, потому что достаточно сильно уже обличил их в первом послании, и они после того показали уже некоторую перемену (в жизни). Если бы и после этой перемены они слышали те же упреки, какие и прежде, то это могло бы погубить их.

Вот почему настоящее послание и написано с большею легкостью, чем первое. «Рассудил сам в себе не приходить к вам опять с огорчением» («Судих же в себе, не паки скорбию к вам приити») (2Кор.2:1). Слово "опять" ("паки") показывает, что (апостол) уже огорчен был (коринфянами), и, по-видимому, защищаясь перед ними, он незаметно упрекает их же самих. Представь же, как велика должна была быть скорбь (апостола), если уже раз огорчили его и опять готовы были огорчить. Но он не говорит им прямо: «вы огорчили меня», а дает понять им это другими словами, именно говоря: «я не пришел к вам для того, чтобы не огорчить вас». Это равносильно тому, что я сказал, между тем было удобоприемлемее и удобовыносимее. «Ибо если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?» («Аще бо аз скорбь творю вам, то кто есть веселяяй мя, точию приемляй скорбь от мене?») (2Кор.2:2). Какая тут последовательность? Очень большая. В самом деле, смотри. «Не хотел, – говорит, – придти к вам, чтобы не огорчить вас новыми упреками, негодованием и отвращением». Далее, так как и это было очень резко, и уличало (коринфян), будто они образом своей жизни огорчают Павла, то он, желая смягчить сказанное, говорит: «Ибо если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?» Смысл же слов его такой: «Если мне довелось испытать и огорчения, когда я принужден был упрекать вас и видеть вашу скорбь от того, то и это самое доставило мне радость. Это именно было признаком величайшей ко мне любви вашей, когда я так много значил для вас, что и одно негодование мое могло уязвлять вас».

2. И заметь мудрость (апостола). Ученики обыкновенно досадуют и скорбят, когда их упрекают, а он представляет эти упреки как благодать какую для них. «Никто, – говорит он, – так не радуется меня, как тот, кто уязвляется от слов моих, и скорбит, видя меня огорченным». Правда, следовало бы сказать так: «Если я опечаливаю вас, то кто же может обрадовать вас?» Но он не говорит этого, а, желая исправить их, говорит обратное: «Хотя я и заставляю вас скорбеть, но вы, уязвляясь скорбью от моих слов, доставляете мне великую радость». «Это самое и писал я вам» («И писах вам сие истое») (2Кор.2:3). Что же такое? «То, что я не пришел, именно щадя вас». Когда же (апостол) писал об этом? Разве в первом послании, когда говорил: «не хочу видеться с вами теперь мимоходом» («не хочу вас ныне в мимохождении видети») (1Кор.16:7)? Нет, а я думаю, что в том же послании, когда сказал: «чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой» («да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас»).

Итак, "это самое, – говорит, – и писал я вам», в конце послания, «чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и *чтобы* не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде» («да не паки пришедша мя смирит Бог мой, и восплачуся многих прежде согрешших») (2Кор.12:21). Для чего же ты писал? «Дабы, придя, не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться: ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть *радость* и для всех вас» («Да не пришед скорбь... прииму, о нихже подобаше ми радоватися, надеясь на вся вы, яко моя радость всех вас есть») (2Кор.2:3). Так как (апостол) сказал: «Я радуюсь, когда вы скорбите», а эти слова могли еще показаться слишком тяжкими и жестокими, то он опять выразил то же самое иначе, и последующими словами сделал сноснее сказанное. «Я для того, – говорит, – прежде написал вам, чтобы, к прискорбию моему, не найти вас не исправившимися. И когда я сказал: «дабы... не иметь огорчения» («да не скорбь прииму»), то сказал так, имея в виду не свою, но вашу пользу. Я уверен, что вы радуетесь, если видите меня радующимся, и сами исполнитесь печали, когда увидите меня печальным».

Смотри теперь, какую тесную связь имеет все сказанное. Теперь для нас будут понятны слова его. «Для того, – говорит, – не пришел я, чтобы не опечалить вас, если найду еще не исправившимися. Поступил же так, имея в виду не свою, но вашу пользу. От вашего огорчения я получаю немалое удовольствие, когда вижу, что вы так обо мне заботитесь, что и сами скорбите, и печалитесь, когда видите меня скорбящим: «кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?» («кто бо есть веселяяй мя, точию приемляй скорбь от мене?»)). Однако, несмотря и на такое расположение моего духа, я, поскольку ищу вашей пользы, «это самое и писал я вам... дабы не иметь огорчения» («писал вас сие истое, да не скорбь прииму»), и в этом случае опять ища не своей, но вашей пользы. Я ведь знаю, что вы сами будете скорбеть, увидев меня скорбящим; равно как, наоборот, возрадуетесь, когда увидите меня радующимся». Смотри же, какое здесь благоразумие. Прежде он сказал: «Я не пришел, чтобы не огорчить вас, хотя, – говорит, – я и радуюсь». Потом, чтобы не подумали, что он радуется только их огорчению, говорит: «Потому я радуюсь, что еще имею место в сердцах ваших. Иначе я бы сугубую понес скорбь – и оттого, что был бы принужден огорчить упреками вас, которые столько любите меня, и оттого, что сам бы скорбел, чем увеличил бы еще более и вашу скорбь».

Смотри же теперь, как с похвалою сказал и эти слова: «о которых мне надлежало радоваться» («о нихже подобаше ми радоватися»). Они свидетельствуют об искренности его и великой любви к ним. Так мог бы сказать какой-нибудь отец к детям, для которых он делал много добра и много потрудился. «Итак, – говорит, – если я только пишу и не иду к вам сам, то не иду потому, что устраиваю что-нибудь лучшее о вас, а не по ненависти к вам, не потому, чтобы отвращался вас, но потому, что очень люблю вас». Далее, чтобы ввиду слов, что кто скорбит, то радует его, не сказали ему: «Так ты заботишься только о том, чтобы тебе самому радоваться и показать всем, какую великую ты имеешь у нас силу?», он присовокупил следующее: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но

чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» («от печали бо многия и туги сердца написах вам многими слезами, не яко да оскорбитесь, но любовь да познаете, юже имею изобилно к вам») (2Кор.2:4).

Что может быть любвеобильнее этой души? Этими словами (апостол) показывает, что он скорбел о согрешивших не только не менее, напротив, даже гораздо более, чем скорбели сами согрешившие. Он не просто говорит – «от печали», но – «от великой скорби»; не слезами только, но – «многими слезами» и «от стесненного сердца» («от туги сердца»), т. е.: «Я был угнетаем и подавляем печалью, и, будучи не в состоянии вынести этого облака печали, я решился писать к вам, – не для того, впрочем, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, – говорит, – какую я в избытке имею к вам». Надлежало бы сказать так: «Не для того, чтобы оскорбить вас, но чтобы исправить», потому что для этого (апостол) и писал; но он не говорит так, а, желая сделать речь более приятною и крепче привязать их к себе, он, вместо напоминания об исправлении, уверяет их в любви своей, по которой все делает. И не просто говорит: «Имею к вам любовь», но: «любовь, какую я в избытке имею к вам» («юже имам изобилно к вам»). Желает и этим привлечь их к себе, показав, что он более всех любит их, и расположен к ним, как к избранным ученикам. Потому-то он и прежде говорил: «если для других я не Апостол, то для вас Апостол» («аще иным и несмь апостол, но обаче вам есмь») (1Кор.9:2); и в другом месте: «хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов» («аще бо и многи пестуны имате..., но не многи отцы») (1Кор.4:15); или еще: «по благодати Божией, жили в мире, особенно же у вас» («благодатию Божиею жихом в мире, множае же у вас») (2Кор.1:12); и ниже (в конце настоящего послания) пишет: «чрезвычайно любя вас, я менее любим вами» («и излишше вас любя, меньше любим есмь») (2Кор.12:15); наконец и здесь говорит: «любовь, какую я в избытке имею к вам» («юже имам изобилно к вам»).

3. Таким образом, хотя слова (апостола) и полны были гнева, но этот гнев происходил от великой любви и скорби. «И пиша послание, – говорит, – я страдал и скорбел не о том

только, что вы согрешили, но и о том, что я поставлен был в необходимость огорчить вас, и все это от любви, – подобно отцу, который, будучи поставлен в необходимость отсекал или прижигать гнилые члены у любимого сына, вдвойне страдает – и оттого, что сын болеет, и от необходимости самому отсекал. Таким образом, что вы почитаете признаком недоброжелательства к вам, служит признаком величайшей к вам любви. Если же огорчить вас меня побуждала любовь, то тем более радоваться – ваша скорбь». Итак, защитив себя (он и часто так защищается, и не стыдится этого, потому что если и Бог это делает, говоря напр.: «Народ Мой! Что сделал Я тебе?» («людие Мои, что сотворих вам»)) (Мих.6:3), – то тем более мог делать это Павел), – итак, защитив себя самого, (апостол) переходит теперь к защищению впадшего в блудодеяние. Так как (апостол) сам же прежде изъявил гнев на него, а теперь требует простить его, то, чтобы не перетолковали в худую сторону его повеление как противоречащее первому и не стали упорствовать – смотри, каким образом предуготовил их к этому как вышесказанным, так и нижеследующим.

Что именно он говорит далее? «Если же кто огорчил, то не меня огорчил» («Аще ли кто оскорбил, не мене оскорби») (2Кор.2:5). Сначала похвалив их за то, что они имеют с ним одни радости и одни скорби, и, сказав наперед: «моя радость есть *радость* и для всех» («всяко моя радость всех вас есть») (2Кор.2:3), (апостол) начинает после этого уже речь о кровосмеснике. «Если, – говорит, – радость моя есть вместе и ваша радость, то вы должны и теперь вместе со мною радоваться, точно так же, как и тогда вместе со мною скорбели. Как тогда своею скорбью вы доставили мне удовольствие и радость, так и теперь сделаете то же вашей радостью, если только примете участие в моей радости». (Апостол) не сказал: «Моя скорбь есть скорбь и для всех вас», но он высказал то же в других местах другими словами, а здесь упомянул только о том, что было нужно, именно о радости, сказав, что «моя радость есть радость и для всех вас». Вслед за этим он напоминает и прежде сказанное им, говоря: «Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, – чтобы не сказать

много, – и всех вас» («аще ли кто оскорбил, не мене оскорби, но отчасти, да не отягчу, всех вас») (2Кор.2:5). «Знаю, – говорит, – что и вы со мною огорчились и вознегодовали на впадшего в блудодеяние, и что случай этот отчасти огорчил всех вас. Впрочем, "отчасти" сказал я не потому, что ваше огорчение было меньше моего, но чтобы не отягчить впадшего в блудодеяние.

Итак, не меня только огорчил он, но и вас в равной мере, и я только по снисхождению к нему сказал – "отчасти". Видишь, как скоро (апостол) смягчил гнев их, сказав, что и они были общниками в его скорби? «Для такого довольно сего наказания от многих» («Довольно бы таковому запрещение сие, еже от многих») (2Кор.2:6). Не говорит: «впадшему в блудодеяние», но опять, как и в первом послании: "таковому", хотя и по другой уже причине; тогда говорил так по отвращению от соделанного греха, а здесь по снисхождению к согрешившему. Здесь он совсем не упоминает о содеянном грехе, потому что время уже было защищать виновного. «Так что вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью» («Темже сопротивное паче вы да даруете и утешите, да не како мною скорбию пожерт будет таковой») (2Кор.2:7). (Апостол) повелевает здесь не только разрешить положенное наказание, но и возводит виновного в прежнее его состояние, потому что если кто, наказавши виновного, просто отпускает его, без всякого утешения, то не делает ему никакой пользы. Но смотри опять, как (апостол) удерживает и виновного, чтобы он, получив прощение, не сделался хуже. Он показывает ему, что хотя он и исповедал свой грех и раскаялся в нем, однако получает прощение не столько за раскаяние, сколько по милости и снисхождению, почему и говорит: «Так что вам лучше уже простить его и утешить» («да даруете и утешите»). Это же видно и из дальнейших слов. «Не потому, – говорит, – разрешаю простить виновного, что он достоин этого, или что он показал достаточное раскаяние; но потому, что он слаб», – почему и присовокупил: «дабы он не был поглощен чрезмерною печалью» («да не како мною скорбию пожерт будет таковой»). Говоря так, (апостол) свидетельствует и о великом раскаянии

виновного, и не допускает его дойти до отчаяния. Что же значит: «дабы он не был поглощен» («пожерт будет»)? Или то, что он поступит так же, как Иуда, или, что, оставшись жить, сделается еще хуже. «Хотя, – говорит, – он и не таков, чтобы не мог более переносить скорби продолженного наказания, но, потеряв терпение и надежду, легко может посягнуть на свою жизнь, или предаться, в конце концов, большему нечестию. Поэтому нам нужно быть осмотрительными, чтобы рана не сделалась более тяжелой и чтобы неумеренностью (в наказании) не погубить того, что уже сделали доброго».

Говоря так, (апостол), как я и прежде заметил, хотел и обуздать и вразумить (виновного), чтобы он, получив прощение, не сделался еще нерадивее. «Я принял его, – говорит, – (в прежнее мое расположение) не потому, чтобы он совершенно очистился от скверны, но боясь, чтобы он не сделал чего-нибудь хуже». Отсюда мы научаемся, что меру покаяния надобно назначать не только по свойству грехов, но и сообразуясь с расположением и состоянием самих грешников. Так и тогда поступил апостол, так как и его устрасила слабость грешника. Потому он и сказал: «дабы он не был поглощен» («да не жерт будет») – как бы зверем каким-нибудь, или волнами, или бурей. «И потому прошу вас» («Тем же молю вы») (2Кор.2:8). Не повелевает уже, но просит, – не как учитель, но как равный, и, предоставив им восседать на судейском седалище, сам стал на месте защитника. Так как он достиг уже, чего хотел, то от радости не знал меры своему смирению.

О чем же ты просишь, скажи мне? «Оказать ему любовь» («Утвердите к нему любовь»), – т. е.: «С крепкою любовью, а не просто и как случилось, примите его». Говоря это, (апостол) опять усваивает им величайшую добродетель. Те самые, которые прежде так любили согрешившего и так защищали его, что даже гордились этим, до такой степени отвратились от него, что Павлу стоило великого труда заставить их принять его с крепкою любовью. Вот похвальное качество в учениках, вот совершенство в учителе – когда ученики так послушны, а учитель образует таких (послушных учеников). Если бы и ныне так было, то согрешающие не были бы так нечувствительны к

своим грехам. И никого не должно ни безрассудно любить, ни отвращаться без причины. «Ибо я для того и писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны» («На сие бо и писах вам, да разумею искусство ваше, аще во всем послушливы есте») (2Кор.2:9), т. е., не только в отсечении согрешившего, но и в присоединении его. Видишь, как и здесь опять (апостол) поставляет их в необходимость решиться на этот подвиг? Как тогда, когда (виновный) согрешил, (апостол) представил им, какая опасность грозит им, если они не отсекут его, сказав, что «малая закваска квасит все тесто» («мал квас все смешение квасит») (1Кор.5:6), и многое другое, так точно и здесь опять представил им всю опасность непослушания. «Подобно тому, как прежде, – как бы так говорил, – я должен был заботиться не о нем только, но и о вас, так и теперь не столько забочусь о нем, сколько о вас, чтобы кто не почел вас за людей упорных, бесчеловечных, и не во всем послушных». Поэтому и говорит: «Ибо я для того и писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны». То (удаление виновного из общества) могло показаться и делом ненависти и жестокости, а это (принятие его в любовь) особенно докажет искренность послушания, а вместе и готовность к делам человеколюбия.

В том и заключается признак добрых учеников, что они повинуются своему учителю не только в первом (его требовании), но и тогда, когда он повелевает и обратное (этому требованию). Потому-то (апостол) и сказал: "во всем", желая показать, что коринфяне в случае непослушания постыдят не столько его, сколько себя, заслужив славу непокорных. Делает же это он для того, чтобы и этим побудить их к послушанию, почему и говорит: «Я для того и писал вам» («на сие бо и писах вам»). Хотя он и не для того писал, так как главная цель его была спасение согрешившего, однако говорит "для того", чтобы тем более расположить их в пользу виновного. Впрочем, этим он и себе не вредит в достижении главной цели, и коринфянам делает приятное. Словами же "во всем" он напоминает им о первом их послушании и выставляет его здесь на вид с намерением похвалить их. «А кого вы в чем прощаете, того и я» («Ему же аще что даруете, и аз») (2Кор.2:10). Видишь, как опять

унижает себя перед ними, поставляя их на первом месте, а себя на втором; и все это для того, чтобы смягчить ожесточенные души и преклонить грубые сердца. Затем, чтобы не подать повода думать, что все дело предоставлено их власти, и чтобы они не стали упорствовать в прощении (виновного), опять побуждает их к этому, говоря, что и сам он даровал ему прощение. «Ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас» («Ибо и аз, аще что даровах, еже даровах, вас ради»). «И это самое, – говорит, – сделал я для вас».

И в первый раз, когда повелевал отсечь виновного, он не дал им власти простить его, сказав: «уже решил... сделавшего такое дело... предать сатане» («уже судих... предати такового сатане»), а потом допустил и их к участию в этом приговоре, когда сказал: «в собрании вашем... предать» («собранным вам... предати такового») (1Кор.5:3–5). Он поступил так, имея в виду две важные вещи: чтобы и приговор произнести, и не без согласия коринфян, чтобы не огорчить их. И таким образом, ни сам один не произнес приговора, чтобы коринфяне не подумали о нем, как о человеке гордом и презирающем их, ни им не присвоил всей власти, чтобы они, сделавшись полновластными судьями, преждевременно не даровали прощения виновному и чрез то не погубили его. Точно так же поступает он и здесь, когда говорит: «Я даровал уже прощение – я, который в первом послании осудил его». Потом, чтобы коринфяне не оскорбились, как бы пренебреженные (апостолом), он говорит: "вас ради". Что же это? Ужели он простил согрешившего для людей? Нет, – почему и присовокупил: «от лица Христова» («о лице Христове»). Что же значит: «от лица Христова»? Или – по воле Божией, или – во славу Христа. «Чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы» («Да не обидими будем от сатаны: не неразумевает бо умыслений его») (2Кор.2:11). Видишь, как он то присваивает (коринфянам) власть суда, чтобы смягчить их, то снова отнимает ее, чтобы истребить в них всякую гордость. Впрочем, не этого только хочет он достигнуть своими словами; он хочет еще и показать, что в случае их непослушания вред будет общий для всех. Так поступил он и вначале. Как тогда он говорил: «малая закваска

квасит все тесто» (1Кор.5:6), так и теперь говорит: «чтобы не сделал нам ущерба сатана»; и везде усвояет прощение согрешившего как себе, так и им (коринфянам).

5. Пересмотри же снова (все, что он говорил): «Если же кто огорчил, – говорит, – то не меня огорчил, но частью, – чтобы не сказать много, – и всех вас» («аще же кто оскорбил, не мене оскорби, но от части, да не отягчу всех вас»); затем далее: «для такого довольно сего наказания от многих». Таков его приговор и определение. Впрочем, на этом приговоре он не остановился, но призывает опять к участию в нем и коринфян, говоря: «Так что вам лучше уже простить его и утешить... И потому прошу вас оказать ему любовь» («темже сопротивное паче вы да даруете и утешите. Темже молю вы, утвердите к нему любовь»). Но, предав виновного в их руки, опять переходит к утверждению своей власти, говоря: «Ибо я для того и писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны» («на сие бо и писах вам, да разумею искусство ваше, аще во всем послушливи есте»). Затем опять приписывает прощение согрешившего коринфянам, говоря: «вам лучше уже простить его» («ему же аще что даруете»); а потом себе: «и я, – говорит, – простил» («и аз... аще что даровах»); наконец им и себе вместе: «ибо и я, – говорит, – если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова» («ибо и аз, аще что даровах, вас ради, о лице Христове»), – т. е., или во славу Христа, или потому, что сам Христос повелел (простить согрешившего). Эти последние слова особенно убедительны были для коринфян, так как они боялись уже отказать в прощении, которое служило к славе (Иисуса Христа) и было Ему угодно. Вслед за тем опять поставляет на вид коринфянам общий для всех вред в случае их непослушания, говоря: «чтобы не сделал нам ущерба сатана» («да не обидими будем³ от сатаны»). Здесь он очень кстати употребил слово «хищение»⁴, так как диавол берет уже не свое, а похищает наше. Не говори мне того, что один только согрешивший мог бы сделаться добычею этого зверя, но представляй и то, что угрожает опасность всему стаду уменьшением числа его, и особенно теперь, когда можно возвратить то, что потеряно. «Ибо нам не безызвестны его умыслы» («Не неразумевает бо

умышлений его»), т. е., что (сатана) и путем благочестия может привести к гибели. Он может погубить не только тем, что доводит до блудодеяния, но и противоположным способом может ввергнуть в гибель, именно: безмерною печалью во время покаяния.

Таким образом, если (сатана) вместе со своею собственностью захватывает и нашу, когда и того, кого доводит до греха, погубляет, и того, кому мы повелеваем спасительное покаяние, у нас похищает, то как же назвать это, если не хищением? Для него недостаточно, что он низлагает нас чрез грех; он и чрез покаяние делает то же, если мы не бываем осторожны. Вот почему (апостол) весьма справедливо и назвал хищением тот случай, когда (сатана) побеждает нас нашим же оружием. Ему свойственно овладевать нами чрез грех, а не чрез покаяние, потому что последнее есть наше оружие, а не его. Итак, если (сатана) и чрез покаяние может овладевать нами, то рассуди сам, как постыдно для нас это поражение, как он будет насмехаться и издеваться над нами, как над бессильными и немощными, если победит нас нашим же оружием? И подлинно, в высшей степени смешно и крайне постыдно, если он нашими же лекарствами причиняет нам раны. Потому-то (апостол) и сказал: «ибо нам не безызвестны его умыслы» («не неразумевает бо умышлений его»), т. е. насколько лукав, коварен, злокознен и исполнен он злобы, и какой вред причиняет нам даже под видом благочестия. Итак, помышляя об этом, не будем никогда ни презирать никого (из согрешающих), ни сами, согрешая, предаваться отчаянию, равно как и оставаться в беспечности; напротив, будем сердечно сокрушаться о своих беззакониях, не на словах только раскаиваясь в них.

В самом деле, я знаю многих, которые хотя говорят, что они оплакивают свои грехи, ничего, однако ж, важного не делают. Правда, они постятся и носят грубые одежды, но в то же время имеют жадность к деньгам гораздо большую, чем торгаши, предаются более сильному гневу, чем звери, и находят удовольствия в злословии более, чем другие в похвале. Это не составляет покаяния; это только призрак и тень покаяния, а не

самое покаяние. Потому-то и этим (грешникам) прилично сказать: «Смотрите, чтобы не сделал нам ущерб сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы» («да не обидими будем от сатаны: не неразумеваем бо умыслений его»). Одних он губит чрез грехи, других чрез покаяние, и этих еще и другим образом, – когда не дает им воспользоваться плодами покаяния. Когда сатана не находит случая прямо погубить кого-нибудь, он подходит к нему другим путем, побуждая человека усугубить труды, но не давая ему воспользоваться плодами трудов своих, и стараясь уверить его, что он все необходимое уже сделал, и потому может не заботиться ни о чем другом.

Итак, чтобы нам не изнурять себя напрасно трудами, побеседуем немного с теми женами, с которыми так бывает, потому что женщины преимущественно подвержены этому недугу. Прекрасно, конечно, и то, что и ныне вы делаете, т. е. пост, лежание на земле и посыпание пеплом главы. Но все эти дела не принесут никакой пользы, если к ним не присоединятся другие. Бог показал, как Он прощает грехи. Для чего же вы, оставив указанный путь, пролагаете себе другой? Согрешили некогда ниневитяне, и сделали то же, что и вы теперь делаете. Но посмотрим, что послужило к их спасению. Как для излечения больных врачи, хотя употребляют многие средства, но благоразумный смотрит не на то, что принимал больной, а на то, что послужило к его исцелению, так точно и здесь надобно смотреть. Итак, что же спасло тех ниневитян? На язвы свои они возложили пост, и строгий пост, лежание на земле, одежды из вретища, пепел и слезы, и вместе с этим переменили и образ жизни.

6. Посмотрим же, какое из перечисленных лекарств у врачевало их. «Но как мы узнаем это?» – скажет кто. Узнаем, если придем ко Врачу, или спросим Его самого. Он не утаит от нас; напротив, со всею готовностью откроет это. Он даже в книге записал это лекарство, исцелившее их, чтобы всякий знал его и не имел нужды спрашивать о нем. Что же это за лекарство? «И увидел Бог, – говорит (пророк), – дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них» («Виде Бог..., яко

обратишася от путей своих лукавых и раскаяся... о зле, еже глаголаше сотворити им») (Ион.3:10). Не сказал: «видел пост, вретница и пепел». Я говорю это не с тем, чтобы отвергать пост, – нет, – а для того, чтобы убедить вас делать то, что лучше поста – воздерживаться от всякого зла.

Согрешил и Давид: посмотрим же, как и он каялся. Три дня он сидел во прахе. Однако он сделал это не для заглаждения греха своего, но молясь о (больном) детище, не истрезвившись еще от упоения страстью. Грех же свой очистил он иначе, именно: самоуничижением, сокрушением сердечным, скорбью душевною, строгим воздержанием от подобных грехов, непрестанным памятованием сделанного греха, благодушным перенесением всех постигших его скорбей, пощадою своих оскорбителей, наконец, тем, что не только сам не мстил врагам, поносившим его, но не позволял мстить и другим за него, когда они хотели того. Так, когда Семей осыпал его бесчисленными проклятиями, и когда военачальник, находившийся (при Давиде), вознегодовал на это, тогда он сказал: «пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида» («оставите его проклинать мя, яко Господь повеле ему») (2Цар.16:10). Он имел сокрушенное и смиренное сердце, и это то особенно и очищало грехи его, потому что в этом и состоит исповедание, это и есть покаяние. Напротив, если, постясь, мы остаемся высокомерными, то не только не получим никакой пользы, но еще потерпим и вред.

Итак, смири сердце твое и ты, чтобы умиловить Бога: «Близок Господь к сокрушенным сердцем» («Близ Господь сокрушенных сердцем») (Пс.33:19). Видишь, как жившие в светлых чертогах переносили бесчестие, как они, поносимые и от последних из рабов своих, не прекословили, но терпели поношения за бесчестие, которым покрыл их грех. Так поступай и ты. Если поносит тебя кто – не ожесточайся, но плачь и стенай, не о том, что тебя поносят, но о грехе, который подверг тебя такому бесчестию. Плачь и стенай, когда согрешишь, не о том, что будешь наказан, так как это ничего не значит, но о том, что ты оскорбил своего Владыку, который столь кроток, столько тебя любит, столько заботится о твоём спасении, что и Сына

предал за тебя. Вот о чем плачь и стенай, и делай это непрестанно, потому что в этом и состоит исповедание. Не будь ныне весел, завтра печален, потом опять весел, а всегда пребывай в плаче и сокрушении. "Блаженны, – говорит (Господь), – плачущие" (Мф.5:4), т. е. те, которые непрестанно это делают. Непрестанно и ты делай это, всегда внимай себе и сокрушай сердце твое, наподобие того, как сокрушался бы тот, кто потерял любимейшего сына. «Расторгните («Раздирайте»), – говорит (Господь), – сердца ваша, а не ризы ваша» (Иоил.2:13). А расторгнутое не воздымается уже, сокрушение не восстает более. Потому-то и говорит (Писание) в одном месте: «расторгните», а в другом: «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс.50:19).

Итак, мудрец ли ты, или богатый, или сильный, расторгни сердце твое, т. е. не попускай, чтобы оно высокоумствовало и надмевалось, потому что расторгнутое не надувается, хотя бы и было чем надуваемо: оно не может вынести этого надувания, потому что расторгнуто. Так и ты смири свое сердце. Помысли, что мытарь за одно слово был оправдан, хотя то, что говорил он, было даже не столько смирение, сколько истинное признание. Если же и истинное признание имеет такую силу, то насколько более смиренномудрие? Прости обиды тем, кто погрешил против тебя, потому что и это служит к прощению грехов твоих. О первом (сетовании и скорби о грехах) сказано: «Я видел, что «пойде дряхл» (печален) «и исцелил пути его» (Ис.57:17–18). Это же прекратило гнев Божий и на Ахааву (3Цар.21:29). А о втором (прощении обид) говорится: «прощайте, и прощены будете» («отпускайте, и отпустят вам») (Лк.6:37). Есть еще и другой способ, которым обретается это врачевство, это – осуждение себя в своих беззакониях: «говори ты, чтоб оправдаться» («глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдиши») (Ис.43:26).

Равным образом и благодарное чувство, с которым мы переносим скорби, заглаживает грехи наши, более же всего милостыня. Перечти же целительные средства для уврачевания твоих язв и прикладывай все их одно за другим непрестанно: самоуничижение, исповедание, непамятозлобие, благодарение

за посылаемые на тебя скорби, вспомоществование бедным деньгами и вещами, наконец, непрестанную молитву. Неотступным молением вдовица умилиствовала жестокого и немилосердного судию (Лк.18:5). Если же эта вдова умилиствовала неправедного судию, то тем более ты умилиставишь Судию кроткого. Кроме этих способов (к очищению грехов) есть еще и другой – заступление обидимых. "Защищайте, – говорится, – сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим... Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» («Судите сиру, и оправдате вдовицу, и приидите, и истяжимся:... и аще будут грехи ваши яко багряное, яко снег убелю») (Ис.1:17–18).

Итак, будем ли мы достойны какого-либо извинения, когда, имея столько путей, возводящих на небо, и столько средств для врачевания язв душевных, остаемся в этих язвах даже и после крещения? Не будем же закосневать в них. И те, которые еще не пали, пусть стараются сохранить невредимо красоту свою, мало того – пусть еще более приумножают ее, потому что хотя они и теперь непорочны, но упомянутые добродетели еще более украсят их. Что же касается нас, которые много уже нагрешили, то потщимся воспользоваться предложенными средствами к очищению грехов наших, чтобы нам предстать судищу Христову со многим дерзновением, которое все мы и да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 5

2Кор.2:12–13. Придя в Троаду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита.

Величайшая добродетель – все приписывать Богу. – Никто не может скрыться от очей Божиих. – Не нужно молиться о гибели врагов. – Проклятия против врагов смешны.

1. Эти слова кажутся недостойными Павла, так как показывают, что он из-за отсутствия брата пренебрег случаем споспешествовать спасению. Притом же они, по-видимому, не имеют и связи с (прежде сказанным). Что же прежде хотите, чтобы я вам доказал? То ли, что (апостол) не сказал здесь ничего недостойного себя, или то, что сказанное им имеет тесную связь с предыдущим? Мне кажется, прежде должно доказать последнее, потому что тогда и первое будет для нас удобопонятнее и яснее. Итак, какую же связь имеют эти слова с тем, что сказано прежде? Припомним прежде сказанное, тогда поймем и теперь сказанное. Что же прежде он говорил? То, что говорил в начале послания, а именно: «не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы» («не хочу вас... не вести о скорби... бывшей нам во Азии, яко по премногу и паче силы отяготихомся») (2Кор.1:8). Потом показывает, как он избавился от угрожавшей опасности, и, высказав далее промежуточные мысли, служащие к его оправданию, наконец опять дает знать, что он имел и другую скорбь. Какую же, и каким образом? Ту, что не нашел Тита. Поистине, и претерпенные (апостолом) искушения составляли для него немалую скорбь и могли повергнуть душу его в уныние. А когда не нашлось и того, кто мог бы его утешить и через участие облегчить тяжесть скорби, то, естественно, душевная буря должна была возрасти еще более. А этот Тит есть тот самый, о котором ниже говорит (апостол), и который приходил к нему (от коринфян), и от него обратно был посылаем к ним, и о котором он так много говорил с великою

похвалою. Итак, желая показать, что он и об отсутствии Тита скорбел из-за них же, (апостол) и сказал вышеуказанные слова. Отсюда очевидно, что эти слова имеют тесную связь с прежде сказанным. А что слова эти и не недостойны Павла – я попытаюсь доказать и это.

В самом деле, он не говорит, что отсутствие воспрепятствовало спасению желавших присоединиться к верующим; не говорит и того, что из-за этого он презрел верующих; а говорит только, что он не имел покоя, т. е. скорбел и печалился об отсутствии брата, желая показать этим, что значит отсутствие брата, и по этой причине вышел из Трояды. Что же значат слова: «Придя в Трояду для благовествования» («пришед в Трояду во благовестие»)? «Не без намерения, – говорит, – пришел я, но для того, чтобы проповедовать. И все-таки, несмотря на то, что с таким намерением пришел я (в Трояду), и там нашел весьма много дела: «хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел, – говорит, – покоя духу моему» («двери отверзены ми бывшей о Господе, не имел покоя»). Впрочем, это не помешало делу проповеди. Как же говорит: «но, простившись с ними, я пошел» («отрекся им издых»)? То есть: «Я не мог там остаться на долгое время по причине стеснения и скорби сердечной»; а может быть, и потому, что самое отсутствие (Тита) служило препятствием делу. А это также немало служило к успокоению коринфян. «Если, – говорит, – потому только, что не нашел брата (в Трояде), я должен был поспешно удалиться оттуда, хотя там мне отверста была дверь для проповеди, для которой я и приходил туда, то тем более вы должны извинить нас теснотою обстоятельств, которые всюду нами управляют и не позволяют нам, как бы мы хотели, ни уходить откуда-либо, ни проводить где-либо более времени, по нашему желанию». Вот почему, как выше он усвоял свои путешествия Духу Божию, так и здесь приписывает Богу, присовокупляя слова: «Благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте» («Богу же благодарение, всегда победители нас творящему о Христе... и воню разума Его являющую нами во

всяком месте») (2Кор.2:14). Чтобы не подумали, что (апостол) сетует и ропщет на принуждение от Бога быть там или в другом месте, он воссылает благодарение Богу. Смысл же слов его такой: «Повсюду скорби, повсюду теснота! Пришел я во Асию – там отягчен был сверх сил; пришел во Троаду – тут не нашел брата; не пошел к вам – и это причинило мне немалое, даже весьма большое огорчение, как потому, что многие из вас согрешили, так и потому, что я по этой причине не мог видеть вас». "Щадя вас, – говорит, – я доселе не приходил в Коринф» («Щадя вас ктому не приидох в Коринф») (2Кор.1:23).

Итак, чтобы, говоря таким образом, не показаться ропшущим на Бога, (апостол) присовокупляет, что: «В этих скорбях мы не только не унываем, но еще радуемся; и что главное – радуемся не только ради будущих наград, но и ради настоящих, так как перенесением скорбей мы еще и в этой жизни приобретаем себе похвалу и славу. Поэтому мы так далеки от сетования и ропота, что случающиеся с нами скорби называем даже торжеством и хвалимся ими». В этом смысле и сказал (апостол): «Благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе» («Богу же благодарение всегда победители нас творящему»), т. е., делает нас для всех славными. Хотя для других кажется бесчестьем то, что мы всюду терпим гонение, но для нас это является величайшей честью. Вот почему не сказал: «делающему нас известными», но: «победители... творящему», желая показать, что эти гонения служат для нас по всей земле вместо славных памятников непрестанных побед, одержанных над диаволом. Указав же на Дающего победы, далее сказывает и причину (этих побед) и тем ободряет слушателей. «Не только, – говорит, – от Бога даются нам победы, но и "о Христе", т. е. через Христа и проповедь. «А одерживая победы, – говорит, – нельзя и не прославиться нам, носящим знамение победы, так как мы именно носим его. Оттого мы и известны и сильны везде. «Благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте» («И воню разума его являющую нами во всяком месте»).

2. Выше (апостол) сказал: «всегда победители нас творящему»; теперь говорит: «во всяком месте», указывая этим

на то, что всякое место и время наполнены апостольскими подвигами. При этом он употребляет новую метафору, заимствованную от благовонного запаха. «Мы так же, – говорит, – делаемся всем известны, как и носящие многоценное миро», называя многоценным миром познание (о Христе). И не сказал просто – «познание» (разум), но – «благоухание познания» («воню разума»), потому что именно таково нынешнее наше познание: не совсем ясно и не совершенно открыто. Потому-то и в первом послании он говорил: «теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно» («видим убо ныне зеркалом в гадании») (1Кор.13:12), и здесь познание о Христе называет «благоуханием познания» («вонею разума»). Кто обоняет благоухание, тот знает, что где-то находится благовонное миро; но каково это миро само в себе, этого не может знать, если прежде не имел случая видеть его. Точно так же и мы: знаем, что Бог есть; а что Он по существу – этого не знаем. «Итак, мы, – говорит, – подобны царской кадилнице; и куда бы ни пошли, всюду источаем небесное миро и духовное благоухание». Говоря так, (апостол) имел двоякое намерение: во-первых, хотел показать силу проповеди – именно то, что через врагов, строящих козни, они только еще более прославляются, поскольку гонения дают возможность всей вселенной видеть их победы и обонять благоухание их проповеди; во-вторых, желал убедить коринфян мужественно переносить скорби и искушения, потому что через это они приобретут неизреченную славу еще прежде воздаяния (на небе).

«Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих» («Яко Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих») (2Кор.2:15). «Спасается ли кто, – говорит, – или погибает, проповедь Евангельская всегда сохраняет свое достоинство». Как свет и тогда, когда ослепляет слабых зрением, остается светом, хотя ослепляет; или как мед, хотя бы казался горьким для больных, не перестает быть сладким по природе, так точно и благовестие (о Христе) всегда сохраняет свое благоухание, хотя неверующие и погибают. Губит их не благовестие, но собственное их ожесточение. И погибелью нечестивых даже особенно обнаруживается

благоухание проповеди. Таким образом, сила благовестия обнаруживается не только в спасении добрых, но и в гибели нечестивых. Так и солнце потому особенно и ослепляет взоры слабых, что светит очень ясно. Также и Спаситель, хотя «лежит Сей на падение и на восстание многих» («лежит... на падение и на востание многим») (Лк.2:34), однако не перестает быть Спасителем и тогда, когда бесчисленное множество людей падают. И хоть пришествие Его на землю более послужило в наказание для неверующих, несмотря на то, оно всегда пребывает спасительным. В этом смысле и Павел говорит: «мы Христово благоухание Богу» («благоухание есмы Богови»); т. е., «хотя некоторые из слышащих благовестие и погибают, однако мы не перестаем быть тем, что мы есть». И не просто сказал – «благоухание», но – "Богу". Если же мы благоухание Богу и сам Бог так определяет о нас, то кто еще будет противоречить? И слова «Христово благоухание», по моему мнению, имеют двоякое значение. Этим (апостол) хочет сказать или то, что они, повседневно умирая (1Кор.15:31), приносят себя в жертву Богу, или, что они – благоухание смерти Христовой точно так же, как бы кто-нибудь сказал: «этот фимиам точно благоухание такой-то жертвы».

Итак, или в этом последнем значении употребил он слово «благоухание», или в первом мною сказанном, т. е., что (апостолы) повседневно приносили себя в жертву Богу, для Христа. Видишь ли, до чего он возвысил искушения, назвав их своим торжеством, и благоуханием, и жертвою, приносимою Богу? Далее, так как он сказал: «мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих» («благоухание есмы и в погибающих»), то, чтобы ты не подумал, что и погибающие угодны Богу, присовокупил: «для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» («овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот») (2Кор.2:16), т. е., обоняя это благоухание, одни спасаются, а другие погибают – так, впрочем, что если кто погибает, тот бывает сам виною своей гибели, потому что и благовонное миро, говорят, удушает свиней, и свет, как я прежде сказал, ослепляет слабых зрением. И таково свойство благ, что они не

только усовершенствуют сродное им, но и губят противное; и в этом последнем случае особенно обнаруживается их сила. Так и огонь, не тогда только, когда светит или очищает золото, оказывается огнем и обнаруживает свойственную ему силу; но еще более тогда, когда пожигает терние. И Христос явит свое величие, когда «убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» ("убьет антихриста духом уст Своих, и упразднит явлением пришествия Своего») (2Сол.2:8). «И кто способен к сему?» («И к сим кто доволен?»). Так как (апостол) сказал много великого и необычайного, называя себя и жертвою и благоуханием Христовым, и усваивая себе повсеместное торжество, то он опять старается умерить сказанное, относя все это к Богу. Поэтому и говорит: «И кто способен к сему?». «Все это, – говорит, – Христово, и нет ничего нашего».

Видишь ли его отличие от лжеапостолов? Последние хвалятся, что они в проповедь о Христе приносят нечто свое; а он, напротив, ставит в похвалу себе то, что ничего не называет своим. «Ибо похвала наша, – говорит, – сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире» («Похваление наше сие есть, свидетельство совести, яко... не в мудрости плоти, но благодатию Божиею жихом в мире») (2Кор.1:12). И как те приобретение земной мудрости вменяли в похвалу себе, так он, напротив, вменяет себе в похвалу незнание ее. Потому и здесь говорит: «И кто способен к сему?». А если мы сами по себе недостаточны для этого, то все происходящее (с нами и чрез нас) есть дело благодати. «Ибо мы не повреждаем слова Божия, как многие» («Несмы бо, якоже прочии нечисто проповедающе слово Божие») (2Кор.2:17).

3. «Хотя мы, – говорит, – и возвещаем много великого, однако ничего не присваиваем себе, напротив, все относим ко Христу. Мы не хотим подражать лжеапостолам, которые много присваивают себе самим. Это значило бы поступать подобно торгашу, когда он подделывает вино, или продает за деньги то, что надлежало бы давать даром». В самом деле, мне кажется, что (апостол) здесь осмеивает и любостяжание (лжеапостолов), и опять намекает на то, о чем я прежде говорил, т. е. что они

проповедуют божественное с примесью своего собственного. Обличая тот же порок, и Исаия говорил: «корчемницы твои мешают вино с водою» (Ис.1:22). Хотя это сказано о вине, но не будет погрешности, если кто отнесет это и к учению. «Не так, – говорит, – поступаем мы; но что вверено нам, то и предлагаем другим, и преподаем учение чистое – без всякой примеси – почему и присовокупил еще: «но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе» («но яко от чистоты, но яко от Бога, пред Богом, во Христе глаголем»). «Мы, – говорит, – не с тем проповедуем, чтобы обманывать вас, как бы свое даруя вам что-нибудь, или от себя что-нибудь привнося и примешивая, но «как от Бога», т. е.: «не говорим, будто от себя что-нибудь даруем вам, но утверждаем, что все даровал Бог». Выражение «как от Бога» именно и значит – ничем не хвалиться как своим, но все приписывать Богу. «Во Христе проповедуем» («Во Христе глаголем»), – т. е., «все говорим не от нашей мудрости, но просвещаемые силою Христовою». Напротив, любящие хвалиться не так проповедуют, но как бы привнося что-нибудь свое. Потому и в другом месте (апостол), обличая таких проповедников, говорит: «Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» («Что имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не прием») (1Кор.4:7).

Самая высокая добродетель – приписывать все Богу и ничего не почитать своим, ничего не делать для приобретения славы человеческой, но все – для благоугождения Богу, потому что Он (а не другой кто) потребует от нас отчета. В наше же время порядок этот извращен. Ныне мы не столько боимся Того, кто некогда воссядет на судилище и потребует от нас отчета в делах наших, сколько страшимся тех, которые вместе с нами предстанут на суд. Откуда же у нас эта болезнь? Откуда проникла в наши сердца? От редкого помышления о будущем и крайней привязанности к настоящему. Оттого мы так легко впадаем и в злые дела; и даже если делаем что-нибудь доброе, то делаем только напоказ, так что и отсюда для нас происходит вред. Ты не один раз глядел бесстыдными глазами на женщину, и утаил это как от той, на которую посмотрел, так и от спутников

твоих; но ты не скроешь этого от Ока, никогда не дремлющего. Еще прежде, чем человек совершит грех, Оно уже видело в душе его преступную похоть, и внутреннее неистовство, и бурное и необузданное движение помыслов. Тот, кто все видит, не имеет нужды в свидетелях и доказательствах. Итак, смотри не на подобных тебе рабов. Если и похвалит дела твои человек, для тебя нет в том никакой пользы, как скоро не примет их Бог; равным образом, если и похулит их человек, нет в том для тебя никакого вреда, как скоро не похулит Бог. Напротив, высоко ценя мнение подобных тебе рабов, а не страшись и не трепеща негодования Судии, смотри, не прогневай Судию.

Итак, презрим похвалу человеческую. Доколе станем унижаться и пресмыкаться по земле? Доколе будем порываться к земле, когда Бог влечет нас на небо? Братья Иосифа не сделали бы умысла убить своего брата в пустыне, если бы, как должно, имели пред очами своими страх Божий (Быт.37). Равным образом и Каин, если бы боялся суда Божия, как надлежало бояться, не сказал бы Авелю: «иди, и пойдем на поле» (Быт.4:8). В самом деле, для чего ты, жалкий и несчастный, отлучил брата своего от отца и увел в пустыню? Разве Бог не видит и на поле твоего дерзкого преступления? Как ты не научился из случившегося с твоим отцом, что Бог все видит и присутствует при всех наших делах? Но почему, когда (Каин) не признавался в своем преступлении, Бог не сказал ему: «от Меня ли Вездесущего и знающего даже тайные помышления ты скрываешь?» Потому, что он не мог еще хорошо понимать этих свойств Божиих. Что же сказал ему Бог? «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне» («Глас крове брата твоего вопиет ко Мне») (Быт.4:10). Слова эти не то значат, чтобы кровь имела голос, а сказаны в том же смысле, как и мы говорим о случаях явных и очевидных: самое дело говорит. Итак, всегда должно иметь пред очами суд Божий – и все зло угаснет. Таким же образом и во время молитв мы можем удерживать трезвенное внимание, если будем помнить, с кем беседуем, если будем представлять, что приносим жертву, имеем в руках нож, и огонь и дрова; если, мысленно отверзши двери неба, там остановимся, и, взяв духовный нож, вонзим его

в жертвенное животное, и пожрем Ему трезвенное внимание, и прольем пред Ним слезы. Такова кровь этой жертвы; таковым закланием должен быть обогрен этот жертвенник! Смотри же, не позволяй ни одному помыслу занимать в это время твою душу.

4. Припомни, что и Авраам при своем жертвоприношении не позволил быть ни жене, ни рабу, ни другому кому. Так и ты не оставляй при себе никакой страсти, свойственной рабам, а не свободным, но один взойди на ту гору, на которую он всходил, и на которую никому другому всходить не позволено. Если же какие из недостойных помыслов и будут усиливаться, чтобы взойти с тобою на гору, запрети им это, как господин их, и скажи: «останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам» («сядите zde... аз же и детищ... поклонившеся возвратимся») (Быт.22:5). Все, что есть бессловесного и неразумного – и осла и рабов – оставь при подошве горы; взойди, взяв с собою только разумное, как он – Исаака. И ты, как он, устрой жертвенник, отрешившись от всего человеческого и став выше своей природы – ведь и он, если бы не стал выше своей природы, не решился бы заклать сына. Наконец, ничто пусть не возмущает тебя в это время, но будь выше самых небес. Горько плачь, принеси в жертву исповедание (грехов), потому что сказано: «говори ты, чтоб оправдаться» («глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися») (Ис.43:26). Принеси в жертву сокрушение сердечное. Такие жертвы не превращаются в пепел, не исчезают с дымом; не нужны для них ни дрова, ни огонь, нужно только сокрушенное сердце. Это дрова, это огонь, который объемлет дрова пламенем, а не сжигает их. Кто с пламенным усердием молится, тот горит и не сгорает – подобно золоту, испытываемому огнем, делается только чище и светлее.

Вместе с этим наблюдай и то, чтобы не говорить в молитве ничего, что может прогневить своего Владыку: не приступай к Нему с молитвою о гибели врагов. Если иметь врагов уже преступление, то подумай, какое преступление, если молишься о гибели их? Ты должен просить прощения и в том, что имеешь врагов; а ты хочешь еще обвинять их? И как ты можешь получить прощение, когда обвиняешь других, и притом в такое

время, когда сам имеешь нужду в великой милости? Ты ведь приходишь сюда за тем, чтобы молиться о прощении своих грехов; итак, не припоминай чужих грехов, чтобы не припомнили твоих. Если ты, молясь Богу, говоришь: «порази врага», то заграждаешь этим себе уста, и связываешь себе язык, во-первых, потому, что в самом начале молитвы тотчас приводишь в гнев Судию, во-вторых, потому, что просишь совсем не того, о чем, по-видимому, молишься. В самом деле, если ты молишься об отпущении грехов, то почему же просишь о наказании? Совсем напротив надлежало бы поступать тебе – молиться и за самих врагов, чтобы с дерзновением молиться и за себя. А ты теперь, требуя казни грешников, осуждением их присваиваешь себе место Судии, что и делает тебя недостойным никакого помилования. Когда же будешь молиться за врагов, то, хотя бы ты ничего не говорил в молитве о своих грехах, ты все исполнил. Припомни, сколько жертв указано в законе. Жертва хвалы, жертва исповедания, жертва спасения, жертва очищения и другие бесчисленные; ни одной нет против врагов, но каждая за свои грехи или даже за добродетели. Разве ты приступаешь с молитвою к другому Богу? Ты приступаешь к тому же Богу, Который сказал: «молитесь за... врагов ваших» (Мф.5:44). Как же ты вопиешь против них? Как дерзаешь просить Бога, чтобы Он нарушил собственный Свой закон? Эта личина неприлична молящемуся рабу.

Всякий должен молиться не о гибели другого, но о своем спасении. Для чего же ты принимаешь на себя вид молящегося раба, а говоришь как обвинитель? Притом, когда мы о себе молимся, то и почесываемся, и зеваем, и развлекаемся бесчисленными помыслами; а о гибели врагов молимся со всем вниманием. Так как диавол знает, что мы в это время поднимаем меч на себя самих, то он нисколько нас и не развлекает и не останавливает, чтобы таким образом больше повредить нам. Но меня обидели и огорчили, скажешь ты? Так молись о гибели диавола, который несравненно более всех обижает нас. Об этом тебе и предписано молиться так: «избавь нас от лукавого» (Мф.6:13). Подлинно, он один непримиримый наш враг, а человек, чтобы он ни делал, всегда друг и брат наш.

Итак, на диавола все мы должны обращать гнев свой, о его гибели должны молить Бога, и говорить: «сокруши сатану под ноги наши», потому что он и людей делает врагами нам. Если же ты будешь молиться о гибели врагов, то будешь молиться о том, чего хочет твой непримиримый враг, между тем как молитва за врагов есть молитва против него самого. Итак, для чего ты, оставив настоящего твоего врага, терзаешь собственные члены, и таким образом делаешься лютее зверей? Ты скажешь: «он обидел меня», или: «отнял у меня имение». Но и в этом случае о ком более должно плакать – о том ли, кто потерпел обиду, или о том, кто обидел? (Об обидевшем, потому что) тот, кто обогатился чужим имением, лишился благоволения Божия, и потерял несравненно более, нежели сколько приобрел – он, следовательно, и есть обиженный. Вот почему не против него, но за него должно молиться, чтобы Бог был милостив к нему.

5. Смотри, сколько несчастий потерпели три отрока, не сделавшие никакого зла: лишены были отечества и свободы, отведены в плен и стали рабами в стране чужой и варварской, наконец, без вины и напрасно приговорены были на смерть – за сновидение (которого волхвы не могли припомнить и объяснить Навуходоносору) – Дан. гл. 1 и 2. Что же предпринимали эти три отрока вместе с Даниилом? О чем молились Богу, что говорили? Сокруши Навуходоносора? Сорви с него диадему? Низвергни его с престола? Нет, ничего такого (они не говорили); но – «просили милости у Бога» («щедрот прошаху у Бога») (Дан.2:18). Также поступали они и тогда, когда ввержены были в печь огненную. Не так поступаете вы; но терпя несравненно менее, нежели те три отрока, и притом часто по заслугам, вы не престааете в молитве всячески проклинать врагов. Один говорит: «низвергни (Господи) врага моего, как вверг ты в море колесницы фараоновы». Другой говорит: «порази плоть» (врага); иной еще говорит: «воздай ему на детях его». Ужели не узнаете, что это ваши слова?

Отчего же вы смеетесь? Видишь, как смешны (проклятия твои), когда в спокойном состоянии вспоминаешь о них! И всякий другой грех оказывается столь же постыдным, когда

будешь рассматривать его, отложив страсть к нему. Человеку, увлекшемуся гневом, после напослони слова, произнесенные им во гневе; он покраснеет от стыда, будет смеяться над самим собой, и скорее решится терпеть что угодно, нежели согласится признать их своими. Или, приведи распутного к блуднице, с которой он пал; он с отвращением будем смотреть на нее, как на женщину непотребную. Так и вы теперь, будучи свободны от страсти, смеетесь над своими словами. Они и достойны смеха, потому что свойственны пьяным старухам и малодушным женщинам. Иосиф, проданный братьями, сделавшись рабом и вверженный в темницу, не говорил против оскорбивших его ничего оскорбительного. Что же он говорил? «я украден из земли Евреев» («Краденным украден бых из земли Еврейския») (Быт.40:15). Не упомянул даже, через кого был украден. Он стыдился за злых братьев своих более, нежели они сами, сделавшие это. Такие же чувства должны иметь и мы, и причиняющих нам обиды должны жалеть более, нежели они сами, потому что весь вред переходит на них. Подобно тому, как вбивающие гвозди и тем гордящиеся достойны сожаления и слез за свое безумие, точно так же и обижающие тех, которые не сделали им никакого зла, достойны более сострадания и слез, нежели проклятий, потому что погубляют свои души.

Подлинно, нет ничего презреннее души, которая в молитве прокликает других, и сквернее языка, который приносит (Богу) такие жертвы. Ты человек – не изливай же из уст твоих яда аспидов. Человек ты – не будь же зверем. Уста даны тебе не для того, чтобы уязвлять, но чтобы исцелять язвы других. «Вспомни, -говорит Бог, – что Я внушал тебе: оставлять и прощать (согрешения). А ты умоляешь Меня, чтобы и Я был тебе сообщником в нарушении Моих же повелений, и сбедаешь брата, обагрешь кровью язык свой, подобно бешеным, которые своими зубами терзают свои же члены». Думал ли ты о том, как радуется и смеется диавол, когда слышит такие молитвы? Помышлял ли, напротив, как гневается, как отвращается и как ненавидит Бог, когда ты так молишься? Что может быть преступнее того, что ты делаешь? В самом деле, если и тому, кто имеет только врагов, не следует приступать к таинствам, то

как не должно возбранить приближаться даже к преддверию храма тому, кто не только имеет врагов, но еще и молится о гибели их? Итак, сообразив сказанное и припомнив, что виновник жертвы (нами приносимой) принес Себя в жертву за врагов, постараемся не иметь врагов. Если же имеем, то будем молиться за них, чтобы и мы, получив прощение грехов наших, с дерзновением могли предстать на суд Христа, Которому слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 6

2Кор.3:1. Неужели нам снова знакомиться с вами? Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас?

В чем состоит жизнь души. – Великое зло – говорить срамное и постыдное.

1. Так как некоторые могли сказать, что (апостол) сам себя выхваляет, то в предупреждение такого обвинения он и говорит так. Хотя он и раньше несколько раз исправлял такую мысль, когда говорил: «И кто способен к сему?», и: «проповедуем искренно, как от Бога» («от чистоты... глаголем») (2Кор.2:16–17), тем не менее он не удовлетворяется; таков его обычай, чтобы как можно дальше отстранять от себя ту мысль, будто он сам о себе говорит что-нибудь великое. Он избегает этого с величайшим старанием и заботливостью. А ты, со своей стороны, заметь и здесь великую мудрость (апостола). В самом деле, обстоятельства, казавшиеся сами по себе неприятными – я разумею его бедствия – он так возвысил и представил в таком блеске и свете, что из его описания могло родиться подобное подозрение. То же делает он и далее (в послании). Перечислив бесчисленные бедствия, огорчения, тесные обстоятельства, крайнюю нужду и тому подобное, он присовокупил: «Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами» («не себе хвалим..., но вину даем вам похваления») (2Кор.5:12). Но там он говорит это гораздо сильнее и с бóльшим негодованием. Здесь слова его: «Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас?» («или требуем, якоже нецыи, извещавательных посланий?») выражают любовь, – там, как это было нужно и полезно, – слова его исполнены и особенной силы и негодования: "Не снова, – говорит, – представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами» («не паки себе хвалим..., но вину даем вам похваления»); и еще: «Не думаете ли еще, что мы *только* оправдываемся перед вами?» («паки ли мните, яко ответ вам творим?»). Потому что «мы говорим пред Богом, во Христе»

(«пред Богом во Христе глаголем»)... «Я опасаясь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете» («Боюсь же, еда како пришед, не яцех же хочу, обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хотите») (2Кор.12:19–20). Чтобы не подвергнуться укоризне в лести и домогательстве от них похвалы, говорит им: «я опасаясь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете». Но все это говорит он с большою укоризною; вначале же говорит не так, но гораздо снисходительнее.

Что же значат слова его? Выше говорил он об искушениях, опасностях и о том, что Бог во Христе повсюду творит его победителем, и вся вселенная знает о победах его. Сказав, таким образом, о себе нечто великое, он и предлагает себе этот вопрос: «Неужели нам снова знакомиться с вами?» («зачинаем ли паки нас самех извещавати вам?») Слова его имеют такой смысл: может быть кто-нибудь скажет нам: «Что это значит, Павел? Для чего ты так говоришь о самом себе, для чего превозносишь себя?» – в предупреждение подобного возражения он и говорит: «нет, мы не хотим хвалиться и превозносить себя пред вами; мы столько далеки от того, чтобы просить одобрительных о себе к вам писем, что вы сами служите для нас вместо письма»: "Вы, – говорит, – наше письмо» («послание бо наше вы есте») (2Кор.3:2). Что же значит: «Вы – наше письмо»? «Если нужно будет нам рекомендовать себя пред другими – мы вас выставим на середину вместо одобрительного письма». То же говорил он и в первом послании: «печать моего апостольства – вы в Господе» («печать бо моего апостольства вы есте») (1Кор.9:2). Но здесь он сказал не просто, а с некоторою иронией, чтобы придать своей речи более силы: «Неужели нужны для нас, – говорит, – одобрительные письма к вам или от вас?» («или требуем извещавательных посланий?»). И имея в виду лжеапостолов, присовокупил: «как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас, к другим». Потом, так как сказанное было тяжело для слуха, то далее он смягчает слова свои, говоря: «Вы –

наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы – письмо Христово» («послание наше вы есте, написанное в сердцах наших, знаемое... от всех... являеми, яко есте послание Христово») (2Кор.3:2).

Здесь он не только выражает свою любовь к ним, но и свидетельствует о их добродетельной жизни, т. е., что они своими добродетелями могут доказать пред всеми достоинство своего учителя. Таков смысл слов: «Вы – наше письмо». Что сделали бы ваши письма, в которых стали бы вы одобрять и прославлять нас, то самое вы исполняете своею жизнью по вере, которую все видят и слышат. Добродетели учеников служат наилучшим украшением для их наставника, и одобряют его лучше всякого письма. «Написанное в сердцах наших», т. е., которое всем известно, потому что мы везде носим вас с собою и содержим в сердце нашем. Как бы так он говорил: «Вы служите нам одобрением пред другими, и мы всегда имеем вас в сердце своем, и перед всеми возвещаем о ваших добродетелях. А потому не только мы не имеем нужды в одобрительных от вас письмах к другим, потому что вы служите одобрением нашим, но и для вас самих мы не имеем нужды в свидетельстве других, потому что мы сильно любим вас. Одобрительные письма нужны к незнакомым, а вы находитесь в сердцах наших». И не просто сказал: «находитесь», но – "написаны", т. е. так, что не можете изгладиться из сердец наших. Как читая послания наши, так и уверяясь из сердец наших, все знают любовь нашу, которую имеем к вам.

2. Итак, если письма употребляются для того, чтобы показать, что такой-то мне друг и пользуется моею доверенностью, то все это для нас заменяет ваша любовь. А потому, к вам ли мы идем – не имеем нужды брать одобрение от других, так как это вполне заменяет ваша любовь к нам, или к другим – опять не имеем нужды брать и от вас одобрительных писем, потому что вместо них для нас и здесь довольно той же любви. Мы носим послание в сердцах наших. Потом, возводя их к высшему разумению, называет их посланием Христовым, говоря: «вы показываете собою, что вы – письмо Христово»

(«являеми, яко есте послание Христово») (2Кор.3:3). И сказав это, он извлекает отсюда повод говорить о законе; и опять называет их посланием своим, но в другом смысле. Выше он называл их посланием потому, что они служат для него одобрением; а здесь называет их посланием Христовым, как имеющих в себе написанным закон Божий. «Что Бог благоволил открыть всем и вам, все это, – говорит, – написано в сердцах ваших; а мы приготовили вас к принятию этих писем. Как Моисей обделал камни и скрижали, так и мы приготовили души ваши. Потому и говорит: «через служение наше» («служенное нами»). Но скажут, что и те, и другие скрижали равны, потому что и те написаны Богом, и эти Духом (Божиим). Где же между ними различие?

«Написанное, – говорит, – не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» («Написано не чернилом, но Духом Бога жива; не на скрижалях каменных, но на скрижалях сердца плотяных»), а каково различие между Духом и чернилами и скрижалями каменными и плотяными, таково же различие между теми и другими письменами: тем же различаются и послужившие (письменам новозаветным) от послужившего (ветхозаветным). Но чтобы не подумали, что он сказал о себе слишком много, он тотчас и поясняет себя, говоря: «Такую уверенность мы имеем в Боге через Христа» («надеяние же таково имамы Христом к Богу»). И таким образом опять все приписывает Богу, и виновником всего называет Христа. «Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя» («Не яко довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе») (2Кор.3:4–5). Смотри, вот и еще он умеряет речь свою. И это оттого, что он владел добродетелью смирения в высшей степени. И потому, как скоро говорил что-нибудь великое о себе, тотчас старался опять всеми способами смягчить сказанное. Это делает он и здесь, когда говорит: «не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя». То есть, я не сказал: «Такую уверенность мы имеем», по которой одно усвоим себе, а другое Богу; напротив, такую, по которой все возлагаем на Бога и Ему вменяем, потому что «способность наша от Бога. Он

дал нам способность быть служителями Нового Завета» («довольство наше от Бога, иже и удоволи нас служители быти нову завету») (2Кор.3:5–6). Что значит – "удоволи"? То, что Бог сделал нас способными к такому служению. Не малое дело – сообщить вселенной такие скрижали и письма, которые гораздо важнее первых. Потому и присовокупил: «не буквы, но духа» («не письмене, но Духу»).

Вот еще новое различие (ветхих и новых скрижалей). Какое же? Разве ветхий закон не был духовен? Как же говорит (тот же апостол): «мы знаем, что закон духовен» («вемы, яко закон духовен есть») (Рим.7:14)? Он был духовен, но не подавал Духа, потому что Моисей принес не Дух, а письма, а мы уверены, что подаем Духа. Показывая это яснее, далее и говорит: «буква убивает, а дух животворит» («писмя убивает, а Дух животворит»). И говорит это не без цели, но для того, чтобы обличить тех, которые тщеславились исполнением иудейских обрядов. «Буквой» (письменем) он называет здесь закон, угрожающий наказанием согрешающим, а духом – благодать, через таинство крещения животворящую умерщвленных грехами. Показав, таким образом, различие тех и других скрижалей из самого их существа, он не останавливается на этом; но продолжает далее раскрывать это различие и притом с такой стороны, с которой сильнее может увлечь слушателя – т. е., со стороны животворности и легкости (последних). «Новый завет, – говорит он, – и не труден, и дарует большую благодать». Если он, рассуждая о Христе, выставляет особенно то, что более принадлежит Его человеколюбию, нежели достоинству, или что принадлежит и тому и другому вместе, то тем более он должен так говорить, рассуждая о Его завете. Итак, что значат слова: «буква убивает»? Прежде он сказал, что один завет написан на скрижалях каменных, а другой – на сердцах плотных. Но ему показалось, что такое различие еще не велико, а потому присовокупил, что прежний завет написан был буквами и чернилами, а новый – Духом. Но так как и это различие еще не вполне могло возбудить его слушателей, то он указывает, наконец, нечто такое, что могло окрылить их, – именно то, что «буква убивает, а дух животворит».

3. Что же это значит? По (ветхому) закону грешник подвергается наказанию; а здесь (по новому) грешник прибегает к крещению и становится праведным, сделавшись же праведным, он оживает, освобождается от смерти греха. Закон, если поймает убийцу, то осуждает его на смерть, а если благодать настигнет убийцу, то освящает и оживляет его. Но что я говорю об убийце? Закон и того схватил и побил камнями, который собирал дрова в субботу (Числ.15:32–36). Вот что значит: «буква убивает»! Напротив, благодать ловит бесчисленных человекоубийц и разбойников, и, омывая их водами крещения, разрешает от прежних зол. Вот что значит: «Дух животворит»! Закон кого поймает, того из живого делает мертвым; а благодать соделывает живым преступника из мертвого. «Придите ко Мне, – говорит она, – «все труждающиеся и обремененные, и Я», – не говорит – «накажу вас», но – «успокою вас» («Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы») (Мф.11:28). В крещении погребаются грехи, заглаживаются прежние неправды, человек оживает, и всякая благодать напечатлевается в его сердце, как на скрижали. Итак, помысли, сколь велико преимущество Духа, когда и скрижали Его превосходнее первых, когда Он показывает и нечто высшее даже самого воскресения.

В самом деле, та смерть, от которой Он освобождает, гораздо опаснее первой смерти, и настолько опаснее, насколько душа превосходнее тела, и естественная жизнь держится тою жизнью, которую дает Дух. Если же Он может даровать эту высшую жизнь, то тем более может дать низшую; эту последнюю давали и пророки, а той никогда, – потому что никто не может отпускать грехов, «кроме одного Бога» (Лк.5:21). Но и низшей жизни пророки не могли бы сообщать без того же Духа. И не только то удивительно, что Дух животворит, но и то еще, что Он даровал и другим силу животворить. «Примите Духа Святаго» («Приимите Дух Свят»), – говорит (Господь) (Ин.20:22). Для чего же? Разве без Духа нельзя было? Бог говорит это для того, чтобы показать, что (Дух) имеет высочайшую власть, ту же царскую сущность и ту же силу. Для того и присовокупляет: «Кому простите грехи, тому простятся;

на ком оставите, на том останутся» («имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся») (Ин.20:23). И вот, так как (Дух Святой) животворил нас, то и сохраним эту жизнь, и не станем опять возвращаться к прежней мертвости. «Христос..., уже не умирает... Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха» («Христос... ктому уже не умирает... Еже бо умре, греху умре единою») (Рим.6:9–10). И не хочет, чтобы мы всегда ожидали спасения только от благодати: иначе мы будем лишены всего; Он хочет, чтобы и с нашей стороны привнесено было что-нибудь. Позаботимся же привнести что-нибудь, и соблюдем жизнь души.

А в чем состоит жизнь души, это можешь узнать из жизни тела. Тело мы называем живым тогда, когда оно находится в здоровом состоянии. Когда же оно находится в расслаблении и имеет беспорядочное движение, то хотя оно, по-видимому, и живет и движется, но такая жизнь бывает хуже всякой смерти. Также если (человек) ничего не говорит здорового, но произносит слова свойственные безумным, и превратно видит предметы, то опять имеющий такое тело гораздо более достоин сожаления, нежели умерший. Так и душа, если не имеет ничего здорового, если, например, смотрит на золото не как на золото, но как на нечто великое и важное, если ни мало не помышляет о будущем, но пресмыкается долу и делает то, чего не надлежало бы ей делать, – такая душа хотя бы и казалась живою, она умерла.

Из чего мы познаем, что имеем душу? Не из действий ли, свойственных душе? Но если она не делает того, что ей свойственно, то не умерла ли она? Если, напр., она не заботится о добродетели, но похищает чужое и беззаконничает, то почему я могу сказать, что ты имеешь душу? Потому ли, что ты ходишь? Но это свойственно и неразумным животным. Потому ли, что ешь и пьешь? Но и звери едят и пьют. Потому ли, что ты стоишь в прямом положении и на двух ногах? Но из этого я более вижу, что ты зверь в человеческом образе. В самом деле, когда ты по всему прочему сходишь с зверем, и отличаешься от него только прямым положением, то этим ты только еще более возмущаешь и поражаешь меня, и я, смотря

на тебя, скорее сочту тебя за чудовище. Если бы я увидел зверя, говорящего человеческим языком, то не сказал бы по одному этому, что он человек, но почел бы его по этому самому более странным пред другими зверями. Итак, откуда же могу я узнать, что ты имеешь душу человеческую? Когда ты лягаешься как осел, когда злопамятен как верблюд, когда кусаешься как медведь, когда хищен как волк, когда крадешь как лисица, когда коварен как змей, когда бесстыден как пес – как я могу узнать, что ты имеешь человеческую душу? Хотите, я покажу вам душу мертвую и живую? Обратимся опять к древним мужам, и, если угодно, представим того богатого, который жил во дни Лазаря, чтобы узнать нам, в чем состоит смерть души. Что этот богатч имел душу мертвую, это видно из дел его. Он не сделал ничего, что показывало бы в нем разумную душу; а только ел, пил и веселился.

4. Есть и ныне такие же немилосердные и жестокие люди. И они, подобно этому богачу, имеют мертвую душу – потому что они убили в себе всю ту теплоту, какая происходит от любви к ближним, и душа их мертвее бездушного тела. Но не таков был нищий: он просиял, как взошедший на самый верх любомудрия. Борясь непрестанно с голодом, и не имея даже самой необходимой пищи, он не произнес на Бога ни одного хульного слова, но все переносил великодушно. А это немаловажное дело души, и даже самое сильное доказательство ее крепости и здоровья. Когда же не видно в душе таких добродетелей – явный признак, что они пропали от ее мертвости. Не должны ли мы, скажи мне, называть мертвою ту душу, которая, когда нападает на нее диавол, бьет ее, терзает, грызет, топчет, всего этого не чувствует, спит, как мертвая, и не скорбит о расхищении своего достояния: диавол терзает ее, а она остается неподвижною, подобно бездыханному телу, и не чувствует этого. Когда в душе нет страха Божия и попечения о своем спасении, то она необходимо делается таковою, и еще хуже всякого трупа. Душа не превращается подобно телу в гнилую жидкость, в грязь и в прах, но, что еще отвратительнее, в пьянство, в злобу, любостяжание, в гнусную любовь, в преступные пожелания. Если же ты еще яснее хочешь видеть гнусность порочной души,

то очисти душу твою, и тогда ясно увидишь, как отвратительна (душа) оскверненная и нечистая. Теперь ты увидеть этого не можешь потому, что, когда мы остаемся с привычкой к нечистоте, тогда не чувствуем ее; но когда станем питаться духовными глаголами, тогда поймем, как велико это зло – нечистота душевная, хотя для многих это и кажется безразличным. Я не буду говорить теперь о геене; но, если угодно, посмотрим на порочного человека еще здесь – на земле, и притом не на того, который гнусно делает, но который только говорит гнусное – как он смешон, сколько он обижает прежде всего самого себя, и как он, подобно изbleвывающему из уст тину, делает себя отвратительным. Если же струя так отвратительна, то подумай, как отвратителен должен быть источник этой тины: «Ибо от избытка сердца говорят уста» (Мф.12:34). Но я не об этом только скорблю, а еще больше о том, что некоторым это даже не кажется и постыдным. Отсюда-то и умножается всякое зло, т. е., когда мы грешим, и между тем думаем, что не грешим.

Итак, хочешь ли знать, сколь великое зло – говорить срамное и постыдное? Всмотрись, как краснеют от твоего бесстыдства те, которые тебя слушают. В самом деле, что может быть хуже и презреннее человека, бесстыдно срамословящего? Такие включают себя в разряд скоморохов и распутных женщин. Вернее же сказать, и распутные женщины имеют больше стыда, чем вы. Как же можешь научить целомудрию жену, когда бесстыдными глазами возбуждаешь ее идти в распутство? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие. Если у тебя дурно пахнет изо рта, то ты не прикасаешься к общей трапезе; но когда в душе твоей такой смрад, скажи мне, как ты дерзаешь приступать к тайнам Господним? Если бы кто, взяв нечистый сосуд, положил его на твоей трапезе, такого ты, избив палками, прогнал бы; скажи теперь, ужели ты не думаешь прогневать Бога, когда на трапезу Его (а уста наши и есть трапеза Божия, когда мы приобщаемся таинства евхаристии) приносишь слова гнуснейшие всякого нечистого сосуда?

Да и как может быть иначе? Ничто так не прогневляет Его, Святейшего и Чистейшего, как такие слова; ничто не делает людей столь наглыми и бесстыдными, как когда они говорят и слушают подобные слова; ничто так легко не расстраивает нервы целомудрия, как возгорающийся от таких слов пламень. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова, зловоннее всякого трупа, убиваешь самую душу и соделываешь ее нечувствительною. В самом деле, когда ты поносишь кого-нибудь, это голос не души, но твоего гнева; когда срамословишь, то не она так говорит, но твое безрассудство; когда злословишь – это говорит ненависть; когда обманываешь – это дело любостяжания: все это не душе принадлежит, но страстям и болезням души. Подобно тому, как тление не принадлежит собственно телу, но смерти и страстям, живущим в теле, так и эти пороки принадлежат прившедшим в душу страстям.

Если хочешь слышать голос души живой, то послушай, что говорит Павел: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. Великое приобретение – быть благочестивым и довольным» («Имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем. Есть же снискание велие благочестие») (1Тим.6:8,6). Также: «для меня мир распят, и я для мира» («мне мир распяся, и аз миру») (Гал.6:14). Послушай, что говорит и Петр: «серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе» («сребра и злата несть у мене: но еже имам, сие ти даю») (Деян.3:6). Послушай Иова, который благодарит Бога, и говорит: «Господь дал, Господь и взял» («Господь даде, Господь отъят») (Иов.1:21). Вот слова души живой, которая выражает в них ей принадлежащие силу и действие. Подобным образом и Иаков говорил: «и даст мне хлеб есть и одежду одеться» («аще даст ми Господь хлеб ясти, и ризы облещися») (Быт.28:20); так же говорил Иосиф: «как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом?» («како сотворю глагол злый сей, и согрешу пред Богом?») (Быт.39:9). Но не так говорила та пьяная и неистовая жена, когда сказала: «ложись со мной» («ляги со мною») (Быт.39:12). Итак, узнав все это, поревнуем душе живой и будем убегать души мертвой, чтобы таким образом получить нам

жизнь будущую, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, которому слава во веки веков. Аминь).

Беседа 7

2Кор.3:7–8. Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно, что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей, то не гораздо ли более должно быть славно служение духа?

Каким образом закон причиняет смерть. – Закон окончился со Христом. – Дух Святый по достоинству равен Отцу. – Настоящая жизнь подобна буре. – Способ искоренения похоти.

1. (Апостол) сказал, что Моисеевы скрижали были каменные и начертаны буквами, а (новозаветные скрижали, т. е.) сердца апостолов плотные и написаны Духом; сказал также, что «буква убивает, а Дух животворит». Оставалось, наконец, присоединить к этому сравнению еще нечто немаловажное, именно о славе лица Моисеева, каковой славы никто не видел в новом завете телесными очами. Потому первая и казалась великою славою, так как поражала чувства и созерцаема была телесными очами, хотя вместе была и недоступна. А слава Нового Завета есть духовна. Но постижение этого превосходства последней недоступно было для немощных; потому та (ветхозаветная) слава более восхищала и привлекала их к себе. И так как он допустил уже такое сравнение, то старается показать и превосходство (новозаветной славы). Но так как это было очень трудно по причине немощи слушателей, то смотри, что он делает и какой способ употребляет для достижения своей цели: сперва он показывает это различие и превосходство чрез умозаключения, которые извлекает из вышесказанного. Если то (ветхозаветное) служение, говорит, было служение смерти, а это (новозаветное) есть служение жизни, то несомненно, что и слава последнего служения больше славы первого. Так как он не мог представить ее (новозаветной славы) очам телесным, то превосходство ее и показал чрез умозаключение, говоря: «Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно... то не гораздо ли более должно быть славно служение

духа?» («аще ли же служение смерти... бысть во славу...: како не множае паче служение Духа будет в славе»), разумея под служением смерти закон. И смотри, какую великую осторожность наблюдает он в сравнении, чтобы не подать какого-нибудь повода еретикам. Он не сказал: (закон) виновник смерти, но: «служение смерти», так как закон служит к смерти, а не породил смерти. Виновник смерти был грех; а закон подверг осуждению за грех, и только обнаружил грех, а не произвел его; он яснее открыл зло, и только наказывал за зло, а не побуждал к злу; и служил не для того, чтобы производить грех или смерть, но чтобы наказывать того, кто грешит. А таким образом он был вместе и истребителем греха.

В самом деле, когда он показывал грех столь страшным, то, очевидно, этим заставлял и убегать его. Как тот, кто берет в руки меч и умерщвляет осужденного, служит только орудием судьи, произносящего приговор, и хотя он умерщвляет, однако, не есть убийца, равно как и тот, кто произносит приговор и осуждает виновного, но виною смерти есть преступление наказываемого – так и здесь не закон умерщвляет, но грех. Он и умерщвлял и осуждал; закон же, наказывая преступника, отнимал силу у греха, укрощая его страхом наказания. Но (апостол) не удовлетворился одним только этим сравнением, чтобы убедить в превосходстве (Нового Завета), но присовокупил и другое нечто, сказав: «начертанное на камнях» («писмены образовано в каменех»). Смотри, как он опять низлагает иудейскую гордость. В самом деле, закон был не что иное, как письмена. А письмена никакой помощи, вроде того как бывает в крещении, не доставляли и не сообщали находящимся под законом; но скрижали и начертания приносили смерть преступающим письмена. Видишь ли, как он исправляет иудейское любопрение, и самыми наименованиями отнимает превосходство у закона, называя его то "камнем", то "буквами", то «служением смерти», и еще «образованным» или «начертанным». Этим он показывает или то, что закон привязан к известному только месту, а не так, как дух, который присутствует везде, и во все вдыхает великую силу; или то, что письмена дышат великими угрозами, и такими угрозами,

которые не могут быть уничтожены, но всегда остаются как вырезанные на камне.

Потом, хотя, по-видимому, и хвалит древний (закон), но тут же вместе и обличает опять грубость иудеев. Сказав: «начертанное на камнях, было так славно», присовокупил: «что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево», что обличало в них великую слабость и плотность. И опять говорит, что (иудеи) не могли взирать не ради славы скрижалей, но «по причине славы лица его преходящей». Этими словами он показывает, что не скрижали прославлены были славою, а тот, кто принес скрижали. Он не сказал, что они не могли взирать на скрижали, а говорит: «на лице Моисеево», равно как и не ради славы скрижалей, но: «по причине славы лица его». Но превознесши эту славу, смотри, как он опять унижает ее словом «преходящей». Впрочем, этим словом он не унижает Моисея, а только показывает временность славы его. Он не сказал, что она есть какая-нибудь нечистая или худая, но сказал только, что она престающая и имеющая конец. «То не гораздо ли более должно быть славно служение духа?» («Какое не множает паче служение Духа будет в славе?»). Теперь он уже с дерзновением высказывает превосходство Нового Завета, как уже не подлежащее сомнению. И смотри, что он делает – камень противопоставляет сердцу, а письма духу. Потом, указав на следствия, которые должны произойти от того и другого (завета), он еще не рассказывает, что действительно произошло от того и от другого; но показав следствие буквы (письмени), т. е. смерть и осуждение, умалчивает еще о плодах Духа – жизни и правде, а говорит только о самом Духе, что подало ему случай к большому распространению речи. Новый Завет не только даровал жизнь, но и сообщил Духа, дающего жизнь, что важнее самой жизни. Поэтому он и сказал: «служение Духа». Потом опять возвращается к тому же, говоря: «Ибо если служение осуждения славно» («аще бо служение осуждения слава») (2Кор.3:9).

2. Показывая яснее значение слов: «буква убивает», (апостол) говорит то, что мы именно сказали уже выше, т. е., что закон только открывает грех, а не производит его. «То тем паче

изобилует славою служение оправдания» («Множае паче избыточествует служение правды в славе»). Те скрижали открывали только грешников, и наказывали их; а это (служение правды) не только не наказывает грешников, но и делает их праведными, потому что крещение дарует это (оправдание). «То прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы» («Ибо не прославился прославленное в части сей, за превосходящую славу») (2Кор.3:10). Сперва он показал, что и это (служение оправдания) в славе, и не только в славе, но и преизбыточествует (славою). Он не сказал уже (как выше): «не гораздо ли более служение Духа будет в славе?»; но – «изобилует славою» («избыточествует в славе»), выводя это их вышесказанных умозаключений. Теперь показывает уже, и как велико это превосходство, говоря: «Если я сравню эту (славу) с тою (ветхозаветною), то слава Ветхого Завета не будет даже славою. Однако этим он не вовсе отнимает славу (у Ветхого Завета); но так говорит о нем сравнительно, почему и присоединил: «с сей стороны» («в части сей»), т. е. сравнительно. И говоря так, он не осуждает Ветхого Завета, напротив, еще одобряет его, потому что сравниваются обыкновенно вещи, в чем-нибудь сродные.

Далее он приводит еще другое умозаключение, иным образом показывающее превосходство (Нового Завета). Какое же именно? Заимствованное от времени: «Ибо, если преходящее славно, тем более славно пребывающее» («аще бо престающее славою, много паче пребывающее в славе») (2Кор.3:11). То (ветхозаветное служение) прекратилось, а это постоянно пребывает. «Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением» («Имуще убо таково упование, многим дерзновением действуем») (2Кор.3:12). Так как слушатель, услышав столь много важного о Новом Завете, желал бы и видеть эту славу собственным очами, то смотри, как он обращает его к будущему веку. Для этого он и выставляет на вид надежду, говоря: «Имея такую надежду». "Такую" – какую же? То, что мы удостоились бóльшего, нежели Моисей, и не только мы – апостолы, но и все верующие. «Действуем с

великим дерзновением» («Многим дерзновением действуем»). Пред кем, скажи? Пред Богом, или пред учениками? «Пред вами, – говорит, – которым проповедуем мы», т. е.: «мы везде проповедуем с свободою, ничего не скрывая, безо всякого притворства, ничего не опасаясь, но говоря ясно, и не боимся поразить ваши взоры, подобно тому как Моисей поражал взоры иудеев». А что он именно это хотел сказать, увидим далее.

Но прежде надобно рассказать самую историю, потому что и сам (апостол) постоянно обращается к ней. Какова же это история? Когда Моисей, получивши в другой раз скрижали, сошел с горы, то некоторая слава, исходящая от лица его, так сияла, что иудеи не могли приблизиться к нему и говорить с ним, доколе он не положил покрывала на лицо свое. Об этом в книге Исхода написано так: «Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами... и боялись подойти к нему. И призвал их Моисей,... и разговаривал Моисей с ними... И когда Моисей перестал разговаривать с ними, то положил на лице свое покрывало. Когда же входил Моисей пред лице Господа, чтобы говорить с Ним, тогда снимал покрывало, доколе не выходил» («Сходящу Моисею с горы, обе скрижали в руку его... и Моисей не ведяше, яко прославися зрак плоти лица его: и убояшася приступити к нему. И воззва их Моисей... и глагола к ним... И егда преста глаголя к ним, возложи на лице свое покров. Егда же вхождаше глаголати пред Господа..., снимаше покров, дондеже исхождаше») (Исх.34:29–34).

Приведя на память эту историю, (апостол) говорит: «а не так, как Моисей, *который* полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего» («и не якоже Моисей полагаше покрывало на лице своем, за еже не мощи взираи сыном Израилевым на конец престающаго») (2Кор.3:13). Эти слова его имеют такой смысл: «Нам не нужно покрывать себя подобно Моисею: вы можете смотреть на ту славу, которою мы окружены, хотя она гораздо более и светлее той (Моисеевой)». Видишь ли преуспевание (учеников)? В первом послании он сказал: «Я питал вас молоком, а не

твердую пищу" («млеко вы напоих, не брашном») (1Кор.3:2); а здесь говорит: «мы действуем с великим дерзновением» («многим дерзновением действуем»), и выводит на сцену Моисея, продолжая говорить о нем сравнительно, и таким образом, возводя слушателей к высшему. И во-первых, он поставляет их выше иудеев, когда говорит, что мы (апостолы) не имеем нужды в покрывале, как Моисей пред народом своим. А потом возводит их и в одно достоинство с (ветхозаветным) законодателем, или даже еще и выше. Послушаем же теперь, что он говорит далее. «Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом» («Но ослепишася помышления их: даже бо до сего дне тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает не откровено, зане о Христе престаает») (2Кор.3:14). Смотри, к чему он направляет речь свою. Что тогда однажды произошло с Моисеем, то навсегда осталось на законе его. Впрочем, сказанное относится не к обвинению закона, равно как и не к обвинению Моисея, что он тогда покрывал себя, но (к обвинению) грубости иудеев. Закон имеет свойственную ему славу, но иудеи не могли видеть ее. Итак, чему вы удивляетесь, говорит, если они не могут видеть благодатной славы, когда они не видели меньшей славы Моисея, не могли смотреть на лицо его? Что смущаетесь, если они не веруют во Христа, когда они не верят и закону? Потому они и не познали благодати, что не познали ни Ветхого завета, ни славы его. Слава же закона – приводить ко Христу.

3. Видишь ли, как он и здесь низлагает гордость иудеев? В самом деле, в чем они думали иметь преимущество в славе лица Моисеева, то самое он обращает в обличение их невежества и грубости. Итак, пусть они не хвалятся этим: какая похвала и слава для иудеев в том, чем они не могли наслаждаться? Вот почему он так часто и обращается к этому предмету – то говоря, что «то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом» («тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает не откровено, зане о Христе престаает»); то, что «доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на

сердце их» («даже до днесь, внегда чтется Моисей, тожде покрывало на сердце их лежит») – показывая, что оно лежит и на чтении и на сердце их (2Кор.3:15). А выше он сказал еще: «не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей» («яко не мощи взирати сыном Израилевым на лице Моисеево славы ради лица его престаюшия»). Что может быть хуже этого, когда они не могут взирать на славу не только преходящую, но даже в сравнении с новозаветною почти не существующую, когда она сокрыта от них, чтобы они не видали кончины преходящего, т. е. закона, который имеет конец? «Но умы их ослеплены» («Но ослепишася помышления их»). «А какая связь этого (ослепления) с тогдашним покрывалом?» – скажет кто-нибудь. Та, что оно предзнаменовало будущее. Не только тогда они не видели закона. Но и ныне не видят его. И причина этого в них самих, потому что ослепление зависит от нечувствительного и грубого сердца.

Только мы теперь видим закон, а от них сокрыты – не только благодать, но и самый закон. «Ибо то же самое покрывало доныне, – говорит, – остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом» («Ибо даже до сего дне тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает не откровено, зане о Христе престает») (2Кор.3:14). Слова его имеют следующий смысл: (иудеи) не знают, что это покрывало уничтожилось, потому что не веруют во Христа. В самом деле, если оно через Христа уничтожено, как и действительно уничтожено, о чем предсказал еще наперед и самый закон, то каким образом не принявший Христа, Который отменил закон, могут узнать, что этот закон отменен? Но если они не знают этого, то, очевидно, не знают и силы самого закона, который говорит об этом, и всей его славы. Но ты спросишь: «Где же сказал закон, что он во Христе имеет конец?» Он не только сказал об этом, но и на самом деле показал. И во-первых, показал тем, что все жертвы и всякое освящение заключил в одном месте – в храме, и этот самый храм после разрушил.

В самом деле, если бы он не хотел отменить эти жертвы и все законы о жертвах, то он сделал бы одно из двух: или не

разрушил бы храм, или, и разрушив его, не запретил бы приносить жертвы в других местах. Теперь же он сделал невозможными такие священнодействия как во всей вселенной, так и в самом Иерусалиме. Назначив местом для них только один храм Иерусалимский, а после и тот разрушив, закон самым делом показал, наконец, что постановления законные прекратились во Христе – Христос осудил и храм на разорение. Если же ты из самых слов желаешь видеть, как закон должен получить конец чрез Христа, то послушай самого законодателя, который так говорит: «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, – Его слушайте... воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему... а кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить Моим именем, с того Я взыщу» («пророка вам воздвигнет Господь от братии вашей, якоже мене, того послушайте по всему, елика аще речет к вам: и будет, всяка душа, яже аще не послушает пророка онаго, потребится от людей») (Втор.18:15, 18–19; Деян.3:22–23). Видишь ли, каким образом закон показал, что он во Христе имеет конец? Этот пророк, т. е. Христос по плоти, Которого Моисей велел слушать, отменил и субботу, и обрезание, и все ветхозаветные обряды. И Давид, предвозвещая то же самое, сказал о Христе: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека» («Ты иерей во век по чину Мельхиседекову») (Пс.109:4), а не чину Ааронову. Потому и Павел, толкуя это место, ясно сказал, что «потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона» («предлагаему священству, по нужде и закону пременение бывает») (Евр.7:12). И в другом месте говорит еще: «жертвы и приношения Ты не восхотел... Всесожжения и жертвы за грех неугодны Тебе. Тогда Я сказал: вот, иду» («жертвы и приношения не восхотел еси,... всесожжений и жертвы о гресе не благоволил еси. Тогда рех: се иду») (Евр.10:5–7). Кроме этих, можно привести и многие другие свидетельства из Ветхого Завета, которые показывают, каким образом закон получает конец во Христе.

Таким образом, когда ты оставляешь (ветхий) закон, тогда хорошо разумеешь закон; а пока продолжаешь держаться его и не веруешь во Христа, то не знаешь и самого закона. Потому-то (апостол), желая показать это яснее, и говорит далее: «Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их» (2Кор.3:15). Так как (апостол) сказал, что в чтении Ветхого Завета остается покрывало, то, чтобы кто не подумал, что эти слова означают темноту закона, он и прежде, хотя и другими словами, старался показать это (именно словами: «умы их ослеплены» он показывает, что виноваты сами иудеи), и теперь в самом этом изречении показывает то же. В самом деле, он не сказал, что на буквах пребывает покрывало, а – «при чтении», чтение же есть дело тех, кто читает; равно как говорит: «когда они читают Моисея» («внегда чтется Моисей»). Всего же яснее он показал это, сказав прямо, что это «покрывало лежит на сердце их». Так точно оно и на лице Моисея лежало не ради Моисея, но по причине грубого и плотского разумения иудеев.

Итак, довольно обличивши их, (апостол) показывает им и способ исправления. Какой же именно? «но когда обращаются, – говорит, – к Господу», – т. е., оставит закон, – «тогда это покрывало снимается» («Внегда же обратится ко Господу, снимается покрывало») (2Кор.3:16). Видишь ли теперь, что то покрывало было не для лица Моисеева, но для глаз иудеев? Оно положено было не для того, чтобы скрыть славу Моисея, но для того, чтобы они не смотрели на нее, потому что не были способны к тому. Они сами, следовательно, были виновны в том. И оно не от Моисея скрывало что-нибудь, но от иудеев. И хотя он не сказал прямо: когда оставят закон, однакоже ясно указал на это, сказав: «но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается». Таким образом, (апостол) до конца выдержал историю. И Моисей, когда говорил с иудеями, покрывал лицо свое, когда же обращался к Богу, снимал с себя покрывало. А это прообразовало имеющее быть впоследствии, т. е., когда мы обратимся к Господу, тогда узрим славу закона, и непокровенное лица законодателя, и мало того – станем даже наряду с Моисеем. Видишь ли, как он вызывает иудея к вере, показывая, что он не только может видеть Моисея, приходя к

благодати, но и стать на одном ряду с этим законодателем? «Ты не только, – говорит, – будешь созерцать ту славу, которой тогда не видал, но и сам приобщись той же славы, и даже гораздо лучшей – такой, пред которою первая не есть даже и слава. Как же и каким образом? Так, что ты, обратившись к Господу и получив благодать, будешь наслаждаться такою славою, в сравнении с которою слава Моисея так мала, что не есть и слава. Однако, как она ни мала и как ни далеко отстоит от той (благодатной славы), ты, оставаясь иудеем, и ее бы не удостоился (как не видели ее ни тогдашние иудеи, ни нынешние); сделавшись же верующим, ты удостоишься созерцания гораздо лучшей славы».

Когда (апостол) обращал речь свою к верным, то говорил: «То прославленное даже не оказывается славным» («не прославился прославленное»); а здесь сказал напротив: «но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается». Таким образом, мало-помалу возводит (иудея) на высоту; сперва поставляет его на ряду с Моисеем, а потом уже делает участником и большего. Действительно, когда ты увидишь Моисея в славе, тогда уже обратишься и к Богу, и будешь наслаждаться славою лучшею и высшею (Моисеевой). Итак, пересмотри с самого начала, сколько он указал отличительных признаков того и другого завета, различающих их между собою и показывающих превосходство нового пред ветхим, а не разногласие и противоречие одного другому. Он сказал, что ветхий есть «буква» (письмя), камень, служение смерти, и имеет конец, и однако иудеи не были удостоены и такой славы его; Новый же завет написан на скрижалях плотяных, и есть дух, правда, и пребывает вечно; и мы все удостоиваемся славы его, а не один кто-нибудь, как Моисей тогда один удостоился и меньшей славы. "Мы же все, – говорит, – открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню» («Мы вси откровенным лицом на славу Господню взираем»), а не на славу Моисея (2Кор.3:18). Но так как некоторые, вопреки твердому исповеданию, думают, что эти слова – «когда обращаются к Господу» – сказаны о Сыне, то исследуем это изречение

тщательнее и точнее, начав с того, на чем они думают основать свое мнение. Что же это?

Они говорят: в каком смысле в Писании говорится "Дух Бог" (πνεῦμα ο Θεός), в таком же смысле сказано и здесь – «Господь Дух». Но (апостол) не сказал: «Господь Дух» (πνεῦμα ο Κύριος), но Господь Дух есть (ο Κύριος τό πνεῦμά ἐστι). А между этим и тем соединением слов большое различие. Когда Писание хочет совершить так, как ты говоришь, тогда оно к придаточному имени не прилагает члена. Впрочем, и другим образом можно узнать, о ком (апостол) говорил все, что говорил выше. Напр., когда он говорил: «буква убивает, Дух животворит»; и опять: «написано не чернилами, но Духом Бога жива», – о Сыне ли говорил это, или о Духе? Очевидно, что о Духе, потому что к Нему от «буквы» возводит он иудеев. Но чтобы кто-нибудь, услышав о Духе, и, рассуждая сам с собою, что Моисей обращался к Господу, а этот к Духу, не подумал отсюда, что (апостол) ниже (Моисея), то он, предупреждая такую мысль, говорит: «Господь есть Дух» (2Кор.3:17), т. е., и Дух есть Господь. А чтобы ты знал, что он говорит об Утешителе, присовокупил: «где Дух Господень, там свобода» («идеже Дух Господень, ту свобода»), – так что тебе нельзя уже сказать, что слова его то же значат, что – «где Господь Господень». О свободе он упомянул здесь в противоположность прежнему рабству. Потом, чтобы ты не подумал, что он говорит о будущем еще времени, присовокупляет: «Мы же все открытым лицом... взирая на славу Господню» («мы же вси откровенным лицом славу Господню взирающе») (2Кор.3:18), т. е., не ту преходящую, но пребывающую, «преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» («в той же образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа»).

Видишь ли, как он опять ставляет Духа на месте Бога, а их (коринфян) на одну степень с апостолами? Он и выше сказал: «вы – письмо Христово» («вы есте послание Христово») (2Кор.3:3), и теперь говорит: «мы же все открытым лицом», хотя одни апостолы, подобно Моисею, ходили нося с собою закон. «Но как мы, – говорит, – не имели нужды в покрывале, так и вы, принявшие (евангелие). Хотя (новозаветная) слава гораздо

больше (ветхозаветной), потому что она не есть слава нашего лица, но Духа, тем не менее и вы одинаково с нами можете смотреть на нее. Иудеи и при посреднике не могли видеть; вы же и без посредника можете созерцать гораздо бóльшую славу. Они и на славу Моисея не могли взирать, а вы можете созерцать и славу Духа». Итак, если бы Дух был ниже, то он не поставил бы новозаветного выше ветхозаветного.

5. Что же значит: «взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ» («славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся»)? Это тогда было яснее, когда действовали дарования чудес; впрочем, кто имеет очи веры, тому и ныне нетрудно уразуметь это. Как скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного, так и душа, очищенная Духом Божиим и соделавшаяся блистательнее серебра, принимает луч от славы Духа и отражает его. Потому и говорит (апостол): «взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы Духа в славу» нашу, которой удостаиваемся, в славу такую, в какую надлежит «от Господня Духа».

Видишь, как и здесь он называет Духа Господом. Но и в других местах можно видеть, что Он Господь. Так – «Когда они служили, – говорится, – Господу и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла» (Деян.13:2). Для того и сказано – «Когда они служили... отделите Мне», чтобы показать Его равночестность. Еще, опять, Христос говорит: «раб не знает, что делает господин его» (Ин.15:15). Но Дух так же знает Божие, как человек знает ему принадлежащее, и притом без научения; иначе не было бы подобия (1Кор.2:11). И то самое, что Он действует, как хочет (1Кор.12:11), показывает Его власть и господство. Он преобразует нас; Он не допускает нас сообразоваться веку этому; Он же есть и Творец такого творения. И подобно тому, как говорится: «созданы во Христе Иисусе» (Еф.2:10), так точно же говорится: «Сердце чистое

сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» («сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей») (Пс.50:12). Хочешь ли, я покажу тебе это ошутительнее на апостолах? Подумай только о Павле, одежда которого имела (чудное) действие; о Петре, тень которого обнаруживала (чудодейственную) силу. Если бы они не носили в себе образа Царя, и от них не исходило некоторое несравнимое блистание, то одежды и тени их не обнаруживали бы такой силы. Ведь одежды царские страшны и для злодеев. Хочешь ли видеть, как тот же образ отражался и на теле их? "смотря, – говорится, – на лицо Стефана, видели лице его, как лице Ангела» ("Воззревше на него... видеша яко лице ангела») (Деян.6:15). Но это еще ничто в сравнении с славой, которая сияла внутри. Что Моисей имел на лице своем, то самое они носили в душе своей, лучше же сказать – гораздо даже большее, потому что слава Моисеева была чувственная, а эта невещественная. И как тела, имеющие способность отражать свет, освещаясь светящимися телами, и сами разливают отражающийся в них свет на другие ближайшие к ним тела, так бывает и с верными. Вот почему те, которые достигают этого, оставляют уже все земное, и живут одним небесным. А мы что? Нам остается только горько стонать по поводу того, что, удостоенные столь высокого звания, мы не знаем даже того, что говорят нам о нем, потому что слишком скоро погубляем в себе (духовные) предметы и привязываемся к чувственным. Эта неизреченная и страшная слава остается в нас не более, как на один или на два дня; а потом мы опять погашаем ее, обуреваясь житейскими делами, и затеняя густыми облаками ее сияние.

Житейские дела – это действительно ненастье, и даже страшнее ненастья. Хотя от них не происходит ни стужи, ни дождя, ни грязи, ни глубокого болота; но зато, что всего хуже, от этих дел является геена со всеми ее мучениями. И как во время сильной стужи все члены цепенеют и замирают, так и душа, оледеневшая от хлада греховного, не может отправлять дел своих, будучи скована, как морозом, совестью. Действительно, что для тела мороз, то для души худая совесть. Отсюда

происходит и боязливость. Никто столько не страшится, как прилепившийся к житейскому. Он живет жизнью Каина, трепеща каждый день от страха. И нужно ли говорить о (его опасениях) смерти, потерях, распрях, коварствах и лести? Он и без того боится тысячи превратностей. И хотя сокровищница его полна золота, но душа не свободна от страха бедности. Это и очень естественно, потому что все его желания устремлены к предметам скорогибнущим и скоропреходящим. Если сам он и не испытал еще превратности, то, видя ее на других, почитает себя уже погибшим; оттого он весьма боязлив и малодушен. И не в одних только опасностях так он боязлив; он таков и во всех других случаях. Если нападает на него страсть сребролюбия – он не отражает ее нападения, как поступает человек, свободный от этой страсти, но делает все, как купленный раб, в угождение жестокой своей госпоже – сребролюбия. Видит ли благообразную девицу – он тотчас пленяется ею, трепещет и бежит за нею, подобно взбесившемуся псу; между тем как надлежало бы поступить иначе.

6. Когда ты видишь красивую женщину, не о том помышляй, как бы удовлетворить своей похоти, но как бы освободиться от этой похоти. «Да как же это, – скажешь ты, – возможно? Любить ведь не от меня зависит». А от кого же, скажи мне? От наветов диавола? Пусть так, обвиняй в этом одного диавола; борись же с диаволом и противься страсти. «Но я не могу», – скажешь ты. Ну, тогда и мы первым делом скажем тебе, что твоя страсть произошла от твоего нерадения, и что ты сам, еще прежде нежели получил страсть, дал доступ к себе диаволу. Но и теперь, если бы ты хотел, очень легко мог бы прогнать его от себя. Скажи мне, что заставляет прелюбодеев прелюбодействовать – желание ли себе бед, или любовь? Очевидно, что любовь. Что же, должно ли их поэтому извинять? Никак. Почему же? Потому что этот грех зависит от них. «Но для чего мне такие умствования, – скажешь ты, – я сознаю в себе желание освободиться от этой страсти, но не могу, потому что она сильно нападает на меня, терзает и жестоко мучит меня». Согласен, что ты желаешь освободиться от этой страсти, но не то делаешь, чем бы можно было отогнать ее; ты делаешь то же,

что делает одержимый горячкою, когда пьет холодную воду, и так же говорит: сколько я ни придумываю средств избавиться от горячки, не только ничего не успеваю, напротив, еще более усиливаю в себе жар.

Итак посмотрим: желая погасить свою страсть, не делаешь ли ты чего, что более разжигает ее? «Нет», – скажешь ты. Скажи же, какие ты употребляешь средства для того, чтобы погасить свою страсть? И что вообще увеличивает эту страсть? Хотя и не все мы подвержены этой страсти, потому что более можно найти зараженных любовью к деньгам, нежели плотскою любовью, – но и тем и другим предлагается общее лекарство. И та и другая любовь равно гнусны; последняя только сильнее и пагубнее. Итак, когда мы преодолеваем сильнейшую, то очевидно и слабейшую легко можно истребить. Но если любовь плотская сильнее, то отчего же, скажешь ты, не все бывают заражены этим пороком, напротив большинство до безумия любят деньги? Это, во-первых, оттого, что последняя страсть многим кажется безопасною, а еще от того, что любовь плотская, хотя и сильнее, но она скорее проходит. Иначе, если бы она была столько же постоянна, как и страсть к деньгам, то каждого зараженного ею приводила бы к гибели.

Итак, рассмотрим же внимательнее плотскую любовь, и узнаем, что усиливает эту страсть. Тогда увидим, от нас ли она зависит, или не от нас. Если от нас, то мы должны употребить все усилия, чтобы освободиться от нее; если же не от нас, то для чего напрасно и мучить себя? Для чего будем обвинять, – не следует ли скорее извинять тех, которые бывают пленены (этой страстью)? Итак, отчего же рождается эта любовь? «От красоты лица, – скажешь ты, – то есть, когда красива и благовидна будет та, которая уязвляет». Но ты несправедливо и безрассудно говоришь это. В самом деле, если бы красота лица привлекала к любви, то такую девицу любили бы все. Если же не все любят ее, то и любовь эта зависит не от естества и не от красоты лица, а от бесстыдных глаз. Когда ты, пристально смотря на нее, чрезмерно удивляешься ей и разжигаешься в сердце своим, то ты уже уязвлен. «Но кто же может, – скажешь, – при взгляде на красивую женщину не похвалить ее? Если,

следовательно, не от нашей воли зависит удивляться в таких случаях, то не от нас зависит и любовь». Не спеши, человек. Для чего ты все смешиваешь и, бродя всюду, не хочешь видеть корня этого зла? Я много знаю таких, которые удивляются и хвалят, между тем не любят. Как же возможно удивляться красоте, и не любить? Не тревожься, я об этом и хочу теперь говорить, но потерпи и послушай, как Моисей удивляется сыну Иакова, говоря: «Иосиф же был красив станом и красив лицом» («и бяше Иосиф добр образом и красен взором зело») (Быт.39:6).

Неужели же говоривший так вместе и любил? Совсем нет. Ты скажешь, что Моисей не видал того, кого хвалил. Однако, мы впадаем в любовную страсть не только, когда видим красоту, но, случается, и тогда, когда слышим о ней. Но чтобы ты более не спорил с нами об этом, я спрошу тебя: Давид не был ли благообразен и весьма доброзрачен, особенно по красоте своих глаз? А что более всего составляет властную черту в благообразии лица, это именно красота глаз. Что же? Увлечен ли был кто-нибудь страстной любовью к нему? Никто. Следовательно, любовь не связана неразрывно с удивлением. Многие имели также матерей, цветущих телесною красотой. Что же? Неужели дети любили их страстной любовью? Да не будет! Хотя они и дивятся тому, что видят, однако не впадают в постыдную любовь. Но (ты опять скажешь, что) здесь удерживает закон природы? Скажи мне, какой закон природы? «Тот, – скажешь, – что они – матери». Но разве ты не слышал, что персы, без всякого постороннего принуждения, живут с матерями своими, как с женами, и не один или два из них так поступают, но целый народ? Впрочем, и без того уже видно, что любовная страсть происходит не просто от красоты только телесной и благовидности, а от расслабления и заблуждения души. Много было и таких, которые, много раз пройдя мимо тысяч благообразных женщин, отдавались безобразным. Отсюда ясно, что любовь зависит не от красоты лица. В противном случае они избирали бы красивых, а не безобразных. Итак, где же причина (страсти)? «Если не от красоты лица эта любовь, то откуда же, – спросишь ты, – она происходит, и где

искать ее источника? От злого демона?» Точно, она и отсюда. Но мы не того доискиваемся; вопрос в том, не причиной ли и мы? Действительно, она не есть только навет дьявола, вместе с ним и прежде всего сами мы виновники ее. Подлинно, эта злая болезнь ни от чего так легко не рождается, как от привычки, от льстивых слов, от праздности, лености и от того, что у нас нет никакого дела.

7. Велика власть привычки, истинно велика, до такой степени, что она даже обращается в необходимость природы. Но если привычка рождает ее, то очевидно, что она же может и погасить ее. Многие, увлеченные любовью, освобождались от нее тем, что не видели более любимых ими лиц. Сначала это кажется тяжело и очень неприятно, но со временем делается приятным, а наконец, даже и при желании, невозможно уже становится вызвать опять страсть. «А это отчего, – ты скажешь, – что я и без привычки еще пленяюсь при первом взгляде?» И это также происходит или от праздности телесной, или от роскоши, или от беспечности о своих обязанностях, или оттого, что человек вовсе не занимается даже необходимыми для него делами. Такой (человек), повсюду блуждая, точно заблудившийся в пути, легко увлекается всяким злом; и его душу, как душу рассеянного юноши, всякий, кто хочет, увлекает в рабство. Так как существенное свойство души – непрестанно быть в действии, то если ты прекратишь ее деятельность в добром, – она, как не могущая оставаться в бездействии, по необходимости устремляется к другому (роду деятельности). Подобно тому как земля, если остается не засеянной и не насажденной, сама собою производит траву, так и душа, когда не занимается необходимыми для нее делами, как стремящаяся по природе своей непрестанно к деятельности, по необходимости предается злым делам. И как глаз не может перестать смотреть, и потому необходимо увидит худое, когда не имеет пред собою хорошего, так и помысл, когда отвлекается от предметов необходимых, непременно начинает вращаться около предметов бесполезных. А что непрестанное упражнение и бодрствование могут отогнать и первое нападение страсти, это известно из многих примеров.

Итак, если ты при взгляде на красивую женщину почувствуешь к ней страсть, то более не смотри на нее – и освободишься (от страсти). «Но как я могу, – скажешь ты, – не смотреть на нее, будучи увлекаем страстью?» Займись другими полезными предметами, привлекающими душу, читай книги, заботься о своих нуждах, ходатайствуй, защищай обижаемых, молись, размышляй о будущем веке, – к этим предметам устремляй душу. Поступая таким образом, ты освободишься не только от новой еще раны, но легко можешь излечить даже отвердевшую и застаревшую. Если худая молва, по пословице, убеждает иногда влюбившегося отказаться от своей любви, то тем более эти духовные напевы могут подавить зло, лишь бы только мы сами захотели оставить его. Но если мы всегда обращаемся и беседуем с теми, которые поражают нас стрелами этой страсти, и даже в отсутствие говорим о них сами, и слушаем рассказы других, то мы сами питаем болезнь свою. Как же ты хочешь погасить огонь, каждый день раздувая пламень? Всем, что мы сказали доселе о привычке, пусть воспользуются юноши. Что же касается до мужей и тех, которые умеют размышлять, то для них более всего в этом случае нужен страх Божий, память о геене и желание небесного царствия. Этого достаточно, чтобы погасить пламень преступной любви. Но кроме этого, представляй себе и то, что видимое тобою есть не более, как влага, кровь и гной разложившейся пищи. «А светлый цвет лица?» – скажешь ты. Но нет ничего светлее цветов земных; а и они увядают и сгнивают. Так и здесь смотри не на цвет, но проникай мыслью в глубь, и, оставив без внимания красоту кожи, размышляй о том, что кроется под нею. И у страдающих водяною болезнью тело светло, и снаружи не имеет ничего безобразного; но при мысли о кроющейся внутри влаге мы не можем любить таковых людей. А нежный и резвый глаз, красиво расположенные брови, черные ресницы, кроткая зеница ока, веселый взгляд? Но знай опять, что и это все не что иное, как нервы, жилы, перепонки и артерии. Представь только этот красивый глаз больным, состарившимся, иссохшим от печали или пылающим гневом: как он покажется тебе безобразным, как вся прелесть его вдруг пропадет и тотчас

исчезнет! Вместо того устремляй лучше мысль твою к истинной красоте. «Но я не вижу, – скажешь, – красоты душевной». Напрасно: если захочешь, увидишь. Подобно тому, как можно, и не видя глазами, мысленно удивляться отсутствующим красивым лицам, так точно – видеть и красоту душевную без помощи глаз. Не воображал ли ты себе иногда какого-нибудь красивого лица, и не ощущал ли чего-нибудь к этому созданному тобою образу? Так точно воображай себе и красоту души, и наслаждайся ее благообразием. Ты скажешь: «Я не могу видеть бесплотного». Но умом мы еще лучше созерцаем бесплотное, нежели тела. Таким образом мы удивляемся и ангелам и архангелам, хотя их и не видим, равно как и добрым нравам и душевным добродетелям. Итак, когда увидишь кроткого и степенного человека, то подивись лучше ему, нежели обладающему красивым лицом; и если заметишь, что кто-нибудь без огорчения переносит напрасные обиды, то дивись и вместе полюби его, хотя бы он был и старец. Красота души именно такова, что и в старости имеет многих любящих, потому что никогда не увядает и всегда цветет. Итак, чтобы и нам приобрести такую красоту, станем уловлять и любить тех, которые имеют ее. Таким образом, мы и сами, получив ту же красоту, сможем достигнуть вечных благ, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь).

Беседа 8

2Кор.4:1–2. Посему, имея по милости *Божией* такое служение, мы не унываем; но, отвергнув скрытные постыдные дела....

Заблуждение маркионитян и манихеев. – Каким образом апостолы покорили вселенную.

1. Так как (апостол) сказал много великого, и поставил себя и всех верных выше Моисея, то, сознавая всю силу и важность сказанного, смотри, как он опять умеряет свое слово. Действительно, ему надлежало и возвысить себя ради лжеапостолов, равно как и своих слушателей, и опять умерить эту высоту, на которую поставил себя, не отказываясь, впрочем, от нее совершенно, потому что отказаться значило бы шутить. Для этого он употребляет такой оборот речи, которым показывает, что все зависит не от собственных его совершенств, но от человеколюбия Божия, почему и говорит: «имея... такое служение» («имуще убо служение сие»). «Мы ничего, – говорит, – не привнесли своего, мы только были служители у Бога и исполнители данных от Него наставлений». Вот почему он и называет (свое апостольское делание) не начальствованием, не водительством, а только «служением»; и даже этим не довольствуется, а присовокупляет еще: «по милости Божией» («якоже помиловани быхом»), – то есть, «и то самое, что мы поставлены служителями, зависит только от милости и человеколюбия (Божия)». Правда, дело милости есть избавлять от зол, а не такие раздавать блага, какие даны были (апостолам); впрочем, Божией милости и это свойственно. «Мы не унываем» («Не стужаем си»), то есть, «и то, что мы не унываем, надлежит приписать Его человеколюбию». Выражение: «по милости Божией» («якоже помиловани быхом») должно именно относить как к служению, так и к словам: «мы не унываем». Смотри же, как он старается смягчить прежде сказанное о себе: он говорит, что кто удостоился столь великих и многих благ, и удостоился только по милости и человеколюбию, – тот ничего не делает великого, сколько бы ни

трудился, каким бы ни подвергался опасностям, и какие бы ни терпел искушения. «Оттого мы не только не унываем, – говорит, – но еще радуемся и дерзаем». Сказав именно: «Мы не унываем», он присовокупил еще: «но, отвергнув скрытные постыдные дела, не прибегая к хитрости и не искажая слова Божия» («но отрекохотавшись тайных срама, не в лукавствии ходяще, ни льстяще словесе Божия») (2Кор.4:2).

Что же значит: «скрытные постыдные дела» («тайных срама»)? «Мы не так возвещаем, – говорит, – что на словах обещаем многое, а на деле показываем другое, как поступают лжеапостолы, – почему он и говорил: «На личность ли смотрите?» («яже пред лицом зрите?») (2Кор.10:7), – но мы таковы же и на деле, каковыми вы нас видите, потому что мы не имеем ничего двусмысленного, и ничего не говорим и не делаем, что бы от стыда надлежало скрывать и оставлять во мраке». И желая высказать это еще яснее, прибавляет: «не прибегая к хитрости» («не в лукавствии ходяще»). Что те (лжеапостолы) почитали похвальным, то он (апостол) называет постыдным и достойным смеха. Что же значит – «к хитрости» («в лукавствии»)? Те (лжеапостолы) славились как нелюбостязательные, а между тем брали дары, только тайно; почитались за святых и за истинных апостолов, а на самом деле имели множество пороков. «Мы же, – говорит, – все это отвергнули (т. е. то, что он и называет «постыдными делами»); мы и в самом деле таковы, каковыми кажемся, и не имеем ничего скрытого как в жизни нашей, так и в самом проповедании». Это и означают слова: «не искажая слова Божия, а открывая истину» («ни льстяще словесе Божия, но явлением истины»), т. е., не наружно и для вида, но самым делом. «Представляем себя совести всякого человека» («Представляюще себе ко всякой совести человечестей»). «Мы известны не только верным, но даже и неверным, потому что представляем себя на суд всякому, кто хочет испытывать наши дела.

Так мы представляем себя, а не прикрываясь и показывая только светлую личину. Мы говорим, что не принимаем никаких для себя даров, – и вас же самих призываем в свидетели этого;

утверждаем, что мы ничего худого за собою не знаем, – и в этом опять свидетельствуемся вами же самими. Мы не делаем, как они, прикрывая дела свои, чтобы обманывать других. Напротив, мы и жизнь свою предлагаем всем на рассмотрение, и учение преподаем без всякого прикрытия, так что все могут разуть его». Но так как неверные не уразумели силы этого учения, то он присовокупляет, что «это не по нашей вине, а по причине бесчувствия их самих». Поэтому и говорит: «Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы» («аще ли же и есть покровено благовествование наше, в гибнущих есть покровено, в нихже бог века сего ослепи разумы неверных») (2Кор.4:3–4). Здесь он говорит то же самое, что он и прежде сказал: «для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» («овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот») (2Кор.2:16).

2. Кто же это – «бог века сего»? Последователи заблуждения Маркиона говорят, что это сказано только о Творце правосудном, а не благом: они утверждают, что есть другой какой-то Бог, правосудный только, без благодати. Манихеи же, безумно желая ввести другого творца твари кроме истинного, говорят, что здесь говорится о диаволе, потому что Писание часто называет богом не по достоинству называемого, но по бессилию подчиненных его. Так оно и "мамону" называет господином (κύριον) (Мф.6:24); и чрево – богом (Флп.3:19). Однако ни чрево по этому самому не бог, ни мамона – господь, но так названы они из-за тех, которые им подчиняют себя. Мы же думаем, что это сказано и не о диаволе, но о Боге всяческих. И должно читать это место так: «Бог ослепил разумы неверных века сего» (τῶν ἀπίστων τοῦ αἰῶνος τοῦτου ἐτύφλωσεν ὁ Θεός τὰ νοήματα), потому что не будущий, а только настоящий век имеет неверных. Если же кто и так будет читать: «бог века сего» (ὁ Θεός τοῦ αἰῶνος τοῦτου), то и такое чтение не представляет никакого затруднения, потому что не показывает еще, что Он – Бог только настоящего века. Он называется и Богом неба; однако не есть Бог одного только неба. Мы называем Его также и Богом настоящего дня; однако, говоря так, мы не

ограничиваем власти Его только этим днем. Равным образом называется Он и Богом Авраама, и Богом Исаака, и Богом Иакова, и, однако, Он не есть Бог только их одних.

Много и других подобных доказательств можно находить в Писании. Как же Он ослепил их? Не содействием к тому, – да не будет, – но оставлением и попусцием. В Писании часто употребляются такие выражения. Так оно говорит: «предал их Бог превратному уму» («предаде их Бог в неискусен ум») (Рим.1:28). Так как язычники прежде сами не поверили и сделали себя недостойными познания таин Божиих, то и Бог уже потом оставил их. Что же другое надлежало бы с ними делать? Насильно влечь и открывать тайны не желающим знать их? Но они еще более презрели бы и отказались знать их. Потому-то (апостол) и присовокупил: «чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа» («во еже не возсияти им свету благовествования славы Христовы»), – не для того, чтобы не веровали в Бога, но для того, чтобы неверующие, как неспособные, не видели внутренних таин. То же и нам заповедал Господь, повелев не метать «бисера пред свиньями» (Мф.7:6). Иначе, если бы Он открыл и неверующим, то болезнь (неверия) только еще более усилилась бы в них. Так и больного глазами если бы кто насильно заставил смотреть на солнце, то еще больше только усилил бы его болезнь. Вот почему врачи и содержат таких больных в темноте, чтобы не усилить болезнь. Точно таким же образом и здесь представляй, т. е., что неверующие сделались такими по своей воле, а, сделавшись неверующими, они уже не могли созерцать неизреченных таин Евангелия, так как и Бог уже сокрыл от них сияние света евангельского. Об этом и (Господь) говорил ученикам: «потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат» («сего ради в притчах глаголю им,... яко слышаще не слышат») (Мф.13:13).

Но чтобы еще лучше объяснить на примере то, о чем я говорю, представь себе какого-нибудь эллина, который считает за басни наши таинства: больше ли пользы получил бы он, когда бы пошел к нам и увидел наши таинства, чем когда бы вовсе не входил? В таком же смысле и (апостол) говорит:

«чтобы для них не воссиял свет» («во еже не возсияти им свету»), продолжая все еще держаться истории Моисея. Что именно случилось с иудеями при Моисее, то же самое происходит и со всеми неверными во времена евангельские. А что от них сокрыто и неизвестно им, об этом послушай самого (апостола), который говорит: «чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога» («во еже не возсияти им свету благовествования славы Христовы, иже есть образ Бога»), – т. е., что крест есть спасение вселенной и Его слава, что этот самый Распятый на нем опять имеет придти с великою славою, и все другое, настоящее и будущее, видимое и невидимое, неизреченная слава ожидаемых (благ). Вот почему он и сказал: "воссиять", чтобы ты не всего искал здесь в этой жизни, потому что слава, даруемая теперь, есть только некоторое сияние Духа. На это (апостол) указал и выше, когда упоминал о «благоухании», равно как о "залоге", – показывая тем, что большее остается там (в будущей жизни). Но все это сокрыто от неверующих; сокрыто же за то, что сами прежде не захотели поверить. Далее, чтобы показать, что не познавшие славы Христовой не знают не только Христовой славы, но и славы Отца, прибавил: «Который есть образ Бога». Нельзя ведь остановиться на одном только Христе, потому что, подобно тому, как чрез Христа ты видишь Отца, так, не познав славы Христовой, не познаешь и славы Отца. «Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса» («Не себе бо проповедуем, но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса ради») (2Кор.4:5).

3. Какая здесь связь? И как это относится к вышесказанному? Здесь он указывает или на тех, которые гордились собою, и заставляли учеников своих называть себя их именами, как о том он говорил в первом послании: «я Павлов»; «я Аполлосов''' («аз есмь Павлов, аз же Аполлосов») (1Кор.1:12), – или на другое что, более важное. На что же? Так как (лжеучители) сильно восставали (на апостолов), и со всех сторон нападали на них, то он и говорит: «Против нас ли вы вооружаетесь и восстаете, или против Проповедуемого нами?

Ведь мы не себя проповедуем. Я раб, я служитель даже тем, которые принимают эту проповедь, я тружусь для другого, т. е. для Господа, и все делаю для Его славы, так что враждующие против нас восстают против Господа. Я столько далек от того, чтобы искать себе каких-нибудь выгод от проповеди Евангелия, что не отказываюсь быть и вашим рабом для Христа, – когда Ему угодно было столько почтить вас, когда Он столько возлюбил вас, и все для вас сделал». Поэтому и говорит: «мы – рабы ваши для Иисуса» («себе же самех рабов вам Иисуса ради»).

Видишь ли душу нимало не заботящуюся о славе? Он говорит: «Мы не только не присваиваем себе того, что принадлежит Господу, но даже и вам служим для Него». «Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца» («Яко Бог рекий из тмы свету возсияти, возсия в сердцах наших») (2Кор.4:6). Видишь ли, как он опять желающим находить превосходство в славе Моисеевой показывает другую славу, сияющую с излишком пред Моисеевой? Он говорит, что как (тогда слава) озарила лицо Моисея, так (ныне слава) воссияла в сердцах ваших. Из всего созданного в начале прежде он упоминает о чувственном свете и осязательной тьме, показывая тем превосходство их пред другими творениями. Но когда (Бог) повелел из тьмы воссиять свету? При самом начале творения, как говорит (Моисей): "тма была верху бездны... И рече Бог: да будет свет» (Быт. 1:2–3). Но тогда Он сказал: "да будет", и сделалось, а ныне Он не сказал, но сам стал для нас светом; не – "рече", но сам "воссиял". Потому и мы при сиянии этого света видим не чувственные предметы, но самого Бога чрез Христа. Видишь ли здесь нераздельность Св. Троицы? В самом деле, о Духе Святом (апостол) говорит: «Мы же все открытым лицом... взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» («мы же вси откровенным лицом славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа») (2Кор.3:18); о Сыне: «чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога» («во еже не возсияти им свету благовествования славы

Христовы, иже есть образ Бога») (2Кор.4:4); об Отце: «повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» («рекий из тьмы свету возсияти, возсия в сердцах ваших к просвещению разума славы Божия о лице Христове» (2Кор.4:6). И как сказавши: «благовествования славы Христовы», он присовокупил: «Который есть образ Бога», показывая тем, что (не познавшие славы Христовой) лишены и славы Бога Отца, так и после слов: «разума Божия» прибавил: «о лице Христове», показывая тем, что мы через Христа познаем Отца, подобно тому, как и через Духа приводимся к Нему. «Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» («Имамы же сокровище сие в скудельных сосудах, да премножество силы будет Божия, и не от нас») (2Кор.4:7).

Так как (апостол) сказал много великого и высокого о неизреченной славе (верующих), то чтобы кто не сказал: «Почему же мы, получив такую славу, остаемся в смертном теле?», говорит, что это-то особенно и удивительно и представляет величайшее чудо силы Божией, что скудельный сосуд может вмещать в себе такой свет и хранит такое сокровище. Удивляясь и сам этому, он сказал: «Да премножество силы будет Божия, а не от нас»; и опять указывает на тех, которые хвалятся о себе. И величие даров, и слабость получивших их показывают силу (Божью), не только тем, что (Бог) даровал столь великие блага, но и тем особенно, что даровал людям слабым. Под скудельным сосудом он именно понимает слабость нашей смертной природы и немощь нашей плоти потому, что плоть наша несколько не крепче скудельного сосуда – она столь же удобосокрушима и также легко разрушается – и смертью, и болезнями, и воздушными переменами, и другими бесчисленными (причинами). И это сказал он как для того, чтобы постыдить высокомерие их, так и для того, чтобы всем показать, что в делах наших нет ничего человеческого.

4. Подлинно, тогда-то особенно и бывает видима сила Божия, когда она совершает великие дела чрез слабые орудия.

Потому-то и в другом месте (Господь) сказал: «ибо сила Моя совершается в немощи» («сила бо моя в немощи совершается») (2Кор.12:9). Так в ветхом завете чрез мошек и мышей (Господь) сокрушал целые полчища варваров (Исх.8 и 10; 1Цар.5 и 6), – почему Он и гусениц называл великою своею силою (Иоил.2:25), – и некогда чрез одно смешение языков разрушил строение великой вавилонской башни (Быт.11). А на войне в одно время тремястами человек рассеял бесчисленное войско (Суд.7); в другое – одним звуком труб разрушил город (Нав.6); впоследствии же посредством малого и ничтожного отрока Давида обратил в бегство все варварское войско (1Цар.17). Так и в Новом завете, послав только двенадцать человек, покорил вселенную, и притом, несмотря на гонения и преследования, которым подвергались эти двенадцать. Итак, подивимся силе Божией, почудимся ей и поклонимся! Спросим иудеев, спросим эллинов: кто убедил всю вселенную оставить отеческие обычаи и переменить образ жизни? Рыболов или скинотворец? Мытарь или некнижный и простой человек? Но имело ли бы это (разумный) смысл, если бы не действовала чрез них Божия сила? Что же они говорили, когда убеждали? – «Крестись во имя Распятого». Какого? Того, Которого они не знали и не видали. И, однако, говоря и проповедуя это, они убедили мир, что прорицатели и так называемые по преданию боги не суть боги. А пригвожденный ко кресту Христос привлекал к себе всех, несмотря на то, что распятие Его и погребение известны были всем, о воскресении же Его знали только немногие. Но и в этом они убедили даже тех, которые не видали этого, и уверили не только в том, что Он воскрес, но и в том, что Он вознесся на небо и придет судить живых и мертвых.

Итак, скажи мне: откуда такая сила убедительности в этих речах? Не откуда более, как от силы Божией. И, прежде всего, самая новость была противна всем: если кто в такого рода вещах вводит новое, для того дело становится очень трудным, потому что он ниспровергает основания древнего обычая, и в корне подрывает законы. К тому же и самые проповедники казались не заслуживающими доверия, потому что были из народа, всеми ненавидимого, бедные и неученые. Каким же

образом они покорили вселенную? Как могли посрамить и низложить вас и ваших предков, славившихся мудростью, даже и с богами вашими? Не ясно ли это показывает, что они имели Бога себе помощником? Не человеческой силе свойственно производить такие действия, но неизреченной силе Божией. «Нет, – скажут, – не Божией силе, но волхвованию». Но если волхвованию, то в таком случае надлежало бы еще более возрасти власти демонов и распространиться служению идолам. Отчего же прекратились и исчезали ложные служения, а наше служение восторжествовало над ними? Не ясно ли опять и отсюда, что все это произошло по определению Божию, не только в отношении проповеди, но и самой жизни (проповедников).

В самом деле, когда явилась на земле повсюду такая любовь к девственной жизни? Когда стали презирать богатства, жизнь и другие всякие (блага)? Люди бесчестные и волхвы ничего такого не могли бы произвести; они сделали бы все напротив. Между тем апостолы научили нас жизни ангельской; и не научили только, но и насадили и утвердили эту жизнь не только в нашей стране, но и у варваров, и на самых отдаленных концах земли. Отсюда ясно открывается, что все это повсюду произвела сила Христова, повсюду сияя и быстрее всякой молнии озаряя умы человеческие. Итак, размыслив все это и в точном исполнении совершавшегося имея верный залог имеющих исполниться обетований, поклонитесь вместе с нами непобедимой силе Распятого, чтобы избежать вам тяжких наказаний и наследовать вечное царствие, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 9

2Кор.4:8–9. Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены.

Польза от искушений. – Воскресение Христа утверждает всеобщее воскресение. – Доказательство будущего страшного суда.

1. (Апостол) продолжает еще доказывать, что все сказанное им выше есть дело силы Божией, низлагая таким образом гордость тех, которые хвалятся самими собою. «Не то одно, – говорит, – только чудно, что мы храним это сокровище в скудельных сосудах, но и то, что, подвергаясь бесчисленным бедствиям и, будучи отовсюду поражаемы, сберегаем его, а не теряем. Между тем, как и адамантовый сосуд не мог бы ни носить такого сокровища, ни устоять против стольких наветов, ныне (и скудельный сосуд) вмещает его и остается невредим по благодати Божией». «Мы отовсюду притесняемы, – говорит, – но не стеснены» («Во всем скорбяще, но не стужающе си»). Что значит – "отовсюду" ("во всем")? Т. е., «Отовсюду мы терпим скорби – от врагов, от друзей, от недостатка самого необходимого, и от других нужд, от недоброжелателей и от своих, – но остаемся нестесненными». И смотри, какие он указывает противоположности, чтобы и здесь показать силу Божию: «притесняемы (скорбяще), – говорит, – но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся» («но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваемы»), т. е., «не теряем до конца надежды. Мы часто скорбим и не получаем, чего ищем, однако не так, чтобы теряли уже надежду получить то, к чему стремимся, потому что Бог попускает такие искушения не для того, чтобы поразить нас, но чтобы усовершенствовать нас». «Мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем» («Гоними, но не оставляеми: низлагаеми, но не погибающе» (2Кор.4:9)). «Хотя постигают нас искушения, но не постигают следствия этих искушений; и это все происходит действием силы и благодати Божией». В других местах он говорит, что

такие (искушения) Бог попускает и для того, чтобы смирить их самих и предостеречь других. Так, «чтобы я не превозношусь, – говорит, – дано мне жало в плоть» («да не превозношусь, дадеся ми пакостник») (2Кор.12:7). И еще: «чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня» («да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит мя, или слышит что от мене») (2Кор.12:6). И в другом месте: «чтобы надеяться не на самих себя» («да не надеющиеся будем на ся») (2Кор.1:9). А здесь (говорит): «дабы явилась сила Божия».

Видишь, какая польза от искушений? Чрез них становится очевиднее действие силы и благодати Божией: «довольно для тебя, – говорит, – благодати Моей» («довлеет ти благодать Моя») (2Кор.12:9). Они одних привели к смиренномудрию, а других, по крайней мере, заставили умерить свою гордость, и сделали более великодушными: «от терпения, – говорится, – опытность, от опытности надежда» («терпение соделывает... искусство, искусство же упование») (Рим.5:4). Те, которые подвергались бесчисленным бедствиям, и освобождались от них только надеждою на Бога, научались чрез это и во всяком другом случае всего более держаться этой надежды. «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» («Всегда мертвость Господа Иисуса в теле носяще, да и живот Иисусов явится в теле нашем») (2Кор.4:10). Что же значит – «мертвость Господа Иисуса», которую они носили? Ежедневно угрожающие различные роды смерти, которые указывали вместе и на воскресение. «Если кто не верит, – говорит, – что Иисус умер и воскрес, такой пусть уверится в истине воскресения, видя нас ежедневно умирающими и воскресающими». Видишь, как он нашел еще и другую причину искушений? Какую же именно? «Чтобы и жизнь Иисусова, – говорит, – открылась в теле нашем» («Да и живот Иисусов явится в теле нашем», т. е., когда Господь исторгает нас из опасностей смерти, так что то самое, что показывает, по-видимому, бессилие (апостолов) и оставление их (от Господа), ясно проповедует Его воскресение. «Сила Его, – говорит, – не так бы была видима, если бы мы не терпели никаких страданий, как она видима теперь, когда мы страдаем,

но остаемся непобедимыми». И «мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей» («мы бо живии в смерть предаемся Иисуса ради, да и живот Иисусов явится в нас в мертвенной плоти нашей») (2Кор.4:11).

Когда (апостол) говорит что-нибудь неясно, он всегда присовокупляет объяснение своих слов. Это самое он сделал и здесь, поясняя сказанное им выше. «Для того, – говорит, – мы предаемся, т. е., носим мертвость Его, чтобы открылась в нас сила жизни Его, когда Он не попускает смертной плоти нашей, столько страждущей, быть побежденною множеством зол». Можно и иначе понимать эти слова. Как же? Так, как в другом месте говорит: «если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем» («аще с Ним умрохом, с Ним и оживем») (2Тим.2:11). «Подобно тому как мы носим Его смерть, и решаемся заживо умереть для Него ныне, так и Он благоизволит умерших нас оживить тогда. Если мы, пренебрегая жизнью, идем на смерть, то и Он приведет нас от смерти к жизни». «Так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» («Темже смерть в нас действует, а живот в вас») (2Кор.4:12). Здесь он рассуждает уже не о смерти, но о бедствиях и утешениях. «Мы, – говорит, – в бедствиях и искушениях, а вы наслаждаетесь покоем, и наши бедствия доставляют вам жизнь. Мы подвергаемся опасностям, а вы наслаждаетесь благополучием, потому что вы не претерпеваете подобных искушений». «Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим, зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас» («Имуще же тойже дух веры, по писанному: веровах, темже возглаголах; и мы веруем, темже и глаголем, яко воздвигий Господа Иисуса, и нас чрез Иисуса воздвигнет») (2Кор.4:13–14). Здесь он припомнил нам псалом (Пс.115:1), который заключает в себе много любомудрия, и весьма может утешить в несчастье, потому что эти слова были произнесены праведником, когда он находился среди великих бедствий, от которых нельзя было освободиться иначе, как только при помощи Божией.

2. Так как (апостол) знал, что в подобных (несчастиях) подобные же (утешения) особенно облегчают душу, то и сказал – «имея тот же дух», т. е., «тою же помощью, которою тот избавился от бедствий, и мы спасаемся, и тем же Духом, которым он говорил, и мы говорим». Вместе с тем он показывает здесь и то, что между ветхим и новым заветом находится большое согласие, что один и тот же Дух действовал в обоих заветах; также, что не мы одни подвергаемся бедствиям, но и все древние подвергались им, и что более надо утверждаться в вере и надежде, а не искать тотчас же избавления от постигающих нас (бедствий).

Доказав таким образом, чрез умозаключения, воскресение и жизнь, и что бедствие не есть признак бессилия и оставления от Бога, (апостол) переходит, наконец, к вере, и к ней все направляет. Но и для утверждения этой веры он опять указывает на воскресение Христова, говоря: «и мы веруем, потому и говорим» («и мы веруем, темже и глаголем»). Чему же веруем? «Зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами. Ибо все для вас, дабы обилие благодати тем большую во многих произвело благодарность во славу Божию» («Яко воздвигий Иисуса, и нас... воздвигнет и предпоставит с вами. Вся бо вас ради, да благодать умножившаяся, множайшими благодарениями избыточествует в славу Божию») (2Кор.4:14–15). Опять внушает (коринфянам), чтобы они полученные благодеяния не приписывали людям, т. е. лжеапостолам, потому что все от Бога, Который благоволит изливать благодеяния Свои на многих для того, чтобы большее число людей благодарили Его. «Для вас, – говорит, – Его воскресение и все прочее. Не для одного только человека Он столько совершил, но для всех». «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» («Темже и не стужаемся: но аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни») (2Кор.4:16). Каким образом "тлеет"? Когда терпит бичевания, гонения и другие бесчисленные бедствия. «То внутренний обновляется по вся дни». Как

«обновляется»? Верую, надеждою, ревностью. Потому надо быть мужественными в бедствиях.

Действительно, чем более страдает тело, тем более душа имеет благих надежд и тем более просветляется, как золото, много испытанное действием огня. И смотри, как он отнимает силу у скорбей настоящей жизни. «Ибо кратковременное легкое страдание наше, – говорит, – производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое» («Еже бо ныне легкое печали по преумножению в преспеяние вечную тяготу славы соделывает, не смотрящим нам видимых, но невидимых») (2Кор.4:17–18). Все дело полагает он в надежде. И как в послании к Римлянам говорил: «Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда» («упованием спасохомся, упование же видимое несть упование») (Рим.8:24), к тому же и здесь приводит слушателя, когда настоящее противопоставляет будущему, временное – вечному, легкое – трудному, скорбь – славе. И не довольствуясь этим противоположением, он прибавляет еще другое выражение с усугублением его, и говорит: «производит в безмерном преизбытке» («по преумножению в преспеяние») (καθ' υπερβολήν εἰς υπερβολήν). Потом показывает и способ, как облегчится тяжесть скорбей. Как же? «Когда мы смотрим, – говорит, – не на видимое, но на невидимое» («Не смотрящим нам видимых, но невидимых»). Если таким образом мы будем отвращать взор свой от видимого, то настоящее будет для нас легко, а будущее велико: «ибо видимое временно» («видимая бо временна»); следовательно, и скорби (временны). «А невидимое вечно» («Невидимая же вечна»); следовательно, и венцы таковы же. Не сказал он: «одни скорби временны», но все видимое, хотя бы то была скорбь, хотя бы радость, – чтобы и в радости мы не расслабевали, и скорбями не тяготились. Потому же, говоря и о будущем, он не сказал: «царствие вечно», но: «невидимое вечно», хотя бы то было царствие, хотя бы мучение, – чтобы мы этого последнего страшились, а к первому стремились. И так как видимое временно, а невидимое вечно, то к невидимому и будем простирать наши взоры.

В самом деле, чем мы извиним себя, если временное предпочтем вечному? Положим, что и временное приятно, но оно непродолжительно; а мучения за него не будут иметь ни конца, ни пощады. Какой ответ дадут те, которые, будучи удостоены Духа Божия и получив столь великий дар Божий, обратили взоры свои долу и ниспали к земному? Слышу, как многие говорят весьма смешные слова: «Дай мне нынешний день и возьми себе завтрашний». Если в будущем веке действительно так, как говорите, то пусть будет одно за одно, а если там вовсе нет ничего такого, то два за ничто. Что может быть законопреступнее и безумнее таких слов? Мы рассуждаем о небе и о неизреченных тамошних благах; а ты предлагаешь нам слова, употребляемые только на конских ристалищах. И ты не стыдишься и не закрываешь лица, говоря то, что свойственно говорить безумным? Не краснеешь от стыда, так сильно прилепившись к настоящему? Не перестаешь безумствовать, говорить против здравого смысла, и болтать как юноша? Неудивительно, если это говорят язычники, но людям верным можно ли простить такое безумие? Ужели ты совсем не веришь тем надеждам, какие обещают тебе в вечности? Ужели все это для тебя сомнительно? Может ли быть для этого какое-нибудь оправдание? «Но кто, – скажут, – пришел оттуда и возвестил, что там есть?» Правда, из людей никто не приходил; но Бог, Который более всех достоин нашей веры, открыл это. Ты не видишь, что там? Но ты не видишь и Бога; однако, ужели потому, что не видишь, скажешь, что нет Бога? «Напрасно, – скажешь, – я очень верю (что Бог есть)».

3. Итак, если кто-нибудь из неверных спросит тебя: «А кто приходил с неба, и возвестил тебе это?» – что ты ответишь ему? Откуда ты узнал, что Бог есть? «Из вещей, – скажешь, – видимых, из благоустройства, какое усматриваем во всем творении, и из того, что это всем известно». А если так, то с такую же верою прими и слово о суде. «Как же?» – скажешь ты. А вот как: я буду тебя спрашивать, а ты отвечай мне. Правосуден ли этот Бог, в Которого ты веруешь, и каждому и воздает по заслугам, или напротив – Он хочет, чтобы злые благоденствовали и веселились, а добрые страдали? «Никак, –

отвечаешь, – потому что и человек этого не потерпит. Где же будут наслаждаться благами те, которые жили здесь добродетельно? Где, напротив, злые получают наказание, если не будет другой жизни, после настоящей, если не будет воздаяния?» Видишь ли, что пока уже есть одно за одно, если не два за одно. А я покажу тебе, что праведным будет не только одно за одно, но и два за одно; для грешников же, которые здесь утешаются, все напротив.

Действительно, проводившие здесь свою жизнь в увеселениях и удовольствиях не получили и одного за одно, а живущие добродетельно, напротив, получают два за одно. Кто, в самом деле, и здесь наслаждается блаженным спокойствием – те ли, которые во зло употребили настоящую жизнь, или те, которые любомудрствовали? Ты, может быть, скажешь, что первые; а я докажу тебе, что последние, призывая в свидетели тех самых, которые думали насладиться настоящими благами; и они не будут столько бесстыдны, (чтобы стали говорить против того), что я намерен сказать. Они часто проклинали виновников брака, и тот день, в который убраны были брачные чертоги их, и называли счастливыми тех, кто не вступал в брак. Многие юноши, вступившие в брачный возраст, отказались от него единственно по причине забот, соединенных с брачною жизнью. Впрочем, я говорю это не в укоризну брака, – который честен, – но (в укоризну) тех, кто худо воспользовался им. Если же вступившие в брак часто считают свою жизнь невыносимой, то что сказать о тех, которые низверглись в ров распутства, и чрез то попали в состояние рабства гораздо более жалкого, нежели рабство какого бы то ни было пленника? Что сказать о тех, которые от невоздержания сгнили, и тела свои подвергли бесчисленным болезням? «А слава, – скажут, – разве не приносит удовольствия?» Напротив, нет ничего несноснее такого рабства. Ищущий суетной славы и желающий всем угодить раболепствует хуже всякого последнего слуги. Напротив, кто презрел эту славу и не заботится о том, чтобы другие прославляли его, тот выше всех. Скажешь: «Иметь богатство возжеленно»? Но мы несколько раз уже доказывали, что богаты и благоденствуют гораздо более те, которые

свободны от этого бремени, и ничего не имеют. И упиваться вином приятно. Но кто бы сказал это?

Итак, если гораздо приятнее не иметь богатства, нежели иметь его; не вступать в брак, нежели вступать в него; не искать славы, нежели искать ее; удаляться роскоши и неги, нежели утопать в них, – то и здесь еще более имеют те, которые не прилепляются к земным благам. Я не говорю уже о том, что такой человек, хоть бы подвергся бесчисленным бедствиям, имеет еще утешительную надежду, которая его поддерживает, между тем как прилепившийся к земному, хотя бы наслаждался бесчисленными удовольствиями, смущается страхом будущего и портит себе этим все удовольствие. Действительно, и это немалый род наказания; равно как и противный – проистекающий из самых удовольствий и радостей земных. Но есть для них еще и третий род наказания. Какой же это? Тот, что утешения житейские даже и тогда, когда они бывают, не открываются (в полной мере), так как и природа их и время обличают (их ничтожество). Между тем утешения небесные не только истинны, но и пребывают неизменны. Итак, видишь ли, что мы можем представить тебе не только два за ничто, но и три и пять и десять и двадцать и бесчисленное множество за ничто? Но чтобы ты яснее мог узнать это на примере, то вот пример богатого и Лазаря: один наслаждался благими настоящей жизни, а другой предвкушением благ будущих. Ужели ты думаешь, что одно и то же – вечно терпеть мучение и в короткое время претерпеть голод? Ужели все равно: терпеть болезни в тленном теле, и в нетленном страшно мучиться в пламени; быть увенчанным и торжествовать в бессмертной жизни за кратковременную болезнь в здешней жизни, и мучиться там без конца за кратковременное наслаждение земными удовольствиями? И кто мог бы сказать это? Чего ж еще хочешь? Того ли, чтобы мы показали качество и количество того и другого, суд Божий и определение Божие о том и другом? Доколе вы будете говорить слова приличные только тем, которые подобны жукам, ничего более не знающим, как только копать в навозе? Разумным людям несвойственно губить за

ничто столь драгоценную душу, тогда как немного лишь стоит потрудиться, чтобы получить небо.

Если хочешь, я и иначе докажу тебе, что будет страшный суд по смерти. Открой дверь твоей совести, и посмотри на судию, сидящего в твоей душе. Если же ты, несмотря на самолюбие, осуждаешь себя самого и не допускаешь, чтобы был произнесен несправедливый суд, то не гораздо ли более Бог попечется о Своем правосудии и беспристрастно произнесет суд о всем? Или Он оставит все на произвол и без внимания? Но кто отважится сказать это? Никто. Напротив, с нашим мнением согласны и эллины и варвары, стихотворцы и философы, и вообще весь род человеческий, – хотя и не в равной мере, так как допускают некоторого рода судилища в аде. До такой степени это для всех ясно и несомненно. Но скажут: для чего же здесь не наказывает Бог? Для того, чтобы показать Свое долготерпение, и чрез покаяние доставить нам спасение, чтобы в противном случае не истребить совершенно нашего рода, и чтобы не лишить спасения тех, которые чрез перемену порочной жизни на лучшую могут еще спастись. Если бы Он тотчас наказывал каждого за грехи его, то как бы спасся Павел, как бы Петр, эти верховные учителя вселенной? Как бы Давид чрез покаяние получил спасение? Как бы (получили спасение) галатяне и многие другие? Вот почему Он не всех наказывает здесь, но из всех только некоторых, и не всех там, но одного (наказывает) здесь, а другого там, – чтобы, здесь наказывая одних, чрез то возбудить и самых бесчувственных (от усыпления греховного) и, не наказывая других, заставить ожидать будущего наказания. Ужели ты не знаешь, что многие наказываются и здесь, как, например погребенные под развалинами башни ([Лк.13:4](#)), или те, кровь которых Пилат смешал с их жертвами ([Лк.13:1](#)), или те из коринфян, которые умирали внезапною смертью за то, что недостойно причащались таин ([1Кор.11:30](#)), как фараон, как те из иудеев, которые побиты были некогда варварами, и как многие другие, как тогда, так и ныне, и всегда? И другие, хотя и много нагрешили, но умерли, не получив здесь наказания, как например богач (живший) во дни Лазаря, и многие другие.

4. Так поступает (Господь) с одной стороны для того, чтобы возбудить веру в тех, которые не верят будущему, с другой стороны для того, чтобы и верующих, но живущих беспечно, сделать более ревностными. Бог судия праведный и сильный и долготерпеливый и не наводит гнева на всякий день (Пс.7:12). Но если мы будем во зло употреблять Его долготерпение, то придет время, когда Он нисколько уже не потерпит, но тотчас накажет. Итак, не будем предаваться мгновенным удовольствиям, – а настоящая жизнь и есть мгновение, – чтобы не навлечь на себя вечного наказания; но лучше – мгновение потрудимся, чтобы после вечно торжествовать. Ужели вы не видите, что и в делах житейских многие так поступают, и предпринимают малый труд ради долговременного спокойствия, хотя часто и выходит наоборот? Здесь выгоды бывают соразмерны с трудами, но часто и то бывает, что труд требуется необычайный, а польза от него очень малая, часто и той не бывает. Но не так в царствии небесном: там труд небольшой, а наслаждение обильно и беспредельно. Вот смотри: здесь земледелец трудится целый год, и часто под самый конец лишается и одежды и плода многих трудов своих. Опять, мореплаватель и воин проводят жизнь до глубокой старости в борьбе и трудах, но часто и тот и другой оставляют свое поприще так, что первый лишается богатого своего груза, а второй вместе с победою теряет и самую жизнь.

Итак, скажи мне, какое мы будем иметь оправдание, когда предпочитаем тяжкие труды в делах житейских, предпринимаемые для кратковременного успокоения, или даже совсем напрасно, – потому что надежда в них очень сомнительна, – а в делах духовных поступаем напротив, и за кратковременное нерадение навлекаем на себя страшное наказание? Потому прошу вас всех, – хоть поздно, но позаботьтесь высвободить себя из этого оцепенения. Ведь в то время никто уже нас не избавит – ни брат, ни отец, ни сын, ни друг, ни сосед, ни другой кто, но если дела наши осудят нас, то все будет потеряно, и мы непременно погибнем. Какие вопли испускал богач, как он умолял патриарха, и просил послать Лазаря? Но послушай, что отвечал ему Авраам: «между нами и

вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят» («пропасть между вами и нами..., яко да хотяще прейти отсюда к вам не возмогут») (Лк.16:26). Сколько девы умоляли своих подруг, чтобы они уделили им немного елея? Но послушай, что и те говорят: «чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас» («еда како не достанет нам и вам») (Мф.25:9). И никто не мог ввести их в чертог Жениха. Размышляя об этом, позаботимся и сами о своей жизни. На какие бы труды ты ни указал, какие бы ни представил мучения, все это ничего не значит в сравнении с будущими благами. Представь, если угодно, огонь, железо, зверей или что-нибудь еще более страшное: все это не составит даже и тени будущих мучений. В самом деле, здешние мучения, когда усиливаются, тогда особенно и делаются легкими, потому что ускоряют минуту освобождения, когда тело не может более выносить ни жестокости, ни продолжения казни. Но там будет не так. Там соединяются и продолжительность, и чрезмерность, как в радостном состоянии, так и в плачевном.

Итак, пока есть время, «предстанем лицу Его со славословием» («предварим лице Его во исповедании») (Пс.94:2), чтобы тогда нам узреть Его кротким и милостивым, чтобы избежать тех грозных сил. Посмотри здесь на воинов, служащих своим начальникам, как они влекут виновных, как вяжут, как бичуют, как прокалывают бока, как, для умножения мук, подносят факелы, как отсекают члены тела. Но все это игрушка и смех в сравнении с будущими мучениями. Эти мучения временны, а там «червь их не умирает и огонь не угасает» («ни червь не умирает, ни огонь не угасает») (Мк.9:48), потому что и тело нетленно. Не дай Бог нам узнать это на опыте, но пусть эти ужасы останутся для нас только на словах; не дай Бог, чтобы мы были преданы тем мучителям, но чтобы здесь исправились. Сколько тогда будем мы говорить в обвинение самих себя! Сколько будем плакать, сколько рыдать! Но все будет уже бесполезно. Так и кормчие не помогут уже кораблю, когда он разрушился и погрузился на дно, ни врачи – когда больной умер. После только говорят, что то и то надлежало бы сделать; но все тщетно, все напрасно. Тогда

надлежит обо всем и говорить, и все делать, пока еще есть надежда исправить дело. А когда не осталось ничего в нашей власти и все погублено, тогда напрасно уже и говорить, и делать. Тогда и иудеи скажут: «благословен грядущий во имя Господне» (Ин.12:13), но это восклицание нисколько не поможет им, чтобы избежать вечного наказания, потому что, когда надобно было говорить это, они не говорили. Итак, чтобы и с нами, в соответствии с образом нашей жизни, не случилось того же, переменим отныне нашу жизнь, чтобы предстать пред судилище Христово со всяким дерзновением, которое и да сподобимся получить все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава (ныне и присно и во веки веков. Аминь).

Беседа 10

2Кор.5:1. Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный.

Учение о воскресении. – Изображение страшного суда.

1. (Апостол) опять возбуждает ревность коринфян, среди многих скорбей их. И легко ведь им было ослабеть среди них по причине отсутствия (апостола). Что же он говорит? «Не должно удивляться тому, что мы терпим скорби, и смущаться от этого, потому что от них мы получаем великую пользу». В чем заключается эта польза, он сказал уже и раньше, а именно: «(терпя скорби), мы носим мертвость Иисуса (2Кор.4:10), и представляем в себе неоспоримое свидетельство силы Его», именно говорит: «чтобы преизбыточная сила была *приписываема* Богу" («да премножество силы будет Божия») (2Кор.4:7), и ясное доказательство воскресения: «чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей» («да живот Иисусов явится в мертвенной плоти нашей») (2Кор.4:11). Но так как он сказал, кроме того, что через скорби и внутренний наш человек делается лучшим: «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» («аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни») (2Кор.4:16), то, чтобы показать опять, как полезно терпеть бичевания и гонения, присовокупляет еще, что когда страдания достигают последнего предела, тогда для претерпевших их произрастают безчисленные блага. Чтобы ты, слыша, что внешний твой человек тлеет, не стал скорбеть, он говорит, что когда это случится вполне, тогда-то ты больше всего и возрадуешься, и перейдешь к лучшему жребию. Таким образом, тому, кто ныне отчасти тлеет, не только не следует скорбеть, а, напротив, должно еще и желать этого тления в полной его мере, потому что оно более всего и ведет тебя к нетлению. Поэтому-то (апостол) и говорит: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» («вемы бо, яко аще земная

наша храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворену, вечну на небесех»).

Так как (апостол) раскрывает опять учение о воскресении, относительно которого они особенно хромали, то присоединяет в качестве основания суд об этом самих слушателей, и таким образом утверждает это (учение), – впрочем не прямо, как прежде, но как бы приведенный к этому рассуждению другими размышлениями, потому что они были уже прежде наставлены (в этом учении). "Ибо знаем, – говорит, – что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный». Некоторые под земною храминою разумеют этот мир, но я думаю, что (апостол) скорее намекает здесь на наше тело. Смотри же, как он самыми наименованиями показывает превосходство будущего пред настоящим. Сказав: «земной дом» («земная храмина»), он противоположил ей небесную; сказав: «храмина тела» ("хижина"), тем указал на ее удоборазрушимость и кратковременность, противоположив ей храмину вечную. Слово "хижина" действительно часто означает кратковременность, – почему и Господь сказал: «В доме Отца Моего обителей много» («в доме Отца Моего обители многи суть») (Ин.14:2). Если же Св. Писание и называет иногда места успокоения святых хижинами, то не просто, а с прибавлением (какого-нибудь другого слова). Так Господь не сказал: «чтобы приняли в кровы свои» (хижины – σκηνάς), но: «в вечныя кровы» (εἰς τὰς αἰωνίους σκηνάς) (Лк.16:9). (Апостол) назвал будущую нашу храмину еще «нерукотворенною», чем как бы указал на храмину рукотворенную. Что же? Неужели тело наше есть рукотворенное? Никак. Но он указывает или на здешние рукотворенные дома, или, если не так, то назвал будущее тело нерукотворенною храминою не для противоположения, но для того, чтобы более возвысить его достоинство и усугубить его славу. «От того мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище» («Ибо о сем воздыхаем, в жилище наше небесное облещися желаяще») (2Кор.5:2). Скажи мне, в какое жилище? В нетленное тело. Отчего же ныне воздыхаем? Оттого, что то тело гораздо лучше. Небесным же называет его по

причине нетления. Этим словом он выражает не то, будто это тело низойдет на нас с неба, а указывает только на благодать, посылаемую с неба.

Итак, мало того, что не должно скорбеть, когда постигают нас некоторые искушения, но должно желать, напротив, всевозможных (искушений). Как бы так сказал (апостол): «Ты воздыхаешь, что тебя гонят, что твой внешний человек тлеет. Воздыхай о том, что тебя не со всею жестокостью гонят, что твой внешний человек не истлеет еще совершенно». Видишь ли, как он дал речи противоположное направление, показав, что не о том надобно воздыхать, что постигают нас некоторые искушения, но о том, что они недостаточны. (Апостол) не назвал (будущее наше тело) хижиною, но "жилищем"; и весьма справедливо, потому что хижина легко разрушается, а жилище пребывает вечно. «Только бы нам и одетым не оказаться нагими» ("Аще же (εἰ ὑε) и облекшеся⁵, не нази обрящемся») (2Кор.5:3). То есть, хотя и сложим с себя это тело, однако не без тела там явимся, но с тем же самым телом, которое сделается тогда нетленным. Некоторые же читают: "аще точию (εἰπερ) и облекшеся, не нази обрящемся», – и весьма рассудительно. Чтобы не все полагались на воскресение, (апостол) и говорит: "аще же (εἰῦε) и облекшеся», – то есть в нетление, и получив нетленное тело, – «не нази обрящемся» – славы и известности спасения. О том же говорит он и в первом послании, то есть, что хотя и все воскреснем, «кийждо же во своем чину»; и: "есть телеса небесная, и телеса земная» (1Кор.15:23,40). Воскресение будет для всех, но слава не для всех. Одни воскреснут в чести, а другие в бесчестии; одни для царствия, а другие для мучения. То же самое он хотел показать и здесь, когда сказал: «аще точию и облекшеся, не нази обрящемся. Ибо сущии в теле сем воздыхаем..., понеже не хотим совлещися, но пооблещися» (2Кор.5:3–4).

2. Здесь он ясно и совершенно заграждает уста еретиков, показав, что говорит не просто о том или о другом теле, но о тлении и нетлении. «Мы не о том, – говорит, – воздыхаем, чтобы освободиться от тела (потому что мы не желаем сложить его с себя), но страстно желаем только освободиться от тления,

которое в нем находится». Потому и говорит, что мы хотим не совлечься тела, но только облечь его в бессмертие. Потом сам же объясняет свои слова: «чтобы смертное поглощено было жизнью» («да пожерто будет мертвенное животом»). Так как для многих казалось тягостным разлучение с телом, и он шел против всеобщего голоса, говоря, что мы воздыхаем потому, что не желаем от него освободиться («Если душа, – могли сказать ему, – так страдает и скорбит, разлучаясь с телом, то как же ты говоришь, что мы воздыхаем потому, что долго не освобождаемся от него?»), то, предупреждая такое возражение, (апостол) и говорит: «И я не утверждаю, что мы о том воздыхаем, как бы сложить с себя (никто без скорби не слагает его, почему и о Петре говорит Христос: «и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь» («возьмут тебя и поведут, аможе не хочещи»)) (Ин.21:18), а о том как бы облечь его в нетление. Оттого мы и тяготимся телом, т. е. не оттого, что носим тело, но оттого, что носим тело тленное и страстное. Это-то и производит в нас скорбь. Но наступающая жизнь истребит и уничтожит тление, – именно тление, а не тело». «А как же, – скажешь ты, – это произойдет?» Не спрашивай о том, – Бог это делает, – не любопытствуй. Потому и присовокупил: «На сие самое и создал нас Бог» («сотворивый же нас в сие истое Бог») (2Кор.5:5). Этими словами он показывает, что это прежде было определено о нас. Не теперь только это стало благоугодно Богу, но в начале еще, – когда Он образовал нас из земли и создал Адама, а создал его не с тем, чтобы он умер, но чтобы соделать его бессмертным. Потом, чтобы более удостоверить в этом, присовокупил: «и дал нам залог Духа» («иже и даде обручение Духа»). Как тогда Он для этого (бессмертия) сотворил человека, так и теперь через крещение возсоздал его для той же цели, и в удостоверение этого дал нам немаловажный залог, Святого Духа.

О залоге (апостол) упоминает часто – как для того, чтобы показать себя должником, так и для того, чтобы через это придать бóльшую достоверность своим словам во мнении людей более слабых. «Итак мы всегда благушествоуем» («Дерзающе убо всегда и ведяще») (2Кор.5:6).

«Благодушествуем» ("Дерзающе") – т. е., среди гонений, озлоблений и непрестанных опасностей смерти. Он как бы так говорит: «Гонит ли кто тебя, преследует ли, умерщвляет ли – не унывай. Все это к твоему благу. Не бойся, дерзай. То, о чем ты воздыхаешь и скорбишь, т. е. что ты работаешь тлению, – это самое тление исхитит тебя из среды тления, и тем скорее освободит от этого рабства». Потому и говорит: «всегда благодушествуем» («дерзающе убо всегда»), т. е., не только в благоприятное время, но и во время скорбей. «Ибо мы ходим верою, а не видением, то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» («И ведяще, яко живуще в теле, отходим от Господа: верою бо ходим, а не видением: дерзаем же и благоволим паче отъити от тела, и внити ко Господу») (2Кор.5:6–8). Что всего важнее и выше, он поставил на конце – потому что со Христом быть лучше и выше, нежели получить нетление. Слово же его имеет такой смысл: «Гонящий и убивающий нас не отнимает у нас жизни; поэтому не бойся, но дерзай и тогда, когда рассекают тебя на части. Это не только освобождает тебя от тления и тяготящего на тебе бремени, но и тотчас же отсылает тебя к Господу». Потому и не сказал: «сущии (ὄντες) в теле», что мы находимся в нем, как странники в гостинице.

«И как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, ибо мы ходим верою, а не видением, то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» ("Ведяще убо, яко живуще в теле, отходим от Господа: дерзаем же и благоволим паче отъити от тела и внити ко Господу»). Видишь ли, как он, умолчав о неприятных именах смерти и кончины, заменил их вожделеннейшим наименованием – «водворения у Бога»; и напротив, оставив наименование, кажущееся приятным, именно – жизни, употребил неприятное, назвав здешнюю жизнь «устранением» («удалением от Господа»). Это он сделал для того, чтобы никто не только не услаждался настоящим, напротив, даже тяготился бы им; и чтобы никто, приближаясь к смерти, не скорбел, а напротив, радовался, потому что переходит к лучшим благам. Но чтобы кто-нибудь, услыша, что мы (находясь в этом теле) «отходим от

Господа», не сказал: «Что ты говоришь? Неужели мы, живя здесь, находимся в удалении от Него?», – он отклонил это возражение, сказав: «верою ходим, а не видением». И здесь мы имеем познание о Нем, но не столь ясное, а точно «как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно» ("в зеркале и в гадании"), как говорит он в другом месте (1Кор.13:12). «Благодушествуем и желаем» («Держаем же и благоволим»). Вот до чего он довел речь! До сильнейшего желания кончины: слово «благоволим» у него то же значит, что и «сильно желаем». Чего желаем? «Выйти из тела и водвориться у Господа» («Отъити от тела и внити ко Господу»). Так-то он всегда делает, о чем я и прежде замечал – обращает в противную сторону слова противников. «И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными» «Темже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти») (2Кор.5:9). «Но там ли, здесь ли мы находимся, – говорит, – наше дело – только заботиться о том, чтобы жить сообразно с Его волею, потому что в этом наша главная обязанность. Таким образом, с этим благоугождением ты уже без сомнения наследник царствия». Но чтобы (верующие), приобретя такое страстное желание (отойти ко Господу), не сетовали на замедление этого отшествия, (апостол) здесь уже дает им то, что составляет главное из всех благ. Что же это такое? То, чтобы благоугождать (Господу): не просто отойти отсюда – хорошо, но отойти благоугодивши; через это последнее хорошим становится и первое. Равным образом, не просто жить здесь тяжело, но тяжело жить оскорбляя (Бога).

3. Итак, не думай, что для вечной жизни достаточно одного разлучения с телом. Везде нужна добродетель. Вот почему, как, рассуждая о воскресении, он не дал основания полагаться только на него, сказав: «только бы нам и одетым не оказаться нагими» ("аще же и облекшеся, не нази обрящемся»), так точно, говоря и о разлучении (с телом), чтобы ты не подумал, что этого только достаточно тебе для спасения, присовокупил, что надобно еще быть благоугодным Богу. Возбудив, таким образом, ревность многоразличными благами, (апостол) не забыл побудить их и страхом угрожающих зол, так как блаженство наше состоит и в стяжании благ, т. е. царства (небесного), и в

избежании зол, т. е. геенны. Но желание избежать мучений сильнее действует, и если бы вред ограничивался только лишением вечных благ, то многие легко бы на это согласились; если же он соединен с мучениями, то едва ли (кто согласится); конечно, первое надлежало бы считать более несносным, но для многих, по причине слабости их и привязанности к земному, последнее представляется более тяжким. Итак, ввиду того, что большинство слушателей не столько возбуждается обещанием благ, сколько угрозою наказаний, (апостол) и счел необходимым здесь заключить речь свою так: «ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово» («всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым») (2Кор.5:10). Но опять, устранив и возбудив слушателя напоминанием об этом суде, он и здесь не оставил скорби без утешения, и присовокупил нечто приятное, сказав: «чтобы каждому получить *соответственно тому*, что он делал, живя в теле, доброе или худое» («да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла»). Этими словами (апостол) и живущих добродетельно, а между тем гонимых, укрепляет надеждами, и ослабевших делает более ревностными страхом наказания, вместе с тем подтверждает также и учение о воскресении тел. «Тело, – говорит, – которое служило добродетели или пороку, не будет исключено от участия и в воздаяниях: вместе с душою одни тела будут преданы мучениям, а другие увенчаются наградами».

Между тем некоторые из еретиков говорят, что тело восстанет не прежнее, но другое. Как же это, скажи мне? Одно тело грешило, а другое за то будет наказываться? Одно жило непорочно, а другое увенчается? И что вы скажете Павлу на слова его: «не хотим совлечься, но облечься» («не хотим совлещися, но пооблещися»)? Как же тленное поглощается жизнью? Он не сказал: «чтобы поглощено было смертное или тленное тело телом нетленным», но – «чтобы тление – "жизнью" ("животом")». А это будет тогда, когда воскреснет то же самое тело. Если же прежнее тело будет оставлено, а вместо него устроено другое, тогда тление не будет поглощено, но пребудет во всей силе. Потому и не будет этого, но «тленному сему», – т. е. телу, – «надлежит облечься в нетление, и смертному сему

облечься в бессмертие» («подобает тленному сему облечься в нетление») (1Кор.15:53). Настоящее тело находится между (тлением и нетлением): ныне оно тленно, а после будет нетленно. И ныне оно в этом состоянии (тления) находится потому, что нетлению несвойственно разрушение: "и тление, – говорит, – не наследует нетления» («тление нетления не наследует») (1Кор.15:50), – иначе как будет нетление? Но, напротив, тление поглощается жизнью. Тление побеждается нетлением, но последнее первым – никогда. Как огонь расплавляет воск, но воск не расплавляет огня, так и нетление истребляет и поглощает тление; но тление никак не может одержать победы над нетлением.

Итак, слыша Павла, говорящего, что «всем нам должно явиться пред судилище Христово» («нам подобает явиться пред судищем Христовым»), вообразим мысленно этот суд и представим, что он уже совершается теперь и что требуется отчет. Я намерен подробнее изобразить его, так как Павел, как говоривший о скорбях и не желавший возбуждать в них еще новых скорбей, не продолжил далее слова (об этом суде), но высказав кратко суровый приговор: «каждому получить соответственно тому, что он делал» («кийждо приимет, яже содела»), тотчас перешел (к другому рассуждению). Итак представим, что этот суд уже наступил. Пусть каждый испытает совесть свою, и вообразит, что уже пришел Судия, и все открывается и делается явным, – потому что мы не только будем предстоять, но и будем изобличены (на суде). Не краснеете ли вы? Не смущаетесь ли?

Но если и ныне, когда еще не наступил день суда, когда мы просто напомнили о нем, и только мысленно его представили, мы казнимся совестью, то что будет с нами, когда действительно он наступит, когда вся вселенная предстанет на суд, все ангелы и архангелы, и другие (небесные) силы, когда люди будут стекаться от всех концов земли, восхищаемые на облаках, когда все будут объяты страхом, когда повсюду вострубят трубы и будут раздаваться неумолкаемые звуки? Подлинно, если бы и не было геены, то быть отверженным в присутствии столь светлого собрания и отойти с безчестием –

каким великим было бы наказанием! Если и ныне, когда выступает царь со своею свитою, каждый из нас, сознавая свое убожество, не столько получает удовольствия от этого зрелища, сколько печали от того, что нисколько не может участвовать в великолепии, окружающем царя, и не находится близ него, то что будет тогда? Неужели ты считаешь маловажным наказанием – не быть включенным в этот сонм, не быть удостоенным неизреченной славы, быть отлученным куда-то далеко и надолго от этого торжества и неизреченных благ? Но когда и мрак, и скрежет зубов, и неразрешимые узы, и червь неумирающий, и огонь неугасающий, и скорбь, и теснота, и страждущий в пламени язык, – как это случилось с богатым, – будут уделом человека; когда мы будем испускать вопли, и никто не будет нас слышать, будем стонать, терзаться от невыносимых болезней, и никто не будет внимать нам, будем всюду озираться, и ниоткуда не получим утешения, – то с чем сравнить жребий бедствующих таким образом? Что может быть несчастнее этих душ? Что может быть более достойно сожаления?

4. Если мы, входя в темницу и видя в ней одних иссохшими (от печали), других – обремененными оковами и страдающими от голода, иных заключенными во мраке, – приходим в ужас, цепенеем и всячески остерегаемся, как бы не попасть сюда, то что будет с нами, когда насильно повлекут нас для истязаний в самую геенну? Там оковы не из железа, но из огня никогда неугасающего; и не одного рода с нами будут там у нас приставники, которых можно часто привести в сострадание, но ангелы, на которых страшно будет и взглянуть, потому что они будут пылать великим гневом на нас за нашу непокорность Владыке. Там не так, как здесь: для облегчения бедствия твоего не принесут тебе – один серебра, другой пищи, иной утешительного и отрадного слова; там все будут чужие. Даже и Ной, Иов и Даниил, хотя бы увидели кого из своих родных страдающими, не согласятся тогда ходатайствовать за несчастных. Тогда отнимется у нас всякое сострадание, свойственное теперь природе нашей. Так как благочестивые родители порой имеют нечестивых детей, и благочестивые дети

нечестивых родителей, то, чтобы радость праведников всегда была чистая и чтобы наслаждающиеся благами не возмущались состраданием, – для этого, повторяю, и самое сострадание отнимется, и они вместе с Владыкой вспыхнут гневом даже против единокровных своих. В самом деле, если и теперь самые обыкновенные родители иногда отказываются от детей своих, и исключают их из своего родства, когда видят их живущими распутно, тем более так поступят тогда праведники.

Пусть поэтому никто не надеется иметь утешение в той жизни, если не сделал ничего доброго в здешней, хотя бы и имел бесчисленное множество праведных предков: «каждому получить *соответственно тому, что он делал, живя в теле*» («кийждо бо приимет, яже с телом содела») (2Кор.5:10). Мне кажется, что (апостол) здесь понимает и блудников, и как их, так и всех других грешников желает привести в страх ожидающими их наказаниями. Послушаем же и мы! Если тебя палит огонь плотской похоти, противопоставь ему тот огонь (геенский), и огонь похоти твоей тотчас погаснет и исчезнет. Хочешь ли сказать что-нибудь гнусное, помысли о том скрежете зубов, – и страх обуздает язык твой. Желает ли сделать какое хищение, послушай, что повелевает и говорит Судия: «связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю» («свяжите ему руце и нозе, и вверзите его во тму кромешную» (Мф.22:13), – и таким образом изгонишь и эту страсть. Если ты предан пьянству и ведешь жизнь невоздержную, то послушай, что говорил богач: пошли Лазаря, чтоб концом перста своего освежил горящий в пламени язык мой, – и не получил помощи (Лк.16:24–25), – и отстанешь от страсти (невоздержания). Если ты любишь увеселения, рассуждай о тесноте и скорбях, имеющих быть там; после этого ты и думать о них не станешь. Если ты жесток и немилосерден, то припоминай тех дев, которые за то, что погасли их светильники, оказались вне чертога Жениха, – и ты скоро сделаешься человеколюбивым. Нерадив ты и беспечен? Размышляй о судьбе скрывшего талант свой, – и ты сделаешься быстрее огня. Тебя снедает страсть, как бы завладеть достоянием ближнего твоего? Воображай непрестанно неумирающего червя – и легко освободишься и от этой болезни,

и все прочие (слабости) исправишь. (Бог) ничего не заповедал нам трудного и тяжкого.

Отчего кажутся нам тяжкими заповеди Его? От нашего расслабления. Как самое трудное при нашем старании и ревности становится легким и удобоисполнимым, так и легкое от нашей лености делается тяжким. Итак, рассуждая обо всем этом, будем смотреть не на то, как некоторые предаются роскоши и невоздержанию, а на то, каков будет их конец. (Конец же их) в здешней жизни – гной и утучнение плоти; а в будущей – червь и огонь. Равным образом, будем смотреть не на то, как некоторые хищничают, а на конец их жизни; их в настоящей жизни снедает беспокойство, страх и мучения совести, а в будущей ожидают неразрешимые узы. Будем рассуждать не о (людях) славолюбивых, а о том, что следует за славолубием; но за ним последуют – пресмыкательство и лицемерие здесь, а там невыносимое мучение в вечном пламени. Если мы будем таким образом размышлять сами с собою и противопоставлять такие и подобные (размышления) нашим злым пожеланиям, то скоро изгоним из себя и любовь к настоящим благам, и возжем в себе любовь к будущим. Итак, возжем, воспламеним эту любовь. Если одна мысль о благах небесных, даже неясная, доставляет нам столько удовольствия, то подумай, сколько радости должно принести самое наслаждение ими. Блаженны, и трижды и бессчетно блаженны, наслаждающиеся теми благами; напротив, достойны сожаления и трижды несчастны те, которые претерпевают мучения. Итак, чтобы нам быть в числе первых, а не последних, возлюбим добродетель. Таким образом мы наследуем и будущие блага, которые все мы и да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 11

2Кор.5:11. Итак, зная страх Господень, мы вразумляем людей, Богу же мы открыты; надеюсь, что открыты и вашим совестям.

Каким образом для христиан все стало новым. – Достоинство апостолов. – Величие искупительной жертвы.

1. Итак, говорит, зная это, т. е., тот страшный суд, мы делаем все так, чтобы не подать вам никакого повода даже ложно подозревать нас в неискренности нашего действия. Видишь ли строгую точность в исполнении обязанностей, и заботливость души, пекущейся (о благе других)? «Мы, – говорит, – подлежим осуждению, не только тогда, когда, в самом деле, сделали бы что худое, но подвергаемся ему и тогда, когда, ничего худого не сделавши, бываем подозреваемы в худом и, будучи властны удалить подозрение, не заботимся о том». «Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами» («Не паки себе хвалим..., но вину даем вам похвалению о нас») (2Кор.5:12). Смотри, как он всегда предупреждает подозрение в мнимом самохвальстве, – потому что ничто так не оскорбляет слуха слушателей, как рассказ чего-либо великого и необычайного о себе самом. Но так как он вынужден был сказать о себе нечто такое, то и поправляет себя, говоря: «Мы делаем это для вас, а не для себя, – чтобы вы имели, чем хвалиться, а не мы»; но и это не без цели, а по причине лжеапостолов, почему и прибавляет: «тем, которые хвалятся лицом, а не сердцем» («к хвалящимся в лице, а не в сердцах»). Видишь ли, как он отвлек их от лжеапостолов и привлек на свою сторону, показав, что и сами коринфяне желают воспользоваться случаем, чтобы защитить его и отвечать за него тем, которые его порицали? «Не для того, – говорит, – чтобы нас хвалили, говорим это, но для того, чтобы вы могли свободно говорить за нас, – что доказывает вместе и великую любовь его к ним, – и не для того, чтобы вам хвалиться только, но чтобы вас не обманывали более». Так, впрочем, открыто он этого не сказал, а выразил то же другими словами, более

умеренными, и не делая им упрека, говоря: «дабы имели вы» ("да имате"), чем похвалиться «тем, которые хвалятся лицом» («к хвалящимся в лице»). И это он заповедует им делать не просто и без всякой нужды, но когда лжеапостолы будут превозноситься, потому что он везде соображается с обстоятельствами. Итак, не для своей славы он говорит это, но чтобы заградить уста лжеапостолам, ко вреду коринфян хвалящимся своими делами.

Но что значит – "в лице"? Хвалиться наружными делами, совершаемыми напоказ. А лжеапостолы были действительно таковы, и все делали из любочестия; будучи пусты в душе, – хотя имели вид благочестия, и казались достойными почтения, – были чужды добрых дел. «Если мы выходим из себя, то для Бога; если же скромны, то для вас» («Аще бо изумихомся, Богови: аще ли целомудрствуем, вам») (2Кор.5:13). «Если, – говорит, – мы возвещаем что-либо великое о себе (это называет он «изумлением», или, как в других местах, "безумием"), то делаем это для Бога, чтобы вы, считая нас немощными, не возгордились и не погибли; если же говорим что смиренно и с уничижением, то делаем это для вас, чтобы вы научились смиренномудрствовать». Или слова его имеют такой смысл: «Если кто считает нас безумными, мы надеемся за то получить награду от Бога, за Которого мы подпадаем такому подозрению, если же кто почитает нас смиренномудрыми, тот и сам пусть научится от нас смиренномудрию». И еще иначе: «Если кто считает нас безумными, тот пусть знает, что мы для Бога так безумствуем». Поэтому и присовокупляет: «ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так» («ибо любы Божия обдержит нас суждших сие») (2Кор.5:14). «Не только, – говорит, – страх будущего, но и то, что уже совершилось, не позволяют нам быть беспечными и предаваться сну, но восставляют нас и побуждают трудиться для вас». Что же такое, что уже совершилось? То, что «если один умер за всех, то все умерли» («аще един за всех умре, то убо вси умроша»). «Следовательно, все погибли», – говорит. Если бы не все умерли, то (и Христос) не за всех бы умер, потому что здесь, а не там средства ко спасению. Поэтому и говорит: «любовь

Христова объемлет нас» («любви Божия обдержит нас»), и не позволяет нам молчать, и крайнее будет несчастье, жесточе самой геенны, если после того, как Бог совершил такое дело, некоторые останутся не получившими никакого плода от такого промысления Его о нас».

Подлинно, дело преизобильной любви – умереть за всю вселенную, и притом лежащую во зле. «Чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего» («Да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему») (2Кор.5:15). «Итак, если мы должны жить не для самих себя, то, – говорит, – вы не должны смущаться и беспокоиться от надвигающихся на вас бедствий и смертей». И представляет очевидную причину, почему так должно поступать. «Если, – говорит, – мы живем Умершим за нас, то должны и жить для Того, которым живем». И хотя сказанное им содержит, по-видимому, одну причину, однако, если тщательно рассмотрим, то найдем следующие две: первую ту, что мы Им только живем, вторую ту, что Он умер за нас. Каждая из них, отдельно взятая, достаточна для того, чтобы соделать нас покорными. Подумайте же, сколько мы должны быть обязаны, когда соединим обе вместе. Но еще и третья причина скрывается в его словах, именно та, что для тебя (Господь) воскресил и вознес на небо начаток нашего естества, – почему и прибавлено: «для умершего за них и воскресшего» ("умершему за нас и воскресшему"). «Потому отныне мы никого не знаем по плоти» («Темже мы от ныне ни единого ведем по плоти») (2Кор.5:16). Если все умерли и все воскресли, и умерли так, как осудило умереть владычество греха, воскресли же банею пакибытия и обновления Духа Святого, то он справедливо говорит, что мы "никого из верующих не знаем по плоти». Что, в самом деле, до того, если они находятся еще во плоти? Прежняя плотская жизнь уже кончилась, и мы свыше возродились Духом, и познали другое жительство, и пребывание, и жизнь, и устройство, именно – небесные. И всего этого виновником (апостол) называет Христа, почему и прибавил: «если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не

знаем» («аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем»).

2. Что же, скажи мне, разве сложил Он с Себя плоть, и теперь без тела? Нет, Он и теперь находится во плоти, потому что сказано: «Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом» («сей Иисус вознесыйся от вас на небо, такожде приидет») (Деян.1:11). Как «таким же образом» ("такожде")? Во плоти, с телом. Как же он говорит: «если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем»? В приложении к нам, "по плоти" значит то же, что быть во грехах, а «не по плоти» – то же, что не быть во грехах. В приложении же ко Христу, "по плоти" не другое что означает, как быть причастным немощей человеческого естества, как-то: жажды, алкания, утомления, сна; потому что Он «не сделал греха, и не было лжи в устах Его» («греха не сотвори, ни обретеса лесь во устех Его») (Ис.53:9; 1Петр.2:22), почему и говорил: «Кто из вас обличит Меня в неправде?» («кто от вас обличает Мя о гресе?») (Ин.8:46); и еще: «идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» («грядет сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже») (Ин.14:30); а «не по плоти» означает то, что Он освободился уже и от этих немощей, а не то, чтобы Он находился теперь без плоти. Именно с плотию, только уже непричастною страданиям и бессмертною, Он придет судить вселенную. В такое состояние придем и мы, когда тело наше будет "сообразно телу славы Его» (Флп.3:21). «Итак, кто во Христе, *тот* новая тварь» («Темже аще кто во Христе, нова тварь») (2Кор.5:17).

Доселе (апостол) заимствовал от любви побуждения к добродетели, теперь возводит к ней из рассмотрения самых дел. Потому присовокупил: «кто во Христе, *тот* новая тварь». «Кто, – говорит, – уверовал в него, тот соделался другим созданием, потому что таковой родился свыше чрез Духа. И по этой, следовательно, причине мы должны, – говорит, – жить для Него, – не потому только, что мы не свои (1Кор.6:19), и не потому только, что Он умер за нас, и воскресил начаток нашего естества, но и потому, что мы перешли в другую жизнь». Смотри, сколько он приводит причин на то, что надо жить добродетельно. А чтобы показать, как важен этот переход и как

много значит такая перемена, он дает и многозначительное наименование этому исправлению (жизни). Потом, чтобы более объяснить сказанное и показать, как мы делаемся новою тварию, он говорит: «древнее прошло, теперь все новое» («древняя мимоидоша, се быша вся нова»). Что же такое «древнее»? Или грехи и разные роды нечестия, или все иудейские (обряды); а лучше – то и другое вместе. «Теперь все новое. Все же от Бога» («Се быша вся нова: всяческая же от Бога») (2Кор.5:17–18). А от нас – ничего. И оставление грехов, и усыновление, и нетленная слава – все от Него нам даровано. Таким образом, он возбуждает их к добродетели не только уже будущими благами, но и настоящими. Смотри же, каким образом. Он сказал, что мы воскреснем некогда, перейдем в нетление и получим храмину вечную. Но так как для убеждения тех, которые не так верят будущему, как нужно верить, настоящее имеет больше силы, чем будущее, то он показывает им и то, что они уже получили, и каковы они были тогда, когда получили. Каковы же они были, когда получили? Они были все мертвые («все, – говорит, -умерли, и Христос за всех умер: так всех равно возлюбил Он»), все одряхлели, застарели в беззакониях.

Но вот теперь и душа новая (потому что очищена), и тело новое, и служение новое, и новые обетования, и завет, и жизнь, и трапеза, и одежда, и все вообще новое. В самом деле, вместо земного Иерусалима, мы получили вышний престольный град; вместо чувственного храма узрели храм духовный; вместо каменных скрижалей получили плотяные; вместо обрезания – крещение; вместо манны – тело Владычне; вместо воды из камня – кровь из ребра; вместо жезла Моисеева или Ааронова – крест; вместо обетованной земли – царство небесное; вместо бесчисленных иереев – Единого Архиерея; вместо агнца бессловесного – Агнца духовного. Представляя все эти и подобные блага, (апостол) и сказал: "все новое". И все это от Бога чрез Христа и Его благодать. Потому и присовокупил: «примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения» («примирившего нас Себе Христом и давшего нам служение примирения»), потому что все блага даны нам чрез

Христа. Тот, кто соделал нас друзьями Своими, есть виновник и всех других (благ), которые Бог даровал друзьям Его, потому что, не врагами нас оставив, Он оделил нас такими дарами, но соделав друзьями Себе. Но когда я называю Христа виновником нашего примирения, то разумею вместе и Отца; когда же говорю, что Отец даровал (это примирение), то опять разумею и Сына. «Все чрез Него начало быть» («Вся Тем быша») (Ин.1:3); следовательно, Он – виновник и этого. Не мы обратились к Нему, но Он сам призвал нас к Себе.

Как же призвал? Смертью Христа. «И давшего нам служение примирения». Здесь (апостол) опять указывает на достоинство звания апостольского, показывая, сколь великое дело поручено им, и как велика любовь Божия к нам. В самом деле, и после того, как люди не послушали пришедшего ходатая, (Бог) не отвергнул и не оставил их, но продолжает звать их как сам, так и чрез других. Кто достойно может надивиться такому попечению о нас! Сын, пришедший для примирения, Сын преискренний и единокровный умерщвлен; но Отец, не взирая и на это, не отверг убивших Его, и не сказал: «Я послал Сына Моего совершить Мое посольство, а они не только не хотели послушать Его, но еще убили и распяли, потому праведно отвергнуть уже их». Но поступил совсем напротив: по отшествии от нас Сына, Он вверил нам дело примирения: «давшего нам служение примирения. Потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их» («Зане Бог бе во Христе мир примиряя Себе, не вменяя им согрешений их») (2Кор.5:18–19). Видишь ли любовь, превосходящую всякое слово, всякий ум? Кто был обижен? Сам (Бог). Кто первый пришел для примирения? Он же. «Но, – скажешь, – Он послал Сына, а не сам пришел?» Да, Он послал Сына, но не один Сын призывал нас, а вместе с Ним и чрез Него действовал и Отец. Поэтому (апостол) и сказал, что «Бог во Христе примирил с Собою мир» («Бог бе примиряя Себе мир во Христе»), т. е. чрез Христа. Этими словами он поясняет выше сказанные слова: «давшего нам служение примирения», и как бы так говорит: «Не подумайте, что мы виновники этого

дела, – мы только служители; виновник же всего есть Бог, примиривший с Собою вселенную чрез Единородного».

Как же Он примирил? Удивительно ведь не только то, что Он соделался другом, но еще более то, что так соделался другом. Как же? Оставив им согрешения: иначе не был бы и друг. Потому (апостол) и сказал далее: "не вменяя людям преступлений их» («не вменяя им согрешений их»). Действительно, если бы Он захотел требовать отчета во грехах наших, то все мы погибли бы, потому что все умерли. Но при таком множестве грехов наших, Он не только не потребовал нам наказания, но и примирился с нами; не только оставил грехи наши, но даже и не вменил их нам. Так и мы должны прощать врагов своих, чтобы и самим получить такое же прощение. «И дал нам слово примирения» («И положив в нас слово примирения»). «И мы, – говорит, – не для того пришли теперь, чтобы возвещать что-нибудь тяжкое, но чтобы сделать всех друзьями Богу». «Если мне, – говорит (Господь), – они не поверили, то вы не переставайте увещевать их, пока не убедите». Потому и говорит далее: «и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом» («по Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе: примиритесь с Богом») (2Кор.5:20).

3. Смотри, до чего он возвысил это дело, представляя самого Христа просящим о примирении, и не только Христа, но и самого Отца. Смысл же слов его такой: Отец послал Сына Своего увещевать (людей), и исполнить посольство от Его имени к роду человеческому. Но так как Он, будучи умерщвлен, отошел отсюда, то теперь нам передано это посольство, потому и просим вас от имени Христа и Отца Его. Для Него столь дорог человеческий род, что Он предал за него Сына Своего, наперед зная, что Он будет умерщвлен, и сделал нас апостолами для вас, – так что справедливо сказал (апостол): "все для вас» (1Кор.3:22). «От имени Христова просим» («По Христе убо молим»), то есть, «вместо Христа, потому что нам передано дело Его». Если же тебе это кажется преувеличенным, то послушай еще далее, где он говорит, что они делают это не только вместо Него, т. е. Христа, но и вместо Отца. Потому и

прибавил: «и как бы Сам Бог увещевает через нас» («яко Богу молящему нами»). «Не чрез Сына только, – говорит, – (Бог) призывает людей, но и чрез нас, которым передано дело Его. Итак, не думайте, – говорит, – чтобы мы вас просили, – сам Христос чрез нас просит вас, и даже сам Отец Христа». Что может равняться с таким преизбытком (благости)? Будучи неблагодарно обижен за бесчисленные благодеяния (от Него нам данные), Он не только не осудил нас, но еще дал Сына Своего, чтобы примирить нас с Собою; и когда те, к которым Он пришел, не только не примирились, но и убили Его, Он послал опять других посланников для призывания, и чрез них сам просит.

О чем же просит? «Примиритесь с Богом». Не сказал: «Примирите с собою Бога», потому что не Бог враждует против нас, но мы против Него. Бог же никогда не враждует. Потому, как посланный посредник, оправдывая Его, говорит: «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас *жертвою за грех*" («неведевшаго бо греха по нас грех сотвори») (2Кор.5:21). «Я не говорю уже о том, что прежде было – что вы показали себя крайне неблагодарными против Того, кто не причинил вам никакой обиды, напротив, облагодетельствовал вас; не говорю и о том, что Он не осудил вас за это, и что первый, будучи обижен, первый и просит; пусть все это покрыто будет молчанием. Только того благодеяния, которое Он сделал для вас ныне, не достаточно ли к тому, чтобы вы примирились с Ним?» Что же Он сделал? «не знавшего греха Он сделал для нас *жертвою за грех*" («Неведевшаго бо греха по нас грех сотвори»). Если бы Он сделал только одно это, и ничего другого, то подумай, каково было и это одно, что Он предал Сына Своего за оскорбивших Его? А Он много еще и других благодеяний сделал для нас, и сверх всего еще – не сделавшего никакой неправды осудил на страдания за неправедников. Но (апостол) не сказал этого, а указал на нечто гораздо большее. Что же именно? То, что «не знавшего греха» – Того, Который есть самосущая правда – "сделал *жертвою за грех*" («грех сотвори»), т. е., допустил быть осужденным, как бы грешнику, и умереть, как бы проклятому, потому что «проклят...

[всякий] повешенный [на древе]» («проклят... висий на древе») (Втор.21:23). Действительно, умереть на древе гораздо более значило, нежели просто умереть, на что указывая и в другом месте, он говорит: «быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» («послушлив був даже до смерти, смерти же крестныя» (Флп.2:8). Такая смерть не только вменялась в наказание, но и в бесчестие.

Итак, подумай, как много даровал тебе Бог. Великое дело, когда и грешник умирает за кого-нибудь; но когда праведник страдает таким образом и умирает за грешников, и не просто умирает, но умирает как злодей, и не только вменяется с злодеями, но еще своею смертью дарует нам великие блага, которых мы и не ожидали – потому что говорится: «чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» («да мы будем правда Божия о Нем»), – то какое слово, какой ум может достойно обнять и изобразить это? «Праведника, – говорит, – (Бог) сделал грешником, чтобы грешников сделать праведными. Но он и не то еще сказал, а гораздо более, именно указал не состояние только, а самое качество. Он не сказал: «сделал грешником», но – «сделал для нас *жертвою* за грех" («грех сотвори»); и не только не согрешившего, но и «не знавшего греха»; чтобы и мы были, не сказал – «праведными», но – правда, и «правда Божия». И действительно, эта правда есть Божия. Когда мы оправдываемся не от дел, – потому что иначе надлежало бы быть без всякого порока, – но благодатью, которая одна всякий грех уничтожает. А это и от гордости удерживает нас, – так как все нам даровано от Бога, и вместе с тем показывает всю важность дарованного нам. Первая правда от закона и от дел, а эта последняя – «Божия правда». Итак, обсудив все это, убоимся сказанного более, нежели самой геенны, почтим дела (Божии) выше, нежели самое царство небесное, и утвердимся в мысли, что страшно – не мучения терпеть, но грешить. Если бы (Бог) и не наказал нас, то нам самим надлежало бы просить себе наказания за то, что мы так неблагодарны оказались к своему Благодетелю. Если сгорающий любовью к женщине, не получив взаимной любви от нее, часто убивает самого себя; а когда и получит, но в чем-нибудь погрешит против

возлюбленной, считает себя недостойным жизни, – то, оскорбляя столь человеколюбивого и милосердного (Бога), не должны ли мы сами себя повергнуть в огонь геенский? Скажу еще нечто странное, чудное и, может быть, для многих невероятное: более будет утешения тому, кто за оскорбление такого Человеколюбца терпит наказание, если только он имеет ум и любит Владыку, как должно любить, нежели тому, кто не понесет наказания.

4. Что это так, можно видеть из общего у нас обычая. В самом деле, когда кто-нибудь обидит любимого человека, то более всего успокаивается тогда, когда сам попросит себе наказания и перетерпит какую-нибудь обиду. Так об этом и Давид говорил: «вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего» ("аз пастырь есмь согрешивый, и аз есмь пастырь зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша? Да будет рука Твоя на дому отца моего») (2Цар.24:17). И когда он лишился Авессалома, то искал себе жесточайшего наказания, – хотя сам был и не обидевший, а обидимый; но так как сильно любил погибшего, то сам себя предал мучениям скорби, находя утешение себе в этом. Так и мы должны наказывать самих себя, когда согрешаем против Того, против Которого не должно грешить. Видите, как лишившиеся любимых детей терзают себя, рвут на себе волосы, находя облегчение своей скорби о возлюбленных в наказании самих себя? Если же и тогда, когда мы ничем не оскорбили возлюбленных наших, наше только злострадание о том, что они зло пострадали, приносит нам утешение, то, когда мы сами оскорбили их и совершили против них неправду, не гораздо ли более должно успокоить нас несение наказания, чем освобождение от наказания? Это всякому известно. Кто любит Христа, как должно любить, то понимает, что я говорю, т. е., что он сам не потерпит остаться без наказания, хотя бы (Христос) и простил его, так как одно оскорбление Его составляет уже величайшее наказание. Знаю, что я говорю невероятное для многих; однако, дело обстоит именно так, как я сказал.

Если мы любим Христа, как должно любить Его, то сами себя будем наказывать за грехи свои. Для любящих прискорбно не то, что за оскорбление любимого они терпят какое-нибудь зло, но, прежде всего самое оскорбление любимого. И если этот последний, прогневавшись, не накажет первого, то этим еще более будет мучить его; а если накажет, то, напротив, успокоит и утешит его. Итак, будем страшиться не геенны, а оскорбления Бога, потому что когда Бог, в гневе Своем, отвернется от нас, то это будет тягчее геенны, хуже всего, страшнее всего. А чтобы тебе более увериться, насколько это худо, размысли о том, что я скажу. Если бы какой царь, видя наказываемого какого-нибудь разбойника или другого преступника, отдал за него на смерть возлюбленного, единородного, кровного и законного сына своего, с тем, чтобы вместе со смертью и вина разбойника перенесена была на невинного сына его, и чтобы виновный чрез то и от наказания был освобожден, и от бесчестия избавлен; если бы сверх того он возвел его на высшую степень достоинства; а столь необычайно получивший спасение и почтенный такую славою после оскорбил бы своего благодетеля, – то не пожелал ли бы он, если только не потерял ума, лучше тысячу раз умереть, чем оставаться виновным в такой неблагодарности?

Так будем рассуждать и мы теперь, и горько плакать о том, что так неблагодарно оскорбляем Благодетеля своего. Не будем беспечно надеяться на то, что Он оскорбляемый долготерпит; напротив, поэтому-то еще более и будем сокрушаться. И у нас – людей, если кто ударившему в правую щеку подставит и левую, мстит этим больше, нежели когда бы взаимно ударил его тысячу раз; равным образом и терпящий поношение, когда не только взаимно не поносит, но и благословляет поносящего, этим гораздо сильнее уязвляет его, нежели взаимными бесчисленными поношениями. Если же мы так стыдимся людей, великодушно переносящих наши обиды, то не тем ли более должны бояться Бога, когда непрестанно согрешаем, но не терпим за то никакого наказания? Поистине страшное наказание соблюдается на главу таковых. Итак, помышляя об этом, прежде всего убоимся греха, так как от него мучение, от него

геенна, от него всякое зло. И не только убоимся, но и будем убегать его, и стараться всегда благоугождать Богу. В этом и состоит царствие, в этом жизнь, в этом тысячи благ. Таким образом, мы еще и в этой жизни приобщимся царствия небесного и будущих благ, которые все мы и да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 12

2Кор.6:1–2. Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами. Ибо сказано: во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения.

Благодать не ведет ко спасению, если нет чистой жизни. – В чем состоит истинное богатство. – Бедняки счастливее богачей.

1. Так как (апостол) сказал, что Бог призывает, а мы только посланники от Него, которые молим, чтобы вы примирились с Богом, то, чтобы (коринфяне) не предались беспечности, он снова устрашает их и возбуждает, говоря: «умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами» («молим, не вотще благодать Божию прияти вам»). «Не будем, – говорит, – предаваться беспечности потому, что Бог нас призывает, и послал к нам посланников. Напротив, поэтому-то самому и будем всячески стараться угодить Богу, и собрать сокровища духовные (о чем он и выше говорил, когда сказал, что «любовь Божия обдержит нас», т. е. побуждает, заставляет, нудит), – чтобы, после такого попечения, предавшись беспечности и не показавши ничего доброго, не лишиться вам столь великих благ. Итак, не думайте, что, если (Бог) послал призывающих, это призывание продолжится вечно. Оно продолжится только до второго пришествия; Он будет призывать, доколе мы находимся только здесь, а после того суд и мучение. Это-то, – говорит, – и побуждает нас призывать вас». Он часто возбуждает верующих не только величием благ и человеколюбием (Божием), но и краткостью времени. Так в других посланиях он говорит: «ныне ближе к нам спасение» («ныне бо ближайшее нам спасение») (Рим.13:11); и еще: «Господь близко» (Флп.4:5). А здесь еще более делает: побуждает верующих не только краткостью данного времени, но еще и тем, что это только время и благоприятно для спасения. "Вот, – говорит, – теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения» («Се ныне время благоприятно, се день спасения»).

Не будем же терять благоприятного времени, но покажем достойное данной нам благодати попечение. «Потому, – говорит, – и мы сами спешим, зная и краткость, и благоприятность времени». Вот почему он сказал: «умоляем вас» («споспешествующе же и молим»). «Как споспешники вам», потому что «Мы помогаем более вам, нежели Богу, от Которого мы посланы. Он ни в чем не имеет нужды; все спасение распространяется на вас». Впрочем, этим не отвергается и то, что (апостолы) были споспешники и Богу, как и говорит в другом месте: «Ибо мы соработники у Бога» («Богу есмы споспешницы») (1Кор.3:9). «К этому-то спасению, – говорит, – мы и призываем вас: "умоляем". Когда же Бог призывает ко спасению, то не просто призывает, но представляя на то права Свои, именно то, что Он дал Сына-праведника, не ведавшего греха, и за нас грешников соделал Его грехом, чтобы мы сделались праведными. Тому, Кто имеет столько прав и есть Бог, не следовало бы и призывать, и притом людей непокорных; напротив, нам бы надлежало призывать Его каждый день. И, однако, Он призывает: мы же, – говорит, – призывая, не можем от себя представить вам никакого права или благодеяния, разве то одно, что умоляем вас именем Бога, открывшего вам столько благодеяний. Умоляем же для того, чтобы вы приняли Его благодеяние и не отвергли дара. Итак, послушайте нас – и не напрасно примите предлагаемую вам благодать». Чтобы (слушатели) не подумали, что примирение состоит только в том, чтобы веровать в Призывающего, он требует еще исправления жизни, потому что, получивши прощение грехов и, примирившись (с Богом), жить опять по-прежнему значит то же, что снова возвратиться к вражде и, в рассуждении жизни, напрасно принять благодать.

Благодать не спасет нас при нечистой жизни; напротив, еще более повредит нам и усугубит грехи наши, если мы после такого познания и дара возвратимся к прежним беззакониям. Впрочем (апостол) ясно пока еще не говорит этого, чтобы не сделать слова своего тяжким; а говорит только, что иначе мы не получим никакой пользы. Потом напоминает пророчество, убеждая тем и побуждая (коринфян) подвигнуться, чтобы

получить спасение. «Ибо сказано, – говорит, – во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения» («Глаголет бо: во время приятно послушах тебе, и в день спасения помогах ти. Се ныне время благоприятно, се день спасения») (2Кор.6:2). «Время благоприятное». Какое это время? Время дара и благодати, в которое не отчета в грехах требуют, не осуждение произносят, но с прощением грехов предлагают и наслаждение бесчисленными благами, – оправдание, освящение и все другие. Сколько надлежало бы трудиться, чтобы дождаться такого времени? Но вот без всякого с нашей стороны труда пришло это время, неся с собою оставление всех прежде бывших грехов. Поэтому и называют его благоприятным, так как (Господь) принимает ныне и величайших грешников, и не только принимает, но еще удостоивает их высочайших почестей. Когда Царь пришел, то уже не суда время, но милости и спасения. Потому и называет это время благоприятным, доколе мы находимся в подвиге, доколе работаем в винограднике, доколе остается одиннадцатый час.

2. Итак, приступим к подвигу, покажем жизнь добродетельную; к тому же это и легко. Подвизающемуся в такое время, в которое излились столь великие дары, столь великая благодать, легко получить награду. И у земных царей, во время торжеств, когда они являются в царских одеждах, и мало потрудившийся получает великие дары; между тем как в дни, когда они судят, требуется большая исправность и великое усилие (чтобы получить что-нибудь). Поэтому и мы будем подвизаться в столь благоприятное время, в которое дается дар. Ныне время благодати, Божией благодати, когда легко можем получить венцы. Если (Бог) принял нас обремененных столькими грехами и простил, то не тем ли более примет нас, когда мы прощены уже, и когда приносим нечто и от себя. Далее, как и всегда делает (апостол), выставя самого себя на сцену, чтобы с него брали пример, так делает он и здесь. Поэтому и присовокупляет: «Мы никому ни в чем не полагаем преткновения, чтобы не было порицаемо наше служение» («ни

едино ни в чем же дающе претыкание, да служение наше безпорочно будет») (2Кор.6:3), – заимствуя убеждение не от времени только, но и от примера тех, которые подвизались как должно.

И смотри, как скромно это делает. Не сказал: «Глядите на нас, а мы таковы-то»; но, как бы защищаясь против обвинения, исчисляет свои (подвиги). И полагает два отличительных признака беспорочной жизни, первый: «ни в чем не полагаем претыкания» – не сказал «обвинения», но что гораздо маловажнее – «претыкания», – т. е., никому не подавая и повода к укори́знам против нас, – «да служение наше безпорочно будет», – чтобы кто не стал нападать (на это служение); и не сказал опять, чтобы кто не стал порицать или обвинять, но чтобы оно не подавало и случайного повода к тому, чтобы кто-нибудь мог порицать в чем-нибудь. Второй признак: «но во всем являем себя, как слугители Божии» («но во всем представляюще себе, якоже Божия слуги») (2Кор.6:4). Это гораздо выше (предыдущего). Действительно, не одно и то же – быть свободным от обвинения, и устроить себя так, чтобы из всего видно было, что мы Божии слуги; и не одно и то же – избежать порицания, и быть достойным похвал. Не сказал: «являясь» (φαίνόμενοι), но: «являем себя» («представляюще себе») (συνιστῶντες), т. е. показывая (себя таковыми на деле). Далее говорит и о том, каким образом они сделались таковыми.

Каким же? «В терпении, – говорит, – многом». Терпение он положил основанием благ, почему и не просто сказал – «в терпении», но – «в терпении многом», чтобы показать его важность. Действительно, перетерпеть одну какую-нибудь беду или две – еще не великое дело; потому и перечисляет множество скорбей и искушений, говоря: «в скорбях, в бедах» (ἀνάγκαις). Но скорбь еще более увеличивается, когда нельзя уклониться от несчастий, и когда точно неизбежная какая необходимость требует злостраданий. «В тесных обстоятельствах» («В теснотах»), – т. е., или в теснотах голода и других необходимых потребностей, или просто в теснотах искушений. «Под ударами, в темницах, в изгнаниях» («В ранах, в темницах, в нестроениях») (ἀκαταστασίας) (2Кор.6:5). И

каждое из них само по себе тяжело: тяжело терпеть бичевание, тяжело быть в узах, тяжело не иметь покоя от гонений – это именно и значит «в нестроениях»; но когда постигают все эти скорби и притом сразу, то подумай, какая для этого потребна душа! Потом ко внешним скорбям присовокупляет и те, которые от него собственно зависели: «в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте» («в трудах, в бдениях, в пощениях, в очищении») (αἰὸνῆτι). Этими словами он указывает на те труды, которыми обременял себя, переходя с места на место; и делая своими руками, – на те ночи, в которые учил, или трудился для себя, и со всем тем не забывая и поста, хотя и одни эти (подвиги) стоили не одной тысячи постов. А под "чистотой" («очищением») здесь он понимает или целомудрие, или чистоту во всем, или же нелюбостыжательность, или же то, что он даром проповедовал Евангелие. «В благоразумии» ("В разуме") (γνώσει) (2Кор.6:6). Что такое «в благоразумии»? В мудрости, даруемой от Бога, которая истинно есть ведение, а не как мнимые мудрецы, хвалящиеся внешним образованием, а этой истинной мудрости лишенные. «В великодушии, в благодати» («В долготерпении, в благодати»). И это важное свидетельство мужественной и благородной души – великодушно переносить поражения и удары, отовсюду наносимые.

Далее, чтобы показать, как он сделался таковым, присовокупил: «в Духе Святом». «Чрез Него, – говорит, – мы все это совершаем». Но смотри, где он поставил помощь от Св. Духа, – после уже исчисления своих подвигов. Мне кажется, он хотел показать этим и нечто еще другое. Что же такое? То, что «мы обильно исполнены Духа Святого, и свое апостольство оправдываем и тем, что удостоились духовных дарований», так как, хотя это зависит и от благодати, тем не менее, и сам он был причиною, своими делами и подвигами привлекая на себя благодать. Если же кто думает, что сверх сказанного (апостол) выражает этими словами еще и то, что он, в употреблении благодатных даров, не подавал никому никакого соблазна, – думаю, и тот не погрешит против смысла. Действительно, некоторые (из коринфян), получив дар языков и возгордившись, тем подали повод к осуждению себя, потому что получивший

духовные дары может и злоупотребить ими. «Мы же, -говорит, – не таковы, но и "в духе", – т. е. в дарованиях, – пребыли беспорочными. «В любви нелицемерной».

3. Вот что было причиною всех благ (им приобретенных); вот что сделало его таковым, и сохраняло в нем Духа, действием Которого все у него совершалось. «В слове истины» (2Кор.6:7), о чем он часто упоминает, т. е. что мы возвещали слово Божие без обмана и без подделки. «В силе Божией». Как всегда он поступает, – т. е. ничего не относит к самому себе, но все усваивает Богу и Ему приписывает все свои действия, – так делает и здесь. Так как он сказал о себе много великого, именно то, что проводил жизнь неукоризненную во всем, и показывал в себе высочайшую мудрость, то все это усвояет Духу и Богу. Действительно, сказанное им было необычайно. Если и живущему в тишине трудно сделаться добродетельным и непорочным, то подумай, какая должна быть душа у того, кто обуреваемый столь многими скорбями, всегда сияет. Но он не это только претерпел, а и гораздо более того, как увидим далее. И не только то удивительно, что он пребыл беспечален, обуреваемый такими волнами, и мужественно перенес все, но еще более то, что все это (перенес) с радостью, – как на это он ясно указывает далее, говоря: «с оружием правды в правой и левой руке» («оружии правды десными и шуими»).

Видишь ли, какое присутствие духа, и какая сильная душа? Он показывает, что скорби – это оружия, которые не только не низлагают (терпящих их), но и ограждают и укрепляют. "Левыми" ("Шуими") же он называет мнимые (δοκούντα) скорби, потому что и эти имеют свою награду. Почему же он так называет их? Или потому, что говорит, сообразуясь с понятиями других, или потому, что Бог повелел молиться и о том, чтобы не впасть в искушение. «В чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах» («Славою и безчестием, гаждением и благохвалением») (2Кор.6:8). «Что ты говоришь? Почитаешь за великое то, что пользуешься славою? Подлинно так», – говорит. Почему же? Казалось бы, терпеть бесчестие – великое дело; а для наслаждения славою требуется невеликая душа? Напротив, великая и весьма великая, – чтобы, пользуясь славою, не

впасть в гордость. Вот почему он и о славе думает так же, как о бесчестии, потому что он равно сиял в том и другом случае.

Но каким же образом (слава) бывает оружием правды? Таким, что многие, видя учителей благочестия в славе, и сами возбуждаются к благочестию; она свидетельствует о добрых делах их; такую славою прославляется и Бог. И это есть дело премудрости Божией, – чтобы проповедание Евангелия совершалось противными средствами. Смотри, – вот Павел был связан. И это было допущено для пользы Евангелия: «обстоятельства мои, – говорит, – послужили к большому успеху благовествования: и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большою смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие» («яже о мне паче во успех благовествования приидоша: и множайшии братия... надеявшиися о узах моих, паче дерзают без страха слово... глаголати») (Флп.1:12,14). Был он и в славе. И это опять усугубляло ревность верующих. «В чести и бесчестии» («Славою и безчестием»). Он переносил мужественно не только телесные скорби, которые исчислил выше, но и собственно душевные. А и эти скорби обыкновенно сильно возмущают дух. Иеремия перенес много искушения; а от этих изнемог, и когда его злословили, говорил: «Не стану пророчествовать, и не буду более говорить во имя Его» («не вспомяну имени Господня») (Иер.20:9). И Давид часто жалуется на злословия. А Исаия, после многих других утешений, успокаивает (иудеев) еще так: «Не бойтесь поношения от людей, и злословия их не страшитесь» («не бойтесь укорения человека, и похулению их не покаряйтесь») (Ис.51:7). И Христос говорит ученикам: «когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня, радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» («егда рекут всяк зол глагол на вы лжуще,... радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех») (Мф.5:11–12), а в другом месте прибавляется еще: «и взыграйте» (Лк.6:23). Он не положил бы такой награды, если бы подвиг этот не был велик. В телесных страданиях болезнь души разделяет и тело, потому что и тело и душа страдают вместе; а здесь (страдает) одна душа. Потому-то многие пали от одних душевных скорбей

и погубили души свои. Оттого и для Иова укоризны друзей его казались тяжелее ран и червей (Иов.19).

Поистине, нет ничего тягостнее для мучимых скорбями, как слово, уязвляющее душу. Потому-то и (апостол), перечисляя труды и подвиги свои, полагает и этот, говоря: «славою и бесчестьем». Так многие и из иудеев не хотели веровать (в Господа), только из опасения лишиться славы в народе. Они боялись не казней, но того, чтобы не выгнали их из сонмищ. Потому (и Господь) говорил им: «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу» («как вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще») (Ин.5:44)? И многих можно бы указать, которые, презрев все страдания, побеждены были славою. «Нас почитают обманщиками, но мы верны» («Яко лестцы, и истинни») (2Кор.6:8). Это – то же, что и «при порицаниях и похвалах» («гаждением и благохвалением»). «Мы неизвестны, но нас узнают» («Яко незнаеми, и познаваеми»). Это – то же, что и «славою и бесчестьем». Для одних они были знаемы и достоуважаемы, для других недостойны и того, чтобы знать их. «Нас почитают умершими, но вот, мы живы» («Яко умирающе, и се живи есмы») (2Кор.6:9), т. е., как приговоренные и осужденные на смерть, что также составляло род бесчестья.

4. А это сказал он для того, чтобы показать и неизреченную силу Божию, и их терпение. «(Смотря по тому), – говорит, – как и до чего злобствовали против нас враги наши, нам непременно надлежало бы умереть; так и все думали; но Бог спасал нас от гибели». Далее, чтобы показать для чего Бог попускает это, (апостол) продолжает: «нас наказывают, но мы не умираем» («яко наказуеми, (παῖδεύομενοι) а не умерщвляеми»). Здесь он показывает, какая польза проистекает от искушений, еще прежде наград, и как сами враги невольно делаются их благодетелями. «Нас огорчают, а мы всегда радуемся» («Яко скорбяще, присно же радуящиеся») (2Кор.6:10). «Другие, смотря на нас, думают, что мы скорбим, между тем как мы не только не скорбим, но ощущаем самое высшее удовольствие». И не просто сказал: «радуящиеся», но прибавил – "присно", т. е. всегда. Что может сравниться с такою жизнью, в которой по мере несчастий увеличивается радость? «Мы нищи, но многих

обогащаем» («Яко нищии, а многи богатяще»). Некоторые думают, что здесь говорится о богатстве духовном, а я нахожу возможным присовокупить и видимое богатство, потому что они и им обладали, поскольку чудным некоторым образом имели отверстыми для себя все дома. Это (апостол) и подтверждает далее, говоря: «мы ничего не имеем, но всем обладаем» («яко ничтоже имуще, а вся содержаще»).

Но как это возможно? Как возможно совместить две вещи совершенно противные? Обладающий многим не имеет ничего; а ничего не имеющий владеет всем! Однако не только в этом, а и в других вещах часто одно противное производит другое противное. Если же тебе все еще кажется удивительным, как возможно иметь все тому, кто ничего не имеет, то я представлю в пример самого (апостола), который повелевал всей вселенной, и был господином не только их имения, но и самых очей. «Если бы возможно было, – писал он, – вы исторгли бы очи свои и отдали мне» («Аще бы было мощно, очеса ваша извертевши дали бысте ми») (Галат.4:15). Все же это говорит для того, чтобы научить нас не смущаться человеческими о нас суждениями, – хотя бы нас называли льстецами, хотя бы не хотели и знать о нас, хотя бы считали нас преступниками, осужденными на смерть, хотя бы скорбящими, бедными, ничего не имеющими, хотя бы (считали нас) находящимися в унынии и тогда, когда мы радуемся, – потому что и для слепых солнце не светит, и безумным неизвестны удовольствия мудрых. Одни только верные умеют справедливо ценить дела, и радуются и скорбят не о том, о чем другие. Если бы кто, не имея никакого понятия о состязаниях, увидел бойца, хотя украшенного венцом, но имеющего раны, то, не зная того удовольствия, которое приносит бойцу венец, конечно, стал бы думать только о том, что тот испытывает мучительную боль по причине ран. Так и те знают только то, что мы претерпеваем, а того не знают, за какую цену претерпеваем, и потому естественно думают, что мы только страдаем; они видят только борьбу и бедствия, а наград, венцов и основания подвигов не видят.

Итак, что же это было, чем владел Павел, когда говорит: «мы ничего не имеем, но всем обладаем»? Блага земные и

духовные. В самом деле, кого как ангела принимали города, для кого готовы были исторгнуть и отдать свои очи, за кого готовы были положить свои головы, – как тот не был господином и всего им принадлежащего? Если же хочешь видеть его духовные блага, то увидишь, что он и ими был весьма богат. Кто так близок был к Царю всяческих, что Владыка ангелов сообщил ему сокровенные тайны, – тот как не превосходил всех и обилием (духовных благ), и как же не имел всего? Иначе ему так не повиновались бы демоны, и не стали бы убегать от него с такою поспешностью болезни и недуги. Так и мы, если что несем ради Христа, должны нести не только мужественно, но и с радостью. Постимся ли мы – будем веселы, как пиршествующие. Терпим ли поношение – будем ликовать, как осыпаемые похвалами. Истрачиваем ли мы имение – постараемся быть в таком расположении духа, как будто приращаем его. Отдаем ли что бедным – будем думать, что мы приобретаем, потому что кто не с таким расположением дает, тот нелегко и дает.

Итак, когда ты хочешь раздавать от своего имущества, то не о том только думай, что ты расточаешь, но и о том, что гораздо более приобретаешь; и о последнем даже прежде (думай), чем о первом. И не только при раздаче милостыни, но и во всякой добродетели помышляй не о суровости трудов, но о сладости наград; а прежде всего имей в виду Господа нашего Иисуса, для Которого предпринимаешь те или другие подвиги, – и ты легко выйдешь на подвиги, и в радости проведешь все время жизни. Подлинно, ничто не приносит такого удовольствия, как добрая совесть. Вот почему Павел, и каждодневно уязвляемый скорбями, радовался и веселился, а ныне живущие, и во сне не претерпевая ничего подобного, скорбят и унывают, – не от чего иного, как только оттого, что не имеют любомудрой души. Иначе, скажи мне, о чем ты плачешь? О том ли, что ты беден и терпишь недостаток в необходимых вещах? Но в таком случае больше о тебе нужно плакать – не потому, что ты беден, а потому, что ты так малодушен; не потому, что у тебя нет денег, а потому, что ты так дорого ценишь их. Павел умирал каждый день (1Кор.15:31), и не только не плакал, но еще и радовался.

Он непрестанно боролся с голодом, и не только не скорбел, но и хвалился.

5. А ты оттого, что не имеешь всего годового запаса, плачешь и терзаешь себя? «Да, – скажешь, – потому что он имел попечение только о себе, а я о рабах, и о детях, и о жене» Напротив, он и один заботился о нужном не для себя, но для всей вселенной. Ты заботишься об одном доме, а он о таком множестве бедных в Иерусалиме, в Македонии и о всех неимущих, – повсюду; заботился притом и о тех, которые давали, не менее, чем о тех, которые принимали. У него была двойная забота о вселенной: и чтобы никто не терпел нужды в вещах необходимых, и чтобы все обогащались духовными дарами. И тебе не причиняют такой скорби твои голодные дети, какую причиняли ему дела всех верующих. Что я говорю – верующих? Он не был чужд заботы и о неверующих, напротив, до того был снедаем заботою о них, что молился за них, и желал быть отвергнутым сам ради их спасения (Рим.9:3). А ты, хотя бы в тысячу раз увеличился голод, не решился бы умереть ни за кого. И ты заботишься об одной жене; а он о всех церквях в целом мире; у меня, говорит, «попечение всех церквей» (2Кор.11:28).

Итак, доколе будешь шутить, сравнивая себя с Павлом, и скоро ли перестанешь страдать таким малодушием? Не тогда должно плакать, когда мы бедны, но когда грешим. Только это одно достойно слез, а все прочее достойно даже смеха. «Но я не об этом одном печалюсь, -скажешь, – а еще и о том, что такой-то облечен властью, а я в бесчестии и презрении». Что же из этого? И блаженный Павел для многих казался бесчестным и достойным презрения. «Но то был Павел», – скажешь. Значит, следовательно, печаль твоя происходит не от свойства вещей, а от недостатка рассуждения. Итак, ты должен оплакивать не бедность свою, но себя, что находишься в таком (жалком ослеплении). Вернее же – не плачь и о себе, а лучше исправься: не богатств ищи, а старайся о приобретении того, что более, нежели бесчисленные богатства, делает нас радостными, то есть любомудрия и добродетели. При них и бедность будет безвредна; а без них нет никакой пользы и от

богатства. В самом деле, скажи мне, какую пользу получают те, которые изобилуют богатством, а души имеют бедные? Не столько ты считаешь себя несчастным, сколько такой богач считает себя таковым потому, что не имеет у себя (богатства) всех. Пусть он не плачет так, как ты; но загляни в его сердце, и ты увидишь там вопли и вздыхания.

Хочешь ли, я покажу тебе твое богатство, чтобы ты перестал почитать блаженными имеющих большое богатство? Видишь ли это небо, как оно прекрасно, как величественно, на какой высоте поставлено? Красотою его и он наслаждается не более твоего, и не может тебя лишиться его, и все присвоить себе, потому что оно создано сколько для него, столько же и для тебя. А что сказать о солнце? И это блестящее и светозарное светило, увеселяющее взор наш, не для всех ли смертных открыто, и не все ли равно наслаждаются им, как богатые, так и бедные? И свод звездный, и круг луны – не всем ли равно принадлежат? Даже, странно сказать, мы бедные пользуемся им более, нежели они. Они, предаваясь безмерному пьянству и проводя жизнь в пиршествах и непробудном сне, часто и не замечают их, находясь всегда под кровлею и любя жить во мраке; напротив, бедные находятся в таком положении, что более всех наслаждаются приятностями этих стихий. Равным образом, если будешь рассматривать воздух, повсюду разлитый, то увидишь, что бедные и им пользуются в большем количестве и гораздо чистейшем виде. Путешественники и земледельцы более наслаждаются им, нежели живущие в городах; а в этих последних опять ремесленники более, чем те, кто по целым дням предается пьянству.

А что сказать о земле? Не всем ли она равно открыта? Нет, говоришь. Почему же, скажи мне? Потому что богатый и в городе, получив во владение большее количество десятин земли, окружает их длинными стенами, и в полях отрезает себе большие участки. Что же? Ужели потому, что он отрезывает их одному себе, один он и пользуется ими? Никак, хотя бы он владел тысячами участков. Плоды их он поневоле должен разделять между всеми; пшеницу, вино и елей он тебе готовит, и

езде для тебя служит. И огромные ограды и здания, сопряженные с несказанными издержками, трудами и беспокойствами, он воздвигает для твоей же пользы, получая от тебя за такую свою услугу только малое количество серебра. То же самое всякий может увидеть и в банях, и везде, т. е. что богатые тратят и большие деньги, и обременены трудами и заботами, а бедные легко и спокойно пользуются плодами трудов их за несколько олов. Таким образом (богатый) ничем не более твоего пользуется землею, и не десять желудков наполняет и он, но один, как и ты. Но он питается роскошнейшими яствами? И это не большое преимущество; напротив, и здесь ты найдешь для себя предпочтение. В самом деле, это обилие и богатство стола возбуждают в тебе зависть тем, что доставляют много удовольствия; но у бедного удовольствия еще больше; и сверх того он наслаждается также здоровьем. Разве тем только богатый превосходит бедного, что делает свое тело более слабым, и собирает в себе большие источники тяжких болезней, потому что у бедного все делается согласно с природою, а у богатого, который не знает меры, все ведет к расслаблению и болезням.

6. Если угодно, рассмотрим это на примере. Если бы нужно было натопить печь, и один накидал бы в нее шелковых одежд и тонких, искусно вытканых занавесок, а другой, напротив, наложил бы дров дубовых и сосновых, то чем лучше сделал бы первый сравнительно с последним? Ничем – напротив, даже хуже. Что же (мы можем несколько и изменить этот самый пример)? Если бы один стал топить печь дровами, а другой телами – у какой печи остановился бы ты с бóльшим удовольствием, у той ли, которую топили бы дровами, или у той, которую телами? Без сомнения у той, которая топилась бы дровами, потому что она топится естественным образом, и тем представляет приятное зрелище для зрителей; а та, напротив, гарью и смрадом, дымом и зловонием костей прогнала бы от себя всех. Ты ужасаешься, слыша это, и чувствуешь отвращение к такой печи? Но таковы и утробы богатых. В них ты найдешь еще больше, чем в той печи, и смрада, и зловонных испарений, и отвратительного запаха, потому что все тело их и

каждая часть его от пресыщения отзываются большою несваримостью желудка. Ведь когда естественная теплота обессилена, не может переварить всей пищи, то последняя пробивается на поверхность тела, подобно дыму, и производит отвратительный запах. С чем бы еще сравнить утробы богатых? А вы не оскорбляйтесь моими словами; но если говорю неправду, изобличайте меня. Итак, с чем же бы еще сравнить их? Сказанного же еще недостаточно для полного изображения того, как они жалки. Вот я нашел и другое сравнение. Какое же? Как в сточных канавах, когда непрестанно умножающиеся наносы навоза, травы, тростнику, камней и тины производят в них завалы, поток грязи вырывается, наконец, на поверхность, – так точно бывает и с утробами богатых: вследствие стеснения их внизу, большая часть таких зловонных потоков устремляются наверх.

Но не так у бедных. Напротив, утробы их так же чисты от таких зловонных излишеств, как источники, разливающие чистые воды и наполняющие ими сады и луга. Совсем не таковы утробы богатых или – лучше – предающихся пиршествам. Они исполнены вредной влаги, мокрот, желчи, испорченной крови, гнилых испарений и других подобных вещей. Потому-то никто из живущих роскошно не может быть здоровым даже на краткое время, но проводит жизнь среди непрестанных болезней. Ввиду этого я желал бы спросить их: для чего нам даны различные снеди? Для того ли, чтобы мы погибали от них, или для того, чтобы ими питались? Для болезней, или для здоровья? Для расслабления, или подкрепления? Очевидно, что для питания, здоровья и подкрепления. Для чего же вы злоупотребляете ими, создавая чрез них для своего тела болезни и расслабление? Напротив, бедный, питаясь простою пищею, приобретает здоровье, крепость и силу. Итак, не плачь, находясь в бедности, этой матери здоровья; напротив, радуйся. И если хочешь быть богатым, презирай богатства. Подлинно, не в том состоит богатство, чтобы иметь богатство, но в том, чтобы не заботиться о снискании его. Если мы так устроим себя, то и здесь будем богаче всех богатых, и там насладимся будущими благами,

которых все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Который Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 13

2Кор.6:11–12. Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно.

Любовь Павла ко всем. – Его благоразумие и смиренномудрие. – Милостыня не должна делаться напоказ. – В делах, относящихся ко спасению, бедные имеют преимущество перед богатыми.

1. (Апостол) сказал о своих искушениях и скорбях: «В терпении, – говорит, – в скорбях, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях»; показал, как они важны и благодетельны: «нас огорчают, – говорит, – а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» («яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищи, а мнози богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще») (2Кор.6:10); назвал их оружием: «нас наказывают, – говорит, – но мы не умираем» («яко наказуеми, а не умерщвляеми») (2Кор.6:9); обнаружил в них великое о нас попечение Божие и Его силу: «чтобы преизбыточная сила, – говорит, – была приписываема Богу, а не нам» («да премножество силы будет Божия, а не от нас») (2Кор.4:7); изобразил опасность своих подвигов: «всегда, – говорит, – мертвость Его носим» (2Кор.4:10); и что эта мертвость служит ясным доказательством воскресения: «чтобы и жизнь Иисусова, – говорит, – открылась в теле нашем» («да и живот Иисусов явится в мертвенней плоти нашей») (2Кор.4:11); сказал, чего он удостоен от Господа, и какое служение ему было вверено: «и как бы Сам Бог, – говорит, – увещевает через нас; от имени Христова просим» («по Христе молим яко Богу молящему нами») (2Кор.5:20); и чего он был служитель, т. е. «не буквы, но Духа» (2Кор.3:6); и что не только поэтому он достоин уважения, но и ради самых скорбей: «Богу, – говорит, – благодарение, всегда победители нас творящему» (2Кор.2:14). После всего, наконец, он приступает к обличению (коринфян) в том, что они мало имеют расположения к нему. Впрочем, не тотчас начинает обличать их, но сперва говорит им

о той любви, которую он всегда обнаруживал к ним, а потом уже приступает и к обличению. Хотя бы обличающий и по своим добродетелям заслуживал уважение слушателей, но его слово принимают охотнее, когда он вместе показывает и любовь свою к обличаемым. Вот почему и апостол, упомянув сперва о своих искушениях, трудах и подвигах, переходит к слову о любви своей к ним, и потом уже начинает обличать их. Как же он свидетельствует любовь свою к ним? "Уста наши, – говорит, – отверсты к вам, Коринфяне» («Уста наша отверзошася к вам, коринфяне») (2Кор.6:11).

Что же это за свидетельство любви? И что вообще значат эти слова? «Мы не хотим, – говорит, – молчать пред вами, но всегда желаем говорить и беседовать с вами. А так поступают обычно любящие. И что для тела объятие рук, то для души дружественная беседа». Вместе с этим он намекает здесь еще и на нечто другое. Что же именно? «То – (говорит), – что мы откровенно беседуем с вами, как с возлюбленными, ничего не утаивая от вас и ничего не скрывая». Так как он приступает к обличению их, то как бы просит у них извинения в том, делая самое обличение, смело высказанное, доказательством сильной любви к ним. И самое наименование («коринфяне») выражает великую любовь, расположение и горячность (чувства). Известно, чтоб мы часто повторяем и одни имена тех, кого любим. «Сердце наше расширено» («Сердце наше распространился»). Как теплота расширяет (предметы), так и любви свойственно расширять (сердце), потому что она есть такая добродетель, которая и горяча, и разгорячает. Она разверзла и уста Павловы, и расширила сердце его. «Не устами только, – говорит, – люблю вас, но (с устами) согласуется и сердце. Потому я и говорю смело, открытыми устами и от всего сердца».

Подлинно, нет ничего пространнее сердца Павлова; оно так горячо любило всех верных, как кто-нибудь (любит) своего друга, не раздробляя на части своей любви и оттого ослабевая, но пребывая в каждом всецело. И удивительно ли, что Павел имел такую любовь к верным, когда сердце его обнимало всю вселенную, и даже неверных? Вот почему он и не сказал: я

люблю вас, но гораздо выразительнее: «Уста наши отверсты,... сердце наше расширено» («уста наша отверзошася,... сердце наше распространися»); мы всех имеем в сердце и не кое-как, но с большим простором, потому что в таком случае любимый без всякой опасности помещается в сердце любящего». Поэтому и говорит: «Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно» («не тесно вмещаетесь в нас, утесняетесь же во утробах ваших») (2Кор.6:12). Смотри, как он щадит и в самых обличениях. А это – свойство сильно любящих. Не сказал: «вы не любите нас», а (говорит только): «не в такой мере (любите, как мы)», – потому что не хочет сильно упрекать их.

Перечитывая его послания, желающий и везде может увидеть, до чего он любил верующих. К римлянам, например, он пишет: «весьма желаю (ἐπιποθῶ) видеть вас» (Рим.1:11); и еще: «многократно намеревался придти к вам» («множицею восхотех приити к вам») (Рим.1:13); также: «чтобы воля Божия когда-нибудь благопоспешила мне придти к вам» («аще убо благопостешен буду приити к вам») (Рим.1:10). А к галатам пишет: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения» («чадца моя, имиже паки болезную») (Гал.4:19). И опять к Ефесеянам: «Для сего преклоняю колени мои за вас» («сего ради преклоняю колена моя за вас») (Еф.3:14). К филиппийцам же (написал так): «Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы?» («кто бо ми есть упование или радость, или венец похваления? Не и вы ли?») (1Сол.2:19), – и говорил, что он носит их «в сердце и во узах» (Флп.1:7). А к колоссянам: «Желаю, чтобы вы знали, какой подвиг имею я ради вас... и ради всех, кто не видел лица моего в плоти, дабы утешились сердца их» («хощу же вас видети, колики подвиг имам о вас, и елицы не видеша мя во плоти, да утешатся сердца ваша» (Колос.2:1); и к фессалоникийцам: «подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши» («якоже доилица греет своя чада, тако желающе вас благоволихом подати вам не точию благовествование, но и души своя») (1Сол.2:7–8). Или Тимофею: «вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости» («помяная слезы твоя,

да радости исполнюся») (2Тим.1:4); также Титу: «истинному сыну» ("присному (αγαπητῷ) чаду") (Тит.1:4). Подобным же образом и к Филимону.

2. Много подобного пишет он и к евреям, не переставая утешать их подобно матери, уговаривающей печальных детей своих: «еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит» («еще мало елико елико, грядый приидет и не укуснит») (Евр.10:37). С тою же любовью и к ним (коринфянам) говорит: «Вам не тесно в нас» («не тесно вмещаетесь в нас»). Притом говорит, что не только он их любит, но что и они любят его, желая этим еще более привлечь их к себе. То же самое свидетельствует он о них, когда говорит, что пришел Тит, «поведавая нам ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность» (2Кор.7:7). То же и галатам: «если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне» (Гал.4:15); и фессалоникийцам: «какой вход имели мы к вам» (1Сол.1:9); и Тимофею: «вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости» (2Тим.1:4). И везде в посланиях его всякий может найти свидетельства любви его к ученикам своим и их любви к нему, хотя и не равной. Так и в настоящем послании говорит он: «чрезвычайно любя вас, я менее любим вами» («аще и излишше вас любя, меньше любим есмь») (2Кор.12:15). Но так как говорит он уже в конце (послания); а здесь еще сильнее: «Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно» («не тесно вмещаетесь в нас, утесняетесь же во утробах ваших»). «Вы приемлете, – говорит, – одного, а я – целый город и столь многочисленный народ». Не сказал опять – «не приемлете нас», но – «в сердцах ваших тесно» («утесняетесь»); этими словами он указал на то же, но только снисходительнее, чтобы обличение было не слишком жестоко. «В равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы» («Тоже же возмездие, якоже чадом глаголю, распространитесь и вы») (2Кор.6:13). И хотя не одно и то же – прежде самому быть любимым, а потом уже любить других, потому что возлюбивший после, хотя бы и равную платил любовью, по тому уже самому стоит ниже, что другой предварил его любовью, – но я не вхожу, – говорит, – в строгое разыскание; для меня довольно, если вы,

взяв с меня пример, покажете ту же меру любви, каковою я люблю вас». Потом, чтобы показать, как это нужно для них, и как слова его чужды всякого ласкательства, прибавляет: «говорю, как детям». Что же значит: "как детям"? Это значит – «ничего более не прошу от вас, кроме вашей любви ко мне, как отцу».

И заметь благоразумие и смиренномудрие (апостола). Он не говорит уже здесь о бедствиях, какие претерпел за них, о своих трудах, о смертных опасностях, хотя бы и много мог сказать – так он чужд гордости! – но говорит только о любви своей, и просит от них взаимной любви, – «за то, что я, – говорит, – отец ваш, и сильно люблю вас». Пользующегося любовью иногда очень раздражает то, что ему напоминают о благодеяниях, – потому что он видит в этом упрек себе. Поэтому Павел и не делает так, а только говорит: «Возлюбите меня как дети отца», – что гораздо ближе к природе (человеческой), и составляет долг каждого в отношении к отцу. Потом, чтобы кто не подумал, что он говорит это для своей пользы, показывает далее, что он для их же блага желает снискать любовь их к себе, – почему и присовокупляет: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными» («не бывайте преложни ко иному ярму, якоже невернии») (2Кор.6:14). Не сказал – «не смешивайтесь с неверными»; но, чтобы сильнее обличить их как нарушителей правды, говорит: не уклоняйтесь (на их пути). «Какое общение праведности с беззаконием?» («Кое бо причастие правде к беззаконию?»). Здесь он делает различие уже не между своею любовью и любовью тех, которые растлевали коринфян, но между благородством последних и низостью первых. От этого и речь его сделалась важнее и сообразнее с его достоинством, а для коринфян привлекательнее.

Если бы сыну, не почитающему своих родителей и предающемуся людям развратным, кто-нибудь сказал: «Что ты делаешь, дитя? ты презираешь своего отца, и предпочитаешь ему людей развратных и преданных всякому нечестию? Ужели ты не знаешь, сколько ты лучше их и благороднее?» – то такими словами он лучше бы отклонил его от общения с ними, чем

когда бы стал восхвалять только отца. Так, если бы он сказал: «Ужели ты не знаешь, насколько отец твой лучше их?» – то этим ничего бы не сделал. Напротив, если он, оставив отца, укажет на превосходство пред ними самого сына, говоря: «Неужели ты не знаешь, кто ты и кто они? Как ты не подумаешь о своем благородстве и свободном происхождении, а их низости? Что у тебя общего с такими ворами, прелюбодеями, разбойниками?» – то, как бы окрылив его такими похвалами, он легко расположит его к тому, чтобы он оставил сообщество с ними. Первые увещевания он не так легко примет потому, что восхваление отца будет служить уже обвинением, поскольку именно в этом случае он представляется оскорбителем не только отца, но и такого именно отца; здесь же он ничего подобного не услышит. Притом, кто не любит похвалы? И потому самое обличение, соединенное с похвалою слушателя, бывает удобоприемлемее. Оно смягчает, возвышает дух и заставляет гнушаться сообществом с худыми людьми. Но здесь достойно удивления не только такое различие, но и то, что придумал нечто большее для возбуждения в них страха. Сперва именно он ведет речь свою чрез вопросы, что обыкновенно бывает тогда, когда говорится о чем-нибудь для всех известном и очевидном; потом же распространяет ее многими и различными наименованиями. Не одно, в самом деле, не два и не три, но многия наименования (сравниваемых) вещей полагает пред глазами слушателей, чтобы с одной стороны изобразить высоту добродетелей, а с другой – крайнюю низость порока, и чрез великое, даже бесконечное между ними расстояние показывает, что дело не требует более никакого доказательства. «Какое общение, – говорит, – праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами?» («Кое бо причастие правде к беззаконию? Кое же общение свету ко тьме? Кое же согласие Христови с Велиаром? Или кая часть верну с неверным? Или кое сложение церкви Божией со идолы?») (2Кор.6:14–16).

3. Смотри, какие простые, а между тем достоточные слова употребляет (апостол) для отвращения (коринфян он ярма неверных). Не сказал он: «(какое общение) у праведности с противозаконием (παράνομία)», но гораздо сильнее – «с беззаконием» (ἀνομία). Равным образом не сказал: «(какое общение) у находящихся во свете с пребывающими во тьме», но противопоставляет самые вещи, противные между собой и одна другую отвергающие, т. е. свет и тьму. Не сказал также: «(какое согласие) между последователями Христа и чадами диавола», но – что гораздо бóльшую обнаруживает противоположность – между Христом и Велиаром, – еврейским именем назвав этого отступника. «Какое соучастие верного с неверным?» («Или кая часть верну с неверным?») Чтобы кто не подумал, что он просто лишь обвиняет зло и похваляет добродетель, он здесь указывает уже и лица, хотя и неопределенно. И не сказал: «какое общение», но – какие награды, назвав их «частью» (μερίς). «Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго» («Кое сложение церкви Божией со идолами? Вы бо есте церковь Бога жива»). Смысл этих слов такой. «Царь ваш не имеет ничего общего с диаволом («Какое согласие между Христом и Велиаром?»); ничего общего не имеют между собою и дела их («Что общего у света с тьмою?»). Потому и у вас не должно быть никакого общения с ним (диаволом?)».

Апостол прежде указывает на царя, а потом уже на них, – чтобы тем скорее отвлечь их от диавола. Далее, сказав: «Какая совместность храма Божия с идолами?» и присовокупив: «Ибо вы храм Бога живого», (апостол) почел нужным привести и свидетельство на это, желая показать, что эти слова не простая лесть, – так как кто хвалит, не представляя на то причин, о таком могут подумать, что он льстит. Какое же (он приводит) свидетельство? «Вселюся в них и похожду», – т. е. «вселюсь в храмах этих и в них буду ходить», показывая тем великое к ним благоволение, – «и буду вашим Богом, а вы будете Моим народом» («и будут Мне в людие, и Я буду им в Бога»). (Лев.26:12). «Для чего же, – говорит, – ты, нося в себе Бога, бежишь к идолам, – Бога, Который не имеет с ними ничего

общего? Такой поступок достоин ли какого-нибудь извинения? Помысли, кто в тебе живет и обитает с тобою». «И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас» («Темже изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистот не прикасайтесь: и аз прииму вы, глаголет Господь») (2Кор.6:17). Не сказал: «не творите нечистоты»; но, требуя от них большой точности, сказал: «даже не прикасайтесь и не приближайтесь к ней».

Что же составляет нечистоту плотскую? Блуд, прелюбодеяние и всякое плотоугодие. А душевную? Нечистые помыслы, сладострастный взор, памятозлобие, обманы и тому подобное. Он желает, чтобы мы были чисты и от той и от другой нечистоты. Смотри, вот и награда за то, – отделение от нечестивых и соединение с Богом. Но послушай еще далее: «И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дочерьми, говорит Господь» («и буду вам во отца, и вы будете Мне в сыны и дочери, глаголет Господь») (2Кор.6:18). Видишь, как пророк издревле уже предсказал о настоящем благородстве нашем, т. е. о возрождении благодатию. «Итак, возлюбленные, имея такие обетования» («Сицева убо имуще обетования, о возлюблении») (2Кор.7:1). Какие? То, что мы сделали храмами для Бога, сынами и дочерьми Его, что Он вселяется и обитает в нас, что мы стали Его народом и Его именем Богом и Отцом своим. «Очистим себя от всякой скверны плоти и духа» – не будем прикасаться к нечистоте, – это именно и означает «скверна плоти», – и к тому, что грязнит душу, – это именно и значит «скверна духа». Этим одним, однако, он еще не довольствуется, и потому присовокупляет: «совершая святыню в страхе Божиим». Одно неприкосновение к нечистому еще не делает чистым; чтобы сделаться нам святыми, для этого потребно и нечто другое, – именно ревность, бодрствование и благочестие. И хорошо сказал он: «в страхе Божиим», потому что можно сохранять целомудрие и не в страхе Божиим, но для суетной славы. Впрочем, он имел еще и другое в виду, когда сказал: «в страхе Божиим», именно – способ, которым достигается святость. Действительно, как ни велика сила похоти, но если ты оградишь себя страхом Божиим, то

победишь ее неистовство. Под "святынею" же он понимает здесь не одно целомудрие, но и удаление от всякого греха, потому что свят тот, кто чист, а чист не тот, кто не творит только блуда, но кто чужд вместе и сребролюбия, и зависти, и надменности, и тщеславия, – особенно же тщеславия, которого и всегда нужно убегать, а более всего при подавании милостыни. Милостыня, зараженная этой болезнью, перестает быть уже и милостыней, а является хвастовством и жестокосердием.

Действительно, когда ты подаешь милостыню не из милосердия, но для того, чтобы показать себя, тогда она не только не есть милостыня, но даже является обидой, потому что ты выставляешь на позор своего брата. Милостыня состоит не в том, чтобы только давать деньги, но чтобы давать с чувством милосердия. И на зрелищах дают деньги – и распутным отрокам и другим, появляющимся на сцене; но это не милостыня. И блудники дают деньги блудницам; но это – дело не человеколюбия, а пьяного бесчинства. Им-то подобен и тот, кто (подает милостыню) из тщеславия. Подобно тому, как оскверняющийся с блудницею дает ей награду за наносимую ей обиду, так и ты, подавая милостыню из тщеславия, только награждаешь принимающего ее от тебя за причиняемую ему обиду, и чрез это создаешь и себе и ему худую славу, а отсюда невыразимый вред. Как лютый зверь и бешеный пес нападают на всех, так этот злой недуг бесчеловечия похищает у нас наши блага. Такая милостыня, подлинно, есть бесчеловечие и жестокость, или еще хуже того. Жестокосердый только сам не дает просящему, а ты хуже его делаешь, – ты препятствуешь подавать желающим подать. В самом деле, когда ты всем выставляешь напоказ свое подаяние, то этим приводишь в сомнение бедность принимающего дар твой, и тем удерживаешь от подаяния намеревающегося подать, особенно если он человек легкомысленный. Такой человек уже не подает просящему, как уже получившему подаяние и не особенно нуждающемуся, и мало того, – еще будет порицать его и обличать в бесстыдстве, когда он, получив от тебя милостыню, придет и к нему просить.

4. Итак, какая это милостыня, когда ты бесчестишь ею и себя и того, кто получил ее, а еще более Того, кто повелел творить ее, так как не довольствуешься тем, что сам (Бог) видит милостыню твою, и требуешь еще, чтобы и глаза собратий твоих обращены были на нее, и таким образом преступаешь данную от Него заповедь, запрещающую поступать так. Желал бы я побеседовать с вами и о других добрых делах, и о посте, и о молитве, – чтобы показать, как и здесь пагубно тщеславие; но я вспомнил, что в прошедшей беседе не совсем окончил предложенное там, очень нужное слово. О чем же там было слово? Рассуждая о здоровье и удовольствиях, я говорил там, что бедные имеют преимущество пред богатыми в потребностях жизни, и это доказано было ясно. Теперь покажем, что бедные преимуществуют пред богатыми не только в житейских вещах, но и в духовных. В самом деле, что вводит в царствие Божие – богатство или бедность? Послушаем, что говорит об этом сам небесный Владыка. О богатых он говорит, что удобнее верблюду пройти сквозь иглиные уши, нежели богатому в царствие Божие (Мф.19:24); а о бедных сказал напротив: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» («аще хочеши совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след Мене: и имети имаши сокровище на небеси») (Мф.19:21). Но если угодно, мы и с другой стороны покажем истину сказанного. «Узкий и тесный путь, – говорит (Писание), – вводящий в жизнь» (Мф.7:14). Но кто идет узким путем: тот ли, кто проводит жизнь в удовольствиях, или кто в бедности? Тот ли, кто идет без всякой ноши, или тот, кто несет на себе тысячу тяжестей? Изнеженный и беспечный, или заботливый и старательный?

Но что пользы в умствованиях? Лучше перейдем к примерам. Лазарь был беден, и очень беден, а богатый проходил мимо него, когда он лежал у ворот (богатого). Кто же из них взошел в царство (небесное), и обрел покой в недрах Авраамовых? Кто, напротив, мучился в огне, и не мог испросить даже капли воды? Но ты скажешь, что и из бедных многие погибли, и из богатых многие будут наслаждаться теми неизреченными благами. Напротив, должно знать, что только

малое число богатых спасется, а бедных гораздо более. Рассмотрим и исследуй тщательнее препятствия (к спасению) со стороны богатства и пороки бедности, хотя те и другие, собственно, зависят ни от богатства, ни от бедности, а от тех, которым достались в удел богатство или бедность; но посмотрим все же, какое оружие удобнее. Итак, какой порок кажется свойственным бедности? Ложь. Какой (свойственнее) богатству? Гордость, которая есть мать пороков, от которой и диавол сделался диаволом, не будучи таковым прежде. Опять, «корень всех зол... сребролюбие» (1Тим.6:10). Но кто стоит ближе к этому корню – богатый или бедный? Не очевидно ли, что богатый? Ведь чем большим кто окружен (богатством), тем большего еще желает. Опять, тщеславие губит бесчисленные добродетели. А богатый и к нему тоже обитает поблизости. Но почему же ты, скажут, ничего не говоришь о скорбях и стесненном состоянии бедного? Потому, что это удел и богатого и даже еще более, чем бедного, так что несчастья, соединенные, по-видимому, с бедностью, общи и бедным и богатым, между тем как несчастья богатого угнетают его одного. «Но что (можно ответить), – скажут, – на то, что бедный от недостатка необходимых потребностей совершает много злодеяний?» То, что никто из бедных, никто не делает столько злодеяний от бедности, сколько совершают их богатые, из желания большего богатства и из опасения, чтобы не потерять уже хранящегося у них. В самом деле, не столько бедный желает необходимого для себя, сколько богатый излишнего, да и столько сил опять к совершению зла он не имеет, сколько богатый.

Таким образом, если богатый и больше желает зла и больше может сделать его, то очевидно, что он и действительно больше сделает. Не так бедный боится голода, как богатый трепещет, как бы не лишиться своих сокровищ, и мучится оттого, что еще не завладел богатствами всего мира. Итак, когда богатый близок к тщеславию, гордости и сребролюбию, которое есть корень всех зол, то какую будет иметь он надежду на спасение, если не покажет в себе великого любомудрия? Как он решится шествовать тесным путем? Не будем же, поэтому,

идти за мнением толпы, а будем исследовать самые вещи. Если мы не доверяемся другим, когда дело идет о деньгах, а сами пересчитываем и пересматриваем их, то не безрассудно ли было бы просто следовать мнению других в определении достоинства дел наших, – и притом не взирая на то, что мы имеем для этого верные весы, верный образец и верное правило – суд божественных законов? Потому прошу и умоляю всех вас, – не обращая внимания на то, как об этом думает тот или другой, узнавайте все это из святых Писаний, и, узнав из них, в чем состоит истинное богатство, будем стараться о снискании его, чтобы чрез то достигнуть нам и вечных благ, которых и да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 14

2Кор.7:2–3. Вместите нас. Мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти. Не в осуждение говорю; ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить.

Благоразумие Павлово. – Как нужно относиться к согрешающим братьям.

1. (Апостол) опять говорит о любви, умеряя строгость обличения. Так как он обличил и укорил их в том, что, будучи любимы им, они не отвечают ему такую же любовью, напротив, отпали от любви его, и предались людям зловерным, – то теперь смягчает строгость укоризн своих, говоря: «вместите нас», т. е., «любите нас»; просит у них маловажной милости, которая приносит более пользы оказывающим ее, нежели принимающим. И не сказал – «любите нас», но, как бы вызывая сострадание, говорит: "вместите". «Кто, – говорит, – нас удалил? Кто исторгнул из мыслей ваших? Почему вытесняете нас из сердец ваших?» Выше он сказал: «в сердцах ваших тесно» («утесняетесь во утробах ваших») (2Кор.6:12), а здесь выражает то же самое яснее словами: «вместите нас». И этим опять привлекает их к себе, потому что ничто так не возбуждает любви, как наблюдение любимого, что любящий сильно желает любви его. «Никого не обидели» («Ни единого обидехом»). Смотри, он опять умалчивает о своих благодеяниях, но другим образом и смягчает, и вместе усиливает свое слово. Вместе с тем, говоря: «Мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти» («ни единого обидехом, ни единого истлихом, ни единого лихоимствовахом»), он указывает и на лжеапостолов. Что значит: «повредили»? То есть, никого не обольстили, как и в другом месте говорит: «чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились» («да не како, якоже змий Еву прельсти..., тако истлеют разумы ваша») (2Кор.11:3). «Ни от кого не искали корысти» («Ни единого лихоимствовахом»), то есть, ни у кого ничего не похитили, ни с кем не поступали коварно. Не говорит

еще: «мы оказали вам те и другие благодеяния», но чтобы более пристыдить их, говорит: «не обидели». Как бы так говорит: «Если бы мы и никакого не оказали вам благодеяния, и тогда вам не надлежало бы отвращаться от нас, потому что вы ни в малом, ни в большом не можете обвинить нас». Но, чувствуя, что сказанное им может показаться тяжким, он опять смягчает (свое слово). Впрочем и не совсем умолк (от обличения), потому что тогда он не исправил бы их; и не оставил слова своего несмягченным, чтобы не оскорбить их чрез меру. Что же говорит? «Не в осуждение говорю» («Не на осуждение глаголю»). Из чего же это видно? «Ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить» («Прежде бо рех, яко в сердцах наших есте, во еже умрети с вами и сожити»). Подлинно весьма велика такая любовь, что, будучи даже ими презираем, готов и умереть и жить вместе с ними. «Не просто, – говорит, – вы находитесь в сердцах наших, но так, как я сказал. Можно и любить, и избегать опасностей; но не так любим мы».

Смотри, сколько и здесь дивного благоразумия! Он не упомянул о том, что сделал уже для них, чтоб не сочли этого опять за упрек, но обещает им благодеяния в будущем. «Ежели бы, – говорит, – постигло вас какое бедствие, то я готов все терпеть за вас. Для меня ни смерть, ни жизнь, сами по себе, не важны; но быть там, где вы, для меня предпочтительнее; с вами и смерть лучше жизни, и жизнь лучше смерти». Что умереть за другого есть дело любви, это несомненно; но жить – кто этого не пожелает, даже и не будучи другом? Почему же он и желание жить выставляет как дело великое? Потому что и действительно оно весьма великое. В самом деле, о страждущих друзьях своих многие соболезнуют; а когда они благоденствуют, то уже не радуются с ними, но еще и завидуют. «Мы же не таковы, – (говорит апостол). – Если вы подвергнетесь бедствию, мы не устрашимся разделить с вами ваше несчастье; если будете благоденствовать, не станем завидовать». Потом, ввиду того, что выше он непрестанно повторял одно и то же, говоря: «Вам не тесно в нас»; «в сердцах ваших тесно»; «вместите нас»; «распространитесь и вы»; и: «мы никого не обидели»; а все это,

по-видимому, клонилось к их осуждению, – то смотри, какой новый способ употребляет он, чтобы смягчить тяжесть (этих укоризн). «Я много надеюсь на вас» («Много ми дерзновение к вам») (2Кор.7:4). «Потому, – говорит, – я осмеливаюсь на это, что говорю не к осуждению вашему, но по великой надежде на вас». То же самое выражает он и выше, говоря: «много хвалюсь вами» («много ми похвала о вас»). «Не подумайте, что когда я говорю так, то говорю, совсем уже осуждая вас, потому что я весьма горжусь и хвалюсь вами; напротив, говорю это из заботливости, желая, чтобы вы больше успели в добродетели». То же говорит он после многих обличений и евреям: «Впрочем о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем *состоянии* и держитесь спасения, хотя и говорим так» («надеемся же о вас... лучших, и придерживающихся спасения, аще и тако глаголем») (Евр. 6:9). «Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца» («Желаем же, да кийждо вас являет тожде тщание, к извещению упования даже до конца») (Евр.6:11). Так точно и здесь говорит: «много хвалюсь вами», т. е. «я хвалюсь вами пред другими». Видишь, как искренно утешает! «И не просто, – говорит, – хвалюсь, но и очень хвалюсь». Потому и присовокупил: «исполнен утешением» («исполнихся утех»). Какой же утехи? «Которую получил от вас; вы, исправившись, утешили меня делами своими». Любящему свойственно и делать упреки, что он не любим, и страшиться, чтобы излишними укорами не опечалить. Поэтому и говорит: «исполнен утешением, преизобилую радостью» («исполнихся утех, преизбыточествую радостию»).

2. Но скажут: «Это, по-видимому, противоречит сказанному прежде». Нимало; напротив, очень даже согласно, потому что сказанное теперь делает удобоприемлемым то, что было сказано раньше, и настоящая похвала делает более действительной пользу прежних обличений, уничтожая их горечь. Вот почему он весьма кстати и щедро и расточает эти слова. Не сказал: «я исполнен радости», но – "изобилую"; и не только «изобилую», но – «преизобилую», чем опять обнаруживает горячность любви, по которой хотя и столько

любим ими, что может радоваться и веселиться, все же, однако не почитает еще себя любимым в той степени, в какой бы следовало его любить, и не думает, что все от них получил. Так ненасытима была любовь его к ним! И малая взаимная любовь от тех, кого любим, доставляет великую радость, по причине нашей сильной к ним любви. Таким образом, и это послужило новым доказательством его любви. Говоря об утешении, он сказал: "исполнен", т. е. «получил, что надлежало»; а говоря о радости, сказал: «преизобилую», т. е.: «Я много боялся за вас, но вы довольно удовлетворили и утешили меня, и не только отняли у меня предлог к скорби, но еще доставили мне обильную радость». Показывая затем, как велика эта радость, не только выражает это словами: «преизобилую радостью», но и тем, что присовокупляет: «при всей скорби нашей» («о всяцей печали нашей») (2Кор.7:4). «Так велико было доставленное вами удовольствие нам, что оно не затмилось и великою печалью, а напротив, избытком своей великости преодолело все постигшие нас скорби, и не дозволило нам даже почувствовать их». «Ибо, когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя» («Ибо пришедшим нам в Македонию, ни единого име покоя плоть наша») (2Кор.7:5).

Упомянув выше о печали, рассказывает, какая то была печаль, и представляет ее в большем виде, желая показать, как велики доставленные ими утешение и радость, если они рассеяли и такую скорбь. «Мы были стеснены отовсюду» («Но во всем скорбяще»). Как это во всем? «отвне – нападения» («вне уду брани») – от неверных, «внутри – страхи» («внутри уду боязни») – за немощных в вере, чтобы не увлеклись в заблуждения, что случалось не у одних коринфян, но и у других. «Но Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита» («Но утешаяй смиренныя, утеши нас пришествием Титовым») (2Кор.7:6). Так как он много сказал в похвалу (коринфян), то чтобы не показаться льстецом, приводит в свидетели брата Тита, который пришел от них к Павлу после первого его послания, извещая об их исправлении. А ты заметь, как высоко ценит он везде прибытие Тита. Так и раньше говорит о нем: «Придя в Троаду для благовествования о Христе... я не имел

покая духу моему, потому что не нашел *там* брата моего Тита» («пришед же в Троаду, во благовестие..., не имех покоя духу моему, не обретшу ми Тита брата моего») (2Кор.2:12–13); и здесь опять говорит: «пришествием Титовым мы утешились». Этим он желает внушить им доверие и любовь к Титу. И смотри, как достигает того и другого. Словами «не имел покоя духу моему» он показывает высоту его добродетели; а сказав: «в скорби нашей пришествие его достаточно было к утешению, «и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас» («не токмо же пришествием его, но и утешением, имже утешися о вас»), – снискивает Титу благорасположение коринфян, потому что ничто так не возбуждает и не утверждает дружбы, как добрый и благоприятный о ком-нибудь отзыв. А о Тите свидетельствует (апостол), что, возвратившись, он привел нас в восхищение от удовольствия, когда рассказал о вас так много (приятного). Потому-то пришествие его и обрадовало нас. Не только пришествием его мы были обрадованы, но и «утешением», которые он получал от вас.

Чем же он утешился? «Вашею добродетелью, вашим исправлением». Поэтому и присовокупляет: «пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне» («поведаю нам ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность по мне») (2Кор.7:7). Вот что утешало и радовало (Тита)! Видишь, как и его представляет весьма расположенным (к коринфянам), так как он добрую их славу почитает для себя утешением и, пришедши, хвалится ею пред Павлом, как собственным благом. И смотри, с каким жаром выражает это (апостол): «ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность». Действительно, им должно было и плакать и скорбеть о том, что блаженный Павел так прогневался на них, и так долго не был у них. Поэтому и сказал не просто – «слезы», но – "рыдание", и не просто – «желание», но – «сильное желание» (ἐπιπόθησιν), и не – «гнев», но – "ревность", и ревность за апостола, как против блудника, так и против осуждавших (Павла). «Получивши мое послание, – говорит, – вы воспламенились и воспылали ревностью». Он избыточествует радостью, исполнился утешения, потому что сильно тронул их. Мне кажется, однако, что это сказано не

только для утешения за прежнее, но и для большего возбуждения исполнивших требуемое. Хотя некоторые, как я думаю, и подлежали прежним обличениям и не заслуживали такой похвалы, однако он не отделяет их, напротив, и хвалит, и укоряет всех вместе, предоставляя совести слушателей избрать каждому свое. А таким образом и укоризны не делались невыносимыми, и похвалы возбуждали к большей ревности.

3. Так и ныне должны вести себя обличаемые – плакать и рыдать, так же искать себе наставников, так же любить их более, нежели отцов, – потому что отцы дают нам только жизнь, а наставники жизнь добродетельную. Так должно сносить отеческие наказания, так вместе с предстоятелями должно соболезновать о согрешающих, потому что не от них одних все зависит, но и от вас. В самом деле, если согрешивший видит, что отец обличает, а братья потворствуют, то становится еще нерадивее. Напротив, когда отец укоряет, гневайся с ним и ты, или как заботящийся о брате, или как негодующий с отцом, но только показывай великую заботу и сожалей не о том, что он наказан, но о том, что согрешил. Если же я буду созидать, а ты станешь разорять, то что приобретем, кроме трудов? Мало того, – этим не ограничится для тебя вред, но ты навлечешь на себя еще и наказание. Тот, кто препятствует у врачевать рану, заслуживает не только меньшее наказание с нанесшим ее, но еще и большее, потому что нанести рану и препятствовать ее врачеванию – не одно и то же, – последнее непременно причиняет смерть, а первое не совсем. Говорю же это вам для того, чтобы и вы негодовали вместе со своими начальниками на тех, на кого они справедливо негодуют, чтобы, видя наказываемого, все вы отвращались от него еще более, чем сам наставник. Пусть погрешивший боится вас больше, нежели начальников. Если он будет бояться одного только учителя, то скоро опять согрешит, а если будет опасаться стольких глаз и стольких уст, то сделается гораздо осторожнее. И как, не исполняя этого, подвергнемся крайнему наказанию, так, исполняя, будем участвовать в плодах исправления.

Будем же так поступать! Кто скажет, что христианину прилично быть человеколюбивым к брату, тот пусть знает, что

человеколюбив гневающийся, а не тот, кто прежде времени снисходит к нему, и не дает даже почувствовать греха. Скажи мне, кто оказывает сострадание находящемуся в горячке или в безумии: тот ли, кто укладывает его в постель, связывает, удерживает от вредной для него пищи и питья, или тот, кто позволяет ему напиться вина, оставляет его на воле, позволяя делать все, что делают здоровые? Этот последний, под видом человеколюбия, не растравляет ли болезнь, а первый, напротив, не врачует ли ее? Так будем рассуждать и здесь. Долг человеколюбия требует не во всем угождать больным, и не потворствовать неразумным их желаниям. Коринфского блудника никто так не любил, как Павел, повелевший предать его сатане, и никто так не ненавидел его, как ободрявшие его и снисходившие к нему. Это и оправдалось впоследствии. Последние воспламенили его дух и произвели большее воспаление, а Павел унял жар, и дотоле не оставил больного, пока не привел в совершенное здравие. Те к настоящей болезни присоединили новую; а Павел изгнал и ту, которая была в нем сначала. Этим-то правилам человеколюбия научимся и мы. Когда ты видишь, что конь несется к стремнине, то накидываешь на него узду, со всею силою удерживаешь его и часто бьешь. И хотя это – наказание, однако, такое наказание есть мать спасения. Так поступай и с согрешающими. Свяжи согрешившего, пока не умилоstit он Бога, и не оставляй несвязанным, чтобы он не был еще более связан гневом Божиим. Если я свяжу, то Бог уже не свяжет его; если же я не свяжу, то его ожидают неразрешимые узы: «ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» («аще бо быхом себе осуждали, не быхом осуждени были») (1Кор.11:31).

Итак, не почитай такого отношения жестоким и бесчеловечным, напротив, (почитай) делом крайней снисходительности, превосходного врачевания и великой попечительности. Ты скажешь: «Довольно уже времени терпели они наказание». А скажи, сколько? Год, два, или три? Но у меня вопрос не о продолжительности времени, а об исправлении души. Покажи же мне (исправление); если они пришли в сокрушение, если переменились, то все сделано; а если нет

этого, не поможет время. Не спрашиваем и о том, часто ли была перевязываема рана, но – принесло ли перевязывание какую пользу. Если принесло желаемую пользу, и в короткое время, то оставь; если же не принесло никакой пользы, то и после десяти лет продолжай (перевязывать). Уврачевание связанного пусть будет сроком к разрешению. Если мы так будем заботиться и о самих себе и о других, и не станем смотреть на человеческую славу или бесславие, но, имея в мысли будущее мучение и поношение, а более всего – страх оскорбить Бога, усугубим врачебные средства покаяния, то скоро достигнем и совершенного здоровья, и получим будущие блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 15

2Кор.7:8. Если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было.

Печаль о грехах полезна. – Начальнику необходима любовь к подчиненным. – Амаксовии, номады и гимнософисты. – Свойства начальства церковного, его превосходство пред гражданским.

1. Так как (коринфяне) загладили свой грех, и потому без опасения можно было говорить с ними ласковее, то (апостол) извиняется пред ними за прежнее свое послание и показывает его пользу. То же делал он и выше, говоря: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (2Кор.2:4). То же делает и здесь, но только выражает это пространнее. И не сказал: «Прежде я раскаивался, но теперь не раскаиваюсь»; но как? "не жалею теперь, хотя и пожалел было» («Не раскаюсь, аще и раскаял бых ся»). «Хотя бы, – говорит, – написанное мною было и таково, что превышало меру (должного) обличения, и побуждало меня раскаяться, но великая польза, происшедшая от того, не позволяет мне раскаиваться. Сказал же это не потому, что в самом деле сверх меры обличал их, но чтобы увеличить похвалу их. Вы, – говорит он, – показали такое исправление, что если бы мне случилось и слишком строго наказать вас, так что я был бы должен обвинять себя в том, однако ж, взирая на последствия, я стал бы теперь хвалить себя».

Подобно тому, как мы безбоязненно ласкаем детей после того, как к ним применен уже какой-нибудь трудный способ лечения, как, например разрез или прижигание, или горькое питье, так точно поступает и Павел. «Вижу, что послание то опечалило вас, впрочем на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию» («Вижду бо, яко послание оно, аще и к часу, оскорби вас. Ныне радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбиستم в

покаяние») (2Кор.7:8–9). Сказавши – «не раскаиваюсь», представляет и причину на то, показывая пользу от послания, благоразумно оправдываясь и говоря: «впрочем, на время» («аще и к часу»), потому что печаль была краткая, а польза вышла продолжительная. Следовало бы сказать: «Если я и оскорбил вас на время, но чрез то доставил вам радость и пользу навсегда». Однако он не говорит этого; но прежде, чем сказать о пользе, начинает опять хвалить их и показывать свое попечение о них, говоря: «Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились» («ныне радуюсь, не яко скорбни бысте»), – да и какая мне польза от вашей печали? – «но что вы опечалились к покаянию» («но яко оскорбистесь в покаяние»), т. е., что ваша печаль принесла плод».

Подобно, как и отец, когда видит, что сыну делают разрез, радуется не тому, что сын терпит боль, но тому, что исцеляется, так точно радуется и он. И заметь, как он весь успех дела относит к ним: печаль приписывает посланию, когда говорит: «послание то опечалило вас, впрочем на время» («аще и к часу оскорби вас»), а пользу от него ставит им в заслугу. Не сказал: «потому что послание исправило вас», хотя так и было на деле, но: «вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога, так что нисколько не понесли от нас вреда» («яко оскорбистесь в покаяние. Оскорбесте бо по Бозе, да ни в чемже отщтитесь от нас»). Замечаешь ли его неизреченное благоразумие? «Если бы мы не сделали этого, – говорит он, – то нанесли бы вам вред», – исправление приписывает им, а себе вред, который бы произошел от его молчания. «Если бы мы не обличили вас, когда можно было исправить обличением, то мы нанесли бы вам вред, и ущерб был бы не для вас только, но и для нас.

Подобно тому, как тот, кто не дает купцу средств к плаванью, делает вред ему, так и мы сделали бы вам вред, если бы не дали вам повода к покаянию». Видишь ли, что не обличать грешников вредно и учителю и ученику? «Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению» («Печаль бо, яже по Бозе, покаяние во спасение нераскаянно соделывает») (2Кор.7:10). «Вот почему, – говорит, – хотя я и раскаивался, прежде нежели увидел весь плод и пользу от

послания, но теперь не раскаиваюсь». Таким (плодом) была "печаль по Боге". Рассуждая теперь о печали, он показывает, что она не всегда бывает горькою, а только когда делается печалью по миру. А что значит: «печаль по миру»? Когда печалишься об имуществе, о славе, об умершем, – все это печаль по миру. Потому она и причиняет смерть. Кто печалится о славе, тот завидует, и по необходимости часто доходит до гибели. Такою печалью печалились Каин и Исав. Итак, под печалью по миру он понимает ту, которая вредит самим скорбящим. Только одна печаль о грехах полезна; и это ясно видно из следующего. Скорбящий о потере богатства не вознаграждает тем убытка; скорбящий об умершем не воскрешает его; скорбящий по причине болезни не только не избавляется от болезни, но еще усиливает ее. Только скорбящий о грехах приобретает пользу от скорби, потому что истощает и истребляет грехи. Печаль есть врачевство, приготовленное на этот один случай; поэтому здесь только имеет она силу и оказывает пользу, в других же случаях вредит.

2. «Но и Каин, – скажут, – печалился потому, что Бог не благоволил к нему». Нет, не по этой причине, а потому, что видел брата своего сияющим (добродетелями). Иначе, если бы он сетовал по той причине, ему надлежало бы соревновать и сорадоваться брату; а он, напротив, в скорби своей обнаружил печаль по миру. Не так скорбели Давид, Петр, и каждый из праведников, почему и угодили Богу, скорбя о грехах или своих, или чужих. Правда, что тяжелее печали? Но когда она бывает печалью по Боге, то является гораздо лучше мирской радости: эта последняя обращается в ничто, а та «производит неизменное покаяние ко спасению». В ней и то достойно удивления, что никто из скорбящих ею никогда не раскаивался, тогда как раскаяние наиболее свойственно мирской печали. В самом деле, что возжеленнее родного сына? И что горестнее смерти его? Однако же отцы, которые во время сильной горести не принимали никакого утешения и сами себя терзали, после раскаиваются в том, что без меры скорбели, поскольку сознают, что не только не получили оттого никакой пользы, но еще более себя расстроили.

Не такова печаль по Боге! Напротив, она имеет двоякое преимущество: во-первых, то, что не заставляет сожалеть о том, о чем скорбишь, и, во-вторых, то, что самая печаль обращается во спасение. Обоих этих преимуществ лишена печаль мирская. В ней скорбят ко вреду, и после сильной скорби осуждают себя же, а это и служит сильнейшим доказательством того, что скорбящие ею только вредят себе. Совсем противоположны (следствия печали) по Боге; а потому сказал (апостол), что она «производит неизменное покаяние ко спасению». Никто не станет осуждать себя за то, что скорбел, плакал и сокрушался о грехе. Вот почему и блаженный Павел, говоря об этом, не имел нужды приводить посторонние примеры в подтверждение сказанного и из ветхозаветной истории представлять скорбевших, а указывает на самих коринфян и из того, что они делали, заимствует доказательство, чтобы вместе с похвалами дать им и наставление, а равно и более привлечь к себе. «Ибо то самое, – говорит он, – что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие?» («Се бо сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание?») (2Кор.7:11).

«Печаль ваша, – говорит он, – не только не довела вас до раскаяния, как напрасно скорбевших, а напротив, сделала еще более заботливыми о себе». Потом показывает признаки тщания: "но ответ" («извинение») предо мною; «но негодование» на согрешившего; "но страх", – такое усердие и весьма скорое исправление показывали, что они очень устрашились. И чтобы не подумали, что он хвалит самого себя, смотри, как тотчас смягчил речь, сказав: «какое желание» («но вожделение»), – т. е. ко мне; – «но ревность», – т. е. к Богу; – «какое взыскание» («но отмщение»), так как вы наказали нарушивших закон Божий». «По всему вы показали себя чистыми в этом деле» («Во всем представисте себе чисты быти в вещи»), то есть, не только тем, что сами не посмели (сделать такого же преступления), – в чем не было сомнения, – но и тем, что сделавшему не потворствовали. Так как в первом послании он сказал – «И вы возгордились» (1Кор.5:2), то здесь говорит: «вы очистили себя и от этого подозрения, когда не только не

похвалили согрешившего, но и выразили ему ваше порицание и негодование». «Если я писал к вам, то не ради оскорбителя и не ради оскорбленного» («Аще бо и писах вам, не обидевшаго ради, ниже обидимаго ради») (2Кор.7:12). Чтобы не сказали: «зачем же ты обличаешь нас, когда мы чисты в этом деле?», – (апостол), имея в виду такое возражение и предупреждая его, и употребил приведенные слова: «не жалею, хотя и пожалел было». «Я, – говорит, – весьма далек от того, чтобы раскаиваться теперь в написанном вам тогда; напротив, я более раскаивался тогда, нежели теперь, когда вы показали себя исправными». Видишь ли опять его умение состязаться и принуждать к согласию? Видишь ли, как речи своей он дал противный оборот? Чем думали пристыдить его, именно как бы напрасными порицаниями, в виду (оказанного ими) успеха, тем самым он доказывает, что в праве был поступить с ними так свободно. Он не отказывается уже смело говорить им и приятное, когда это стало возможно. Прежде он говорил, что «совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею» («прилепляйся сквернодейце, едино тело есть») (1Кор.6:16); и: «предайте такового сатане во измождение плоти» (1Кор.5:5); также: «всякий грех, какой делает человек, есть вне тела» («всяк грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть») (1Кор.6:18), и тому подобное. Как же здесь он говорит: «не ради оскорбителя и не ради оскорбленного» («не обидевшаго ради, ниже обидимаго ради»)? И здесь он не противоречит себе, а напротив, весьма согласен сам с собою.

Каким же образом согласен? Ему очень желалось показать свою любовь к ним. Он не отрицает, таким образом, что заботился о блуднике; но вместе показывает, как замечено мною, и ту любовь, какую имел к ним, равно как и то, что он еще больше страшился за всю церковь, так как боялся, чтобы зло не распространилось и, идя далее, не обняло всей Церкви. Потому и говорил: «что малая закваска квасит все тесто» (1Кор.5:6). Но это (сказал) тогда; теперь же, когда они исправились, то же самое выражает не так, но иначе; и хотя ту же выражает мысль, но с большею приятностью, говоря: «чтобы вам открылось попечение наше о вас» («за еже явится тщанию нашему, еже о

вас»), «к вам, – то есть, – чтобы видели вы, как люблю вас». Это одно и то же с прежним, но, будучи иначе выражено, по-видимому, имеет другое значение. А чтобы видеть, что это одно и то же, разбери мысль его, и не найдешь никакого различия. «Так как я вас очень люблю, – говорит он, – то и опасался, чтобы вы от этого (соблазнительного примера) не потерпели неприятности, и сами за себя не были принуждены скорбеть». Подобным образом, когда сказал: «О волах ли печется Бог?» («еда о волех радит Бог?») (1Кор.9:9), не разумел, что Бог не промышляет о волах, потому что ни одна вещь не может существовать без промысла Божия; а то, что Он дал заповедь преимущественно не ради волов. Так и здесь: «Я писал, во-первых, для вас, а потом и для него. Я любил вас внутренне еще и прежде моего послания; но чрез это послание хотел показать любовь мою и вам, и всем вообще». «Посему мы утешились» («Сего ради утешихомся») (2Кор.7:13), – т. е. потому, что «мы и попечение свое о вас показали, и все исполнилось по нашему желанию». Подобно этому и в другом месте говорит: «ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе» («ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе») (1Сол.3:8); и еще: «Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли?» («кто бо нам упование, или радость, или венец похваления? Не и вы ли?») (1Сол.2:19). Преуспеяние учеников для благоразумного учителя есть жизнь, и утешение, и отрада.

3. Действительно, ничто столько не выказывает с хорошей стороны начальника, как любовь к подчиненным. Так и для того, чтоб быть отцом, не довольно только родить, но, родив, надобно любить. А если любовь требуется там, где (действует) природа, то тем более она нужна там, где (действует) благодать. Так просияли все древние, так достигли славы все прославляемые у евреев. Так показал себя великим Самуил, когда говорил: «и я также не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас» («мне же да не будет согрешити Богу, еже оставити молитися о вас») (1Цар.12:23). Так Давид, Авраам, Илия, так и каждый из праведников как в ветхом, так и в новом завете. Так Моисей из любви к

подчиненным оставил великие богатства и неисчислимые сокровища, предпочтя страдать вместе с народом Божиим, и еще до избрания своего показал себя в делах правителем народа. Потому-то и крайне безрассудно сказал ему тот еврейнин: «кто поставил тебя начальником и судьей над нами?» («кто ты постави князя и судию над нами?») (Исх.2:14). Что говоришь? Видишь дела, а в наименовании сомневаешься? Это похоже на то, как если бы кто, увидев искусного врача, делающего надрез и помогающего больному члену тела, сказал: «Кто тебя поставил врачом и приказал резать?» – «Искусство, любезнейший, и болезнь твоя». Так и Моисея сделало таковым его знание. Ведь и начальствование есть искусство, а не достоинство только, и притом искусство высшее всех искусств. Но если внешнее (гражданское) начальствование есть искусство и знание лучшее всех (искусств и знаний), то тем более это (духовное). Это начальствование настолько превосходнее внешнего, насколько это последнее превосходит другие искусства или даже и гораздо более. Если угодно, исследуем это подробнее. Есть искусство земледельческое, ткацкое, строительное; и все они весьма необходимы и более всего поддерживают нашу жизнь. Прочие (искусства): кузнечное, плотничное, скотоводственное только служат им на помощь. Но и из этих искусств необходимее всех искусство земледелия, которое поэтому Бог и ввел первым по сотворении человека. В самом деле, без обуви и без одежды можно жить, но без земледелия немыслимо.

Таковы, сказывают, амаксонии (живущие в кибитках), номады у скифов, гимнософисты у индийцев. Они оставили искусства строить, ткать, шить обувь, и занимаются только земледелием. Постыдитесь же вы, пользующиеся для своей жизни излишними мастерами – поварами, хлебниками, златошвеями и тысячами других. Постыдитесь, введшие в жизнь человеческую суетные художества. Постыдитесь, верные, этих варваров, не нуждающихся в искусствах. Бог устроил так, что природа наша вполне может быть довольна и малым. Впрочем, я не принуждаю и не узакониваю так жить, но (по крайней мере так живите) как просил Иаков. Чего же он просил?

«если Бог... даст мне хлеб есть и одежду одеться» («Аще даст ми Господь хлеб ясти и ризу облещися») (Быт.28:20). Так и Павел заповедал: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» («имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем») (1Тим.6:8). Итак, земледелие есть первое искусство, ткачество – второе, строение домов – третье, а делание обуви – последнее из всех; и у нас есть много слуг и земледельцев, которые живут без обуви. Итак, вот искусства полезные и нужные!

Теперь сравним их с искусством начальствования. Для того ведь я и привел важнейшие из всех искусств, чтобы, когда искусство начальствования окажется лучшим из них, за ним и осталась бесспорная победа над прочими. Но чем же мы докажем, что оно (искусство начальствования) нужнее всех искусств? Тем, что без него и от прочих нет никакой пользы. Если угодно, то, оставив прочие, возьмем в пример одно земледелие, которое выше и необходимее всех. Итак, какая будет польза от множества земледельческих рук, когда люди станут воевать между собою и грабить друг друга? Теперь удерживает их страх пред начальником, и охраняет добываемое ими. А если отнимешь начальство – напрасен будет труд. Но кто вникнет глубже, тот найдет и другое начальство, которое есть мать и союз начальства внешнего. Какое же это начальство? То, по которому каждый должен сам собою владеть и сам над собою начальствовать, укрощая в себе низкие страсти, а питая и возвращая в себе со всевозможным тщанием все отрасли добродетели. Начальство бывает различных родов: одно то, которым люди начальствуют над народами и городами, устраивая гражданскую жизнь; на него указывал Павел, говоря: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога» («всяка душа властем предержащим да повинуется, несть бо власть, аще не от Бога») (Рим.13:1), причем, показывая пользу этого начальства, присовокупил, что "начальник Божий слуга есть во благое", и далее: «Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» («Божий слуга есть отмститель в гнев злое творящему») (Рим.13:4). Другое же начальство – то, которым каждый разумный (человек) начальствует над самим собою; и на это последнее указал

(Павел) словами: «Хочешь ли не бояться власти? Делай добро» ("Если же хочешь не бояться власти, благое твори») (Рим.13:3), – говоря о человеке, начальствующем над самим собою.

4. Но у нас есть еще и иное начальство, гораздо высшее начальства гражданского. Какое же? Начальство в церкви, о котором также упомянул Павел, сказав: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет» («повинуйтесь наставником вашим и покаряйтесь; тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще») (Евр.13:17). Это начальство настолько превосходнее гражданского, насколько небо выше земли, и даже гораздо более. И, во-первых, оно преимущественно имеет в виду не то, как наказать за соделанные грехи, но как не допускать до грехов. Затем, если они совершены уже, то старается не страждущего отлучить, но (грехи) уничтожить. Житейским занимается оно совсем немного, напротив, вся забота его о небесном. «Наше же жительство – на небесах» (Фил.3:20), и жизнь наша там, «потому что, – говорит, – «сокрыта со Христом в Боге» (Кол.3:3). И награды наши там, и подвиги наши из-за тамошних венцов, потому что эта жизнь наша не прекращается со смертью, но тогда (по смерти) еще более просиявает. Вот почему имеющие это начальство облечены большею честью не только в сравнении с высшими начальниками, но и с самими одетыми в диадемы, так как образуют людей в высшем и для высшего. Но ни стремящийся к начальству гражданскому, ни ищущий духовного начальства не смогут хорошо править, если не научатся прежде начальствовать над самими собою, как должно, и не будут во всей точности исполнять законы гражданские и духовные.

Как начальство над многими бывает двоякое, так и начальство каждого над самим собою тоже двояко. Опять же, как выше показано, и здесь духовное начальство выше гражданского. Но можно видеть, что и некоторые искусства имеют вид начальства, особенно же земледельческое. Земледелец есть как бы начальник над растениями: одни обрезают и препятствуют (им расти), за другими ухаживает и помогает (их росту), подобно как и искусные начальники

наказывают и отсекают людей злых и наносящих вред другим, а добрых и кротких возвышают. Потому и Писание уподобляет начальников виноградарям. Что, в самом деле, в том, если растения не издают звука, подобно тому, как и обижаемые в городах? Они самым видом своим свидетельствуют об обиде, когда увядают, будучи стеснены вредными травами. И как у людей порок наказывается законами, так и здесь с помощью земледельческого искусства исправляется и дурное качество земли, и грубость и дикость растения. И все, что есть в нравах человеческих, ты найдешь и здесь – грубость, нежность, робость, наглость, непостоянство; одни из растений пышно разрастаются прежде времени и ко вреду соседних, другие терпят недостаток и обиды, когда напр. или ограда разрастается во вред ближайшим к ней растениям, или когда другие бесплодные и дикие деревья, вытягиваясь в высоту, препятствуют росту находящихся под ними. И как начальники и цари имеют противников своей власти и врагов, так и земледелец терпит от набега зверей, от неблагоприятных перемен воздуха, от града, росы, ливней, засухи и тому подобного. Все же это бывает для того, чтобы ты всегда возлагал надежду свою на Бога.

Другие искусства своим успехом обязаны бывают и старательности людей; но земледелие бóльшую часть (успеха) имеет от воли Божией, и зависит от нее почти всецело. Для него нужны и дожди свыше, и надлежащая соразмерность времен года, и, прежде всего, нужен промысл (Божий), потому что «и насаждающий, и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий» (1Кор.3:7). Как и у людей, бывают здесь и смерть, и жизнь, и болезни при родах, и рождения. Растения посекаются, приносят плод, умирают, и умершие опять начинают жить, чем земля многообразно и ясно напоминает нам о воскресении. В самом деле, когда корень износит плод или семя дает росток, не воскресение ли это? И если кто все это рассмотрит подробно, то увидит великий промысл и премудрость Божию, бодрствующие над этим начальством. Но я хотел вам сказать, что это начальство простирается на землю и растения, а наше имеет в виду врачевание душ. И насколько

велика разность между душою и растением, настолько и начальство над душою превосходнее начальства над растениями. Начальники, опять, над земною жизнью настолько ниже начальников над жизнью духовною, насколько лучше властвовать над вольными, нежели над невольными. Такое начальство сообразнее и с природою (человеческою). В самом деле, там все делается по страху и по необходимости; а здесь по свободному произволению и по рассуждению. И не этим только духовное начальство выше гражданского, но и тем, что оно не просто есть начальство, но и отеческая, можно так сказать, власть, потому что имеет и кротость отеческую, и действует больше убеждениями. Гражданский начальник говорит: «Если впадешь в прелюбодеяние, то наказан будешь смертью»; а духовный угрожает величайшими наказаниями и за то, если посмотришь бесстыдными глазами. Потому и достойно всякого уважения это судилище; оно исправляет не только тело, но и душу.

5. Итак, насколько отличается душа от тела, настолько и духовное начальство отстоит от гражданского. Это последнее судит только явные преступления, вернее же и те не все, но только уличенные, а часто прикрывает и эти последние; напротив, духовное судилище научает входящих в него, что Судящий нас все обнажит, объявит пред лицом целой вселенной, и от Него невозможно укрыться. Таким образом, христианство гораздо лучше внешних законов держит в порядке нашу жизнь. В самом деле, если и страх за скрытные грехи делает человека более осторожным, нежели опасение только за явные, и требование отчета даже в малых проступках более возбуждает к добродетели, нежели наказание за важные вины, то очевидно, что и начальство такого рода более всякого другого утверждает нашу жизнь. Но если хочешь, рассмотрим и то, как поставляются те и другие начальники. И здесь увидишь великое различие. В самом деле, получить духовное начальство может не тот, кто дал деньги, но тот, кто показал примерный образ жизни. Поставленный вводится в это начальство не для славы человеческой, не для собственного своего спокойствия, но для трудов и пота, и для пользы многих. Потому-то он

получает и великую помощь свыше от Духа. Там начальство ограничивается только тем, чтобы приказывать, что надобно делать; а здесь оно само содействует молитвами и благодатью. Сверх того, там нет и слова о любомудрии; нет никого, кто бы учил, что такое душа, что такое мир, что будет с нами после настоящей жизни, куда мы переселимся отсюда, и как достигать добродетели; там только и говорят о договорах, о союзах, о деньгах, а об этих предметах вовсе нет никакой заботы; между тем в церкви о них только всегда и говорят.

Вот почему весьма справедливо будет назвать церковь и судилищем, и врачебницею, и училищем любомудрия, и воспиталищем души, и школою, где она опытно учится востекать к небесам. А что духовное начальство есть вместе и самое кроткое, несмотря на бóльшую его взыскательность, это видно из следующего. Гражданский начальник, если поймает прелюбодея, тотчас же наказывает его. Между тем, какая от того польза? Это значит не порок истреблять, но отринуть уязвленную душу. Духовный же начальник, найдя виновного, спешит не наказывать его, но изгнать из него страсть. Ты делаешь то же, как если бы при случившейся в голове боли не болезнь стал унимать, а отсекал бы голову. Я же не так действую, а отсекаю самую болезнь. Я удаляю такового от Таин и священной ограды, а когда он восстанет, очистится от греха и исправится чрез покаяние, принимаю опять. «Но как можно, – скажешь, – изгнать грех прелюбодеяния?» Можно, и очень можно, если кто подчинит себя (церковным) законам. Церковь, подлинно, есть духовная баня, многоразличными способами покаяния омывающая не нечистоту тела, но скверну души. Ты, если отпускаешь (грешника) ненаказанным, делаешь его еще худшим, и если наказываешь, оставляешь неизлеченным, а я и не оставляю без наказания, и не наказываю, как ты, но вместе и налагаю наказание, какое мне прилично, и исправляю то, что им сделано. Хочешь ли еще более узнать, как ты, и, обнажая меч над преступниками, и, указывая им на пламень, невеликое производишь в них уврачевание, тогда как я и без этого привожу к совершенному здравью? Мне не нужны здесь рассуждения и слова; я представляю в свидетельство море и землю, и самую

природу человеческую. Исследуй, каковы были человеческие дела, пока еще не было этого судилища; тогда не знали даже и по имени тех добродетелей, какие совершаются ныне. Кто отваживался на смерть? Кто пренебрегал богатством? Кто презирал славу? Кто, убежавши от мирских треволнений, возлюблял горы и пустыню – мать любомудрия? Где тогда (известно) было имя девства? Все это и многое другое еще важнейшее было следствием этого судилища, делом этого начальства. Итак, видя все это и зная, что отсюда – все полезное для жизни и исправления всей вселенной, приходите чаще в здешние собрания для слушания слова Божия и для молитвы. И если так себя устроите, то, явив жизнь достойную неба, сможете получить обетованные блага благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 16

2Кор.7:13. Посему мы утешились утешением вашим; а еще более обрадованы мы радостью Тита, что вы все успокоили дух его.

Похвала за Тита. – Увещание к милосердию. – Подаяние милостыни важнее, чем воскрешение мертвых.

1. Смотри, как (апостол) опять восхваляет (коринфян), и выражает свою любовь к ним. Сказав выше о своей радости, что (первое) его послание имело такой успех и принесло такую пользу, – "я радуюсь, – говорит, – не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию» (2Кор.7:9), – и, выразив свою к ним любовь: «если я писал к вам, – говорит, – то не ради оскорбителя и не ради оскорбленного, но чтобы вам открылось попечение наше о вас», теперь представляет другую черту из благорасположения, которая приносит также им великую похвалу и показывает искренность их любви. «мы утешились, – говорит, – утешением вашим; а еще более обрадованы мы радостью Тита» (2Кор.7:12–13). По-видимому, это не показывает сильной любви его (к коринфянам), потому что он радуется больше о Тите, нежели о них. «Нет, – говорит, – я радовался не столько за Тита, сколько за вас». Потому-то указывает далее и причину, говоря: «что вы все успокоили дух его» («яко покоися утроба его от всех вас»). Не сказал – «успокоили его», но – "дух его", т. е. «любовь его к вам». Как же «успокоили»? "От всех", потому что и это величайшая похвала. «Если чем-либо о вас похвалился перед ним» («Яко аще что ему похвалихся о вас») (2Кор.7:14). Велика похвала, когда учитель хвалится: «я не остался в стыде» («не посрамахся»), – говорит. – Потому я возрадовался, что вы показали себя лучшими, и на самом деле оправдали мои слова. Таким образом, мне выходит двойное украшение: и вы показали себя более совершенными, и я не явился лжецом против истины». «Но как вам мы говорили все истину, так и перед Титом похвала наша оказалась истинною» («Но яко вся воистинну глаголах вам, тако и похваление наше, еже к Титу, истинно бысть»).

Здесь подразумевает он и нечто другое, именно: «Как у вас говорил я одну истину, – а вероятно он много хвалил им и Тита, – так равно и сказанное мною о вас Титу оказалось истинным». «И сердце его весьма расположено к вам» («И утроба его излиха к вам есть») (2Кор.7:15). Это относится уже к похвале (Тита), что он к ним сильно расположен и привязан. И не сказал: «любовь его», но: «сердце его». Потом приводит, как и везде делает, причину такого расположения, чтобы не показаться льстецом и чтобы с одной стороны, как сказал я, избежать подозрения в лести, а с другой и их самих больше возбудить к добродетели, относя всю похвалу к ним самим и, показывая, что они сами подали (Титу) повод и причину к такой любви. Сказав именно: «сердце его весьма расположено к вам», присоединяет: «при воспоминании о послушании всех вас» («воспоминающего всех вас послушание») (2Кор.7:15).

Этим (апостол) выражает и признательность к благодетелям Тита, который разлучился с ними, напечатлевши всех в душе своей, и всегда вспоминает о них, непрестанно имеет на устах и в сердце, а вместе с тем еще более хвалит и коринфян, что отпустили (Тита), оказав ему такой усердный прием. Далее упоминает и об их послушании, возбуждая тем их ревность, – почему и присовокупляет: «как вы приняли его со страхом и трепетом» («яко со страхом и трепетом приясте его»), то есть, не только с любовью, но и с великой честью. Видишь ли, как он свидетельствует о двойной их добродетели, – то есть, что они и возлюбили (Тита) как отца, и убоялись как начальника, – что в них ни страх не помрачил любви, ни любовь не ослабила страха? То же и выше выражал он: «то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие..., какой страх, какое желание!» («еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание..., но страх, но вожделение») (2Кор.7:11). «Итак радуюсь, что во всем могу положиться на вас» («Радуюся убо, яко во всем дерзаю в вас») (2Кор.7:16). Видишь ли, что апостол радуется более о них? Он говорит: «Вы ни в чем не посрамили своего учителя, и не оказались недостойными моего свидетельства». Следовательно, он радовался не столько за Тита, что он

получил такую честь, сколько за них, что они показали такое благородство духа. Но, чтобы не почли его радующимся более за Тита, смотри, как и здесь представляет причину радости; как выше сказал: «не остался в стыде, если чем-либо о вас похвалился перед ним», так и здесь говорит: «радуюсь, что во всем могу положиться на вас». «Нужно ли вас укорить, не страшусь, чтобы вы за то отложились, нужно ли похвалиться вами, не опасаясь быть обличенным в напрасной похвале: «могу положиться на вас», буду ли хвалить вас как покорных, или как любвеобильных, или как ревностных. Я сказал: «отсеките», – и вы отсекли; сказал: «примите», – и вы приняли; сказал Титу, что вы велики, достойны удивления и умеете почитать учителей, – и вы доказали это на самом деле; и не столько от меня он узнал это, сколько от вас самих. Поэтому-то и возвратился ко мне, исполнившись к вам сильной любви, так как вы показали на деле больше, чем я говорил ему». «Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским» («Скажу же вам, братие, благодать Божию, данную в церквах Македонских») (2Кор.8:1).

2. Ободривши (коринфян) похвалами, (апостол) опять приступает к увещанию. Этими похвалами он растворяет свое обличение для того, чтобы, прямо переходя от обличения к увещанию, не сделать неудобоприемлемыми для них своих наставлений. Напротив, смягчая слух их похвалами, пролагает путь увещанию. Он хочет беседовать о милостыне; в виду этого предварительно и сказал: «радуюсь, что во всем могу положиться на вас», – возбуждая таким образом прежними их добродетелями, которые они уже показали, их усердие и к милостыне. Впрочем, не сказал вдруг: «Итак, подавайте милостыню», но заметь, с каким благоразумием издалека и с высоты ведет слово. «Уведомляем вас, братия, – говорит, – о благодати Божией, данной церквам Македонским». Дела милосердия называет благодатью, чтобы они не возгордились; и, сообщая о делах македонян, похвалами им возбуждает ревность в коринфянах. И двоякую или лучше троякую похвалу приписывает македонянам – и за то, что терпеливо переносят искушение, и за то, что умеют творить милостыню, и за то, что

показали щедрость в милостыне, будучи сами бедны. Действительно, их имения были расхищены, как на это указал сам же (Павел), когда в послании к ним писал: «вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев» («вы подобницы бысте церквам Божиим, сущим во Иудеи... зане таяжде и вы пострадаете от своих сплеменник, якоже и тии от Иудей») (1Сол.2:14). Послушай, что он писал потом и в послании к евреям: «и расхищение имения вашего приняли» («и разграбление имений ваших с радостью приясте») (Евр.10:34). Благодатью же называет милостыню не только для того, чтобы удержать их в смирении, но и для того, чтобы вызвать к милостыне, и слово свое сделать не ненавистным. Для того наименовал их и братиею, чтобы пресечь всякую зависть, потому что хочет хвалить (македонян) чрезвычайно. Выслушай же похвалы. Написав: «Уведомляем вас о благодати Божией», не говорит – «данную в том или другом городе», но хвалит целый народ, говоря: «в церквах Македонских». Потом описывает и самую благодать: «ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью» («яко во мнозем искушении скорби избыток радости их») (2Кор.8:2).

Видишь ли благоразумие его? Сначала говорит не то, что хочет, а нечто другое, чтобы не подумали, что он нарочито об этом начал говорить, но чтобы, начав с другого, естественным образом дойти и нужного предмета. «Среди великого испытания скорбями». То же говорил и в послании македонянам: «Вы сделались подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго»; и далее: «так что вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии. Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла слава о вере вашей в Бога» («Вы сделались подобницы Господу, приемше слово в скорби мнозе с радостью Духа Святаго... от вас промчеса слово Господне не токмо в Македонии и Ахаии, но и во всяко место вера ваша, яже к Богу, изыде») (1Сол.1:6–8). Что же значат слова: «они среди великого испытания скорбями преизобилуют

радостью» («во мнозем искушении скорби избыток радости их»)? То, что у них в избытке было и то, и другое – и скорбь, и радость. И что весьма странно, такое обильное удовольствие произросло для них из такой скорби. Скорбь – и притом скорбь тягчайшая – не только не породила в них печали, но еще была для них причиной веселья. Говоря это, (апостол) имел в виду научить (коринфян) быть мужественными и непоколебимыми в скорбях, – потому что и македоняне не просто скорбели, но в скорби сделались и искуснейшими чрез терпение; впрочем, не говорит – чрез терпение, но – что гораздо выше терпения – радость; и не просто радость, но избыток радости, потому что действительно радость их была велика и неизреченна.

«Глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия» («И яже во глубине нищета их избыточествова в богатство простоты их»). Опять то и другое с избытком. Как великая скорбь произвела великую радость и избыток радости, так и великая нищета породила великое богатство милостыни. Это самое и выразил (апостол), сказав: «преизбыточествует в богатстве их радушия», так как щедрость ценится не по мере подаяния, но по расположению подающих. Потому он нигде и не говорит: богатство подаваемого, но – «богатство их радушия». Смысл его слов таков: нищета не только не воспрепятствовала им быть щедрыми, но еще и послужила причиной обилия, подобно тому, как скорбь – причиной радости. Чем беднее были сами, тем делались щедрее, и усерднее подавали. Потому-то и весьма удивляется им, что при такой нищете показали такую щедрость. «Глубокая нищета их», т. е. великая и несказанная, показала их простоту. Впрочем, не сказал – «показала», но – «преизбыточествует», равным образом не сказал – «простоту», но – «богатство простоты», т. е. простоту, равную их убожеству; или – лучше сказать – они показали даже гораздо больший перевес щедрости. Далее он выражает то же самое яснее, говоря: «я свидетель» («яко по силе свидетельствую») (достоверный свидетель), «и паче силы», – т. е. «преизбыточествует в богатстве их радушия» («избыточествова в богатство простоты их») (2Кор.8:2–3). И не этими только, но и всеми последующими словами объясняет то же, именно

говорит: «доброхотны» (2Кор.8:3–4). Вот и другое превосходство. «Со многим молением» – вот и третье, и четвертое. «Моляще нас» – вот еще и пятое. «И будучи сами в скорби и нищете» – вот шестое. И седьмое – «с избытком подали».

3. Далее, так как главною его целью было довести коринфян до того, чтобы они подали милостыню по свободному расположению, то он особенно останавливается на этом, говоря: «весьма убедительно просили нас» («со многим молением моляще нас»). Не мы их просили, а они нас. О чем же «просили нас»? – «принять дар и участие *их* в служении святым» («Благодать и общение служения, еже ко святым»). Видишь ли, как он превозносит опять милостыню, называя ее священными именами? Так как (коринфяне) ревновали о делах духовных, то называет милостыню «благодатию», чтобы прибегали к ней, и "общением", чтобы знали, что они не только дают, но и сами получают. «Они, – говорит, – просили нас, чтобы мы приняли такое служение». «И не только то, чего мы надеялись» («И не якоже надеяхомся») (2Кор.8:5). Это он говорит и в отношении к качеству (милостыни) и к скорбям. «Мы не надеялись, говорит, чтобы находящиеся в таких скорбях и в такой нищете стали нас убеждать и столько просить». И в прочих делах (апостол) показал их тщательность, сказав: «но они отдали самих себя, во-первых, Господу, *потом* и нам по воле Божией» («но себе вдаша первее Господеви, и нам волею Божиею»). «Во всем они были послушны более, чем мы надеялись, и, помогая бедным, не пренебрегали других добродетелей, «но они отдали самих себя, во-первых, Господу».

Что же значит: «отдали самих себя Господу»? Посвятили себя Ему, показали себя искусными в вере, явили в искушениях великое мужество, благочиние, кротость, любовь, готовность и усердие ко всем другим добродетелям. Что же значит: "и нам"? – «Были нам послушны, возлюбили нас и покорились нам, как исполняя Божии законы, так и с нами соединяясь любовью». Смотри же, как и здесь словами – «отдали самих себя Господу» показывает необычайную ревность их (к Богу). Они не покорились частью Богу, а частью миру, но все и самих себя

всецело предали Богу. Помогая бедным, они не возносились, напротив, творили милостыню с великим смиренномудрием, с великим послушанием, с великой почтительностью, с великим любомудрием. Что же значит: «по воле Божией»? Так как он сказал: «отдали ... самих себя нам», то (и указывает), что и это они сделали не по человеческим расчетам, а по воле Божией. «Поэтому мы просили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил у вас и это доброе дело» («Во еже умолити нам Тита, да якоже прежде начат в вас, такожде скончает и благодать сию») (2Кор.8:6).

Какая же здесь связь с предыдущим? Весьма большая и тесная. «Так как мы узнали, – говорит, – твердость и ревность (македонян) во всем – в искушениях, в милостыне, в любви к нам, в неукоризненной чистоте всей их жизни, то и послали к вам Тита, чтобы и вы сравнились с ними». Хотя (апостол) так и не сказал, но мысль выразил такую. И заметь преизобилие любви его. «Когда, – говорит он, – те просили и убеждали нас, мы заботились о вас, чтобы вам не отстать от них. Поэтому и послали мы Тита, чтобы вы, возбужденные и наведенные этим на мысль, соревновали македонянам», – потому что Тит был там, когда было писано это послание. При этом показывает, что (Тит) еще до увещания Павлова начал это дело, как видно из слов: «чтобы он, как начал». Потому-то и высказывает великие похвалы Титу, как в начале послания говоря: «я не имел покоя духу моему, потому что не нашел *там* брата моего Тита» (2Кор.2:13), так и здесь, кроме всего вышеуказанного, прибавляя и эти последние слова. Немалая ведь похвала заключается в том, что он прежде начал, – это было знаком горячей и ревностной души. Для того и послал Тита, чтобы самое присутствие его послужило (для коринфян) побуждением к подаянию милостыни. Выхваляет же его для того, чтобы сильнее расположить к нему коринфян, так как и то имеет великую убедительную силу, если убеждаемые расположены к убеждающему. Упомянув же о милостыне в первый, второй и третий раз, прекрасно называет ее благодатью: «Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским»; и опять: «доброхотно... весьма убедительно

просили нас принять дар и участие *их* в служении святым»; и еще: «чтобы он, как начал, так и окончил у вас и это доброе дело».

4. И действительно, милостыня есть благо и Божий дар; и подаяние милостыни уподобляет нас по силе возможности самому Богу. Это больше всего и делает человека человеком. Вот почему некто, представляя образец человека, сказал между прочим: «Многие хвалят человека за милосердие, но правдивого человека кто находит?» («велика вещь – человек, и драгая – муж творяй милость») (Притч.20:6). Благодать эта важнее дара воскрешать мертвых. Напитать алчущего Христа гораздо важнее, чем именем Иисусовым воскрешать мертвых. Там ты благодетельствуешь Христу, а здесь Он тебе. И награда тому, кто сам делает добро, а не тому, кто принимает его от другого. Здесь, при совершении чудес, ты сам делаешься должником Богу, а в деле милостыни ты одалживаешь Бога. Милостыня же является таковою только тогда, когда ты подаешь ее охотно, щедро, когда ты думаешь, что не даешь, а сам принимаешь, когда ты признаешь ее для себя благодеянием и приобретением, а не потерей. Иначе она и не благодать. Тот, кто оказывает другому милость, должен радоваться, а не печалиться. Не безрассудно ли, в самом деле, облегчая скорбь другого, самому скорбеть? Тогда ты делаешь свое подаяние уже не милостыней. Если ты печалишься о том, что избавил другого от печали, то подаешь пример крайней жестокости и бесчеловечия. Лучше уже не избавлять, чем так избавлять. Да и о чем, в сущности, ты печалишься, человек? О том ли, что уменьшится у тебя золото? Но если у тебя такое расположение, то совсем и не давай. Если не веришь, что отлагается тебе на небе великое сокровище, то не уделяй. Но ты хочешь воздаяния здесь. Для чего? Оставь милостыне быть милостынею, а не куплею. Правда, многие получили воздаяние и здесь, но это не значит, что они будут иметь больше тех, которые здесь не получили. Напротив, некоторые из них (получили вознаграждение здесь), как немогущие, потому что еще не сильно возжелали будущих благ. Как люди жадные, не знающие приличия и рабствующие чреву, будучи призваны на

царскую трапезу и не дожидаясь надлежащего времени, подобно малым детям, лишают себя истинного удовольствия, когда хватают вперед и наполняют чрево худшими яствами, так и те, которые ищут награды здесь и получают ее, уменьшают будущую свою награду. Давая в заем, ты желаешь обратно получить отданное по прошествии долгого времени, а не вскоре, – чтобы таким замедлением увеличилась прибыль. А в деле милостыни тотчас требуешь воздаяния, – и притом зная, что не здесь, а там будешь жить вечно, что не здесь будешь судим, а там отдашь отчет.

Если бы кто построил тебе дом там, где ты не думаешь жить, то ты счел бы такое дело потерей для себя: как же ты желаешь быть богатым здесь, откуда еще до наступающего вечера можешь не один раз отойти? Разве ты не знаешь, что мы подобно странникам и пришельцам пребываем здесь на чужой стороне? Разве не знаешь, что пришельцев изгоняют, когда они ни ожидают, ни думают? Такой участи подлежим и все мы на земле. Потому-то, что ни приготавливаем здесь, здесь же и оставляем. Настроим ли мы домов, или накупим полей, рабов, сосудов или чего другого тому подобного, – всего этого Владыка не позволяет нам при отшествии отсюда брать с собою. И не только не позволяет, отходя отсюда, брать с собою, но не дает за то и платы, потому что наперед сказал тебе: не собирай и не трать чужого, но собирай и трать только свое. Для чего же ты, оставив свое, трудишься над чужим и тратишь чужое, чтобы погубить и труд и награду, и после подвергнуться крайнему наказанию? Не делай этого, молю тебя. Но если мы пришельцы по естеству, то будем пришельцами и по произволению, чтобы там не быть пришельцами презренными и отверженными. Если мы здесь пожелаем сделаться гражданами, то не будем гражданами ни здесь, ни там. Если же останемся пришельцами, и будем жить, как свойственно жить пришельцам, то получим права граждан и здесь, и там. Праведник, даже ничего не имея, и здесь располагает всем как своим, и, перешедши на небо, узрит вечные свои кровы; здесь не потерпит он никакой неприятности, потому что никто не может сделать странником того, для кого вся земля отечество, а, достигнув своего

отечества, он получит истинное богатство. Итак, чтобы нам воспользоваться и теми и другими благами – как настоящими, так и будущими, будем пользоваться настоящими как должно. Таким образом станем и гражданами небесными, и получим великое дерзновение, которого все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцем и Св. Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 17

2Кор.8:7. А как вы изобилуете всем: верою и словом, и познанием, и всяким усердием:.

Мудрость Павла. – Нуждаться в помощи ближнего не постыдно. – Как следует относиться к ближним.

1. Смотри, как опять (апостол) с похвалами соединяет увещание достигать больших похвал. Не сказал: «якоже даете», но – «изобилуете... верою» («якоже избыточествуете верою»), т. е., дарами веры, "и словом", т. е., словом мудрости, "и разумом", т. е., познанием догматов веры, «и всяким усердием», т. е., ревностью к прочим добродетелям, «и любовью вашею к нам», т. е. «любовью, о которой я говорил уже и которой представил доказательство». «Так изобилуйте и сею добродетелью» («Да и в сей благодати избыточествуете»). Видишь ли, что для того он начал речь свою с таких похвал, чтобы, идя по порядку, возбудить в них такую же ревность и к милостыне? «Говорю это не в виде повеления» («Не по повелению глаголю») (2Кор.8:8). Смотри, как он везде к ним снисходителен, не делает обременения, насилия и принуждения. Особенно же старается, чтобы в словах его не было обременения и принуждения. Так как он непрестанно увещевал их, и очень хвалил македонян, то, чтобы подаяние милостыни (коринфяне) не почли необходимым, говорит: «Говорю это не в виде повеления, но усердием других испытываю искренность и вашей любви» («не по повелению глаголю, но за иных тщание, и ваша любви истинное искушая»), – «говорю не как сомневающийся – этого и не видно здесь – но как желающий сделать любовь вашу для всех видимою и открытою, и еще более крепкою; говорю это для того, чтобы возбудить вас к такой же ревности; я упомянул об усердии (македонян), чтобы просветлить, очистить и пробудить ваше расположение».

Далее переходит он к другому высшему роду убеждения, не оставляет ни одного способа к увещанию, но всем пользуется и употребляет разные обороты слова. Так увещевал их, то хваля

других: «Вы знаете благодать Божию, данную в церквах Македонских»; то, хваля их самих: «вы изобилуете всем: верою и словом, и познанием», – ведь очень чувствительно для человека видеть, что он стал ниже не только других, но и себя самого. Наконец переходит к тому, что составляет верх и венец увещания: «Ибо вы знаете, – говорит, – благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» («весте бо благодать Господа нашего..., яко нас ради обнища, богат сый, да мы нищетою Его обогатимся») (2Кор.8:9). «Представьте себе, – говорит, – благодать Божию, подумайте и размыслите о ней, и не мимоходом обратите на нее внимание, но вникните во все ее величие и обширность: и тогда не пощадите ничего из своего достояния. Он истощил славу (Свою), чтобы вы обогатились не богатством, но нищетою Его. Если не веришь, что нищета производит богатство, то вспомни своего Владыку, и не будешь более сомневаться. В самом деле, если бы Он не обнищал, ты не сделался бы богатым. Подлинно удивительно, что нищета обогатила богатство». Богатством же он называет здесь познание благочестия, очищение грехов, оправдание, освящение и прочие бесчисленные блага, какие (Христос) даровал, и обещал нам даровать. И все это приобретено для нас чрез нищету. Какую же нищету? Ту, что Он принял плоть, стал человеком и претерпел страдания; хотя Он и ничем не был должен тебе, но ты Ему должен. «Я даю на это совет: ибо это полезно вам» («И совет вам даю о сем на пользу») (2Кор.8:10).

Смотри, как он опять заботится, чтобы не быть в тягость, и как смягчает свою речь этими двумя выражениями: "совет даю", и: "на вашу пользу". «Я не принуждаю, – говорит он, – не делаю насилия и не требую против воли; а говорю это, имея в виду не столько пользу приемлющих милостыню, сколько вашу собственную». Потом и в пример представляет их же самих, а не других: «вам, которые не только начали делать сие, но и желали того еще с прошедшего года» («иже не точию, еже творити, но и еже хотети, прежде начасте от прешедшаго лета»). Смотри, как он показывает, что и они добровольно и без увещаний дошли до того же. Так как он засвидетельствовал о

солунянах, что они доброхотно и со многим молением приступили к подаванию милостыни, то желает показать, что и коринфян есть то же совершенство. Потому и сказал: «не только начали делать сие, но и желали»; и: «не теперь только вы начали, но «еще с прошедшего года». Потому и умоляю вас исполнить то, к чему вы сами предварительно себя возбудили со всем усердием». «Совершите же теперь самое дело» («Ныне же и сие творити скончайте») (2Кор.8:11). Не сказал – «сделайте», но – «положите конец». «Дабы, чего усердно желали, то и исполнено было» («Да якоже бысть усердие хотети, тако будет и исполнити от сего, еже имате»); т. е., чтобы это прекрасное дело не остановилось на одном усердии, но, будучи действительно исполнено, получило и награду. «Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет» («Аще бо усердие предлежит, по елику аще кто имать, благоприятен есть, а не по елику не имать») (2Кор.8:12).

Какая несказанная мудрость! Прежде заметил, что солуняне поступили сверх сил, и похвалил их за то, сказав: «свидетельствую о них», и: "сверх сил"; а теперь, когда увещевает подавать милостыню только по силам, предоставив примеру солунян произвести в них свое действие, – так как знал, что не столько увещание, сколько соревнование побуждает к подражанию в подобных делах, – он говорит: «Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет». «Не страшись, – говорит, – сказанного мною (о солунянах) – я сказал это в похвалу их щедролюбия; Бог же требует посильного подаяния, по мере того, кто что имеет, а не по мере того, чего не имеет». Слово «благоприятен» то же здесь означает, что «требуется». Надеясь на силу представленного примера, он смягчает (свои слова) и тем еще сильнее склоняет их к подаянию. Потому и присовокупил: "Не *требуется*, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть» («не бо да иным отрада, вам же скорбь») (2Кор.8:13).

2. Правда, Христос, напротив, похвалил вдовицу, что она все пропитание свое истощила, и подала от скудости (Мк.12:44).

Но (апостол) говорил коринфянам, в бытность свою у которых предпочитал лучше голодать: «для меня лучше, – говорит, – умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою» («добре бо мне паче умереть, нежели похвалу мою кто да испразднит») (1Кор.9:15). Поэтому дает и наставление умеренное, хвалит подающих милостыню сверх сил своих, но не принуждает делать то же – не потому, чтобы он не желал, но потому, что они были еще слабы. Иначе для чего бы и хвалить (македонян), что «они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия» (2Кор.8:2), и что они сверх силы подавали милостыню? Не явно ли – для того, чтобы (и коринфян) побудить к тому же? Следовательно, если он, по-видимому, и соглашается на меньшее, то делает это для того, чтобы примером (солунян) побудить их к большему. Смотри, как и последующими словами незаметно направляет к тому же. А именно, к сказанному он прибавляет: «ваш избыток в *восполнение* их недостатка» («ваше избыточествие во оных лишение») (2Кор.8:14). Как выше сказанными, так и этими словами он хочет облегчить заповедь свою; даже не этим только, но и представлением награды делает ее более легкою, и говорит о них более, чем сколько они стоят. «Их избыток в *восполнение* вашего недостатка, чтобы была равномерность» («Да будет равенство в нынешнее время, и оных избыток в ваше лишение»).

Что же хочет он сказать? «Вы богаты деньгами, а те чистотою жизни и дерзновением к Богу. Итак, дайте им от ваших имений, которых у вас обилие, а они не имеют, чтобы самим получить от них взамен дерзновение к Богу, в котором они богаты, а вы ощущаете недостаток». Видишь ли теперь, как он неприметным образом убеждает (коринфян) подавать и сверх силы, и от недостатка? «Если хочешь, – говорит он, – получить только от избытка, то и подавай от избытка. Если же хочешь все приобрести, то подавай и от недостатка, и сверх силы». Впрочем, не говорит этого явно, а предоставляет слушателям дойти до этого собственным заключением. Сам же продолжает пока предположенное и сообразное с его целью увещание,

присовокупляя, что, по-видимому, и следовало сказать: «чтобы была равномерность» («яко да будет равенство в нынешнее время»). Как же будет это равенство? Так, что «мы и они будем взаимно уделять друг другу избытки, и восполнять недостатки». Но какое тут равенство – за плотское платить духовным? Ведь последнее много превосходит первое. Почему же называет это равенством? Он назвал это равенством только в отношении или к избытку и лишению, или к настоящей жизни, почему, и сказав: «равенство», присовокупил: «в нынешнее время». А сказал это для того, чтоб низложить гордость богатых и показать, что, по отшествии отсюда, жившие духовно будут иметь более преимущества. В настоящей жизни все мы во многом равночестны; но тогда произойдет большое разделение, окажутся величайшие преимущества, потому что праведные воссияют светлее солнца. Потом, так как он показал, что (коринфяне) не только дают, но и сами взаимно получают еще большее, то хочет и другим образом возбудить их усердие, показывая именно, что если они не уделят своего другим, не больше будут иметь у себя, хотя бы и все забрали; и приводит в пример древнее сказание: «как написано: кто собрал много, не имел лишнего и кто мало, не имел недостатка» («яко же есть писано: иже многое, не преумножил есть, и иже малое, не умалил») (2Кор.8:15; Исх.16:18). Так было при собирании манны: одни собирали больше, другие меньше, но те и другие находили у себя по равной мере; этим Бог наказывал за ненасытность. (Апостол) указал на это для того, чтобы и утешить (коринфян) древним событием, и убедить никогда не желать большего, равно как не скорбеть, если имеют мало. И не только было так с манною, но то же самое, как можно видеть, бывает и ныне в житейских делах.

Все мы одинаково наполняем желудок, живем одно определенное время, и все облечены в одинаковое тело; поэтому ни у богатого ничего не прибудет от избытка, ни у бедного не убудет от нищеты. Для чего же ты трепещешь нищеты? Для чего гонишься за богатством? «Боюсь, – говоришь ты, – чтоб не заставила нужда идти к чужим дверям и просить у ближнего». Я часто слышу, что многие даже молятся об этом и

говорят: «Не попусти мне когда-нибудь нуждаться в помощи человеческой». Слыша это, я очень смеюсь, потому что такой страх приличен только детям. В самом деле, ежедневно и во всем, так сказать, мы нуждаемся в помощи друг друга. А потому такие слова свойственны только нерассудительному и надменному человеку, который не знает хорошо положения дела. Разве не видишь, что мы все имеем нужду друг в друге? Воин – в ремесленнике, ремесленник – в купце, купец – в земледельце, раб – в свободном господине, господин – в рабе, бедный – в богатом, богатый – в бедном, ничего не зарабатывающий – в подающем милостыню, подающий – в принимающем, – ведь и принимающий милостыню удовлетворяет величайшей нужде, высшей всех нужд. Если бы не было нищих, то многое бы утратилось для нашего спасения, потому что нам некуда было бы сбывать свое имущество. Таким образом, и нищий, который, по-видимому, всех бесполезнее, оказывается всех полезнее. Если же для тебя стыдно иметь нужду в другом, то тебе остается только умереть, потому что кто стыдится этого, тому нельзя и жить. «Но я не могу, – говоришь, – вынести гордого взгляда». Для чего ты, обвиняя другого в гордости, себя самого стыдишь таким же обвинением? Ведь и то гордость, если не терпишь надменности гордого человека. Зачем же ты боишься, трепещешь того, что не стоит никакого внимания, и из-за этого ужасаешься и нищеты? Как бы ты ни был богат, все будешь нуждаться во множестве людей, худших тебя; чем более ты богатеешь, тем более подвергаешь себя этой беде.

3. Итак, ты сам не знаешь, о чем молишься, когда просишь богатства для того, чтобы ни в ком не иметь нужды. Ты поступаешь подобно тому, как если бы кто, уходя в море, где нужны и пловцы, и корабль, и многое снаряжение, стал бы молиться о том, чтобы ему ни в ком не иметь нужды. А если ты действительно желаешь не очень нуждаться в других, то проси себе нищеты. Будучи нищим, если у кого и попросишь, то только хлеба или одежды. А сделавшись богатым, будешь нуждаться и в селах, и в домах, и в оброках, и в достоинстве, и в безопасности, и во славе; тебе понадобятся и начальники, и не

только они, но и подчиненные им жители городов и сел, купцы и мелкие продавцы. Видите ли, что такие речи крайне неразумны? Во всяком случае, сколько бы тебе ни казалось страшным иметь в ком-либо нужду, всецело избавиться от этого никак не возможно. А если хочешь избежать шумной толпы – что позволительно – то беги в спокойную пристань нищеты, отрешись от множества житейских дел, и не почитай стыдом иметь нужду в другом. Так устроил Бог по неизглаголанной премудрости Своей! В самом деле, если мы нуждаемся друг в друге, самая необходимость во взаимной помощи не соединяет ли нас узами дружбы? А если бы мы сами могли удовлетворять своим нуждам, то не сделались ли бы неукротимыми зверями? Потому Бог силою и необходимостью покори нас друг другу, и мы ежедневно сталкивается друг с другом. А если бы Он снял эту узду, кто бы стал искать дружбы ближнего?

Итак, не будем почитать этого постыдным, не станем молиться и говорить: не дай нам иметь нужду в помощи другого; напротив будем молиться, говоря так: «Не попусти, чтобы во время нужды нашей отказали нам могущие подать помощь». Не нуждаться в помощи другого, а похищать принадлежащее другому – тяжело. Между тем об этом мы никогда не молимся и не говорим: «Не попусти мне пожелать чужого». Напротив, нуждаться в другом кажется для вас ужасным. Павел много раз бывал в нужде, и не стыдился, а напротив – даже радовался и хвалил оказывавших ему услуги, говоря: «и раз и два присылали мне на нужду» («яко и единою, и дващи в требование мое посыласте») (Фил.4:16); и еще: «Другим церквам я причинял издержки, получая *от них* содержание для служения вам» («от иных церквей уях, приим оброк к вашему служению») (2Кор.11:8). Итак, стыдиться этого свойственно не разумно-свободной, но изнеженной, испорченной и бессмысленной душе. Да и Богу так угодно, чтобы мы имели нужду один в другом.

Итак, не мудрствуй чрез меру. Ты говоришь: «Не могу переносить многократно умоляемого и непреклонного человека». Но как же Бог (переносит) тебя, – которого Он многократно просил и не был услышан, хотя просил о том, что

для тебя же полезно? «И как бы Сам Бог увещевает через нас, – говорит (апостол), – от имени Христова просим: примиритесь с Богом» (2Кор.5:20). Ты говоришь: «Я – раб Его». Что ж из того? Если ты – раб Его – упиваешься, а Он – Владыка твой – алчет, и не имеет необходимой для Себя пищи, то защитит ли тебя имя раба? Напротив, оно еще более обременит тебя – когда ты живешь в трехэтажных палатах, а Он не имеет и необходимого крова; когда ты почиваешь на мягком ложе, а Он не имеет возглавия. Ты говоришь: «Я подал». Но не должно прекращать подаяний. Тогда только ты можешь иметь извинение, когда сам не имеешь, когда сам ничем не обладаешь. Доколе же у тебя что-нибудь есть, то хотя бы ты подал и тысяче нищих, но пока есть другие алчущие, тебе нет извинения. Если же ты еще запираешь пшеницу, возвышаешь на нее цену, и измышляешь новые неслыханные способы к получению прибыли, то какую будешь иметь надежду на спасение? Тебе заповедано даром давать алчущему, а ты не хочешь дать и за умеренную цену. Христос истощил для тебя славу Свою, а ты не уделяешь Ему и куска хлеба. Пес у тебя объедается, а Христос изнемогает от голода; раб твой от пресыщения расседается, а твой и его Владыка не имеет нужной пищи. Где так поступают друзья? «Примиритесь с Богом», – потому что это дело врагов и самых злых неприятелей. Итак, постыдимся ради тех благодеяний, которые мы получили и еще имеем получить. И если придет к нам нищий просить милостыни, примем его со всем благорасположением, утешим, ободрим словом, чтобы и самим получить то же от Бога и от людей.

«Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» («Елика бо аще хотите, да творят вам..., и вы творите им») (Мф.7:12). Этот закон не имеет в себе ничего тяжкого и неудобноносимого. Чего хочешь себе, говорит, то и делай. Воздаяние равное. Не сказано – «Не делайте того другим, чего не хотите себе», но предписывается гораздо больше; то удерживало бы только от зла, а это требует делать добро; в последнем заключается и первое. И не сказано – «Так и вы желайте», но – «творите им». Какая же польза? – «В этом закон и пророки». Хочешь получить прощение? Прощай и ты. Не

хочешь слышать худого? И не говори худого. Желаешь, чтоб тебя хвалили? Сам хвали (других). Хочешь, чтоб у тебя не похищали? Сам не похищай. Видишь ли, как он доказал, что добро свойственно нам по природе, и что мы не имеем нужды ни во внешних законах, ни в наставниках? Тем уже самым, что желаем или не желаем себе чего-нибудь от ближнего, мы налагаем на себя закон. Таким образом, если себе не желаешь, а другому делаешь, или себе желаешь, другому же не делаешь, то сам на себя произносишь суд, и ничем уже не можешь оправдаться, будто бы не знаешь и не понимаешь, что должно делать. Итак, молю вас, восстановите сами в себе этот закон, и читайте эти ясные и краткие начертания; будем для ближних такими, какими желаем иметь их для себя, чтобы насладиться нам и в настоящей жизни спокойствием, и достигнув будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 18

2Кор.8:16. Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам.

Кто разумеется под братом, «егоже похвала во Евангелии». – Похвала Павлу. – Почему Моисей принял совет своего тестя.

1. Опять (апостол) хвалит Тита. Так как он говорил о милостыне, то хочет теперь сказать и о тех, которые примут от коринфян подаяния, и отнесут их. Это нужно было для умножения сбора и для возбуждения большей готовности в подававших. Тот, кто уверен в честности служащего, и не относится с подозрением к принимающим, подает с большей щедростью. Слушай же, как он и здесь, чтобы достигнуть этого, хвалит отправляемых с милостынею, в числе которых Тит был первым. Он говорит: «Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам». Что значит – "такое"? «Такое же, какое он имел о фессалоникийцах, или какое имею я». И заметь мудрость его. Показав, что это есть дело Божие, он приносит благодарение дававшему, чтобы и тем возбудить (коринфян). «Если Бог воздвиг и послал его к вам, то сам Он и просит чрез него. Итак, не почитайте случившегося делом человеческим». Но откуда видно, что сам Бог его наставил? «Ибо, хотя и я просил его, впрочем он, будучи очень усерден, пошел к вам добровольно» («Яко моление убо прият. Тщаливейший же сый, своею волею изыде») (2Кор.8:17). Смотри, как показывает, что (Тит) исполняет свое дело, и не требует побуждений от других. Воздав благодарение Богу, (апостол) однако не приписывает всего Богу, а говорит, что (Тит) и сам по доброй воле вызвался на дело, чтобы и этим опять внушить им большую любовь к нему. «...он, будучи очень усерден, пошел к вам добровольно», т. е. «восхитил себе дело, поспешил к сокровищу, вменил в собственную свою пользу служить вам, и так сильно любит вас, что не имел даже и нужды в увещаниях с моей стороны. Хотя я и просил его, но не этим он был возбужден, а собственным произволением и благодатью Божией». «С ним послали мы также брата, во всех церквях похваляемого за

благовествование» («Послахом же с ним и брата, его же похвала во евангелии по всем церквам») (2Кор.8:18).

Кто же этот брат? Одни понимают Луку, по причине евангельской истории, им написанной, другие Варнаву, так как (апостол) и устную проповедь называл евангелием. Почему же он не называет их имен, тогда как Тита и по имени называет, и упоминает о содействии его в проповедании Евангелия – он столько был полезен, что в его отсутствие Павел не мог совершить ничего великого и важного: «я не имел покоя духу моему, – говорит он, – потому что не нашел *там* брата моего Тита» (2Кор.2:13), и говорит о любви его к ним: «и сердце его весьма расположено к вам» (2Кор.7:15), и о ревности его в собирании милостыни: «пошел к вам добровольно»; а этих, напротив, не хвалит подобным образом и даже имен их не упоминает? Что сказать на это? Может быть, они неизвестны были (коринфянам), поэтому и не распространяется в похвалах им, так как добродетелей их (коринфяне) еще не изведали, но говорит об них, сколько нужно было, чтобы внушить о них доброе мнение и удалить подозрение. Однако посмотрим, за что он хвалит и этого самого брата. Итак, за что же хвалит? Во-первых, за проповедь и за то, что не только проповедовал, но даже проповедовал как должно и с надлежащим тщанием. Не сказал, что проповедующего и благовествующего, но – «похваляемого за благовествование». И чтобы не подумали, что льстит ему, приводит в свидетели не одного, не двух, не трех человек, но все церкви, говоря: «по всем церквам». Потом обращает ему в честь суд рукоположивших его, – что также немаловажно. Потому-то вслед за словами: «во всех церквах похваляемого за благовествование», присовокупил: "не только же" (2Кор.8:18). Что значит – "не только же"? Он достоин уважения не только потому, что за проповедь все одобряют его и хвалят, но и потому, что он «избран... от церквей сопутствовать нам» («освящен от церквей с нами»).

Отсюда догадываюсь, что (апостол) понимает Варнаву. Далее означает великое достоинство его, указывая, для чего он рукоположен: «сопутствовать нам для сего благодворения, которому мы служим» («с нами ходити, со благодатию сею

служимой нами»). Видишь ли, сколько похвал приписывает ему? Он прославился проповедью Евангелия, и свидетельство об этом имел от всех церквей. «Освящен с нами», – то есть на то же служение, на какое и Павел, и везде был ему общником – и в искушениях, и в бедах, как это показывает слово – «сопутствовать». Но что значат слова: «для сего благодворения, которому мы служим» («со благодатию сею служимой нами»)? То, что он избран возвещать слово и проповедовать евангелие или служить при собирании милостыни; вернее же, как мне кажется, (апостол) указывает на то и другое вместе. Потом присовокупляет: «во славу Самого Господа и в соответствие вашему усердию» («к самого Господа славе и усердию вашему») (2Кор.8:19). Смысл этих слов следующий: «Мы упростили, – говорит он, – чтобы его избрали вместе с нами, и поручили ему должность эконома священных имуществ и диакона, – эта должность была не маловажна: "выберите, – сказано, – из среды себя семь человек изведанных» («усмотрите... бо мужи от вас свидетельствовани седмь»)) (Деян.6:3), – и он избран был церквами по согласию всего народа». Что же значат слова: «к самого Господа славе и усердию вашему»? То, «чтобы и Бог прославлялся, и вы стали усерднее к подаянию, когда принимающие эти подаяния будут люди испытанные, так что на них никто не может иметь никакого, даже ложного, подозрения».

2. «Для того мы и приискали таких мужей, и, чтобы отдалить и такое подозрение, не одному вверили все, но послали Тита и другого с ним». Затем, изъясняя те же самые слова: «к самого Господа славе и усердию вашему», присовокупляет: «остерегаясь, чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению» («блудущеся того, да не кто нас поречет в обилии сем служимем нами») (2Кор.8:20). Какой же смысл этих слов? Достойный добродетели Павловой, и вместе показывающий великое его попечение и снисхождение. «Чтобы, – говорит он, – не стал кто-нибудь подозревать нас, и не возымел хотя малейшего повода укорять нас, будто бы мы присваиваем что-либо себе из вручаемых нам подаяний, послали мы этих

(мужей), и не одного только, но двоих и троих». Видишь ли, как освобождает их от всякого подозрения? (Освобождает) не только тем, что они проповедники Евангелия, избраны церквами, но и тем, что они мужи испытанной честности, и за эту самую честность избраны, чтобы не было места подозрению. И не сказал – «чтобы вы не стали укорять», но – "да не кто другой». Хотя он сделал это ради них, на что и намекнул словами: «самого Господа славе и усердию вашему», однако не хочет уязвить их, и говорит иначе: «остерегаясь того сделать». И даже этим не довольствуется; но, желая успокоить их еще более, говорит далее: «при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению» («в обилии сем служимем нами»), – и таким образом тяжкое для слуха их смягчает похвалою. И чтобы они не оскорбились и не стали говорить: «Итак, ты подозреваешь нас, и мы так несчастны, что не заслуживаем твоего доверия», он, предупреждая их, говорит: «Много денег вами переслано, и самое обилие», т. е. «Большое количество милостыни может возбудить в злых людях подозрение, если не примем предосторожности». «Ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми» («Промышляюще добрая не токмо пред Богом, но и пред человеки») (2Кор.8:21).

Что может сравниться с Павлом? Он не сказал: «Пусть будет несчастным и пусть погибнет тот, кто станет подозревать в чем-либо подобном; доколе не обличает меня совесть, мне нет дела до подозревающих». Напротив, чем они были слабее, тем более снисходил к ним. Не негодовать нужно на больного, но помогать ему. Между тем, от какого греха мы столько далеки, сколько он далек от таковых подозрений? Если бы кто был подобен даже демону, и тот не мог бы подозревать блаженного (апостола) в этом служении. И все же, как ни далек он был от худых подозрений, он все делает и устраивает так, чтобы не оставить и малейшей тени для тех, которые захотели бы хотя сколько-нибудь подозревать его в худом. Он избегает не только обвинения, но и худого мнения, малейшей укоризны и простого подозрения. «Мы послали с ними и брата нашего» (2Кор.8:22). Вот и еще одного присовокупляет, – и этого с похвалою и с

одобрением, как своим собственным, так и многих других свидетелей: «которого усердие много раз испытали, – говорит, – во многом и который ныне еще усерднее по великой уверенности в вас». Похвалив его за собственные его заслуги, хвалит и за любовь к ним, – и что сказал о Тите, что он «будучи очень усерден, пошел к вам добровольно», – то же говорит и об этом: «который ныне еще усерднее», т. е. после того, как (Павел) посеял в них семена любви к коринфянам. Потом, показав их добродетели, располагает и коринфян в их пользу, говоря: «Что касается до Тита, это – мой товарищ и сотрудник у вас» (2Кор.8:23).

Что значит: «Что касается до Тита»? «Если, – говорит, – нужно сказать что-нибудь о Тите, то скажу, что он «товарищ мой, и сотрудник у вас». Или это понимает (Павел), или то, что «если вы сделаете что для Тита, сделаете это не для обыкновенного человека, потому что он «товарищ мой». И, по-видимому, похвалив его этим, хвалит вместе и их, показывая в них такое к себе расположение, что они почитают достаточным основанием уважать человека, как скоро известно, что он Павлов общник. Не довольствуясь, однако, этим, (апостол) присовокупляет еще: «и сотрудник у вас» («и к вам споспешник»). Не просто споспешник, но в делах, касающихся до вас: в вашем преуспевании, совершенствовании, в любви и тщании о вас. А это более всего могло привлечь их к нему. «А что до братьев наших» («Аще ли братия наша»). «Если, – говорит, – желаете знать что-либо и о других, то и они имеют величайшие права на ваше расположение, потому что и они «братья наши и посланники церквей», т. е. от церквей посланы». Затем, что всего важнее, они «слава Христова», потому что к Нему относится все, что с ними ни делается. «Итак, хотите ли принять их как братьев, или как посланников церквей, или как делающих все для славы Христовой, – во всяком случае имеете много побуждений оказать им свое расположение. Если о Тите могу сказать, что он общник мой и любит вас, то и об этих (скажу), что они братья, посланники церквей, слава Христова».

3. Видишь ли, как и отсюда ясно, что эти последние не были известны (коринфянам)? Иначе он и их похвалил бы за то

же, за что хвалил Тита, т. е. за любовь к ним. Но так как они еще были незнакомы им, то и говорит: примите их как братьев, как посланников церквей, как делающих все для славы Христовой. Потому присовокупляет: «Перед лицом церквей дайте им доказательство любви вашей и того, что мы *справедливо* хвалимся вами» («показание убо любви вашей и нашего хваления о вас, к ним покажите, в лице церквей») (2Кор.8:24). «Теперь покажите, – говорит, – как вы нас любите, и что мы не тщетно и не напрасно хвалимся вами. А докажете это, если окажете им свою любовь». Потом придает слову своему особенную силу, говоря: «в лице церквей», т. е. для славы и чести церквей. «Если, – говорит, – почитите их, то почитите пославшие церкви. Не к ним только относится ваша честь, но и к пославшим, которые их избрали, а еще прежде – к славе Божией, потому что, когда воздаем честь служителям (Божиим), чрез них воздается похвала самому (Богу)». Ко всем церквам, – немаловажно и это, потому что велика сила собора, или церквей. Посмотри, какую великую силу имел собор. Молитва церкви освободила Петра от уз, отверзла уста Павлу. Приговор их важен – возводит на духовные степени приступающих к ним. Вот почему и готовящийся рукополагать испрашивает при этом и их молитв, и они подают свой голос и возглашают известное освященным, а неосвященным не все можно открывать. Но есть случаи, в которых священник не отличается от подначального, например, когда должно причащаться страшных Таин. Мы все одинаково удостоиваемся их; не так, как в ветхом завете, где иное вкушал священник, иное народ, и где не позволено было народу приобщиться того, чего приобщался священник. Ныне не так; но всем предлагается одно тело и одна чаша. И в молитвах, как всякий может видеть, много содействует народ. Так, напр., о бесноватых и о кающихся совершаются общие молитвы священником и народом, и все читают одну молитву – молитву, исполненную милосердия.

Равным образом, когда изгоняем из священной ограды недостойных участвовать в святой трапезе, нужна бывает другая молитва, – и мы все вместе повергаемся на землю, и все вместе встаем. Когда опять наступает время преподания и

взаимного принятия мира, все равно друг друга лобзаем. При самом также совершении страшных Таин священник молится за народ, а народ молится за священника, потому что слова: «со духом твоим» означают не что иное, как именно это. И молитвы благодарения также общие, потому что не один священник приносит благодарение, но и весь народ. Получив сперва ответ от народа, и потом согласие, что достойно и праведно совершаемое, начинает священник благодарение. И что удивительного, если вместе со священником взывает и народ, когда он возносит эти священные песни совокупно с самими херувимами и горними силами? Все же это сказано мною для того, чтобы каждый и из подначальных трезвился, чтобы мы знали, что все мы едино тело, и столько же различаемся один от другого, сколько член от члена; и чтобы мы не все возлагали на одних священников, но и сами пеклись обо всей церкви, как о теле, всем нам общем. Это послужит и к большему утверждению, и нас побудит к большему преуспеянию (в добродетели).

Послушай, как иногда и апостолы привлекали к участию в своих решениях подчиненных. Так, когда они поставляли семь диаконов, то сообщили об этом прежде народу. Когда Петр избирал Матфея, то предложил о том всем тогда с ним бывшим – и мужам, и женам. И это потому, что здесь (в церкви) нет ни высокомерия начальствующих, ни раболепства подчиненных, а есть власть духовная, которая находит для себя более всего приобретение в том, чтобы принимать больше трудов и заботы о вас, а не в том, чтобы искать больших почестей. В церкви должно жить, как в одном доме; как составляющие одно тело, – все должны быть расположены друг к другу, поскольку и крещение одно, и трапеза одна, и источник один, и творение одно, и Отец один. Итак, для чего же разделяемся, когда столько связей, нас соединяющих? Для чего разрываемся? Вот и опять принуждены мы оплакивать то, о чем многократно я плакал. Слез достойно настоящее наше состояние. Так далеко мы отторглись друг от друга, между тем как надлежало бы изображать собою союз одного тела. Тогда бы и меньший мог приносить пользу большему. В самом деле, если Моисей от

тестя своего узнал нечто полезное, чего сам не знал, то тем более было бы так в церкви. И что была за причина, по которой духовный человек не знал того, что знал неверный? Та, чтобы все тогда бывшие вразумились, что (Моисей) – человек и имеет нужду в Божием содействии, хотя и море разделил, хотя и камень рассек, и что действия эти совершены не человеческою, но Божиею силою. И ныне, если один не говорит полезного, пусть другой встает и говорит.

Хотя бы он был и меньший, но если предлагает что-нибудь полезное – предпочти его мнение; хотя бы он был даже последний – не оставь без внимания. Никто ведь из них не отстоит так от ближнего, как от Моисея отстоял тесть его, а между тем Моисей не только удостоил выслушать, но и принял совет его, последовал ему, вписал его в книги, не устыдился даже передать его истории, в низложение гордости многих. Таким образом, как бы на столпе начертавши все это, он оставил потомству, так как знал, что история эта для многих будет полезна. Не будем же презирать тех, кто дает нам полезные советы, хотя бы они были из подчиненных, хотя бы из людей низких. Не будем непременно почитать достойным предпочтения то, что предлагаем сами, но то, что окажется полезным, это пусть и одобряется всеми. Многие, при слабом зрении, распознают иное лучше имеющих острое зрение, потому что тщательно и внимательно рассматривают. Не говори: «Для чего призываешь меня на совет, если не слушаешь, что я говорю?» Такие замечания приличны не советнику, а властолюбивому человеку. Советник властен только предлагать свое мнение. Если же будет дан другой совет, более полезный, а он станет требовать, чтобы сделали так, как ему хотелось, то он уже не советник, а, как я сказал, властолюбец. Не будем так делать; но, очистивши душу от всякой гордости и тщеславия, будем искать не того, чтобы только наши мнения были уважаемы, но чтобы всегда предпочитаем был полезный совет, хотя бы он дан был и не нами. Хотя и не сами найдем полезное, немало, однако ж, получим пользы, если примем придуманное другими, – и от Бога получим великую награду, и удостоимся тем большей славы, потому что как сказавший полезное

называется мудрым, так и мы, принявшие слова его, заслужим похвалу за благоразумие и благомыслие. Так (созидаются) дома и города; так созидаясь, и Церковь получит большее приращение; так и мы, устроив наилучшим образом настоящую жизнь, сподобимся будущих благ, которые да получим все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 19

2Кор.9:1. Для меня впрочем излишне писать вам о вспоможении святым.

О щедрой милостыне.

1. Так много сказав об этой (службе), теперь говорит: «излишне писать вам» («лишше ми есть писати вам»). И не в том только открывается его мудрость, что, сказавши уже многое, говорит – «излишне писать вам», но и в том еще, что опять говорит о ней же. То, что пред этим только что было им сказано, он говорил о тех, которые приняли собранные деньги, чтобы они пользовались большим уважением; а что раньше еще этого говорил о македонянах, что «глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия» («во глубине нищета их избыточествова в богатство простоты их»), и все прочее, было говорено о человеколюбии и милостыне. И все-таки, несмотря на то, что и прежде сказал уже много, он опять намерен рассуждать о том же предмете, и говорит: «излишне писать вам». А делает это для того, чтобы более привлечь их. Ведь человеку, о котором идет такая слава, что для него не нужны советы, стыдно показать себя ниже доброго о себе мнения и потерять его. Так поступает он большею частью и при обличениях, употребляя оборот речи, называемый умалчиванием (παράλειψις), потому что он имеет большую силу. Так, например, судья, когда видит великодушие обвинителя, уже не подозревает его, рассуждая: «Если этот человек не говорит многого такого, что мог бы сказать, то будет ли он вымышлять то, чего не было?» И тем (обвинитель) заставляет судью предполагать в деле нечто большее того, что им самим сказано, а себе приобретает имя честного человека. Так поступает (и апостол), когда он дает советы, или хвалит кого. Сказал: «излишне писать вам»; но смотри, как дает советы: «ибо я знаю усердие ваше и хваюсь вами перед Македонянами» («вем бо усердие ваше, имже о вас хваюсь Македонянам») (2Кор.9:2). Много значит и то, что сам знает; но гораздо важнее, что сообщает о том другим. Это имеет особенную силу, потому что

они не захотели бы остаться посрамленными пред таким числом людей.

Видишь ли мудрость его совета? Он убеждал их примером других, т. е., македонян: «Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским» («скажу вам благодать Божию... в Церквах Македонских») (2Кор.8:1); убеждал собственным их примером: «вам, которые не только начали делать сие, но и желали того еще с прошедшего года» («иже не точию еже творити, но и еже хотети прежде начасте от прешедшаго лета») (2Кор.8:10); убеждал примером самого Господа: «вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас» («весте благодать Господа нашего, яко вас ради обнища богат сый» (2Кор.8:9). Потом опять прибегает к сильнейшему способу убеждения – к примеру других, потому что люди склонны к соревнованию. Пример Господа и обещанные награды более бы должны были подействовать на них; но так как они были еще немощны, привлекает их примером подобных им, потому что ничто так сильно не действует, как соревнование. И смотри, в каком новом виде предлагает им то же самое увещание. Не сказал: «подражайте им»; но что? «Ревность ваша поощрила многих» («Яже от вас ревность раздражи множайших») (2Кор.9:2). Что говоришь? Недавно сам сказал (о македонянах): «добровольно со многим молением моля нас». Как же теперь говоришь: "ваша (коринфян) ревность" («яже от вас ревность»)? «Да, – отвечает (апостол), – мы не советовали им, не убеждали их, а только вас хвалили и вами хвалились, – и этого довольно было к их убеждению».

Видишь ли, как он возбуждает их взаимным друг друга примером: коринфян – примером македонян, а македонян – примером коринфян, и это соревнование еще более усиливает присоединенною к тому великою похвалою? А чтобы не дать им повода к гордости, с особенным искусством выражается: «и ревность ваша поощрила многих» («и яже от вас ревность раздражи множайших»). Представь же, каково тем, которые были для других побудительною причиною такой щедрости, самим отстать от них в благотворительности! Вот почему не

сказал: «подражайте им» – потому что не возбудил бы этими словами такого соревнования; а как сказал? «Они вам подражали; вы, учителя, не окажитесь хуже учеников». И смотри, как для большего возбуждения и воспламенения их показывает вид, что вступается за них, и защищает их дело, как будто идет о том спор и состязание. Как выше он говорил: «они весьма убедительно просили нас принять дар и участие их в служении святым... поэтому мы просили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил у вас и это доброе дело» («яко доброхотни, со многим молением» приступили к нам, «во еже умолити нам Тита, да якоже прежде начат, такожде и скончает... благодать сию») (2Кор.8:4, 6), так и здесь говорит: «Братьев же послал я для того, чтобы похвала моя о вас не оказалась тщетною в сем случае» («послах братию, да не испразднится похваление наше») (2Кор.9:3).

Видишь ли, в каком он беспокойстве и страхе? Чтобы все, что он сказал, не показалось сказанным только для убеждения, а не потому, что и на деле так было, говорит: «послал братьев» – «я столько забочусь о вас, «чтобы похвала моя о вас не оказалась тщетною». По-видимому, наибольшее участие принимает он в коринфянах, хотя и обо всех равно печется. А смысл слов его такой: «Весьма много хвалюсь вами, всем говорю о вас с восхищением, хвалился и македонянам. Поэтому, если вы окажетесь ниже похвалы, стыд будет общий». Но выражается об этом осторожно, именно присовокупил: «в сем случае» («в части сей»), а не во всем. «Чтобы вы, как я говорил, были приготовлены» («Да, якоже глаголах, приготовани будете»). Говорил о них (македонянам) не то, что они будут готовы, но что у них все уже приготовлено, и нет ни в чем недостатка. «Потому, – говорит, – желаю, чтобы вы показали это на самом деле». Потом еще более обнаруживает свое беспокойство, говоря: «чтобы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми, не остались в стыде мы, – не говорю «вы», – похвалившись с такою уверенностью» («да не како, аще приидут со мною Македоняне... постыдимся мы, да не глаголем вы, в части сей похваления») (2Кор.9:4).

2. Больше будет стыда, когда будешь иметь многих зрителей, и притом слышавших о деле. И не сказал: «веду с собою македонян», или: «македоняне идут со мною», – чтобы не подумали, что делает это намеренно; а как сказал? «Чтобы, если^б придут со мною Македоняне» («Да не како, аще приидут со мною Македоняне»). Может случиться, что они придут. Таким образом (апостол) отдалил от себя и подозрение. А если бы сказал иначе, то, может быть, довел бы их и до ожесточения. Смотри, как действует на них не духовными только, но и человеческими (побуждениями). «Если вы, – говорит, – мало смотрите на меня, в твердой надежде, что прощу вас, то подумайте о македонянах – «чтобы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми» («да не како, аще приидут, и обрящут вас»). Не сказал: «не желающими», но – «неготовыми», т. е., не все еще исполнившими. «Если же и поздно подать уже стыдно, то подумайте, какой стыд вовсе не подать милостыни, или подать меньше надлежащего».

Далее, кратко и вместе с силою, указывает и последствия, имеющие произойти отсюда, говоря так: «чтобы... не остались в стыде мы, – не говорю «вы'''» («постыдимся мы, да не глаголем, вы»). И словами: «похвалившись с такою уверенностью» («в сей части похваления») опять смягчает речь свою, – не для того, впрочем, чтобы сделать их беспечными, но чтобы показать, что прославившиеся другими (добродетелями) должны отличиться и этой. «Посему я почел за нужное упросить братьев, чтобы они наперед пошли к вам и предварительно озаботились, дабы возвещенное уже благословение ваше было готово, как благословение, а не как побор» («Потребно убо умыслих предпослати братию, да... предуготовят благословение ваше сие готово быти, тако якоже благословение, а не яко лихоимство») (2Кор.9:5). Опять говорит о том же в других словах. И чтобы не показалось, что говорит так без особенного намерения, объясняет, что не по другой причине идут братия, а единственно по той, чтобы (коринфянам) не остаться в стыде. Видишь ли, что слова: «Для меня... излишне писать вам» были началом к увещанию?

Видишь ли, сколько рассуждает он об этом служении? Кроме того, можно сказать и то, что, дабы не подумали, будто (апостол) противоречит сам себе, когда, сказав – "излишне", рассуждает о том же предмете, он сверх того, что говорил о скорости, щедрости и радушии при подавании милостыни, и этим оборотом речи достигает той же цели. Он требует этих трех качеств, и поставил их главными в самом начале. Так, когда он говорит: «они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия» («во мнозем искушении скорби избыток радости их, и яже во глубине нищета избыточествова в богатство простоты их») (2Кор.8:2), выражает не другое что, как то, что (македоняне) сделали великие приношения, и сделали с радостью и поспешностью, что они не скорбели, не только подав много, но и находясь в искушениях, а это тяжелее, нежели подавать милостыню. Равным образом и выражение: «они отдали самих себя... нам» («себе вдаша нам») (2Кор.8:5) показывает и их радушие, и твердую их веру. Опять и здесь имеет ту же цель. Так как щедрость и радушие бывают между собою противоположны и иной, подав много, часто скорбит о том, а иной, чтобы не скорбеть, подает менее, то смотри, как (апостол) заботится и о том и о другом со свойственною мудростью. Не сказал: «лучше давать немного, но охотно, нежели по принуждению», так как он хотел, чтобы они подавали и много и с охотой. А как же (сказал)? «Дабы возвещенное уже благословение ваше было готово, как благословение, а не как побор» («Да предуготовят благословение ваше готово быти якоже благословение, не яко лихоимство»). Сперва начинает с приятнейшего и легчайшего – подавать непринужденно, так как «(подавание), – говорит, – есть «благословение».

Видишь, как в самом увещании показывает тотчас и плод, приносимый (подаванием), т. е., что подающие исполняются благословения. Самым этим словом он уже привлекал их к радушию, потому что никто не дает благословения с огорчением. Впрочем, и этим он не ограничился, а присовокупил: «не как побор». «Не думайте, – говорит, – чтобы

мы из корыстолюбия брали у вас милостыню, напротив, желаем быть для вас источниками благословения. Корыстолюбие свойственно тем, которые подают принужденно, так что, кто принужденно подает милостыню, тот подает скупой». От этой мысли далее опять переходит к прежней, т. е., к тому, чтобы подавали щедро. «Се же глаголю», т. е., «при этом скажу и то». Что же? «Кто сеет скупой, тот скупой и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» («Сеяй скудостию, скудостию и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет»)⁷ (2Кор.9:6). Не сказал – «скупой», но употребил благороднейшее наименование бережливого (φειδωλόυ); и самое действие назвал сеянием, чтобы ты тотчас вспомнил о воздаянии, представил себе жатву, и понял, что (подавая другим) более получаешь сам, нежели даешь. Потому не сказал – «дающий», но – «сеющий». Не сказал также – «если вы сеете», но употребляет общее выражение. Не сказал опять – «щедро», но, что гораздо важнее – «о благословении». И снова возвращается к прежнему приятному способу подаяния: «Каждый уделяй по расположению сердца» («кийждо якоже изволение имать сердцем») (2Кор.9:7), потому что получивший полную свободу делает больше принуждаемого. Потому и останавливается на этом; сказав именно – «по расположению сердца» («якоже изволение имать»), присовокупляет: «не с огорчением и не с принуждением» («не от скорби, ни от нужды»); и этим еще не ограничивается, но приводит свидетельство из Писания, говоря: «ибо доброхотно дающего любит Бог» («доброхотна бо дателя любит Бог»).

Видишь ли, сколько раз он повторяет это? «Говорю это не в виде повеления» («Не по повелению глаголю») (2Кор.8:8); «Я даю на это совет» («совет даю о сем») (2Кор.8:10); «как благословение, а не как побор» («якоже благословение, а не яко лихоимство») (2Кор.9:5); «не с огорчением и не с принуждением» («не от скорби, ни от нужды») (2Кор.9:7); «доброхотно дающего любит Бог» («доброхотна бо дателя любит Бог»). По моему мнению, доброхотным он называет здесь щедрого, хотя употребил это слово с тем, чтобы побудить (коринфян) к радушному подаянию. Так как пример македонян и

все прочее достаточно было, чтобы побудить их к щедрому подаянию, то не говорит уже об этом много, а (ведет речь к тому), чтобы подавали не с принуждением. И подлинно, если милостыня есть добродетель, а всякое дело, сделанное по принуждению, теряет свою награду, то (апостол) справедливо поступает так. И он не только советует, но, что всегда делает, и молит за них (Бога), говоря: «Бог же силен обогатить вас всякою благодатью» («силен же Бог всяку благодать изобилувати в вас») (2Кор.9:8).

3. Этою молитвою удаляет от них помысел, противоборствующий щедрости, который и ныне для многих служит препятствием. Действительно, многие боятся подавать милостыню, говоря: как бы мне самому не сделаться бедным и не нуждаться в помощи других. Итак, чтобы рассеять этот страх, он присоединяет молитву, говоря: «обогатить вас всякою благодатью», – не исполнить только, но «обогатить». Что же значит: «обогатить благодатью» («благодать изобилувати»)? «Обогатить вас настолько, чтобы вы могли изобилувать при такой щедрости». «Чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело» («Да о всем всегда всяко довольство имуще, избыточествуете во всяко дело благо»). Смотри, и в самой молитве его какая мудрость. Не богатства просит им (у Бога), и не излишества, но всякого довольства. И не это одно в нем удивительно, но то особенно, что, как не просит излишества, так равно не причиняет им и огорчения, и, снисходя к их слабости, не принуждает их подавать от недостатка; а просит довольства, и вместе показывает, что даров Божиих не должно употреблять во зло. «Чтобы вы... были богаты на всякое доброе дело» («Да избыточествуете во всяко дело благо»). «Для того, – говорит, – прошу вам довольства, чтобы вы и другим уделяли». И не сказал – «уделяйте», но – «чтобы вы... были богаты» («да избыточествуете»). В благах телесных просит для них довольства; а в благах духовных – не в одном милосердии, но и во всех прочих – просит им избытка. Таков смысл слов: «на всякое доброе дело» («во всяко дело благо»). Потом вводит советником пророка, приискав свидетельство, побуждающее их

к щедрости, и говорит: «как написано: расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век» («якоже есть писано: расточи, даде убогим; правда его пребывает во век») (2Кор.9:9; Пс.111:9). Вот что значит – «чтобы вы... были богаты» («да избыточествуете»). Слово "расточил" ("расточи") не что другое означает, как щедрость в подаянии. Если поданного и нет уже более, но плоды подаяния остаются. То и удивительно, что сберегаемое гибнет, а расточаемое пребывает, и пребывает вечно. Правдою же называет здесь человеколюбие, потому что оно делает людей праведными, и, как огонь, истребляет грехи людские, когда обильно изливается.

Итак, не будем скупы; напротив, будем расточать щедрою рукою. Разве не видишь, сколько другие раздают комедиантам и распутным женщинам? Подай Христу хотя половину того, что они дают плясунам. Подай хотя столько алчущему, сколько они из тщеславия дают представляющим на зрелищах. Они множеством золота украшают тело распутных; а ты и в простую одежду не хочешь облечь плоть Христову, даже видя, что она обнажена. Есть ли для этого какое-нибудь извинение? Не стоит ли это, напротив, всякого наказания, когда иной столько дает той, которая губит его и бесславит, а ты и малейшей части не даешь тому, кто тебя спасает и прославляет? Истощая свое богатство на удовлетворение чреву, на пьянство и распутство, ты не хочешь и вспомнить о бедности. Если же нужно облегчить чью бедность, ты считаешь себя беднее всех. Когда кормишь нахлебников и льстецов, радуешься, как будто расточаешь на них из неистощимых источников; а когда увидишь бедного, тотчас нападает на тебя страх бедности. За это-то самое некогда мы осудим и сами себя и будем осуждены другими, как преуспевшими (в добродетели), так и грешниками. Скажут тебе: «Почему ты не был великодушным, где должно? Вот он, давая любодейце, не представлял таких извинений; а ты, подавая Владыке, заповедавшему «не пещись», приходишь в страх и трепет? И можешь ли быть достоин какого-нибудь извинения?» Если человек, получив благодеяние, не пренебрегает им, но воздает благодарностью, то тем более Христос. Если Он и не получив дает, то ужели не воздаст получивши?

«Почему же, – скажешь, – иные, расточивши много, не только сами не получили, но просят еще милостыни у других?» Ты указываешь на раздавших все свое имение, сам не подавши и обола. Обещай раздать все – и тогда спрашивай и о них. А доколе ты бережлив, и подаешь малость из своего имущества, к чему представляешь мне извинения и предлоги? Ведь не на самый верх нестяжания ведем мы тебя, просим только, чтобы ты отсек лишнее, и возлюбил только довольство, а довольство ограничивается самым нужным, без чего жить нельзя. Никто этого у тебя не отнимет, никто не запрещает тебе иметь дневную пищу, – пищу, говорю, а не роскошь, – одеяния, а не украшения. Вернее же сказать, если внимательно вникнем, в этом более всего и заключается роскошь. Смотри же, кого справедливее назвать роскошествующим: того ли, кто, питаясь овощами, здоров и не страдает никакой болезнью, или того, кто имеет самый богатый и роскошный стол, но страдает бесчисленными болезнями? Очевидно, что первого. Итак, не будем желать ничего излишнего, если хотим и роскошествовать и наслаждаться здоровьем, и этим ограничим довольство. И кто может быть доволен и здоров, питаясь одними бобами, пусть не ищет ничего больше. Если же кто слабее, и имеет нужду в употреблении огородных овощей, тому пусть и это не будет возбранено. Если кто еще слабее, и для него потребуется умеренное употребление мяса, мы не запрещаем ему и этого. Не для того ведь даем мы эти наставления, чтобы доводить людей до смерти, или расстраивать их здоровье, но чтобы отсечь излишество; а излишне все то, что сверх необходимости, так как если и без этого можем жить здорово и благопристойно, то без сомнения это прибавлено излишне.

4. Так будем рассуждать и об одеждах, и о столе, и о жилище, и о всем прочем; везде будем искать только нужного, а излишнее не нужно. Когда ты научишься ограничиваться довольством, тогда, если ты захочешь подражать евангельской вдовице (Лк.21:1–4), поведем тебя к высшему. Ты недостойн еще любомудрия этой жены, когда заботаешься о довольстве. Она была выше и этой заботы, потому что все средства своего пропитания повергла (в сокровищницу). Итак, неужели будет

останавливать тебя мысль о необходимом? Неужели не постыдишься быть ниже жены, и не только не поревнуешь ей, но и очень далеко отстанешь от нее? Она не говорила, как вы рассуждаете сами с собой: «Что будет, если, истратив все, принуждена буду просить милостыни у других?», но со всем усердием отдала, что имела. А что сказать еще о ветхозаветной (вдовице), жившей во дни пророка Илии? Ей угрожала не только бедность, но смерть, и угрожала не ей одной, но и детям. Она уже ожидала не помощи от других, но скорой смерти. Ты скажешь: «Она увидела пророка, и оттого сделалась щедрою». Но разве не видите и вы бесчисленного множества святых? И что говорю – святых? Вы видите просящим даже Владыку пророков, и не только не делаетесь человеколюбивыми, напротив, имея сокровищницы, переполненные благами, не подаете и от такого избытка. Что ты говоришь: к ней пришел пророк, и это побудило ее к такому великодушию? То и достойно особенного удивления, что она поверила, что (Илия) велик и чуден. Почему она не сказала, как естественно было бы сказать жене-язычнице и иноплеменнице: «Если бы этот человек был пророк, то не стал бы просить у меня помощи; если он друг Божий, то не оставил бы его (Бог). Пусть иудеи за грехи подверглись такому наказанию; а он почему подвергся и за что?» Но она ничего такого не подумала, а напротив, открыла ему дом свой, и еще прежде дома – сердце свое, предложила все, что имела, не вняла естественному чувству, забыла детей своих, всему предпочла странника. Подумай же теперь, какое наказание должно постигнуть нас, когда окажемся ниже и малодушнее жены-вдовицы, бедной, иноплеменницы, язычницы, матери детей, нисколько не знавшей того, что мы теперь знаем. Если мы имеем только крепкое тело, то еще не значит, что мы мужественны. Только тот имеет эту доблесть, кто имеет внутреннюю крепость, хотя бы он лежал на одре. А без этой крепости, хотя бы кто телесной силой своей мог и гору сдвинуть, я никак не соглашусь назвать его мужественнее отроковицы или дряхлой старухи. Тот борется с духовными искушениями, а этот не смеет и взглянуть на них. И если желаешь увериться, что в этом именно состоит истинное

мужество, можешь узнать это из приведенного примера. В самом деле, что может быть мужественнее этой женщины, которая с твердостью устояла против требований самой природы, против силы голода, против ужасов смерти, и все это преодолела? Послушай, как прославляет ее Христос: "Много, – говорит, – вдов было в Израиле во дни Илии,... и ни к одной из них не был послан пророк, а только к сей" (многи беша вдовицы во дни Илиины,... и ни ко единой послан бысть, токмо ко вдове в Сарепту Сидонскую») (Лк.4:25–26).

Скажу нечто великое и странное: эта (вдовица) оказала большее гостеприимство, нежели отец наш Авраам. Она побежала не к стаду, подобно тому (Аврааму), но с одной горстью муки превзошла всех прославившихся гостеприимством. Авраам превзошел тем, что сам вызвался на гостеприимство; а она тем, что для странника не пощадила и детей, и притом, когда ничего не ожидала себе в будущем. А мы, когда и царство готово, и геенна угрожает, и, что всего важнее, когда Бог столько для нас сделал, когда Он веселится и радуется (видя дела милосердия) – мы остаемся холодны. Не будем, молю вас, (так делать), но расточим, отдадим бедным, как должно отдать, Бог же многое и малое ценит не по мере подаваемого, а по достатку подающего. Поэтому может случиться, что, положивши сто золотых монет, ты положишь меньше того, кто положил только один маленький обол, потому что ты положил от избытка. Впрочем, делай хотя и так, и ты скоро сделаешься более щедрым. Расточай богатство, чтобы приобрести правду. Не с богатством приходит правда; хотя через него, но не с ним приобретается. Невозможно любостяжанию и правде обитать вместе; их жилища разделены. Итак, не усиливайся соединить несоединяемое, но изгони мучителя – сребролюбие, если хочешь получить царицу. Правда – царица, она изводит (людей) из рабства в свободу. Совершенно иначе действует сребролюбие. Итак, со всем тщанием будем бегать сребролюбия, а возлюбим правду, чтобы и здесь наслаждаться нам свободой, и там получить небесное царство, которого все мы да сподобимся достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым

Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и
во веки веков. Аминь.

Беседа 20

2Кор.9:10. Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей.

Не какая-нибудь нужна милостыня, а щедрая. – Сравнение милостыни с жертвой, а тех, кому она подается, с жертвенником.

1. Особенно можно подивиться мудрости Павла в том, что как убеждения заимствовал он и от духовного и от плотского, так, говоря и о воздаянии, делает то же самое, т. е., указывает на двоякие (духовные и плотские) воздаяния. Так слова: «расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век» («расточи, даде убогим, правда его пребывает во век») указывают на воздаяние духовное; а слова: «подаст обилие посеянному вами» («да умножит семя ваше») – на воздаяние плотское. Однако на этом он не останавливается, но опять переходит к воздаяниям духовным, и всегда ставит их одни с другими попеременно. Именно слова: «умножит плоды правды вашей» («да возрастит жита правды ваша») означают воздаяние духовное. Делает же это и разнообразит речь свою для того, чтобы искоренить в них боязливые и малодушные помыслы, и чтобы различными способами и указанием на настоящий пример рассеять в них опасение бедности. В самом деле, если засевающим землю Бог подает, если питающим тело свое дает Он обильно, то тем более (Он дает) тем, которые возделывают небо и пекутся о душе своей. И Ему угодно, чтобы такие (попечения) состояли под особенным Его промыслом. Но (апостол) излагает это не в виде умозаключения, и не так, как я сказал, а в виде молитвы, причем делает ясным свое умозаключение, и возводит их к большему упованию не только указанием на повседневные примеры, но и самую эту молитвою. "Подаст, – говорит, – обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей» («Да подаст и умножит семя ваше, и да возрастит жита правды ваша»). И здесь опять незаметно внушает щедрость, что дает разуместь словами: «подаст обилие и умножит плоды правды вашей» («умножит... и

возрастит»); а вместе с тем словами: «и хлеб в пищу» («и хлеб в снедь») не позволяет желать ничего кроме необходимого к поддержанию жизни. И особенно удивительно (в Павле), что, как и раньше внушал он, рассуждая о необходимом для жизни, не позволяет домогаться чего-либо сверх нужды, а, рассуждая о благах духовных, советует собирать их в большом избытке.

Потому он и выше говорил: «во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело» («да довольство имуще, избыточествуете во всяко дело благо») (2Кор.9:8), и здесь говорит: «Дающий же... хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами» («даяй хлеб в снедь, да умножит семя ваше»), т. е. духовному. Так как он требует не просто милостыни, но милостыни щедрой, то постоянно называет ее семенем. Подобно тому, как семя, брошенное в землю, произращает тучную жатву, так и милостыня приносит полные рукояти правды и произращает бесчисленные плоды. Пожелав им такого обилия, он показывает опять, на что должно тратить («иждивать») его, говоря: «чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу» («да о сем богатящеся во всяку простоту, яже содевает нами благодарение Богу») (2Кор.9:11). Тратьте («иждивайте») богатство ваше не на то, на что не должно, а на то, чем приносится великое благодарение Богу. Бог отдал многое в нашу власть, и, Себе предоставив меньшее, нам уступил важнейшее. Так заботиться о чувственной пище нашей предоставил Себе самому, а попечение о духовной вверил нам, и в нашей власти соделать цветущими мысленные нивы наши. Они не требуют ни дождей, ни благорастворенного воздуха; было бы только одно произволение, и они возрастут до самого неба. Щедрость же называет здесь «простотою, которая через нас производит благодарение Богу», потому что отсюда происходит не одна милостыня, но и повод к великому благодарению, и не только к благодарению, но и ко многому другому. Это и перечисляет (апостол) в следующих словах, чтобы, показав многие добрые последствия щедрости, возбудить их тем к большему усердию.

Какие же это многие плоды? Послушай, что сам он говорит: «Ибо дело служения сего не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильные благодарения Богу; ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми, молясь за вас, по расположению к вам, за преизбыточествующую в вас благодать Божию» («яко работа сего служения не токмо есть исполняющая лишения святых, но избыточествующая многими благодареньми Богови: искушением служения сего славяще Бога о покорении исповедания вашего в благовествовании..., и о простоте сообщения к ним, и ко всем, и о тех молитве о вас, возжелеющих вас за премногую благодать Божию на вас» (2Кор.9:12–14)). Слова эти имеют такой смысл: «Во-первых, вы не только восполняете скудость святых, но и производите у них обилие, т. е., подаете им больше, чем для них нужно; затем, чрез них вы воссылаете благодарение Богу, потому что они прославляют Его за покорность исповеданию вашему». А чтобы не подать мысли, что они благодарят потому только, что получают благодеяния, смотри, сколько возвышенными представляет их. «Что в послании к Филиппийцам сказал я о себе: «не потому, чтобы я искал даяния» («не ищу даяния») (Флп.4:17), то же свидетельствую и о них. Хотя они радуются о том, что вы восполняете их недостатки и облегчаете их бедность, но еще более радуются о том, что вы так покорны Евангелию, о чем свидетельствуют ваши щедрые подаяния, предписанные Евангелием». «И за искреннее общение с ними и со всеми» («и о простоте сообщения к ним и ко всем»). «Они прославляют Бога и за то, что вы так щедры не только к ним, но и ко всем». И это благодарение Бога за подаваемое другим служит опять к их похвале. «Они, – говорит, – не только хорошо управляют свои дела, но заботятся и о чужих, несмотря на то, что сами находятся в крайней бедности. Это показывает высокую их добродетель. В самом деле, никто так не завистлив, как бедные; а они между тем чисты от этой страсти, и не только не завидуют, видя ваши благодеяния другим, но даже радуются не меньше, чем если бы сами их получили». «Молясь за вас, по

расположению к вам» («И о тех молитве о вас»). «За тех, – говорит, – они благодарят Бога, а за вашу любовь к ним самим и общение молят Его, чтобы сподобил их видеть вас. И желают этого не ради вашего имущества, но чтобы видеть благодать, дарованную вам».

2. Видишь ли мудрость Павла, как он, восхвалив (коринфян), все приписал Богу, когда назвал дело их благодатью? После того как он сказал о них много великого, назвал их служителями, превознес до небес, – поскольку они служили бедным, а он передавал то, чем они служили; – назвал их искусными, теперь показывает, что виновник всего этого – Бог, и сам вместе с ними возносит благодарение (Богу), говоря: «Благодарение Богу за неизреченный дар Его!» («благодарение же Богови о неисповедимем Его даре») (2Кор.9:15). Даром называет здесь или те многочисленные блага, какие получают чрез милостыню и принимающие ее и получающие, или те неизреченные блага, которые щедро дарованы всему миру пришествием (Христовым), – и эти последние преимущественно следует разуметь здесь. Чтобы смирить их гордость и сделать их более щедрыми, он напоминает им о том, что они получили от Бога. Такое (напоминание о благодеяниях Божиих) имеет особенную силу для побуждения к какой бы то ни было добродетели. Потому и здесь (апостол) заключил свою речь (этим напоминанием). Если же дары (Божии) неисследимы, то что может равняться безумию тех, кто усиливается постигнуть сущность (Божью)? И не только дары Его неисследимы, но и мир, которым Бог примирил горнее с дольным, превышает всякий ум.

Итак, сподобившись такой благодати, постараемся показать достойную ее доблесть жизни, и особенно будем заботиться о милостыни. А этого мы достигнем, если будем избегать невоздержания, пьянства, пресыщения. Ведь и пищу, и питье дал нам Бог не для неумеренности, а для пропитания. И не вином производится пьянство. А если бы так было, то надлежало бы всем упиваться. «Но не надлежало ли бы, – скажешь, – чтобы вино, и в большом количестве употребляемое, не вредило?» Так говорить свойственно

пьяницам. В самом деле, если в большом количестве вино наносит вред, и ты нимало не отстаешь от неумеренного употребления; если пьянство так постыдно и пагубно, и ты все-таки не оставляешь дурной страсти – то до чего простерлась бы твоя неумеренность, если бы можно было и много пить, и не терпеть никакого вреда? Тогда не захотел ли бы ты, чтобы и реки текли вином? А тогда не погубил ли бы ты и не истребил ли бы всего? Если есть мера в употреблении пищи, и, преступая эту меру, мы вредим себе, но тебя не удерживает эта узда, ты расторгаешь ее и хватаешь все у всех, чтобы угодить гнусному твоему мучителю – сластолюбию, то чего бы ты ни сделал, когда бы природа не положила такой меры? Не стал ли бы ты тогда тратить все время жизни на это (удовлетворение своему чреву)?

Итак, неужели надлежало усилить гнусную похоть, и не остановить вреда, происходящего от неумеренности? И сколько других бедствий проистекло бы отсюда! До какого безумия доходят те, которые в пьянстве и другого рода распутствах валяются как в грязи, а когда несколько образумятся, ничего иного не делают, как только сидят и толкуют: для чего столько истрачено на такое дело? – тогда как им надлежало бы посудить о своих грехах! Вместо того чтобы говорить: «Для чего (Бог) положил всему пределы? Почему не делается все без порядка?», скажи так: «Почему мы не перестаем упиваться? Почему не знаем сытости? Почему мы бессмысленнее бессловесных?» Вот о чем надлежало бы рассуждать нам друг с другом; надлежало бы послушать апостольского слова, увидеть, сколько благ, по его свидетельству, проистекло для коринфян от милостыни, и восхитить себе такое сокровище. В самом деле, презрение богатства, как сказал (апостол), и соделывает людей искусными, и ведет к прославлению Бога, и воспламеняет любовь, и делает нас великодушными, и поставляет иереями, возводя на священство, приносящее великую награду. Милостивый не облачается в подир, не носит позвонков, не возлагает на себя венца; но облечен в одежду человеколюбия, которая святее священнической одежды, помазан елеем, который составлен не из чувственного вещества, но возделан

Духом Святым, имеет венец, сплетенный из милосердия, как сказано в Писании: «венчает тебя милостью и щедротами» («венчающего тя милостию и щедротами») (Пс.102:4), а вместо того, чтобы носить златую дщицу с именем Божиим, сам делается подобен Богу. Каким образом? «Будьте, – говорит, – подобны Отцу вашему Небесному» («Отцу вашему, иже есть на небесех») (Мф.5:45).

3. Хочешь ли видеть и жертвенник (милосердного)? Не Веселеил соорудил его, и не другой кто, но сам Бог; не из камней, но из вещества, которые светлее самого неба – из разумных душ. Но иерей входит во святое святых? Можно и тебе, совершающему жертву (милосердия), войти в святилище еще более страшное, где никто не присутствует, кроме Отца твоего, который видит тебя в тайне (Мф.6:6), где никто другой не видит. «Но как, – скажешь, – можно не видеть, когда жертвенник стоит открыто?» То и достойно удивления, что тогда двойные двери и завесы делали (святилище) безлюдным, а ныне, принося жертву среди народа, можно приносить ее как бы вступив во святое святых, и даже с большим страхом. В самом деле, если ты делаешь это не на показ людям, то, хотя бы и вся вселенная видела, никто не видал, потому что ты так сделал. (Господь) не просто сказал: «не творите милостыни вашей пред людьми», но присовокупил: «с тем, чтобы они видели вас» («не творите пред человеки да видими будете ими») (Мф.6:1). Жертвенник этот создан из самых членов Христовых; и тело самого Владыки служит тебе жертвенником. Благоговей пред Ним: на теле Владычнем ты совершаешь жертву. Этот жертвенник страшнее и этого нового, а не только древнего жертвенника. Однако ж не смущайтесь. Этот (жертвенник) чуден по причине предлагаемой на нем жертвы, а тот (жертвенник милосердного) удивителен и потому, что сооружается из той самой жертвы, которая его освящает. Чуден опять этот (жертвенник) потому, что, будучи по природе камнем, делается святым, так как принимает тело Христово, а тот чуден потому, что сам есть тело Христово.

Таким образом, страшнее этого жертвенника тот, пред которым предстоишь ты, мирянин. Что в сравнении с этим будет

для тебя Аарон? Что кидар? Что звонцы? Что святое святых? Да и нужно ли сравнивать (жертвенник милосердного) с древним жертвенником, когда он и в сравнении с этим жертвенником оказывается столь блистательным? А ты между тем почитаешь этот жертвенник, потому что он принимает тело Христово, и унижаешь тот (жертвенник), который есть самое тело Христово, и не обращаешь внимания, когда он разрушается. Такой жертвенник ты можешь видеть везде – и на улицах, и на площадях, ежечасно можешь приносить на нем жертву, потому что и здесь освящается жертва. И как иудей предстоит (пред жертвенником), призывая Духа, так и ты призываешь Духа, только не словами, а делами. Ничто так не поддерживает и не возжигает огонь Духа, как этот елей, обильно изливаемый. Если же хочешь знать и то, что бывает с возлагаемым на жертвенник, то иди, я и это покажу тебе. Итак, какое курение, какое благоухание восходит от этого жертвенника? Слава и благодарение. Куда восходит? До неба ли? Нет, – выше неба, и «неба небеси», возносится к самому Царскому престолу. «Молитвы твои, – сказано, – и милостыни твои пришли на память пред Богом» («Молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша пред Бога») (Деян.10:4). Чувственное благоговение не далеко проникает в воздух; а это проходит самые небесные своды. И хотя ты молчишь, однако же, дело твое вопиет, и делается жертвою хвалы; не телец закалается, и не кожа сожигается, но разумная душа приносит ей свойственное. А такая жертва достохвальнее всякого человеколюбия.

Итак, когда ты видишь бедного из верных, представляй, что видишь жертвенник. Когда видишь такого нищего, не только не оскорбляй, но и отнесись с почтением; и если видишь, что другой его оскорбляет, останови, защити. Таким образом, и сам ты можешь надеяться, что будешь помилован от Бога и получишь обещанные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (Которому слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 21

2Кор.10:1–2. Я же, Павел, который лично между вами скромн, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым. Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти.

Долг учителя. – Нужно подражать Павлу. – Ересь Маркиона и Манихея.

1. Кончив все, что надлежало сказать о милостыне, показав, что он более любит коринфян, чем они его любят, и вспомянув о своем терпении и искушениях, (апостол) благовременно переходит теперь к обличительной речи, в которой указывает на лжеапостолов, обращается (к коринфянам) с угрозами, и говорит в защиту себя самого. То же делает он и во всем послании, и, сознавая это, часто сам себя поправляет, как, например в словах: «Неужели нам снова знакомиться с вами?» («зачинаем ли паки нас самех извещавати вам?») (2Кор.3:1); далее: «Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами» («не паки себе хвалим пред вами, но вину даем вам к похвалению») (2Кор.5:12), затем: «Я дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили» («бых несмыслен хваляся, вы меня понудисте») (2Кор.12:11), и многие другие в том же роде употребляет оговорки. И не погрешит тот, кто назовет это послание похвальным словом Павла: так пространно рассуждает он и о дарах благодати (Божией) и о своем терпении! Так как среди коринфян были такие, которые много думали о себе, и, ставя себя выше апостола, говорили о нем, что он только величается, а ничего не значит и ничему здравому не учит (что и было особенным признаком их развращения), то смотри, как он начинает обличать их. «Я же, Павел» («Сам же аз Павел»). Замечаешь ли, сколько тут веса, сколько достоинства? Хочет же сказать он следующее: «Прошу вас, не заставьте и не допустите меня употребить власть мою против тех, которые

унижают нас и думают, что мы живем по плоти». Это выражено здесь сильнее, нежели сказанное в угрозу им в первом его послании: «Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?»; («с палицею ли прииду к вам, или с любовью и духом кротости?») «Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились» («Яко не грядущу ми к вам разгордешася нецыи»); «приду к вам... и испытаю не слова возгордившихся, а силу» («Прииду же..., и разумею не слово разгордевшихся, но силу») (1Кор.4:21, 18–19). И здесь выражает он то и другое: и власть свою, и любомудрие, и терпение, когда с такою заботливостью просит не доводить его до необходимости придти и показать над ними грозную власть свою, т. е., поразить их, истязать и подвергнуть крайнему наказанию. Это именно дает он понять словами: «Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти» («молю же, да не присуц дерзаю надеянием, имже помышляю смети, на некия непщующия нас, яко по плоти ходящих»).

Но обратимся опять к первым словам: «Я же, Павел» («сам же аз Павел»). Много силы и веса в этих словах. Подобные выражения употребляет он и в других местах, например: «Вот, я, Павел, говорю вам» (Гал.5:2); или еще: «как я, Павел старец» («якоже Павел старец») (Флм.1:9); или в другом месте: «ибо и она была помощницею многим и мне самому» («сия заступница многим бысть, и самому мне») (Рим.16:2). Так и здесь: «Я же, Павел». Важно уже и то, что он сам просит; но гораздо важнее присовокупляемое: «кротостью и снисхождением Христовым» («кротостию и тихостию Христовою»). Желая сильнее пристыдить их, но упоминает о кротости и снисходительности, и тем придает своему прошению еще большую силу. Он говорит как бы так: «Устыдитесь самой кротости Христовой, которою умоляю вас». Сказал же это с намерением вместе показать, что, хотя они и тысячекратно вынуждают его к строгости, но сам он более склонен к кротости, и не наказывает их не потому, чтобы не имел силы, но потому, что кроток, и потому, что так делал Христос. «Который лично между вами скромн, а заочно

против вас отважен» («Иже в лице убо смирен в вас, не сый же дерзаю в вас»). Что он хочет сказать этим? Или говорит иронически собственными их словами, так как они говорили о Павле, что когда он лично присутствует, то не заслуживает никакого уважения, ничтожен и достоин презрения, а в отсутствии гордится, ведет себя величаво, нападает на нас и угрожает. На это намекает он и далее, говоря: "Так как *некто* говорит: в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна» («яко послания убо, рече, тяжки..., а пришествие тела немощно, и слово уничижено») (2Кор.10:10).

Итак, или говорит иронически, показывая великое огорчение: «Я человек смиренный и ничего не значащий при личном свидании, как они говорят, а в отсутствии высокий», – или, если и говорит о себе с важностью, то не по высокоумию, а по доверию к ним. «Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти» («Молю же, да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети, на некия непщующия нас, яко по плоти ходящих»). Замечаешь ли, какое негодование выражается в этих словах, и какое ясное обличение? «Прошу вас, – говорит, – не заставляйте меня доказывать, что я, и лично находясь у вас, силен и имею власть. Так как некоторые у вас говорили, что я, не находясь у вас, – выражаясь их же словами, – дерзок и величав, то прошу, не заставьте меня употребить мою силу». Такой именно смысл имеют слова: «твердой смелости». И не сказал: «которую я приготовил», но – «которую думаю употребить». «Я еще не решился на это, а вы сами подаете мне повод; но, несмотря и на это, я не желаю». А так поступал он, не себя только защищая, но и Евангелие. Если же и тогда, когда нужно защитить проповедь (евангельскую), он не является строгим, но уступает, выжидает, и просит не доводить его до такой необходимости, то тем более никогда не поступил бы строго, защищая себя самого.

2. «Итак, сделайте мне милость, – говорит, – не вынуждайте меня показать вам, что и при личном свидании могу поступить

смело, с кем должно, т. е., подвергнуть истязанию и наказанию». Видишь ли, как он был не честолобив, не делал ничего из тщеславия, как, и при необходимости (поступать строго), называет строгость смелостью? "Прошу, – говорит, – чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых» («Молю же да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети на некия»). Главный долг учителя – не тотчас наказывать, но исправлять, и всегда выжидать и быть медленному в наказаниях. Кто же эти «некоторые» ("некия"), которым он угрожает? «Помышляющие о нас, – говорит, – что мы поступаем по плоти» («Непщующия нас яко по плоти ходящих»). Они клеветали (на Павла), будто бы он лицемерен, лукав и горд. «Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем» («Во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуем») (2Кор.10:3). Здесь уже и устрашает наказанием. «Правда, что мы облечены плотию, – говорит он, – не отвергаю этого; но не по плоти живем». Впрочем, и этого не сказал, но скрывает до времени, потому что это относится к похвале его жизни, а рассуждает о проповеди, показывая, что она не человеческое дело и не имеет нужды в земной помощи. Потому не сказал: «не по плоти живем», но (говорит): «не по плоти воинствуем», т. е., «мы ведем войну и вступили в брань, но сражаемся не плотским оружием, не с помощью человеческих сил». «Оружия воинствования нашего не плотские» («Оружия бо... наша не плотская») (2Кор.10:4).

А какое плотское оружие? Богатство, слава, власть, красноречие, важность, происки, ласкательства, лицемерие, и тому подобное. «Но наши оружия не таковы». Каковы же? «Сильные Богом». Не сказал: «мы не плотские», но: «оружия наши», потому что, как я заметил, он рассуждает пока о проповеди, и всю силу ее приписывает Богу. И не говорит: «(оружия наши) духовные», хотя бы и так надлежало сказать в противоположность плотскому, – но "сильные", давая чрез это разуместь и то, (что они духовны), а вместе с тем показывая, что оружия его противников слабы и бессильны. Смотри же, как он чужд гордости. Не сказал: «мы сильны», но: «оружия наша сильны Богом», – «не мы сделали их такими, а сам Бог». Так как

они были мучимы, изгоняемы, претерпевали бесчисленные и жесточайшие бедствия, а все это обнаруживало их слабость, то, желая показать силу Божию, говорит: «но сильны Богом». «Сила Его в том особенно и открывается, что Он побеждает ими. Таким образом, если и мы носим эти оружия, то сражается и действует ими сам (Бог)». Далее (апостол) распространяется в похвалах этому оружию, говоря: «на разрушение твердынь» («на разорение твердем»). И чтобы кто-нибудь, слыша о твердынях, не вообразил чего-либо чувственного, присовокупляет: "*ими* ниспровергаем замыслы» («помышления низлагающе»).

Иносказанием он придает силу речи, а изъяснением его показывает, что брань их духовна. Твердыни эти поражают души, а не тела. И так как они гораздо крепче твердынь вещественных, то и оружие требуется лучшее. Твердынями же называет он гордость эллинов, и силу их софизмов и силлогизмов. И, однако, все это орудия, употребляемые против них, (Бог) низложил. "*Ими* ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия» («Помышления низлагающе, и всяко возношение взимающееся на разум Божий») (2Кор.10:4–5). Держится иносказания, чтобы придать большую силу речи. Хотя бы то были твердыни, или башни, или что другое, говорит он, – все уступает этому оружию. «И пленяем всякое помышление в послушание Христу» («И пленяюще всяк разум в послушание Христово»). Слово «пленение» имеет невыгодный смысл, потому что пленение есть отнятие свободы. Почему же (апостол) употребил это слово? Он употребил его в другом значении. Слово «пленение» имеет двоякое значение: оно означает и потерю свободы, и такое отнятие силы, после которого нельзя уже восстать. В этом последнем значении употребил его (апостол). Подобно тому как, когда говорит: «Другим церквам я причинял издержки» («от иных церквей уях») (2Кор.11:8), он не понимает, что взял тайно, но что явно отнял, все взял, так и здесь говорит: "пленяем", – поскольку борьба не равна, но весьма легка. Не сказал: «ниспровергаем (низлагаем) одно или два», но – «всякое превозношение» («всяко возношение»); равным образом не сказал только: «мы побеждаем и одерживаем верх», но –

"пленяем", подобно тому, как и прежде не сказал: «выдвигаем орудия против твердынь», но – «разоряем (твердыни), потому что у нас великое изобилие орудий; мы сражаемся не словами, но делами против слов, не мудростью плотскою, но духом кротости и силы». «Поэтому, какая мне нужда, – продолжает он, – превозноситься, величаться на словах и угрожать посланиями, – как они клеветали, говоря, что «в посланиях он строг и силен» («послания тяжки»), – когда сила наша состоит вовсе не в этом?»

3. Так как в выражении: «и пленяем всякое помышление в послушание Христу» («пленяюще всяк разум в послушание Христово») слово "пленяем" тяжело, то иносказание он тотчас объяснил словами: «в послушание Христу», то есть, от рабства к свободе, от смерти к жизни, от гибели к спасению. «Мы пришли, – говорит он, – не для того только, чтобы низложить противников, но чтобы привести их к истине. «И готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится» («И в готовности имущие отмстить всяко преслушание, егда исполнится ваше послушание») (2Кор.10:6). Здесь (апостол) устрашает не только тех (клеветавших на него), но и их (коринфян). «Мы, – говорит он, – ожидаем вас, чтобы, когда вы по нашим наставлениям и угрозам исправитесь, очиститесь и прекратите общение с ними (клеветниками), тогда, отделивши их одних, подвергнуть наказанию только неисцельно страждущих, как скоро совершенно узнаем, что вы от них отстали, потому что хотя и теперь повинуетесь, но не вполне. Скажешь: «Если бы ты это сделал теперь, то больше бы принес пользы?» Нисколько; если бы теперь я сделал это, то и вас подверг бы наказанию. «Должно было, – (скажете), – наказать их, а нас пощадить?» Но если бы я пощадил вас, то могли бы подумать, что я поступил так с вами только по снисхождению. Теперь же не того желаю, а прежде – исправить вас, и потом уже приступить к наказанию тех». Что можно представить снисходительнее этой милости? Так как видит, что близкие ему вошли в общение с противниками, то хочет нанести удар, но щадит и удерживает гнев, доколе они не отделятся от противников, чтобы этих только и наказать, или лучше – и их не

наказывать. Для того он угрожает и близким, для того и говорит, что одних их желает возвратить себе, чтобы и те, исправленные страхом, переменились, и, таким образом, ни на кого не излился бы гнев его.

Во всем он поступал как искусный врач, как общий всем отец, покровитель и защитник: столько заботился обо всех! Повсюду устранял препятствия, умирал (людей) зловердных, везде бывал сам. И не борьбою достигал своей цели, но, как бы идя на легкую и готовую победу, воздвигал победные памятники, ниспровергал, разрушал, рассыпал твердыни диавола и козни демонов, и всех пленных переводил в воинство Христово. Даже и на малое время не давал себе покоя, быстро переходил от одних к другим, а от этих опять к иным, и, как опытный вождь, ежедневно, или, лучше, – ежечасно, воздвигал победные памятники. В одном только хитоне вступив в воинские ряды, он брал города противников вместе с их жителями. Луком, копьем, стрелами и всем был язык Павлов. Он говорил только, и речи его поражали противников сильнее всякого огня; он изгонял демонов, а людей, ими одержимых, приводил к себе. Когда изгнал он злого духа (в Ефесе), собралось пятьдесят тысяч человек, занимавшихся тайными знаниями, сожгли волшебные книги и обратились к истине. И как на брани, когда падают стены крепости или низложен тиран, все находящиеся при нем бросают оружие и переходят к вождю противной стороны, так было и тогда. Как только изгнан был злой дух, все содержимые им в осаде, бросивши книги, или, лучше сказать, истребивши их, прибегли к ногам Павловым. А он, сражаясь с целою вселенной, как бы с одним воинством, нигде не останавливался, но, точно носимый на крыльях, делал все: то исцелял хромого, то воскрешал мертвого, то наказывал слепотою, – я разумею волхва (Деян.13). Даже и будучи заключен в темницу, не оставался в бездействии, но и там привлек к себе стража темницы, продолжая захватывать людей в этот прекрасный плен.

4. Итак, будем и мы по возможности подражать ему. Но что говорю – «по возможности»? Всякому, кто только пожелает,

можно приблизиться к нему, высмотреть его искусство и перенять его мужество. Ведь и доселе еще делает он то же: «ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия» («помышления низлагающе, и всяко возношение, взимающееся на разум Божий»). И хотя многие из еретиков задавались намерением терзать его, но, и расторгнутый по членам, являет он великую силу. Пользовались им и Маркион и Манихей, но – рассекши на части; однако и самыми этими частями они обличаются. Так, и одна рука доблестного этого мужа, находясь у них, гонит их с величайшей силою, и одна нога, находясь у других, преследует их и низлагает, чтобы ты познал богатство силы его, равно как и то, что, и на части рассеченный, он силен истребить всех противящихся ему. «Но это, – скажешь, – показывает неискренность, если препирающиеся между собою все пользуются тем же (Павлом)». Да, неискренность, но не Павлову, а тех, кто пользуется им. У самого (Павла) нет запутанности и неопределенности; он прост и ясен; напротив они перетолковали слова его по своим понятиям.

Но для чего же он говорил так, что подал повод любящим споры? Не он подал, а собственное их безумие, потому что они употребили слова его не так, как должно. Так, и весь этот мир дивен и велик, и явно открывает в себе Божию премудрость, и «небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь; день дню передает речь, и ночь ночи открывает знание» («небеса поведают славу Божию,... и день дни отрыгает глагол, и ночь ночи возвещает разум») (Пс.18:2–3), и, однако, многие преткнулись и об это, и имели противные одно другому (заблуждения). Иные дивились ему сверх меры до того, что почли его за Бога; а другие так мало признавали в нем красоты, что не почитали его делом достойным Божия творения, и приписывали большую часть его какой-то злой материи. Между тем Бог и тех и других предохранял (от заблуждения), создав мир с одной стороны прекрасным и великим, чтобы не могли почитать его несоответствующим Его премудрости, с другой – и имеющим недостатки, и не самодовлеющим, чтобы не почитали его за Бога. И, однако, люди, ослепившись своими

помышлениями, впали в противные мнения; обличая и порицая друг друга, они защищают и Божию премудрость, и те умствования свои, которые увлекли их в заблуждения.

Но что говорю о солнце и небе? Сколько чудес видели у себя пред глазами иудеи, и вскоре поклонились тельцу! Или – видели они, что Христос изгонял бесов, и, однако, называли Его бесноватым (Ин.8:48). Но это служит не в предосуждение Изгонявшему (бесов), а в обвинение ослепленных умом. Поэтому не осуждай и Павла за мнения тех, которые во зло употребляли слова его, но постарайся вполне узнать его сокровище и раскрыть его богатство; и тогда, огражденный его оружием, ты мужественно противостоянешь всем, сможешь заградить уста и эллинам и иудеям. «Чем же, – спросишь, – когда они не верят ему?» Указанием на то, что он совершил для них, и для исправления целой вселенной. В самом деле, не человеческая сила могла произвести столь великие дела, но сила Распятого, одушевлявшая (Павла), соделала его таким, что он стал сильнее и риторов, и философов, и тиранов, и царей, и всех властителей. И он мог не только облекаться в оружие и низлагать противников, но и других делать победителями. Итак, чтобы стать полезными и для себя самих и для других, будем непрестанно иметь его в руках и услаждаться его писаниями, как бы прекрасным лугом или садом. Таким образом сможем и избавиться от порока, и возлюбить добродетель, и получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 22

2Кор.10:7. На личность ли смотрите? Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы.

Ничего нет противнее, как если кто хвалит себя самого. – Как некоторые порицали Павла, и как он оправдывался.

1. Что особенно достойно удивления в Павле при всем другом – это то, что, будучи поставлен в большую необходимость хвалить себя, он достигает двоякой цели: т. е., и себя хвалит, и вместе такую похвалою самому себе не делается обременителен для других. Это можно видеть особенно в послании к Галатам. И там, коснувшись того же предмета, он заботится, – что особенно трудно, и требует большого благоразумия, – о том и о другом, т. е., и скромность соблюдает, и говорит о себе нечто великое. Но смотри, с каким величием и здесь делает это: «На личность ли смотрите?» («яже пред лицом зрите?»). Замечай и здесь благоразумие. Обличивши тех, кто обольстил их (коринфян), он не останавливает на них своего слова, но переходит от обольстивших и к обольстившимся. Так поступает он и всегда – обличает не только виновников заблуждения, но и введенных в заблуждение. Если бы он не подверг ответственности и этих последних, то их не так бы легко исправил сказанное другим; они даже возгордились бы, как не подвергшиеся обвинению. Поэтому и их обличает. И не это только достойно удивления (в Павле), но и то, что он употребляет обличения, какие приличны тем и другим. Послушай, что говорит (вдавшимся в обман): «На личность ли смотрите?» («яже пред лицом зрите?»). Не малое, но очень большое обвинение! Почему? Потому что род человеческий очень легко впадает в обман. Смысл же слов его таков: «Вы судите по наружности, по плотским, по телесным (отношениям)». Что значит «по наружности»? Если кто богат, если кто надмевается, если кого окружает толпа льстецов, если кто хвалит сам себя, ищет пустой славы, если кто лицемерно притворяется добродетельным, не имея в себе добродетели –

это и означают слова: «На личность ли смотрите?» («яже пред лицом зрите?»). «Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы» («Аще кто надеется себе Христова быти, да помышляет паки от себе, зане якоже он Христов, такожде и мы»). (Апостол) не хочет вдруг показать себя строгим, но мало-помалу усиливает и возвышает (речь). И смотри, какая здесь резкость в выражении и многознаменательность. Выражением: «сам по себе» ("от себе") он хочет сказать следующее: «Пусть не ожидает узнать от нас, т. е. из нашего ему выговора, но пусть судит о том сам по себе, что как он Христов, так и мы, – не потому, чтобы он был так Христов, как и тот, но «что, как он Христов, так и» я Христов. В этом мы одинаковы, и нельзя сказать, что он Христов, а я принадлежу кому-то другому». Но, показав это равенство, выставляет на вид и преимущество, говоря: «Ибо если бы я и более стал хвалиться нашею властью, которую Господь дал мне к созиданию, а не к расстройству вашему, то не остался бы в стыде» («аще бо и лишше что похваляюся о власти..., юже даде... Господь в создание, а не на разорение..., не постыжуся») (2Кор.10:8). Посмотри, как он смягчает речь свою, намереваясь сказать о себе нечто великое.

Действительно, ничто так не противно для многих из слушателей, как похвала самому себе. Поэтому, устраняя неприятность, (апостол) и говорит: «если бы я и более стал хвалиться» («аще бо и лишше что похваляюся»). Не сказал: «если кто уверен в себе, что он Христов, пусть рассудит, что он далеко еще отстоит от нас, потому что я получил от Господа столь великую власть, что могу наказывать и предать смерти, кого хочу». А что сказал? «Если бы я и более стал» («Аще и лишше что»). Хотя и выразить нельзя, сколь великую имел он (власть), но в словах своих он уменьшает ее. Не сказал также: «хваляюсь», но: «если бы стал хвалиться» («аще похваляюся»), – «если захочу (похвалиться)». А таким образом соблюдает вместе и скромность, и показывает свое преимущество. «Ибо если бы я и более стал, – говорит, – хвалиться властью, которую Господь дал мне" («Аще бо похваляюся о власти, юже даде... Господь»). Опять все приписывает Богу, и дар делает

общим, говоря: «к созиданию, а не к расстройству» («в создание, а не на разорение»). Видишь ли, как он опять успокаивает зависть, какую мог бы возбудить похвалою себе, и привлекает к себе слушателя, указывая на пользу, для которой получил он власть? А как же он говорит: «ниспровергаем замыслы» («помышления низлагающе»)? Это особенно является одним из видов созидания – уничтожать препятствия, обличать гнилое, и утверждать одно истинное. «К созиданию» («В созидание»). «Итак, для того получили мы власть, чтобы созидать. Если же кто будет упорствовать, сопротивляться и не подавать никакой надежды на исправление, то употребим и другую силу: низложим и ниспровергнем его». Поэтому и присовокупляет: «не остался бы в стыде» («не постыжуся»), т. е., «не оказался бы ни лжецом, ни тщеславным». «Впрочем, да не покажется, что я устрашаю вас *только* посланиями. Так как *некто* говорит: в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна, – такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично» («Но да не явлюся, яко страша вас..., яко послания убо, рече, тяжки и крепки, а пришествие тела немощно, и слово уничижено: сие да помышляет таковый, яко яцы же есмы словом посланий отстояще, таковии и ту суще делом») (2Кор.10:9–11). Смысл этих слов такой: «Я мог бы похвалиться; но чтобы не стали опять говорить, будто в посланиях я величаюсь, а при личном свидании ничего не значу, то не буду говорить о себе ничего великого». Правда, впоследствии он говорил, но не о силе, по которой он был страшен, а об откровениях, и еще более об искушениях.

«Итак, чтобы не показалось, что я устрашаю вас, «такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично» («сие да помышляет таковый, яко яцы же есмы словом посланий отстояще, таковии и ту суще делом»). Так как о нем говорили, что в посланиях своих он пишет о себе много великого, а при личном свидании не стоит никакого внимания, то он и говорит эти (приведенные выше слова), но впрочем, опять с большою скромностью. Не сказал: «Как пишем к вам о великих делах, так и находясь лично с

вами, делаем великие дела», но выразился гораздо скромнее. Когда обращал речь к тем, (которые почитали его человеком плотским), тогда употребил сильные выражения: «Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых» («молю же, да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети на некия») (2Кор.10:2). А обращаясь к этим, поступает снисходительнее, почему и говорит: «каковы мы лично с вами, таковы и заочно, т. е., мы смиренны, скромны, ничем не тщеславимся». И это видно из последующих слов: «Ибо мы не смеем сопоставлять или сравнивать себя с теми, которые сами себя выставляют» («не смеем бо присовокупляти или прикладовати себе иным хвалящим себе самех») (2Кор.10:12).

2. Здесь (апостол) показывает, что они и тщеславны, и много говорят о себе, и укоряет их за то, что сами себя хвалят. «А мы, – говорит, – ничего такого (не делаем), а если что великое и сделали, то все приписываем Богу, и равняем себя друг с другом». Поэтому и присовокупляет: «они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно» («но сами в себе себе измеряюще, и прилагающе себе самим себе, не разумевают»). Смысл этих слов такой: «Мы не с ними равняем себя, но друг с другом». Так он и ниже говорит о себе: «у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов» («ничимже лишихся первейших апостол») (2Кор.12:11); равно как и в первом послании: «я более всех их потрудился» («паче всех их потрудихся») (1Кор.15:10); и еще: «признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением» («знамения апостола содеяшася в вас во всяком терпении») (2Кор.12:12). «Так, мы сравниваем себя сами с собою, а не с ними, которые ничего не имеют. А такое высокоумие их свойственно только безумию».

Итак, он говорит это или о себе, или о них, т. е., что «мы не смеем сравнивать себя с теми, которые друг с другом препираются, тщеславятся, и между тем не разумеют (что делают), т. е. не видят, как они смешны, когда так тщеславятся и превозносятся друг пред другом. «А мы не без меры хвалиться будем» («Мы же не в безмерная похвалимся»)

(2Кор.10:13), как они». Вероятно, в похвалу свою они говорили: «Мы обратили вселенную, мы доходили до пределов земли», и много другого подобного разглашали о себе. «Но мы, – говорит (апостол), – не так, «но по мере удела, какой назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до вас» («но по мере правила, егоже раздели нам Бог меру, достигати даже и до вас»). И, таким образом, с двух сторон открывается его смиренномудрие, с одной – в том, что он не говорит о себе ничего более того, что сделал, с другой – в том, что и это (сделанное им) приписывает Богу: «По мере удела ("правила"), – говорит, – какой назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до вас» («егоже раздели нам Бог меру, достигати даже и до вас»). «Как земледельцам разделяет (Бог) виноградные сады, так и каждому из нас назначил свой удел. А потому мы и хвалимся не большим чем-либо, но тем, чего дано нам достигнуть». «Ибо мы не напрягаем себя, как не достигшие до вас, потому что достигли и до вас благовествованием Христовым» («Не яко бы не досяжуще до вас, паче простираем себе: даже и до вас достигохом благовестием Христовым») (2Кор.10:14).

«Не только были мы у вас, но и благовествовали, проповедовали, убеждали, исправляли». Вероятно, порицавшие Павла просто только приходили к ученикам апостольским, и вследствие этого одного прихода весь успех дела приписывали себе. «Но мы, – говорит (апостол), – не так поступили: никто не может сказать нам, что мы не могли придти к вам, и что только на словах распространяем похвалу свою и до вас, потому что мы и вам проповедовали слово (веры)». «Мы не без меры хвалимся, не чужими трудами, но надеемся, с возрастанием веры вашей, с избытком увеличить в вас удел наш, так чтобы и далее вас проповедывать Евангелие, а не хвалиться готовым в чужом уделе» («Не в безмерная хвалящаяся, не в чуждих трудех, упование же имуще, растущей вере..., в вас величатися по правилу нашему изобильно, во еже и в дальших вас благовестити, не чужим правилом в готовых похвалитися») (2Кор.10:15–16). В этих словах (апостол) высказывает сильное обвинение (своим порицателям), что они и хвалились без меры, и хвалились чужим, и что, хотя весь труд принадлежал

апостолам, они хвалились их трудами. «Но мы, – говорит (апостол), – доказали это делами. Итак, не будем подражать им; а станем напротив говорить то, о чем свидетельствуют самые дела. И что говорю: «достигли и до вас» («достигохом до вас»)? Имею надежду, что с возрастанием веры вашей, – не прямо утверждает, но, следуя своему обыкновению, говорит, – надеюсь, что, когда вы возрастете в вере, – удел наш и далее распространится, и будем проповедовать Евангелие дальним. Мы пойдем и далее, – говорит он, – чтобы проповедовать и потрудиться, а не тщеславиться тем, над чем трудились другие». Прилично назвал он труд свой правилом (уделом) и мерю, как вступивший в обладание вселенною, и получивший прекрасное наследие, показывая тем, что все это есть дело Божие.

«Итак, – говорит, – имея таковые дела и ожидая еще больших, мы не тщеславимся, подобно тем, которые ничего не имеют, и ничего не приписываем себе, но все (приписываем) Богу». Поэтому и присовокупляет: «Хвалящийся хвались о Господе» («хваляйся же, о Господе да хвалится») (2Кор.10:17). «И то (чтобы хвалиться), – говорит он, – дается нам от Бога: «Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь» («не хваляй бо себе, сей искусен, но егоже Господь восхваляет») (2Кор.10:18). Не сказал: «мы (достойны похвалы)», но – «кого хвалит Господь». Видишь ли, с каким смирением говорит он? А если далее он начинает говорить о себе возвышеннее – не удивляйся. И в этом видно благоразумие Павлово. Если бы он всегда стал говорить о себе со смирением, то так не устранил бы их, и не освободил бы учеников своих от заблуждения. Бывает, что и тот, кто не во время скромно, причиняет вред; и напротив, тот, кто во время говорит о себе нечто удивительное, приносит пользу. Так поступал и он. Действительно, опасность была немалая, если бы ученики поверили какому-нибудь дурному слуху о Павле. И не потому это, чтобы Павел искал славы человеческой; если бы он ее искал, то не стал бы молчать столь долгое время о великих и дивных событиях, случившихся с ним за четырнадцать лет; равно как не стал бы так медлить и неохотно

говорить об этом, когда была даже нужда. Очевидно, что и тогда он не сказал бы этого, если бы не видел крайней нужды.

Итак, не славы человеческой искал он, когда говорил это, но заботился об учениках. Так как на него клеветали, что он самохвал, величается только на словах, а делами ничего не может доказать, то он находит необходимым наконец сказать о бывших ему откровениях. Хотя он мог бы убедить их и самыми делами, когда говорил это, однако ограничивается одними словесными угрозами, так как он особенно был чужд тщеславия, что показывает вся его жизнь, и прежняя и последующая. Потому-то он так внезапно и обратился к вере во Христа, и своим обращением изумил иудеев, и презрел все почести, какими пользовался у них, хотя был главою и представителем их. Но ни о чем этом он не подумал, как скоро нашел истину, а (всю славу) променял на обиды и бесчестие от них. Он имел в виду спасение многих (людей), и предпочитал это всему. Да и мог ли гоняться за славою человеческою тот, кто и геенну и царство, и бесчисленные миры считал ни за что в сравнении с любовью ко Христу? Без сомнения, не мог. Напротив, он весьма смиренен, когда только можно; и сам выставляет на показ прежнюю свою жизнь, называя себя хулителем, гонителем и обидчиком (1Тим.1:13). Ученик его Лука многое о нем повествует, очевидно, узнав от него самого, рассказывавшего о прежней своей жизни не меньше, чем и о последующей.

3. Говорю же это не для того только, чтобы слышали, но и чтобы назидались. Если Павел помнил грехи свои, соделанные до крещения, хотя они и совершенно были изглажены, то какое можем получить прощение мы, которые не помним грехов и по крещении сделанных? Что ты говоришь, человек? Ты оскорбил Бога, и забываешь его? Это новое оскорбление, новая вражда! В каких же грехах просишь себе прощения? В тех ли, которых не знаешь и сам? Истинно так. Ты, конечно, не заботишься и не помышляешь о том, как дать отчет во грехах, когда не стараешься даже и помнить о них, но шутишь тем, над чем не должно шутить. Но придет время, когда не пойдут уже нам на мысль шутки. Ведь нам непременно должно умереть (в виду крайней бесчувственности многих приходится говорить и об

известном), непременно должно и воскреснуть, непременно должно и на суд предстать, должно и мучению подвергнуться. Впрочем, последнее не непременно, если захотим. В первом, т. е., в смерти нашей, в воскресении и в суде, властны не мы, но Владыка наш; а чтобы подвергнуться наказанию, или нет, зависит от нас, потому что это принадлежит к области возможного. Если захотим, сделаем и невозможным, как сделали Павел, Петр и все святые, поскольку им невозможно уже подвергнуться мучению. Так вот, если захотим, и нам равным образом невозможно будет пострадать что-нибудь. Хотя бы мы обременены были бесчисленными грехами, можно еще исправиться, пока живем здесь. Итак, постараемся исправить себя.

И кто достиг старости, пусть представляет себе, что скоро переселится отсюда, и что довольно уже насладился приятностями жизни (хотя какое удовольствие проводить жизнь в грехе? но я говорю так, соображаясь с его образом мыслей), пусть затем помыслит, что и в короткое время можно ему омыть все свои скверны. Пусть и юноша опять представит себе неизвестность смертного часа, и что, когда часто многие из старцев пребывают еще здесь, юноши прежде их похищаются смертью. Чтобы мы не злоупотребляли временем нашей кончины, оно оставлено для нас неизвестным. Потому и один премудрый в увещание наше говорит: «Не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день» («не медли обратиться ко Господу, и не отлагай день от дне») (Сир.5:8): «потому что не знаешь, что родит тот день» («не веси бо что породит находяй день») (Притч.27:1). Отлагательство производит опасение и страх, а немедленно обращение (к Богу) – верное и надежное спасение.

Итак, держись добродетели; в таком случае, хотя бы ты в юности переселился отсюда, переселишься безопасно; хотя бы ты достиг старости, переселишься обогащенный, и во всю жизнь будешь иметь сугубый праздник, и как воздержавшийся от порока, и как возлюбивший добродетель. Не говори: «Будет еще время, когда должно обратиться»; такие слова весьма прогневляют Бога. Почему? Потому что Он обещал тебе

бесконечные веки, а ты не хочешь потрудиться и в продолжение настоящей жизни, краткой и скоропреходящей, и оказываешься так нерадив и малодушен, что ищешь даже этой кратчайшей жизни. Не те же ли самые у тебя ежедневно пиршества? Не те же ли столы? Не те же ли блудницы? Не те же ли зрелища? Не те же ли деньги? Долго ли будешь любить это, как нечто вечное? Долго ли будешь иметь ненасытную похоть ко греху? Помысли, что сколько раз ты соблудил, столько же раз осудил сам себя, потому что таково именно свойство греха: едва он совершен, как судия произносит уже приговор. Ты упивался, предавался пресыщению, похищал чужое? Остановись же, наконец, обратись на противный путь, воздай благодарение Богу, что не восхитил тебя из среды живых при самом совершении грехов, и не желай, чтобы дано было тебе еще время делать зло. Многие лишились жизни в то самое время, как предавались корыстолюбию, и отошли на явное мучение. Бойся, чтобы и тебе не подвергнуться тому же без всякой надежды на оправдание. Но многим, скажешь, Бог дал время и в самой глубокой старости раскаяться. Что же? Разве и тебе даст? «Может быть, даст», – говоришь ты. Что за слова: «может быть, когда-то, часто»? Подумай только, что дело идет о душе твоей; представь же себе и противное, размысли и скажи: «А что, если не даст?» Но ты опять говоришь: «А что, если даст?» Положим, что и дал бы (Бог); но немедленное обращение и безопаснее и полезнее позднего. В самом деле, если ты уже начал его, то во всяком случае для тебя это полезно, получишь ли, или не получишь отсрочку. Если же ты всегда откладываешь, то, может быть, за это самое не получишь (отсрочки).

Отправляясь на войну, ты не говоришь: «Не нужно делать духовного завещания – может быть, возвращусь»; собираясь жениться, не говоришь: «Возьму жену бедную – многие, несмотря и на это, сверх чаяния сделались богатыми»; намереваясь строить дом, не говоришь: «Построю на гнилом основании – многие дома стояли и так». А когда идет дело о душе, утверждаешься на чем-то гнилом: на «может быть», «часто», «когда-то», и вверяешь себя неизвестному. «Не

неизвестному, – скажешь ты, – но Божию человеколюбиею, потому что Бог человеколюбив». Знаю это и я; но и при человеколюбии Своем Он изъял (из среды живых) тех, о ком я сказал. А что, если ты, и долго проживши, останешься таким же? Ведь кто беспечен теперь, тот и в старости будет таков же. Нет, говоришь ты. Но рассуждающий так, прожив до восьмидесяти лет, отложит до девяноста, а прожив до девяноста, отложит до ста, а после ста лет будет еще беспечнее. И таким образом вся жизнь твоя истрачена будет попусту, и на тебе исполнится то, что сказано было об иудеях: «И погубил дни их в суете» («исчезоша в суете дние их») (Пс.77:33). И хорошо еще, если только в суете, а не во зле. Если же отойдем туда с тяжким бременем грехов (а это и значит – во зле), то доставим пищу огню и обильную трапезу червю. Поэтому прошу и молю вас – стать, наконец, мужественно, и отстать от греха, чтобы получить нам обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 23

2Кор.11:1. О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне.

Почему Павел говорит о себе различным образом. – Почему любостяжание называется корнем всех зол.

1. Намереваясь говорить в похвалу себе, (апостол) употребляет много оговорок. И не раз или два оговаривается, хотя достаточно оправдывали его как самая необходимость дела, так и то, что многократно говорил он прежде. В самом деле, и то, что он поминал о своих грехах, которых не помянул Бог, и то, что называл себя за них недостойным даже наименования апостольского, и для самых нечувствительных делало очевидным, что он не для прославления своего будет говорить то, что намерен теперь сказать. Похвала себе самому, хотя и странно сказать, всего более повредила бы его славе, притом она оскорбительна для многих. И, однако, он не посмотрел ни на что, но имел в виду только одно – спасение слушателей. Итак, чтобы, восхваляя себя, не соблазнить тем нерассудительных, он часто употреблял множество таких оговорок, и здесь говорит: «О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне» («о да бысте мало потерпели меня но и потерпите»). Видишь ли благоразумие его? Сказать: «о, если бы вы несколько были» («о да бысте») – значит, предоставить дело на их волю; а сказать утвердительно «снисходите» («потерпите») свойственно твердо надеющемуся на их любовь, и показывает уже, что он любит их, и ими взаимно любим. И не просто по обыкновенной какой-нибудь любви, но по любви самой пламенной и неудержимой: говорит, что они должны потерпеть даже и его безрассудствующего. Поэтому и присовокупил: «Ибо я ревную о вас ревностью Божию» («ревную бо по вас Божию ревностию») (2Кор.11:2). Не сказал: «люблю вас», но употребил гораздо сильнейшее (выражение).

Ревнивы те души, которые сильно пламенеют к любимым ими; и ревность может рождаться не иначе, как от сильной

любви. Притом, чтобы не подумали, что он ищет их любви для власти, или чести, или денег, или чего-нибудь подобного, присовокупил: «Божиею ревностью». И Богу приписывается ревность не для того, чтобы ты представлял в Боге какую-нибудь страсть (Божество бесстрастно); но чтобы все знали, что Бог все делает не ради чего-либо другого, а ради тех самих, о ком ревнует, и не для того, чтобы получить самому какую-нибудь прибыль, а чтобы их спасти. Не такова ревность человеческая; она имеет целью собственное успокоение, не то, чтобы не были оскорблены любимые, но чтобы любящие не потерпели чего, и не потеряли уважения, или не унизились в глазах любимых. Здесь же иначе. «Я не о том забочусь, – говорит (апостол), – чтобы мне не унизиться в вашем мнении, но о том, чтобы не увидеть вас растленными (от лжеучителей). Такова ревность Божия, такова и моя ревность – она сильна, и вместе чиста». Затем следует и необходимая тому причина: «потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» («обручих бо вас единому мужу деву чисту») – «Поэтому ревную не для себя, но для Того, кому обручил вас». Настоящее время есть время обручения, а время брачных чертогов другое, т. е., когда скажут: «восстал жених». Какая новость! В мире девы обыкновенно бывают только до брака, а после брака они уже не девы. А здесь не так. Хотя бы до брака и не были девами, но после брака делаются девами. Таким образом, вся Церковь есть дева, потому что (апостол) говорит это ко всем – и к женатым, и к замужним.

Посмотрим же, что принес он, когда обручил нас, какие дары? Не золото или серебро, но царство небесное. Потому и сказал: «Итак мы – посланники от имени Христова» («по Христе посольствуем») (2Кор.5:20). И он молит, когда хочет взять невесту. Образом этого служило то, что было с Авраамом. И тот также посылал верного раба для обручения языческой девы. И здесь Бог послал слуг Своих, чтобы они обручили Сыну Его церковь, а прежде посылал пророков, которые говорили: «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей» («слыши, дщи, и виждь,... и забуди люди твоя и дом отца

твоего, и возжелает царь доброты твоя») (Пс.44:11–12). Видишь ли пророка обручающего? Видишь ли и апостола, с великим дерзновением повторяющего то же и говорящего: «потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» («обручих вас единому мужу деву чисту представить Христови»)? Замечаешь ли опять благоразумие (апостола)? Сказавши: «вы должны снизойти ко мне», не прибавил: «потому что я ваш учитель», или: «ради себя говорю»; но употребил выражение, которое делало им особенную честь, представил себя в виде невестоводителя, а их – в виде невесты. И потом говорит: «Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, *уклонившись* от простоты во Христе» (боюсь же, да не како, якоже змий Еву прельсти лукавством своим, тако истлеют разумы ваши от простоты, яже о Христе») (2Кор.11:3). Хотя погибель угрожает вам собственно, но скорбь общая». Смотри – и здесь какое благоразумие! Он не сказал этого открыто, хотя они уже действительно были растленны, как можно видеть из слов: «когда ваше послушание исполнится» («егда исполнится ваше послушание»), также: «чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили» («восплачуся многих прежде согреших») (2Кор.10:6, 12:21); между тем, не попускает им оставаться и в ожесточении. Потому и говорит: "чтобы не" («да не како»). И не осуждает, и не умалчивает, поскольку и то и другое – и явно сказать, и совсем скрыть – равно небезопасно. Потому он и соблюдает средину, говоря: "чтобы не" («да не како»). Так именно свойственно говорить тому, кто ни слишком осуждает, ни слишком доверяет, но держится средины между тем и другим. Этими словами, таким образом, он успокаивал их; историческим же напоминанием (о Еве) приводил их в несказанный страх и отнимал у них всякий повод к извинению. Ведь хотя и змий был злобен, и Ева несмысленна, однако ничто не спасло жену (от обвинения).

2. «Итак, смотрите, – говорит (апостол), – не подвергнитесь и вы тому же: тогда ничто не защитит вас. И змий тем и обманул, что обещал много». Отсюда видно, что и лжеучители, хвалясь и надмеваясь, обольщали (коринфян). Об этом же

можно заключать не только отсюда, но и из дальнейших слов: «Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса, которого мы не проповедывали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, – то вы были бы очень снисходительны» («аще бо грядый инаго Иисуса проповедает, егоже не проповедахом, или духа инаго приемлете, егоже не приясте, или благовествование ино, еже не приясте, добре бысте потерпели») (2Кор.11:4). Не говорит: «чтобы вам не прельститься, как Адам»; но показывает, что они, как женщины, подверглись обольщению, потому что женщинам свойственно обольщаться. И не сказал: «так и вы обольщены»; но, продолжая иносказательную речь, говорит: «чтобы... и ваши умы не повредились, *уклонившись* от простоты во Христе» («да не како истлеют разумы ваши от простоты, яже о Христе»). «От простоты, – говорю, – а не от лукавства; не от злонамеренности, не от неверия вашего, но от простоты». Впрочем, и в этом случае не заслуживают извинения обольщаемые, как показал пример Евы. Если же это (обольщение) не заслуживает извинения, то тем более – кто впадает в обольщение по тщеславию. «Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса, которого мы не проповедывали» («Аще бо грядый инаго Христа проповедает, егоже не проповедахом»). Отсюда видно, что коринфяне не сами были причиной своего растления, но что посторонние обольстили их. Поэтому и говорит: "придя" ("грядый").

«Или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, – то вы были бы очень снисходительны *к тому*" (то уместно было бы снисхождение ваше) («Аще духа инаго приемлете, или благовествование ино, еже не приясте, добре бысте потерпели»). Что ты говоришь? Галатам сказал: «кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» («аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет») (Гал.1:9); а теперь говорит: «вы были бы очень снисходительны *к тому*" («добре бысте потерпели»)? Именно поэтому-то самому и надлежало бы не терпеть, а бежать. Если бы они говорили то же (что и ты), надлежало бы потерпеть. Как

же ты говоришь: «когда говорят то же, не должно терпеть»? А если бы говорили иное, должно было бы терпеть? Вникнем (в слова апостола). Пред нами великая опасность и глубокая пропасть: если оставим без исследования, то сказанное выше откроет вход всем ересям.

Итак, какая же мысль заключается в этих словах? Лжеучители хвалились, что апостолы учат несовершенно, а они, напротив, привносят нечто большее. Вероятно, они, пустословя о многом, внесли в догматы (веры) бессмысленные добавления. Потому-то (апостол) упомянул и о змие и о Еве, оболыщенной чаянием большего. На это намекал он и в первом послании, говоря: «вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас» («се обогатистесь, без нас воцаристесь») (1Кор.4:8), и еще: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе» («мы буи Христа ради, вы же мудри о Христе») (1Кор.4:10). И так как они, пользуясь внешнею мудростью, вероятно, много пустословили, то (апостол) и говорит: «Если бы они сказали что-нибудь лишнее, и проповедовали другого Христа, которого не должно проповедовать, а мы умолчали бы, «вы были бы очень снисходительны» («добре бысте потерпели»). С этим намерением он и присовокупил: «которого мы не проповедывали» («егоже не проповедахом»). А если у них те же основания веры, то какое преимущество? «Сколько бы они ни говорили, не скажут больше того, что мы уже сказали». И смотри, с какою точностью говорит об этом. Не сказал: «если бы пришедший стал говорить нечто большее, нежели мы», потому что (лжеучители) говорили нечто большее, с большею властью и с большею красотою в словах. Поэтому и не сказал так, а что (говорит)? «Если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса» («грядый инаго Иисуса проповедает»), – для чего не было нужды в красивом наборе слов, – «или если бы вы получили иного Духа» («или духа инаго приемлете»), – то есть, обогащает вас большими дарами благодати, для чего также не было нужды в красивых словах, – «или иное благовестие, которого не принимали» («или благовествование ино, еже не приясте»), – что точно также не требовало изящества слова, –

«вы были бы очень снисходительны к тому" («добре бысте потерпели»).

Смотри же, какое строгое наблюдается везде разграничение, из которого ясно видно, что они ничего лишнего и большего (пред апостолами) не сказали. Сказавши: «Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса» («аще грядый инаго Иисуса проповедает»), прибавил: «которого мы не проповедывали» («его же не проповедахом»); и к словам: «или если бы вы получили иного Духа» («или инаго духа приемлете»), присовокупил: «которого не получили» («егоже не приясте»); также сказавши: «или иное благовестие» («или благовествование ино»), присоединил: «которого не принимали» («еже не приясте»). А всем тем показывает, что: «Должно смотреть не просто на то, сказали ли они что-нибудь большее, но на то, сказали ли они что-нибудь большее, что надлежало сказать, а нами было опущено. Если же они говорили, о чем не надлежало говорить, о чем потому и мы не сказали, то для чего и слушаете их?»

3. Но скажешь: «Если они говорят то же самое, почему запрещаешь им говорить?» Потому, что, прикрываясь лицемерием, они вводят другое учение. Впрочем, этого он пока еще не говорит, а высказывает впоследствии, когда говорит, что они преобразуются в апостолов Христовых (2Кор.11:13). Теперь же употребляет легчайшие способы, чтобы ослабить в учениках уважение к ним, и делает это не по зависти к ним, но для безопасности учеников. Иначе, почему он не запрещает Аполлосу, мужу красноречивому и сведущему в Писании, а напротив, даже просит и сам обещает прислать его? Конечно потому, что (Аполлос) при своих познаниях сохранял и правоту догматов; а те (коринфские учителя) – напротив. Потому (апостол) и вооружается против них, и порицает учеников за то, что они с удивлением слушают их, говоря: «Если мы опустили что-нибудь, о чем бы надлежало сказать, а они это дополнили, то не препятствуем вам слушать их; если же все нами сделано и ничего не опущено, то что вас влечет к ним?» Поэтому и говорит далее: «Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов» («непщую бо ничимже лишитися

предних апостол») (2Кор.11:5), сравнивая себя не с ними (коринфскими учителями), но с Петром и другими (апостолами). «Таким образом, если, – говорит, – больше меня знают, то больше и их (высших апостолов)». Смотри, какая и здесь скромность. Не сказал: «апостолы не больше сказали, чем я», – но как? "Непщую", т. е., «я так думаю, что я ни в чем не отстал от высших апостолов». Так как, вероятно, в унижение (Павлу) обращали и то, что предшествовавшие ему по времени (апостолы) имели пред ним более громкое имя и большую славу, и (коринфские лжеучители) вздумали равнять себя с ними, то и сравнивает себя (с апостолами) приличным ему образом; потому и отзывается о них с похвалою, не просто называя апостолами, но «высшими» ("предними"), имея в виду Петра, Иакова и Иоанна. «Хотя я и невежда в слове, но не в познании» («Аще бо и невежда словом, но не разумом») (2Кор.11:6). Так как развратители коринфян гордились тем, что они не неученые люди, то он упоминает и об этом, показывая, что он не только не стыдится своей неучености, но еще и хвалится ею. Не сказал, однако: «если я невежда словом, то и другие (апостолы) также», потому что это показалось бы порицанием апостолам и похвалою лжеучителям. Напротив, он уничтожает самое преимущество – т. е. внешнюю мудрость. Точно так же и в первом послании он сильно нападет на нее, говоря, что она не только не содействует (евангельской) проповеди, но еще и помрачает славу креста. «Я приходил... братия, – говорит он, – не в превосходстве слова или мудрости» («Приидох не по превосходному словеси, или премудрости»), к вам, «чтобы не упразднить креста Христова» («да не испразднится крест Христов»), и многое другое тому подобное (1Кор.2:1, 1:17), чем показывается, что (лжеучители) были невежды познанием, и что это есть крайняя степень невежества.

Итак, когда надлежало сравнивать в важном, он сравнивает себя с апостолами; а когда (нужно было) показать, что недостаток только мнимый – не делает сравнения, но обращает внимание на самое дело, и показывает его превосходство. И когда не было никакой нужды хвалить себя, он называет себя

меньшим из апостолов, и даже недостойным имени (апостольского) (1Кор.5:9); а здесь, когда потребовали обстоятельства, говорит, что он ничем не меньше высших апостолов, – потому что знал, что это особенно будет полезно для учеников. Потому и далее говорит: «мы во всем совершенно известны вам» («но во всем явлены есмы во всех к вам»). И здесь опять обличает лжеапостолов, что они действуют лукаво. Но о себе и прежде говорил тоже, что он не лицемерил, без обмана и бескорыстно проповедовал слово (Божие). Лжеапостолы иными были на самом деле, и иными показывали себя; но он не таков. Потому и хвалится везде, что ничего не делает для славы человеческой, и не скрывает дел своих. Так и прежде говорил: «открывая истину, представляем себя совести всякого человека» («явлением истины представляюще себе во всякой совести человечестей») (2Кор.4:2), и теперь говорит: «мы во всем совершенно известны вам» («во всем явлены есмы к вам»). Что же это значит?

«Мы невежды, – говорит он, – и не скрываем этого; берем у некоторых, и не умалчиваем об этом. Так и от вас пользуемся, и не притворяемся, что ничем не пользуемся, как делают эти пользующиеся от вас; напротив, мы все открыто делаем пред вами». А так мог говорить только вполне полагающийся на них (коринфян), и во всех словах соблюдающий правду. Потому и ссылается на них, как на свидетелей – и теперь, когда говорит: «во всем к вам», и прежде, когда говорил: «мы пишем вам не иное, как то, что вы читаете или понимаете» («не иная бо пишем к вам, но яже чтете и разумеваете») (2Кор.1:13). Защитив себя таким образом, (апостол) далее начинает уже говорить гораздо сильнее: «Согрешил ли я тем, что унижал себя, чтобы возвысить вас?» («или грех сотворих себе смирняя, да вы вознесетесь») (2Кор.11:7). И объясняя это, продолжает: «Другим церквам я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам» («от иных церквей уях, приим оброк, к вашему служению») (2Кор.11:8). Смысл этих слов таков: «Я жил у вас в крайней нищете»; это именно значит – «себя смирняя». «Итак, это ли ставите мне в вину? И потому ли превозноситесь предо мною, что я смирял себя у вас, просил милостыню, терпел

тесноту и голод, чтобы вас возвысить?» Как же они возвышались, когда он был в крайности? Так, что они более получали назидания, а не повода к соблазну. Между тем, особенно могло служить к их обвинению и к обличению их слабости то, что (апостол) не мог иначе вести их (к совершенству), как смирившись прежде сам. «Итак, в том ли обвиняете меня, что я смирил себя? Но чрез это вы возвысились». Так как он и прежде говорил, что на него клеветали, будто при личном свидании он смиренен, а в отсутствии смел, то теперь, защищая себя, опять поражает их, говоря: «это я сделал для вас»: «другим церквам я причинял издержки» («от иных церквей уях»). Отсюда начинаются уже упреки; впрочем, сказанное прежде делает их сносными. Он сказал: «если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию» («потерпите мало безумию моему»). И прежде других своих заслуг, во-первых, хвалится этим (презрением земных благ). Мирские люди больше всего ищут этого; этим хвалились и противники (Павловы). Поэтому он и начинает свою речь не с опасностей, равно и не с чудес, а с презрения земных благ, так как этим особенно гордились (лжеучители); а вместе с тем не приметно обличает их и в любостыжании.

4. Но достойно удивления то, что (апостол), хотя мог сказать, что собственными руками снискивал себе пропитание, не сказал этого, а говорит то, что особенно стыдило их (коринфян), и даже ему не служило к похвале, именно, что он получал от других. И не сказал: я получал, но – «причинял издержки» ("уях"), т. е., «взял последнее и сделал их бедными». И что еще важнее, брал не для избытка, но для удовлетворения необходимых потребностей. Под словом «содержание» ("оброк") разумеет именно: «необходимое к пропитанию». И самое важное – «для служения вам» («к вашему служению»), т. е., «мы вам проповедовали, и когда от вас должно было получать пропитание, я получал его от других». Обвинение двойное, или даже тройное, поскольку, и находясь у них, и служа им, и имея нужду в необходимом содержании, получал его, однако, от других. Эти другие, таким образом, имели великое преимущество пред ними. Они оставались беззаботными, а те

показали ревностную заботу, издалека посылали ему, тогда как они не могли пропитать его, когда он и у них находился. Но таким образом строго их укорив, (апостол) опять неприметно смягчает укоризну, и говорит: «будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал» («пришед к вам, и в скудости быв, не стужих ни единому»). Не сказал: «вы не давали мне», но: «я не брал». Он еще щадит их. Однако и при самом смягчении речи своей опять неприметно поражает их. Слова «будучи у вас» ("пришед") и «терпел недостаток» («в скудости быв») весьма выразительны. Чтобы они не сказали: «Что нам было делать, когда ты имел у себя?», он присовокупил: «хотя терпел недостаток, никому не докучал» («и в скудости быв, не стужих вам»). Здесь опять слегка укоряет их в том, что они медленно, и как бы неохотно, делали такие пособия. Вслед за тем показывает и самую причину, весьма для них укоризненную, и вместе побуждающую их к соревнованию. Потому и представил эту причину не прямо, но как бы объясняя, откуда и от кого он получал пропитание, чтобы, не вызывая в них никакого подозрения, опять побудить их к милостыне.

«Ибо недостаток мой, – говорит, – восполнили братья, пришедшие из Македонии» («Скудость бо мою исполниша братья, пришедше от Македонии») (2Кор.11:9). Видишь, какой чувствительный удар опять наносит им, представив тех, которые послужили ему? Сперва он возбудил (в коринфянах) желание узнать, кто такие были они, сказав: «другим церквам я причинял издержки» («от иных церквей уях»), потом уже и называет их. А это побуждало их к тому, чтобы подавать милостыню. Унизивших себя тем, что не пропитали апостола, он убеждает, по крайней мере, не унижать себя в оказании вспомоществования бедным. Об этом писал он и к самим македонянам, говоря: «в нуждах моих и раз и два присылали мне на нужду в начале благовествования» («посласте ми и единою и дващи, и в начале благовествования») (Флп.4:15–16), что и послужило им в величайшую похвалу, потому что в самом начале так отличились. Но заметь, что (апостол) везде выставляет свою нужду, и нигде не говорит об изобилии. Словами «будучи у вас» ("пришед") и «терпел недостаток» («в

скудости быв») он показал, что пропитание надлежало ему получить от коринфян; а словами «недостаток мой восполнили» («скудость мою исполниша») показывает, что он этого и не требовал, объясняя вместе и причину тому, хотя не настоящую. Какую же? Ту, что от других получил.

«Недостаток мой, – говорит, – восполнили пришедшие» («Скудость бо мою исполниша пришедшие»). «Потому, – говорит, – «никому не докучал», а не потому, чтобы не надеялся на вас». А в самом деле поступил так по последней причине, что и показывает далее, хотя говорит об этом не прямо, но прикровенно, предоставляя (догадываться) совести слушателей, и незаметно указывая на то следующими словами: «да и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость» («и во всем без стужения себе соблюдох и соблюду»). «Не думайте, чтобы я говорил это с намерением получить что-нибудь от вас». Слово же «постараюсь» ("соблюда") еще сильнее указывает на то, что он не только теперь не надеется на них, но раз и навсегда отказался взять что-нибудь у них. Вместе с тем показывает и то, что они считали для себя тягостным помогать ему, почему и сказал: «во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость» («без стужения соблюдох и соблюду»). Подобно этому говорит он и в первом послании: «написал это не для того, чтобы так было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою» («не писал, да тако будет о мне: добрее бо мне умерети, нежели похвалу мою кто да испразднит») (1Кор.9:15). И здесь опять: «я старался и постараюсь не быть вам в тягость» («без стужения вам себе соблюдох и соблюду»). Потом, чтобы они не подумали, что говорит это для снискания себе большей от них благосклонности, присовокупляет: «по истине Христовой во мне» («есть истина Христова во мне») (2Кор.11:10). «Не подумайте, чтобы я говорил это с намерением получить или более привлечь вас к себе. "По истине, – говорит, – Христовой во мне скажу, что похвала сия не отнимется у меня в странах Ахаии» («Есть истина Христова во мне, яко похваление сие не заградится в странах Ахайских»). Чтобы опять кто-нибудь не

подумал, что он печалится об этом, или говорит так в гневе, он называет поступок свой похвалою.

Подобно этому и в первом послании – и там не в оскорбление им говорит: «За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно» («кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие Христово») (1Кор.9:18). И как в первом послании называет это наградой, так здесь похвалою, чтобы не слишком пристыдить их словами своими, как будто они не доставляли (ему пропитания), хотя он и просил. «Что ж, – говорит, – и вы готовы бы дать; но я не беру». Слова «не отнимется» («не заградится») употреблены в переносном значении: они взяты с (преграждаемой) реки, и означает, что слава о нем, что он не берет, разливается всюду (как река): «Вы не заградите подаянием своим моей свободы». Не сказал, однако: «вы не отнимете» (заградите), что было бы более тяжело для них, но: «не отнимется у меня в странах Ахаии» («не заградится в странах Ахайских»). И это опять могло их страшно поразить, и весьма достаточно было для того, чтобы повергнуть их в уныние и опечалить – т. е., что одних только их он отвергает. В самом деле, если он хвалится этим, то ему везде бы надлежало хвалиться; а если у вас одних хвалится, то быть может, по вашей немощи. Итак, чтобы они от такой мысли не впали в уныние, смотри, как он смягчает сказанное. "Почему же *так поступаю*? Потому ли, что не люблю вас? Богу известно!» («Почто? Зане не люблю ли вас? Бог весть») (2Кор.11:11). Скоро и легко дал решение. Впрочем, и тем не освободил их от вины. Не сказал: «вы не слабы, вы сильны»; но – «люблю вас»; а это больше всего увеличивало их вину. От великой любви его к ним происходило то, что он ничего не брал у них, потому что они очень обижались этим.

5. Так он по одной и той же любви совершал противоположные дела – т. е., и принимал, и не принимал, а эта противоположность зависела от различного расположения дающих. И не сказал: «из-за того не беру, что очень люблю вас», потому что этим обвинил бы их в слабости и поверг бы в сомнение, но представил другую причину. Какую же? «Чтобы не

дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались *такими же*, как и мы" («Да отсеку вину хотящим вины, да о немже хвалятся обрящутся, якоже и мы») (2Кор.11:12). Так как (лжеапостолы) о том только заботились, чтобы найти какой-нибудь предлог, то надлежало и его отнять. А они хвалились только этим (бескорыстием). Итак, чтобы им нечем было хвалиться, апостолу надлежало на деле доказать тоже (свое бескорыстие), так как во всем прочем они были ниже. А к назиданию мирских людей, как я говорил уже, ничто так не служит, как то, чтобы ничего не брать у них. Потому и лукавый диавол бросил им эту именно приманку, желая причинить им зло в другом. Впрочем, мне кажется, что и это (в лжеапостолах) было делом лицемерия. Поэтому (апостол) и не сказал: «чем они отличались»; но что говорит? «чем хвалятся» («о немже хвалятся»). Этими словами он осмеивал их тщеславие, потому что они лишь хвалились, а на деле не были такими.

Благородно мыслящему человеку не должно хвалиться не только тем, чего не имеет, но и тем, что имеет. Так поступал и этот блаженный (апостол); так – и патриарх Авраам, который говорит: «я прах и пепел» («аз же есмь земля и пепел») (Быт.18:27). Так как он не имел грехов, о которых бы мог сказать, а сиял добродетелями, то, рассмотревши все и не нашедши никакого важного предлога к обличению самого себя, обратился к своей природе. И так как слово "прах" ("земля") в некотором отношении еще почтенно, то и присовокупил слово "пепел". Потому же и другой некто сказал: «Что гордится земля и пепел?» («почто гордится земля и пепел?») (Сир.10:9). Не говори мне ни о цвете лица, ни о вытянутой шее, ни об одежде, ни о коне, ни о свите, но размысли и скажи: чем все это оканчивается? Если ты указываешь на внешнюю видимость, то я покажу тебе то же на картинах, и еще в гораздо более блистательном виде. Но как мы не удивляемся изображенному (на картинах), зная, что все это в существе своем грязь, так нет причины и этому удивляться. Поистине, и это грязь, – и даже прежде, чем разрушится и обратится в пыль. Покажи мне эту вытянутую (шею), когда человек страдает горячкою и находится

при последнем издыхании; тогда я побеседую с тобою, и спрошу: что случилось с этою великою красотою, куда девалось множество льстецов и услужливых рабов, обилие богатства и стяжаний? Какой ветер нашел и развеял все это?

Но скажешь, что он, и лежа на одре, имеет при себе знаки богатства и знатности, облечен в великолепные одежды, окружен бедными и богатыми, и прославляется народом. Но ведь и это один только смех; кроме того, все это тотчас, подобно цветку, опадет и развеется. Лишь только мы выйдем за ворота города, и, предавши тело червям, возвратимся, куда, спрошу опять тебя, идет эта многочисленная толпа? Где прежний вопль и шум? Где светильники? Где лики женщин? Не сновидение ли все это? Что значили эти вопли? Где те бесчисленные голоса, которые кричали и убеждали (умершего) не страшиться, потому что смерти нет? Не теперь надлежало говорить ему об этом, не теперь, когда уже не слышит, но в то время, когда похищал, предавался любостяжательности, – тогда надлежало бы говорить ему, немного изменив слова: не надобно слишком надеяться, никто не бессмертен на земле, удержишься от своего безумия, угаси похоть, не надейся на несправедливое (стяжание). Теперь говорить ему о том свойственно не доброжелателю, а насмешнику, потому что этим заставишь его не надеяться, а страшиться и трепетать. Но если бесполезно это для сошедшего уже с поприща, то, по крайней мере, пусть услышат те из богатых, которые больны тою же болезнью, и сопровождают гроб. Они, будучи упоены богатством, ничего такого не представляли себе прежде, но в настоящее время, когда самый вид лежащего пред ними уверяет их в истине наших слов, пусть образумятся и научатся, что через некоторое время и они будут отведены к страшному отчету, чтобы принять наказание за все, что они похищали и несправедливо приобретали».

«Но какое, – скажешь, – отношение имеет это к бедным?» Для многих весьма приятно и то, когда они видят притеснителя наказанным. «Но нам, – скажешь, – это неприятно, а (приятно) самим не потерпеть зла». Весьма хвалю и одобряю вас, что не радуетесь несчастьям других, а заботитесь о собственной

безопасности. Хорошо – я обещаю вам и безопасность. Когда мы терпим оскорбление от людей, – этим уменьшаем не малую часть нашего долга, если только переносим великодушно. Итак, в этом случае мы не терпим никакой обиды. Бог вменяет нам терпение скорбей в уплату долга, не потому, чтобы так и надлежало, но по Своему милосердию. Поэтому самому Он и в древности не (всегда) отмщал за терпевших зло. Скажешь: «Откуда это известно?» Страдали некогда иудеи от вавилонян, и Бог не препятствовал этому; напротив, отводимы были в плен и дети и женщины. Но впоследствии это пленение, по мере страдания за грехи, служило иудеям в утешение. Поэтому Бог говорил Исаии: «Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима... ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои» («утешайте, утешайте люди моя..., священницы, глаголите в сердце Иерусалиму..., яко прият от руки Господни сугубы грехи своя») (Ис.40:1–2); и еще: «Ты даруешь нам мир; ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас» («даждь нам мир, вся бо воздал еси нам») (Ис.26:12). И Давид говорит: «Посмотри на врагов моих, как много их, и прости все грехи мои» («виждь враги моя, яко умножишася, и остави вся грехи моя») (Пс.24:18–19). И когда Семей проклинал его, он терпел, говоря: оставь его, чтобы видел Господь смирение мое и воздал мне за этот день (2Цар.16:12). Когда (Господь) не отмщает за причиняемые нам обиды, тогда-то мы особенно и получаем пользу, потому что Он вменяет нам это в заслугу, если переносим с благодарностью.

6. Поэтому, когда видишь, что богатый грабит бедного, оставь терпящего обиду, а плачь о грабителе. Первый очищается от скверны, а второй еще более оскверняется. Так случилось и с отроком Елисея за Неемана. Хотя он и не похитил, но взял обманом – была та же обида. Что же случилось? Вместе с неправдою он получил и проказу. Обиженный получил пользу, а обидевший потерпел величайший вред. То же и ныне бывает с душою. И терпение обид имеет такую силу, что часто оно одно умиловляло Бога. Хотя бы терпящий неправду и недостойн был помощи (Божией), но если он чрезмерно страдает, то это одно преклоняет Бога к

прощению его и к наказанию обидевшего. Вот почему и язычникам некогда говорил Бог: «Я предал их за немногое, они усилили зло» («они же налегаша в злая») (Зах.1:15), и за это потерпят величайшие бедствия». Ничто, ничто не прогневляет так Бога, как грабительство, насилие и лихоимство. Почему же? Потому что очень легко удержаться от этого греха. Он происходит не от естественной нудящей похоти, но от беспечности.

Как же апостол называет этот грех корнем зол? И я утверждаю то же. Но этот корень от нас, а не от свойства вещей. Если угодно, сделаем сравнение и посмотрим, какая похоть более насильственна – похоть ли сребролюбия, или плотская? Которая из них окажется настолько сильною, что может побеждать великих людей, та и будет тяжелее. Итак, посмотрим, кого из великих людей одержала похоть сребролюбия? Никого, а только людей ничтожных и отверженных, – Гиезия, Ахаава, Иуду и священников иудейских. Между тем похоть плотская победила и великого пророка Давида. Говорю это не с тем, чтобы извинять плененных плотскою похотью; напротив, чтобы еще более побудить их к бдительности. Когда я доказываю, как сильна эта страсть, то вместе с тем показываю, что они особенно не будут иметь никакого извинения. В самом деле, если бы ты не знал этого зверя, то ты мог бы прибегнуть (к извинению этим незнанием). Теперь же, когда знаешь и попадаешься ему, не можешь уже иметь никакого извинения. После Давида, и сыном его еще более овладела (та же страсть). И хотя не было человека мудрее его, хотя он имел все другие добродетели, однако он так жестоко был пленен этою страстью, что получил даже смертельную рану. Отец его восстал, опять одержал победу, и снова получил венец; а этот не показал ничего подобного. Потому и Павел говорит: «лучше вступить в брак, нежели разжигаться» («лучше есть жениться, нежели разжизатися») (1Кор.7:9). И Христос сказал: «Кто может вместить, да вместит» («могий вместити да вместит») (Мф.19:12).

О богатстве же не так сказал, но: «кто оставит дома... или земли ради имени Моего, получит во сто крат» («кто оставит

имение свое, сторицею примет») (Мф.19:29). «Как же, – спросишь, – сказано о богатых, что они с трудом достигнут царства небесного (Мф.19:23)?» Этими словами Христос опять указывает на их малодушие, не на тиранию сребролюбия, но на чрезмерное их раболепство. Это видно и из советов Павла. От страсти к богатству он отвлекает, говоря: «А желающие обогащаться впадают в искушение» («а хотящие богатиться впадают в напасти») (1Тим.6:9); в отношении же к плотской похоти этого не делает, но, разлучив только на время, и то по согласию, советует опять сходиться. Он опасался, чтобы волны похоти не произвели ужасного кораблекрушения (1Кор.7:5). Эта страсть сильнее даже гнева. Гневаться невозможно, когда никто не раздражает. А плотская похоть нудит, хотя бы и лица, возбуждающего ее, не было в виду. Вот почему и гнев не вовсе запретил (Христос), а только гнев "всуче" (Мф.5:22); равно и не самую плотскую похоть отверг (апостол), а только похоть незаконную. «По причине похоти, – говорит он, – «каждый имей свою жену» («кийждо свою жену да имать») (1Кор.7:2). Напротив, собирать сокровища не позволено ни напрасно, ни не напрасно. Те страсти привиты к нам по нужде. Похоть плотская для чадорождения, а гнев для оказания помощи терпящим обиды. Но страсть сребролюбия ни к чему не годна, потому она и не врожденна. Поэтому, если ты будешь пленен ею, тем бесславнее это для тебя. Вот почему Павел, дозволяя второй брак, требует строгой точности в удалении от сребролюбия, говоря: «Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?» («почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете») (1Кор.6:7). Рассуждая о девстве, он говорит: «не имею повеления Господня» («повеления Господня не имам»), и: «говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы» («на пользу вам глаголю, не да сило вам наложу») (1Кор.7:25, 35), а когда у него речь о богатстве, говорит: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» («имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем») (1Тим.6:8).

«Почему же, – спросишь, – многие больше уловляются этой страстью?» Потому, что не столько остерегаются ее, сколько

разврата и блуда. Если бы и любостяжательность казалась им столь же ужасною, то не так бы легко уловлялись ею. Так и юродивые девы были изгнаны из брачного чертога по той причине, что, низложивши сильнейшего противника, низложены были слабейшими и ничтожными. Сверх того должно сказать и то, что если кто, преодолевая плотскую похоть, побеждается страстью сребролюбия, то часто не удерживается и от плотской похоти, разве уже от природы имеет такое свойство, что не сильно возмущается этой страстью. Ведь не все равно склонны к ней. Итак, зная это и имея непрестанно пред глазами пример юродивых дев, будем бегать этого лютого зверя. Если и девство не принесло никакой пользы, напротив, после бесчисленных трудов и подвигов (юродивые девы) погибли от сребролюбия, то кто избавит нас, когда впадем в эту страсть? Потому молю вас употреблять все усилия, чтобы не быть плененными этой страстью, и, попавши в плен, не оставаться в нем, но скорее разорвать тяжкие эти оковы. Поступая таким образом, сможем достигнуть неба и получить бесчисленные блага, которых все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 24

2Кор.11:13. Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых.

Делать что-нибудь только для вида значит делать по-диавольски. – Вред от зависти.

1. Что ты говоришь? Неужели те, которые проповедуют Христа, не берут денег, не вводят иного благовестия, лжеапостолы? «Да, – говорит, – и поэтому именно самому больше всего (они лжеапостолы), что все это делают лицемерно, для обмана». «Лукавые делатели» («делатели лъстивии»). Они трудятся, но исторгают насажденное. Так как они знают, что иначе не нашли бы себе доступа, то, принявши на себя личину истины, скрывают под нею дело оболъщения. «И денег, – говорит (апостол), не берут для того, чтобы получить больше, чтобы погубить душу». Вернее же, и это ложь: они и брали (деньги), но только тайно, что и показывает (апостол) далее. Он и выше сделал уже намек на это, сказав: «дабы они, чем хвалятся, в том оказались *такими же*, как и мы" («да о немже хвалятся, обряцутся якоже и мы»); но впоследствии яснее указал на это, сказав: «вы терпите..., когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится» («приемлете бо..., аще кто вас поядает, аще кто отъемлет,... аще кто величается») (2Кор.11:20). Теперь же обличает их в другом, говоря: «принимают вид» («преобразующеся»). У них только личина; их покрывает овчая кожа. «И неудивительно: потому что если сам сатана принимает вид Ангела света, то что великого, если и служители его принимают вид служителей правды» ("И не дивно, потому что если сам сатана преобразуется во ангела светла... аще и служителие его преобразуются яко служители правды») (2Кор.11:14–15). Итак, если должно удивляться, то сатане должно удивляться, а не служителям его. Когда учитель их дерзает на все, то нисколько не удивительно, что и ученики ему следуют. Что же значит: «ангела света» («ангела светла»)? Ангела, имеющего дерзновение беседовать с Богом, предстоящего Богу. Но есть и ангелы тьмы, служители диавола

– темные и свирепые. И многих диавол обольстил таким образом, т. е., преобразуясь в ангела света, а не делаясь таковым. Так точно и эти носят на себе личину апостолов, но не самую силу, потому что не могут.

Нет ничего столь диавольского, как делать что-нибудь только для вида. Кто же такие «служители правды»? «Это – мы, – говорит, – проповедующие вам Евангелие, заключающее в себе правду». Или это понимает он, или то, что и те (лжеапостолы) присваивают себе славу людей праведных. Как же нам узнавать их? От дел их, как сказал Христос (Мф.7:20). Это вынуждает (апостола) сравнить собственные свои заслуги и их худые дела, чтобы чрез такое сличение обнаружились незаконные (учители). И опять, намереваясь хвалить себя, он обличает прежде их (лжеапостолов), чтобы показать необходимость, по которой он касается этого предмета, и чтобы никто не мог укорять его, зачем говорит о самом себе. Он продолжает: "Еще скажу" («паки глаголю»). И прежде уже делал он много оговорок, «но не довольствуясь, – говорит, – сказанным прежде, я снова повторяю: «не почти кто-нибудь меня неразумным» («да никтоже мнит мя безумна быти») (2Кор.11:16). Так делали они (лжеапостолы) – хвалились без всякой причины. А ты заметь, что всякий раз, как (апостол) намеревается говорить в собственную похвалу, наперед оговаривается. «Дело безумия, – говорит он, – хвалиться; но я, не безумствуя, делаю это, а по нужде. Если же вы не поверите, но и видя необходимость, будете осуждать меня, я и в таком случае не отрекусь (от своего дела)». Видишь ли, как он показал, что велика была нужда говорить?

В самом деле, если он и такого подозрения не устранился, то рассуди, какое насилие должен был употребить он, чтобы говорить, как мучился и принуждал себя, когда говорил? Однако и в этом случае со скромностью приступил к делу. Не сказал: «чтобы похвалиться», но, намереваясь сколько-нибудь похвалиться, употребил опять другую оговорку, сказав: «Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу» («еже глаголю, не по Господе глаголю, но яко в безумии, в сей части похвалы») (2Кор.11:17). Видишь

ли, что хвалиться не есть дело по Господе? "Когда, – сказано, – исполните все... говорите: мы рабы ничего не стоящие» («Егда сотворите вся..., глаголите, яко раби неключими есмы») (Лк.17:10). Но хотя хвалиться само по себе не есть дело по Господе, однако становится таким делом в зависимости от намерения. Поэтому и сказал: "что скажу" («еже глаголю»), осуждая не причину, но слова. Цель так высока, что и самые слова делает достойными уважения. Так убийца, хотя убийство строго запрещено, часто хвалится по намерению. И обрезание, хотя не по Господе, однако, бывает таковым по расположению сердца. Подобным образом можно и хвалиться. Почему же он не говорит об этом обстоятельно? Потому что спешит к другому предмету, и из множества предметов даже желающим слушать его говорит об одном том, что полезно. И сказанного им достаточно было к отклонению всякого подозрения.

«Как бы в неразумии» («Но яко в безумии»). Прежде сказал: «О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию» («о, да бысте мало потерпели безумию моему»); а теперь говорит: «Как в неразумии» («яко в безумии»). Чем далее идет, тем яснее делает речь свою. Потом, чтобы ты не подумал, что он все делает «как в неразумии», прибавил: «при такой отважности на похвалу» («в сей части похвалы»). Так и в другом месте сказал: «чтобы... не остались в стыде мы» («да не... постыдимся»), а потом прибавил: «похвалившись с такою уверенностью» («в части сей похваления») (2Кор.9:4). Еще и в другом месте, сказав: «Или, что я предпринимаю, по плоти предпринимаю, так что у меня то «да, да», то «нет, нет»?» («или, яже совещаваю, по плоти совещаваю, да будет у мене еже ей, ей, и еже ни, ни?») (2Кор.1:17), и показав, что не может везде исполнить того, что обещает, потому что предпринимает не по плоти; чтобы кто не возымел такого же сомнения и об учении его, говорит: «Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет"» («верен Бог, яко слово наше, еже к вам, не бысть ей и ни») (2Кор.1:18).

2. И смотри, как, после всего вышесказанного, он опять приводит новые оправдания, присовокупляя и говоря: «Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться» («понеже

мнози хвалятся по плоти, и аз похваляюсь» (2Кор.11:18). Что значит – "по плоти"? Внешними (преимуществами): благородством, богатством, мудростью, – тем, что имеют обрезание и прародителей евреев, тем, что у многих пользуются славой. И заметь благоразумие (апостола)! Указал на такие (преимущества), которые, как он доказывает, суть ничто, и потом уже называет (похвалу) безумием. Действительно, если безумно хвалиться действительными благами, то тем более – ничего не значащими. И это-то самое называет он «не по Господе», потому что быть евреем, и все подобное тому, не доставляет пользы. «Итак, не думайте, – говорит апостол, – чтобы я почитал это за добродетель. Но так как они хвалятся, то я принужден и в этом сравнить себя с ними». Так поступает он и в другом месте, говоря: «Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я» («аще кто мнит надеяться во плоти, аз паче») (Фил.3:4). И там говорит это для полагавших надежду на то (плотское свое происхождение). Если бы кто, знаменитый родом, но избравший для себя любомудрую жизнь, увидел, что другие гордятся благородством, и захотел посрамить их надменность, то он принужден был бы сказать и о своей знаменитости, не в похвальбу себе, но в их унижение. Так делает и Павел. Потом, оставивши их (лжеучителей), слагает всю вину на коринфян, говоря: «охотно терпите неразумных» («любезно приемлете безумных») (2Кор.11:19). «Таким образом, вы виновны в этом, и даже более, нежели они. Если бы вы не терпели их, и сами не были заражены тем же, чем они, то я ничего бы не сказал. Но я забочусь о вашем спасении, и поступаю снисходительно». И смотри, как он и самую укоризну растворяет похвалою. Сказав: «охотно терпите неразумных» («любезно приемлете безумных»), прибавил: «вы, люди разумные» («мудри суще»).

Действительно, безумному только свойственно хвалиться и этим. И хотя надлежало бы запретить и сказать: «не принимайте людей безумных», но он делает это с большим искусством. Если бы (он сказал) так, то могли бы подумать, что он запрещает потому, что не имеет их преимуществ. А теперь, показав, что он и по этим (преимуществам) выше их, и, однако

же, почитает их за ничто, тем гораздо более исправляет их. Между тем, прежде, чем начинает хвалить себя и сравнивать (с лжеучителями), порицает коринфян за их крайнее раболепство (лжеапостолам) и за то, что до такой степени подчинились им. И смотри, как упрекает их. «Вы терпите, – говорит, – когда кто вас объедает» («Приемлете бо аще кто вас поядает») (2Кор.11:20). Как же ты сказал: «дабы они, чем хвалятся, в том оказались *такими же, как и мы*» («да о нем же хвалятся, обрящутся, якоже и мы»)? Видишь ли, теперь показывает, что (лжеапостолы) берут, и не только берут, но и сверх меры? Это и значит – "объедать" ("поядать"). «Когда кто вас порабощает» («Аще кто вас порабощает»). «Вы, – говорит, – предали и имущества свои, и плоть свою, и свободу. Стать господами не имений только ваших, но и вас самих, значит уже гораздо больше, нежели брать». На это указывает и прежде, говоря: «Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы?» («аще инии власти вашае причащаются, не много ли паче мы?») (1Кор.9:12). Потом присовокупляет, что еще важнее: «когда кто превозносится» («аще кто величается»). «Рабство ваше нелегко, говорит он; у вас не кроткие повелители, но тяжкие и нестерпимые». «Когда кто бьет вас в лицо» («Аще кто по лицу биет вы»).

Видишь ли опять крайнюю степень тирании? Сказал же это не потому, что (лжеапостолы) в самом деле били их по лицу, а потому, что они презирали их и бесчестили, вследствие чего и присовокупил: «К стыду говорю» («по досаждению глаголю») (2Кор.11:21). «Вы терпите не меньше тех, которых бьют по лицу. Что же может быть хуже этого? Какое господство несноснее того, когда отнявшие у вас и имения, и свободу, и честь, даже несмотря и на это, не делаются кроткими, и даже не хотят обходиться с вами как с рабами, но поступают презрительнее, чем с последним невольником?» *"На это у нас недоставало сил"* («Зане аки мы изнемогахом»). Эти слова не ясны. Так как обвинение было для них тягостно, то (апостол) и выразился таким образом, чтобы неясностью прикрыть жестокость. А то, что он хочет сказать, состоит в следующем: «Разве и мы не можем делать того же? Однако не делаем. Итак, для чего же их принимаете, точно мы не можем сделать того же? Заслуживает

порицания – даже и глупых людей терпеть, а терпеть людей, которые вас презирают, грабят, превозносятся, бьют – это ничем не может быть ни извинено, ни оправдано. Это новый род обольщения. Другие обольстители сами дают и льстят; а эти и обольщают, и берут, и оскорбляют. Поэтому вы не заслуживаете и малейшего извинения, когда тех, которые смиряются для вас, чтобы вас возвысить, презираете, а дивитесь тем, которые возвышаются над вами, чтобы вас унижить. Разве и мы не могли бы сделать того же? Но не хотим, потому что заботимся единственно о вашей пользе; они же напротив, расточая ваше, наблюдают свои (выгоды)». Видишь ли, как он всегда, о чем может смело говорить с ними, тем самым и устрашает их? «Если вы, – говорит он, – почитаете их за то, что они бьют вас и издеваются над вами, то и мы можем делать это, поработать вас, бить, превозноситься над вами».

3. Видишь ли, как слагает на них вину и за высокомерие (лжеапостолов), и за мнимое свое безрассудство? «Не для того, чтобы показать себя более славным, но чтобы вас избавить от этого тяжкого рабства, я вынужден несколько похвалиться. Надобно вникать не в одни слова, а брать во внимание и причину». И Самуил многое сказал в похвалу себе, когда помазывал Саула, говоря: «у кого взял я вола, у кого взял осла, кого обидел и кого притеснил» («еда у кого от вас ослия взял, или тельца, или обушу... или кого утесних?») (1Цар.12:3). Но никто не обвинял его в этом. И не по той причине говорил он, чтобы самому похвалиться, а потому, что, намереваясь поставить им царя, он в виде оправдания желал научить последнего быть кротким и снисходительным. И заметь благоразумие пророка, или, лучше – человеколюбие Божие.

Когда он хотел отклонить народ (от намерения иметь царя), то перечислял многие тягости, говорил о будущем царе, что он сделает жен их хлебницами, мужей – пастухами и конюхами (подробно описывал всю царскую службу); когда же увидел, что ничто не отвращает их от намерения и что они одержимы неизлечимую болезнью, то все же щадит их, и употребляет меры, чтобы царь был кроток. А для этого приводит самого (царя) в свидетели. Тогда никто (с Самуилом) не судился, и не

вызывал его к ответу, так что он говорил это единственно для того, чтобы сделать (царя) лучшим. А чтобы смирить его гордость, присовокупил еще: «Если послушаете вы и царь ваш, то получите такие и такие-то блага; а если не послушаете, то постигнет вас зло». А (пророк) Амос говорил: «я не пророк и не сын пророка; я был пастух и собирал сикоморы. Но Господь взял меня от овец» («не бех пророк, ниже сын пророчь: но пастырь бех, ягодичия обирая. И поя мя Бог») (Амос.7:14–15). Но не в похвалу себе говорил это, а чтобы заградить уста тем, которые не считали его пророком, и показать, что он не обманывает и не от себя говорит, что говорит. И другой (пророк), выражая опять то же самое, говорил: «А я исполнен силы Духа Господня, правоты и твердости» («Но я исполнен силы Господней в Духе и могуществе») (Мих.3:8). Также Давид, когда рассказывал о медведице и льве, говорил не в похвалу себе, но имел в виду нечто великое и чудное. Так как ему не верили, чтобы он, будучи безоружен и не способен носить оружие, мог преодолеть врага, то надобно было ему представить доказательства своего мужества. И когда отрезал он край одежды Сауловой, то не для того, чтобы показать себя, говорил сказанное им при этом случае, но чтобы отклонить от себя худое мнение, которое распространяли о нем, будто бы он имел намерение убить (царя).

Итак, везде должно доискиваться причины. Кто заботится о пользе слушающих, тот, хотя бы и хвалил сам себя, не только не заслуживает порицания, но и достоин венца. А если бы умолчал о себе, в таком случае был бы достоин осуждения. Так и Давид, если бы умолчал о себе, когда хотел сразиться с Голиафом, то его не допустили бы выйти на сражение, и он не одержал бы славной победы. Вот почему он и принужден был говорить о себе, и не только братьям, но и царю. Братья не хотели ему верить, потому что зависть заграждала им слух. Поэтому, оставивши их, он обратился к (царю) еще незараженному завистью.

4. Опасна, весьма опасна зависть. Она заставляет презирать даже собственное спасение. Так погубил себя Каин, а еще прежде Каина диавол, погубивший отца его. Так Саул

привлек злого демона на свою душу; а, привлекая, опять стал завидовать своему врагу. Таково уже свойство зависти. Саул знал, что спасен (Давидом), но хотел лучше погибнуть, чем видеть во славе своего спасителя. Что может быть лютее этой страсти? Не погрешит, кто назовет ее порождением диавола. В ней не только плод тщеславия, но и самый корень. Эти два порока обыкновенно рожают друг друга взаимно. Так Саул завидовал уже, когда говорили: «Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч!» («победи Давид со тьмами») (1Цар.18:7). Что может быть безумнее этого? В самом деле, скажи мне, чему ты завидуешь? Тому ли, что один похвалил другого? Но этому скорее должно радоваться, а может быть, ты и не знаешь, справедлива ли похвала. И о том ли ты скорбишь, что похвалили не стоящего похвалы? Но тебе скорее надобно было бы пожалеть его. Если он добрый человек, то никто не завидует хвалимому, но и сам хвалит вместе с хвалящими; если же не таков, что огорчаешься? Для чего обращаешь меч на самого себя? Потому ли, что ему дивятся люди? Но они ныне живы, а завтра их уже не будет. Или потому, что он пользуется славой? Какою, скажи мне? Не той ли, о которой пророк говорит, что она есть «цвет полевой» («цвет травный») (Ис.40:6)?

Итак, не тому ли завидуешь, что и ты не отягчен (подобно ему), и не носишь такого же бремени травы? Если он кажется тебе ради этого достойным соревнования, то почему же не достойны твоего соревнования дровосеки, которые ежедневно носят тяжести и входят с ними в город? Его ноша не лучше этой, но еще хуже. Эта угнетает только тело, а та часто вредит душе и приносит более скорби, нежели удовольствия. Если он славится даром слова, то он имеет больше зависти, чем похвалы, притом, похвалу имеет кратковременную, а зависть – непрестанную. Но он в почете у начальников? И здесь опять зависть и опасность: как ты чувствуешь к нему зависть, так и многие другие. Но его постоянно хвалят? Это составляет для него горькое рабство. В самом деле, он не посмеет без страха ничего сделать по собственной воле, чтобы не оскорбить прославляющих его. Знаменитость для него служит тяжкими оковами. Таким образом, чем больше известен он, тем больше

имеет над собою властелинов, тем больше тяготеет над ним рабство, так как всюду видит господ своих. И слуга, когда он не на глазах у господина, отдыхает и наслаждается полною свободою; а знатный везде встречает своих властелинов. Он раб всякого, кто ни появится в народном собрании. Хотя бы была и крайняя нужда ему, он не смеет вступить в собрание без сопровождения слуг, без коня и без других знаков пышности, чтобы не подпасть осуждению своих властелинов. Если даже увидит искреннего друга, не осмеливается побеседовать с ним как с ровней, опасаясь владык своих, чтобы они не низринут его с высоты славы.

Таким образом, чем он славнее, тем больше поработен. Если же он терпит какую неприятность, то оскорбление тем чувствительнее для него, чем больше свидетелей, и чем несообразнее оно кажется с его достоинством. И таково для него не только оскорбление, но и несчастье. Многие радуются его несчастью; равным образом, когда он пользуется каким благом, весьма многие ненавидят, завидуют ему и стараются низвергнуть его. Итак, скажи мне, неужели это благо? Неужели это слава? Нет; это, напротив, бесславие, рабство, узы, и все, что можно назвать тягостным. Если же и при всем том для тебя людская слава вожделенна, и тебя сильно тревожит всякий, кто вызывает восторги толпы, то, как скоро увидишь удостоившегося рукоплесканий, перенесись умом в будущий век, и представь вечную славу. И, как спеша убежать от нападающего зверя, ты, войдя в пристанище, запираешь двери, так и теперь беги к будущей жизни и неизреченной ее славе. Таким образом ты легко пренебрежешь временную славу и получишь вечную, насладишься истинною свободою и вечными благами, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 25

2Кор.11:21. А если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я.

Делать что-нибудь только для вида значит делать по-диавольски. – Вред от зависти.

1. Смотри, как он опять уклоняется, употребляет извинения и оговорки, хотя и раньше уже много сказал подобного. Например: «О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию!» («о да бысте мало потерпели безумию моему»); и еще: «не почти кто-нибудь меня неразумным; а если не так, то примите меня, хотя как неразумного... Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу. Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться» («да никтоже мнит мя безумна быти. Аще ли ни, поне яко безумна приимите... Еже глаголю, не по Господе, но яко в безумии... Понеже мнози хвалятся по плоти, и аз похваляюся») (2Кор.11:1, 16–18). И здесь опять: «А если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я» («о нем же аще кто дерзает, несмысленно глаголю, дерзаю и аз»). Он называет дерзостью и безумием говорить о себе что-либо важное, даже когда настоит в том нужда, научая нас всеми силами избегать похвалы. Если и после того, как сотворим все, мы должны называть себя непотребными (Лк.17:10), то без всякой побудительной причины превозносящийся и хвалящийся может ли быть достоин какого-нибудь извинения? За это и фарисей был осужден, и в самой пристани потерпел крушение, приразившись к скале (самохвальства). По этой-то причине и Павел, видя тысячи нужд, отговаривается (хвалить себя) и непрестанно повторяет, что это дело безумное; и только тогда, наконец, осмелился, когда представил в свое оправдание крайнюю необходимость.

Тогда говорит: «Они Евреи? и я. Израильтяне? и я» («евреи ли суть? И аз. Израилите ли суть? И аз») (2Кор.11:22). Не все евреи были израильтяне, так как и аммонитяне и моавитяне тоже происходили от евреев. Поэтому в подтверждение

благородства происхождения присовокупил: «Семя Авраамово? И я. Христовы служители? (в безумии говорю): я больше» («семя Авраамле ли суть? И аз. Служителие ли Христовы суть? Не в мудрости глаголю, паче аз») (2Кор.11:22–23). Для него не довольно было прежнего извинения, но и здесь опять извиняется: «(В безумии говорю): я больше» («не в мудрости глаголю, паче аз»), т. е.: «Я лучше их и превосходнее». И хотя имел ясные доказательства своего превосходства, но все же и при таком условии называет это дело безумием. Однако же, если они были лжеапостолы, то ему надлежало не сравнивать свое преимущество, но опровергнуть то, что они служители. Он уже и опроверг это, сказав: «лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых» («лживи апостоли, делатели льстивии, преобразующесе во апостолы Христовы»). Теперь то же самое, но делает не так, потому что намеревается войти в исследования; напротив, сперва посредством сравнения извлеки из сущности самого дела опровержение, показывает истину, которая от этого получает большую твердость. Или иначе, наперед представляет мнение их самих (противников), а не свое суждение, говоря: «Христовы служители» («служителие Христовы суть»); а в словах "я больше" ("паче аз") делает сравнение, и доказывает, что он сохраняет характер апостольства, хотя и не объявляет о том, а показывает только самыми делами. И умалчивая о чудесах, начинает с искушений, и говорит: «Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах» («в трудех множае, в ранах преболе»). Последнее, т. е. терпеть побои и бичевание, выше первого. «Более в темницах» («В темницах излиха»). Здесь опять усиление речи. «Многokrатно при смерти» («В смертех многащи»). «Я каждый день, – говорит, – умираю» («По вся дни умираю») (1Кор.15:31). Здесь разумеет смерть и на самом деле, потому что часто подвергался опасностям, угрожавшим смертью.

«От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного» («От Иудей пять крaты чeтырeдeсaть рaзвe eдиныя приях») (2Кор.11:24). Почему «без одного» («разве единыя»)? (У иудеев) был древний закон, по которому получивший более

сорока ударов считался у них бесчестным (Втор.25:3). Поэтому, чтобы бьющий в запальчивости и увлечении не нанес лишнего числа (ударов) и тем не обесчестил наказываемого, положили давать (сорок) ударов без одного, чтобы бьющий не превысил сорока, хотя бы и лишний раз ударил, но, всегда оставаясь в пределах узаконенного числа, не мог нанести бесчестия наказываемому. «Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение» («Трижды палицами биен бых, единою каменми наметан бых, трикраты корабль опровержеся со мною») (2Кор.11:25). Как последнее относится к Евангелию? Так, что он предпринимал отдаленные путешествия, и притом по морям. «Ночь и день пробыл во глубине морской» («Нощь и день во глубине сотворих»). Одни объясняют это в том смысле, что он целые сутки находился среди моря, а другие, что (по разбитии корабля) сутки плавал во глубине морской; последнее согласнее с истиною, а первое не заслуживает и удивления, и (апостол) не поставил бы этого выше кораблекрушения.

«В опасностях на реках» («Беды в реках»), потому что принужден бывал переплывать реки. «В опасностях от разбойников..., в опасностях в городе, в опасностях в пустыне» («Беды от разбойник..., беды в граде, беды в пустыне»). «Везде предстояли мне подвиги, в различных местах, странах, городах, пустынях». «В опасностях от язычников..., в опасностях между лжебратиями» («беды от язык..., беды во лжебратии») (2Кор.11:26). Заметь новый род ратоборства. Не только враги нападали, но имевшие личину братства; и много в этом случае требовалось напряжения, много благоразумия. «В труде и в изнурении» («В труде и подвизе»). Труды сменялись бедами, беды трудами, следуя непрерывно одни за другими и не давая ему ни малейшего покоя. «Много раз был в путешествиях... в голоде и жажде... и в наготе» («В путных шествиих множицею..., во алчбе и жажди... и наготе») (2Кор.11:26–27), «кроме посторонних приключений» («кроме внешних») (2Кор.11:28).

2. Сравнительно с тем, что перечислено, еще более опущено. Но даже и перечисленного невозможно описать подробно, потому что апостол не означил каждого искушения

порознь, но вспомнил только о тех, число которых было невелико, и могло удержаться в памяти, говоря: "три раза", "однажды" («трищи», «трикраты», «единою»); о прочих же искушениях и этого не сказал, потому что много раз претерпевал их. И не говорит, какие были плоды его подвигов, что он стольких-то и стольких-то обратил; но описывает, что только претерпел за проповедь, с одной стороны – наблюдая скромность, с другой – желая показать, что хотя бы и ничего из этого не вышло, но для труждающегося не остается без пользы, поскольку дело, достойное награды, и в таком случае исполнено.

«У меня ежедневно стечение *людей*» («Нападение, еже по вся дни»). Бунты, мятежи, утеснение от народа и нападение целых городов. В этом отношении больше всего обнаруживали вражду свою к нему иудеи, потому что он более всех посрамлял их, и служил наибольшим обличением их безумия вследствие внезапного своего обращения (ко Христу). Великая война воздвигалась против него от своих, от чужих, от лицемерствующих; везде для него были волны и стремнины – в обитаемых и необитаемых местах, на суше и на море, вне и внутри. Он не имел в достатке даже необходимой пищи, нуждался в самой простой одежде; подвижник целой вселенной подвизался нагой и боролся голодный. Так далек он был от того, чтобы собирать сокровища! И не только не скорбел, а и воздавал еще за то благодарение Подвигоположнику.

«Забота о всех церквях» («Попечение всех церквей») (2Кор.11:28). Это главное всего – т. е., что и душа его терзалась, и сердце раздиралось. В самом деле, если бы внешних (скорбей) даже и не было, то достаточно было и внутренней брани, постоянно сменяющихся волн, тучи забот, борьбы помыслов. Если пекущийся об одном доме, имея у себя слуг, приставников и домоправителей, часто не знает покоя от забот, хотя никто его не тревожит, то представь, что должен был терпеть (Павел), который имел попечение не об одном доме, но о городах, о народах, о племенах, о целой вселенной, и в делах столь важных, при таком множестве (врагов), старавшихся вредить ему, трудился один, и был так чувствителен, так

заботился, как не заботится даже и отец о детях. А чтобы ты не сказал: «хотя и заботился, но заботился слегка», он показал, как велика была его забота, говоря: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал?» («кто изнемогает, и не изнемогаю»). Не сказал: «Я не принимаю участия в скорби», но (говорит): «Я так беспокоюсь и скорблю, как бы сам находился в том же недуге, страдал тою же болезнью».

«Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» («Кто соблазняется, и аз не разжизаюсь») (2Кор.11:29). Смотри опять, до какой степени велика скорбь его, как это показывает слово «воспламенялся» («разжизаюсь»). «Воспламеняюсь, сгораю», – говорит он; и эта скорбь подлинно больше всех прочих. Другие скорби хотя и были тяжки, но скоро проходили и приносили неувядаемое удовольствие; а эта скорбь – терпеть столько страданий за каждого немощного, кто бы он ни был, угнетала, стесняла, уязвляла его сердце. Не о высших ведь только страдал он, оставляя низших в небрежении, напротив, и непотребного считал в числе потребных. Поэтому и сказал: «кто изнемогает», показывая, что понимает всякого, кто бы он ни был; как бы в одном себе заключая целую вселенскую церковь, болезновал он о каждом члене ее. «Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею» («Аще хвалитися подобает, о немощи моей похваляюся») (2Кор.11:30). Видишь ли, что он никогда не хвалится чудесами, а всегда гонениями и искушениями? «Это именно, – говорит он, – и есть знак немощи». Вместе с тем показывает и то, насколько разнообразная предстояла ему брань. Действительно, на него ополчались иудеи, восставали язычники, с ним препирались лжебратья, его оскорбляли немощные и соблазняемые братья. Отовсюду ему доставлялось смущение и беспокойство – и от своих, и от чужих. Таково отличительно свойство апостольства. Через это утверждается благовествование.

«Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа... знает, что я не лгу. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня» («Бог и Отец Господа нашего Иисуса вестъ..., яко не лгу. Языческий князь (εθνάρχης) Аревы царя стрежаше Дамаск град, яти мя хотя») (2Кор.11:31–32).

Почему он здесь подтверждает и удостоверяет свои слова, тогда как прежде нигде этого не делал? Потому, может быть, что это было уже давно и мало известно; указанное прежде, как, например, попечение о церквях и все прочее, было им известно. Итак, смотри, какова была брань, если (этнарх) ради него стерег город. Когда же говорю о брани, разумею ревность Павлову. Если бы он не дышал таким огнем ревности, то не воспламенил бы такого неистовства в этнархе. Таково свойство души апостольской – столько терпеть и никогда не колебаться, но все, что ни случится, переносить мужественно, однако, не вдаваться безрассудно в опасности и не бежать им навстречу. Смотри, в самом деле, на какое средство согласился он, чтобы избежать осады: «я в корзине был спущен из окна» («Оконцем в кошнице свешен бых»). Хотя он и желал переселиться из этой жизни, однако искал и спасения человеческого, почему неоднократно изобретал и подобные средства, чтобы сберечь себя для проповеди, и не отказывался пользоваться человеческими мерами, когда требовали того обстоятельства. Так он был осторожен и бдителен. Где бедствия были неизбежны, там прибегал к одной благодати; а где искушение не превышало (человеческих сил), там многое и от себя придумывал. Но и здесь опять все приписывал Богу. И как искра неугасимого огня, упавшая в море, хотя и поглощается множеством волн, но потом опять восходит на поверхность столь же светлую, так и блаженный Павел – то как бы в бездну погружался, обуреваемый бедствиями, то освобождался и являлся блистательнейшим, оставаясь победителем в своих злостраданиях.

3. Вот славная победа, вот победное знамение Церкви. Так низлагается диавол нашими злостраданиями. Когда мы злостраждем, он делается пленником, и терпит зло; между тем как хочет сделать его нам. Так было и с Павлом. Диавол, чем больше наводил на него напастей, тем больше был поражаем. Он уготовлял ему искушения не одного какого-нибудь рода, но многообразные и многоразличные. Ввергал его то в труды, то в скорбь, то в страх, то в болезнование, то в заботу, то в стыд, то во все вдруг. Но (Павел) во всем оставался победителем.

Подобно воину, который один сражается против целой вселенной, окружен рядами неприятельскими, и никакого не терпит зла, и Павел, один являясь у варваров, у эллинов, повсюду – на суше и на море – оставался непобежденным. И как искра, упавшая в солому или сено, превращает все сгорающее в одно с собою естество, так и он, к кому ни являлся, всех приводил к истине, проходя всюду наподобие потока, разрушающего преграды. Как борец какой-нибудь, который один и борется, и преследует, и поражает, или как воин, который и осаждаст стены, и сражается на суше и на море, так (и Павел) вступал во всякий род брани, дышал огнем, для всех был неприступен, одним телом обнимал целую вселенную, одним языком всех рассеивал. Не с такою силою множество труб поколебало каменные стены города Иерихона и разрушило их, с какою глас Павлов ниспровергал своим звуком твердыни диавольские и привлекал к нему противников. А, собравши множество пленников, он сам вооружал их, составлял из них свое воинство, и с помощью его дивно побеждал.

Давид низложил Голиафа одним только камнем; но если рассмотришь подвиги Павловы, то подвиг Давидов покажется детским делом, и увидишь такое же различие (между Давидом и Павлом), какое между пастухом и военачальником. Павел не Голиафа низлагал, бросая камень, но одним словом поражал весь строй диавольский. И как лев, рыкающий и испускающий из уст пламень, он для всех был нестерпим. Непрестанно он являлся всюду, приходил к одним, спешил к другим, появлялся у тех, переносился к этим, налетал быстрее ветра. И управляя вселенною, как одним домом, или одним кораблем, он то извлекал утопающих, то укреплял изнемогающих, то давал приказания корабельщикам, то сидел на корме, осматривал руль, натягивал канаты, управлял веслом, снимал паруса, смотрел на небо, сам был все – и корабельщик, и кормчий, и парус, и корабль – все терпел, чтобы только других освободить от зла. И заметь, он претерпел кораблекрушение, чтобы остановить кораблекрушение вселенной; ночь и день пробыл во глубине морской, чтобы извлечь (людей) из глубины заблуждения; был в трудах, чтобы дать покой трудящимся;

терпел язвы, чтобы уврачевать изъязвленных диаволом; сидел в темницах, чтобы сидящих в узах и во мраке известить на свет; многократно бывал при смерти, чтобы избавить других от лютой смерти. Пять раз получал он по сорока ударов без одного, чтобы избавить от бичей диавольских тех, которые его бичевали; был бит палками, чтобы других привести под жезл и палицу Христову; наметан был камнями, чтобы освободить от бесчувственных камней; был в пустыне, чтобы известить из пустыни; был в путешествиях, чтобы остановить заблуждающихся и открыть путь, ведущий к небу; подвергался опасностям в городах, чтобы указать горний град; терпел голод и жажду, чтобы избавить от лютейшего голода; был в наготе, чтобы непристойно ходящих облечь в одежду Христову; терпел нападение от народа, чтобы отвести от нападения демонского; воспламенялся, чтобы угасить раскаленные стрелы диавола; был спущен в корзине в окно по стене, чтобы поднять поверженных долу.

Будем ли еще говорить, когда не знаем даже всего, что перетерпел Павел? Упомянуть ли об имуществе, о жене, о городе, о свободе, когда видим, что он тысячекратно презирал самую жизнь? Мученик умирает однажды, а этот блаженный одним телом и одною душою претерпел столько бед, что они смогут и адамантовую душу привести в трепет. И что все святые пострадали каждый в таком множестве тел, все это претерпел он в одном (теле). Вступив во вселенную, как бы на некоторое поприще, и совлекись всего, стоял он мужественно. Он знал, что с ним сражаются демоны. Потому вдруг, в самом начале, показал себя славным; и от самого начала до последнего конца пребыл одинаков; или, лучше сказать, еще усилил преследование врага, когда приближался к победному венцу. Удивительно также, что, не взирая на то, что столько претерпел и так много сделал, он умел соблюдать глубокое смирение. Даже когда нужда заставляла рассказывать о своих заслугах, он касался их слегка; и хотя мог бы написать тысячи книг, если бы захотел распространяться о каждом предмете, перечислять церкви, о которых заботился, говорить о темницах и о подвигах своих в них, о подробностях каждого подвига, в частности, о

нападениях на него, однако же, не захотел этого. Итак, зная это, научимся и мы смиряться и никогда не хвалиться ни богатством, ни другими житейскими благами, напротив, будем хвалиться одними оскорблениями за Христа, – да и ими тогда только, когда потребует нужда. Если же ничто не понуждает нас к этому, не будем вспоминать и о них, чтобы не возгордиться, а будем помнить только грехи свои. Таким образом мы и от них легко освободимся, и умилоостивим Бога, и достигнем вечной жизни, которой и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 26

2Кор.12:1. Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним.

Самохвальство не приносит пользы. – С умножением страданий за Христа умножается и утешение. – Александр, признанный тринадцатым богом со стороны сената. – Гробы мучеников блистательнее царских дворцов.

1. Что это значит? Сказавши так много, говорит: «Не полезно хвалиться мне» («похвалится не пользует ми»). (В том ли смысле говорит это), что ничего еще не сказал? Нет, не в том смысле, что ничего еще не сказал; но так как он намерен перейти к другому роду похвалы, которая, хотя не ведет к такой же награде, как и прежние, но, по-видимому, более прославляет его в глазах многих, не умеющих вполне вникнуть в дело, то и говорит: «Не полезно хвалиться мне» («похвалится же не пользует ми»). В самом деле, велики вышеисчисленные предлоги к похвале, т. е. искушения. Но он может представить и другого рода основания, именно, откровения и неизреченные тайны. Для чего же говорит: «не полезно мне» («не пользует ми»)? «Для того, – отвечает он, – чтобы мне не впасть в высокоумие». Что ты говоришь? Разве ты не знаешь этого, хотя бы и не сказал? Но не одинаково бывает наше превозношение, когда мы сами только знаем причину к тому, и когда сообщаем ее другим. Надмевают нас обыкновенно не заслуги сами по себе, но то, что многие о них свидетельствуют и знают. Поэтому и говорит (апостол): «не полезно мне», чтобы не дать повода слушателям думать о нем выше надлежащего. Лжеапостолы рассказывали о себе и то, чего не бывало; он же, и что было, скрывает, даже когда самая нужда требовала не скрывать. «Не полезно мне», – говорит он, научая всех всячески избегать самохвальства. Действительно, оно не приносит никакой пользы, а только вред, если не побуждает к похвальбе какая-либо необходимая и полезная причина.

Итак, упомянувши об опасностях, искушениях, злоумышлениях, досадах и кораблекрушениях, приступает

теперь к другому роду похвалы, говоря: «Знаю человека... который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (*только* не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким *человеком* могу хвалиться; собою же не похваюсь» («вем человека... прежде лет четырнадцати (аще в теле, не вем; аще ли кроме тела, не вем; Бог весть) восхищена бывша такового до третияго небесе. И вем... яко восхищен бысть в рай (аще в теле, не вем, или кроме тела, не вем), и слыша неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати. О таковом похваюсь; о себе же не похваюсь») (2Кор.12:2–5). Велико это откровение. И не одно оно было, а и многия другие; но он упоминает об одном из многих. А что их было много – послушай, как о том сам он говорит: «чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений» («за премногая откровения, да не превозношуся») (2Кор.12:7). Но скажет кто-нибудь: «Если (Павел) хотел скрыть, то ему надлежало вовсе и намека не делать, и не говорить ничего подобного; если же хотел сказать, то надлежало говорить ясно». Итак, для чего же он и ясно не сказал, и не умолчал? Для того чтобы и этим показать, что он неохотно приступает к делу. Поэтому определил и время – за четырнадцать лет. Не без причины он упомянул об этом, но, желая показать, что, молчавши столько времени, и теперь не сказал бы, если бы не было великой нужды, напротив умолчал бы, если бы не видел погибающих братий. А если Павел был таков, что в самом начале, когда не имел еще таких заслуг, удостоился высокого откровения, то подумай, каков он стал чрез четырнадцать лет. Но смотри, как и в данном случае он скромнен: об одном говорит, а о другом сознается, что не знает. Сказал, что был восхищен; «а в теле, или вне тела, – говорит, – не знаю». Довольно было бы сказать о восхищении, умолчав о прочем; но он по скромности и то присовокупляет.

Итак, что же? Ум ли только и душа были восхищены, а тело оставалось мертвым? Или и тело было восхищено? Этого нельзя определить. Если не знает сам Павел, который был

восхищен, и удостоился столь многих и столь неизреченных откровений; то, тем более, не знаем мы. Что он был в раю, это знает; что был на третьем небе, и то ему небезызвестно; но как был восхищен, того не знает ясно. Посмотри и с другой стороны, как он был чужд тщеславия. Рассказывая о случившемся с ним в Дамаске, он подтверждает слова свои (именем Божиим), а здесь не делает этого, потому что не имел намерения сильно уверять в этом, а хотел только сказать, и сделать намек. Потому и присовокупляет: «Таким человеком могу хвалиться» («о таком похваляюсь»), не то выражая, чтобы восхищенный был кто другой, но дает такой оборот речи, чтобы и сказать, что прилично и что можно, и вместе избежать необходимости говорить о себе открыто. Иначе какая была бы сообразность, рассуждая о самом себе, вводить другое лицо? Почему же так выразился? Потому, что не одно и то же значит – сказать: «я был восхищен», и: «знаю (человека), который был восхищен»; или: «о себе хваюсь», и: «о таком похваляюсь». А если кто скажет: «Как возможно восхищену быть с телом?» Последнее даже труднее первого, если рассуждать по разуму, а не покориться вере. А для чего восхищен был (Павел)? Для того, как думаю, чтобы его не почитали меньшим других апостолов. Те были вместе со Христом, а он не был; поэтому (Господь), в изъявление славы его, и его восхитил в рай. А слово «рай» многозначительно, и везде было известно.

2. Поэтому и Христос сказал (разбойнику): «ныне же будешь со Мною в раю» («днесь со Мною будеши в раи») (Лк.23:43). «Таким человеком могу хвалиться» («О таком похваляюсь»). Для чего? Если другой был восхищен, чем ты хвалишься? Отсюда явно, что это (апостол) говорит о себе. Если же он присовокупил: «собою же не похваляюсь» («о себе же не похваляюсь»), то это значит только, или что он без нужды, напрасно и легкомысленно не сказал бы ничего подобного, или что он хотел, насколько возможно, прикрыть сказанное. А что всю речь ведет о себе самом, это видно и из последующего. Именно, он прибавляет: «Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину» ("аще же и восхощу похвалитися, не буду безумен; истину бо реку») (2Кор.12:6). Как

же прежде говорил: «О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию» («о да бысте мало потерпели безумию моему»), также: «Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии» («еже глаголю, не по Господе глаголю, но яко в безумии»); а здесь, напротив, говорит: «если захочу хвалиться, не буду неразумен» («аще бо и восхощу похвалиться, не буду безумен»)? Это надобно разуместь не в отношении к похвале, но в отношении к справедливости того, чем хвалится, потому что если хвалиться свойственно безумному, то тем более лгать. В этом последнем отношении и говорит он: «не буду неразумен» («не буду безумен»). Потому и присовокупляет: «потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня» («истину бо реку; щажду же, да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит или слышит что от мене»). Вот истинная причина.

Действительно, за великие знамения его (и Варнаву) почли даже за богов (Деян.16:11). Подобно тому, как Бог создал стихии мира и немощными и славными, чтобы они чрез одно проповедали Его могущество, а чрез другое удерживали людей от заблуждения, так (и апостолы) были вместе и чудны и немощны, чтобы самыми делами научать неверных. В самом деле, если бы они, пребывая всегда чудными и не показывая в себе примеров немощи, стали одним словом убеждать людей не думать о них больше надлежащего, то не только не успели бы в этом, но еще и произвели бы противное. Их словесные увещания скорее были бы приписаны смирению, и заставили бы еще более им удивляться. Потому-то немощь их действительно обнаруживалась и в самых делах их. То же самое можно видеть и на примерах ветхозаветных мужей. Так, Илия был человек чудный, но некогда изобличал себя в боязливости (3Цар.19). Велик был и Моисей, но и он по той же самой немощи предался бегству (Исх.2). А подвергались они этому, когда Бог отступал от них, и попускал, чтобы изобличалась в них (немощь) человеческой природы. В самом деле, если израильтяне, когда их вывел из Египта Моисей, говорили: «где Моисей?», то чего бы они ни сказали, если бы он и ввел их (в обетованную

землю)? Поэтому (Павел) и говорит: «удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более» («щажду же, да не како кто вознепщует о мне»). Не сказал: «скажет», но – «даже не подумает обо мне более, нежели чего я достоин». Так и отсюда видно, что вся речь идет о нем. Потому и вначале сказал: «Не полезно хвалиться мне» («похвалитися не пользует ми»). Этого он не сказал бы, если бы то, что сказано им, он намеревался говорить о другом, – да и почему не полезно было бы хвалиться другим? Но он сам удостоился этих (откровений). Потому и говорит далее: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» («и за премногая откровения, да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет») (2Кор.12:7).

Что говоришь? Ужели ты, ни за что почитавший царство и геенну в сравнении с любовью ко Христу, почитал за что-нибудь честь от людей, так что превозносился и имел нужду в непрестанном обуздании? Ведь не сказал: «чтобы впредь мучил меня», но: «пусть мучит меня» («да ми пакости деет»). И кто бы мог сказать это? Что же значат слова его? Когда мы откроем, кто такой этот пакостник, и кто ангел сатанин, тогда и это скажем. Некоторые говорили, что он понимает какую-то головную боль, производимую диаволом. Но этого нельзя допустить. Тело Павлово не могло быть отдано в руки диавола, если сам диавол уступал тому же Павлу по одному его повелению. (Павел) полагал ему законы и пределы, – когда, например, предал ему блудника в измождение плоти (1Кор.5); и (диавол) не дерзал преступать их. Итак, что же значит сказанное? Сатана на еврейском языке значит – «противник». И Писание в третьей книге Царств (3Цар.5:4) называет этим именем противников. Повествуя именно о Соломоне, говорит: не было сатаны во дни его, то есть сопровтивника, который бы воевал с ним, или беспокоил его. Поэтому слова (апостола) имеют такой смысл: «Бог не благоволил, чтобы проповедь наша распространялась беспрепятственно, желая смирить наше высокое о себе мнение, но попустил противникам нападать на нас». Этого действительно достаточно было к низложению

гордых помыслов; а головная болезнь не могла этого произвести. Таким образом, под именем ангела сатанина он понимает Александра ковача, сообщников Именей и Филита, и всех противников слова, которые вступали с ним в состязания и противоборствовали ему, ввергали его в темницу, били и влачили, так как они делали дела сатанинские. Подобно тому как (Писание) называет сынами диавола иудеев за то, что они ревновали делам его, так и ангелом сатаны называет всякого сопротивника. Потому слова «дано мне жало в плоть удручать меня» («дадесе ми пакостник, да ми пакости деет») означают не то, что Бог сам вооружал противников, или наказывал и обуздывал чрез них (апостола), – да не будет! – а только то, что Он дозволял и попускал на время. «Трижды молил я Господа о том» («О сем трикраты Господа молих») (2Кор.12:8), то есть многократно.

3. И это показывает великое смирение (апостола), когда он не скрывает того, что не выносил вражеских наветов, но изнемогал и молился об освобождении от них. "Но *Господь* сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи"" («И рече ми: довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается») (2Кор.12:9), то есть: «Довольно для тебя, что ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, очищаешь прокаженных и творишь другие чудеса. Не домогайся жить в безопасности без страха и проповедовать без труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи того, что многие коварствуют против тебя, бьют тебя, гонят и бичуют. Это-то самое и показывает Мою силу. «Ибо сила Моя совершается в немощи» («Сила бо Моя в немощи совершается»), – то есть, когда вы, гонимые, одерживаете верх над гонителями, когда вы, преследуемые, побеждаете своих преследователей, когда вы, связываемые, обращаете в бегство связывающих. Итак, не желай излишнего». Замечаешь ли, как (апостол) представляет одну причину, а Бог другую? Тот говорит: «Чтобы я не превозношусь, дано мне жало в плоть» («да не превозношуся, дадесе ми пакостник плоти»); а Бог сказал, что попускает это для явления силы Своей. «Поэтому ты просишь не только излишнего, но даже помрачающего славу

Моего могущества». Именно слова: «довольно для тебя» («довлеет ти») показывают, что не нужно уже ничего другого прибавлять, но что все сделано. Таким образом, и отсюда видно, что здесь говорится не о головной боли, – больные не проповедовали, да и не могли бы проповедовать, – но о том, что (апостолы) гонимые и преследуемые все превозмогли. Услышав такой ответ, (Павел) говорит: «потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами» («сладце убо похваляюся в немощех моих»). Чтобы (коринфяне) не пали духом, видя, что лжеапостолы хвалятся совсем противным, а истинные (апостолы) терпят гонения, (Павел) показывает, что чрез гонения он делается еще славнее, что в этом особенно обнаруживается сила Божия, и что совершающееся с ним достойно того, чтобы хвалиться. Поэтому и говорит: «охотнее буду хвалиться» («сладце убо похваляюся»). «Не от скорби сказал я исчисленное мною выше, или упоминаемое теперь, то есть, что «дано мне жало в плоть» («дадесея ми пакостник»); напротив, я этим украшаюсь, и привлекаю на себя еще большую силу (от Бога)». Потому и присовокупляет: «чтобы обитала во мне сила Христова» («да вселится в мя сила Христова»). Здесь он дает разуместь и нечто другое, именно: в какой мере усиливались искушения, в такой мере умножалась и пребывала в нем благодать.

«Посему я благодушествую в немощах» многих («Темже благоволю в немощех»). В каких же, скажи мне? «В обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях» («В досаждениях, в изгнаниях, в бедах, в теснотах») (2Кор.12:10). Видишь ли, как ясно открыл теперь все? Говоря о роде немощей, он назвал не горячку, не повторяющуюся какую болезнь или другую телесную немощь, но обиды, гонения и притеснения. Видишь ли, какая благопокорная душа! Он желал избавиться от бедствий. Но когда услышал от Бога, что этому не должно быть, не только не пал духом, не получив просимого, но еще и радовался. Потому и сказал: «благодушествую» («благоволю»), радуюсь, желаю терпеть обиды, гонения и притеснения за Христа». Сказал же это, желая и тех (лжеапостолов) смирить, и их (коринфян) ободрить, чтобы они не стыдились Павловых страданий, потому

что такое терпение скорбей может сделать славнее всех. Потом выставляет и другую причину: «ибо, когда я немощен, тогда силен» («егда бо немощствую, тогда силен есмь»). «Чему дивишься, если в немощах обнаруживается сила Божия, и я тогда бываю силен? Тогда ведь особенно и действует благодать Божия».

По мере того как умножаются в нас страдания (Христовы), умножается и утешение наше (2Кор.1:5). Где скорбь, там и утешение; где утешение, там и благодать. Когда потерпел кораблекрушение, и занесен был в варварскую страну, тогда особенно прославился. Когда связанный вошел в судилище, тогда победил самого судию. Так бывало и в ветхом завете: среди искушений процветали праведники. Так три отрока, так Даниил, Моисей и Иосиф, – все чрез искушения сделались славными и удостоились великих венцов. Подлинно, тогда душа и очищается, когда терпит скорби ради Бога. Тогда она получает большую помощь, потому что имеет нужду в большем содействии (от Бога), и достойнее большей благодати. А, делаясь любомудрою, приобретает себе великие блага, не говоря уже о тех наградах, какие отложены для нее у Бога. В самом деле, скорбь искореняет высокомерие, отсекает всякое нерадение, приучает к терпению, обнаруживает ничтожество дел человеческих и приводит к великому любомудрию. Ей уступают все страсти: зависть, ревность, похоть, властолюбие, пристрастие к богатству, плотская любовь, гордость, высокомерие, гнев, и весь остальной рой (душевных) недугов. И если хочешь на самом деле видеть это на примерах – одного ли человека, или целого народа, то я могу тебе показать как живших в скорби, так и проводивших жизнь в благополучии, и научить, какая происходила польза от скорбей, и какая беспечность от недостатка их.

4. Так евреи, когда подвергались страданиям и гонениям, тогда стенали, призывали Бога, и получали свыше великую помощь; а когда утучнялись, тогда оставляли (Бога). Также ниневитяне, когда жили безмятежно, до того прогневали Бога, что Он угрожал истребить до основания весь город; а когда смирились, услышав проповедь (Ионы), тогда показали всякое

любомудрие. А если хочешь видеть пример на одном человеке, то вспомни о Соломоне. Когда он с заботой и беспокойством размышлял о том, как управлять народом, тогда удостоился Боговидения; а когда стал жить среди удовольствий, то впал в самую бездну нечестия. А что сказать об отце его? Когда он был чуден и удивителен? Не тогда ли, как был в искушениях? Авессалом не тогда ли только вел себя благоразумно, пока находился в бегстве? А, возвратившись, не сделался ли мучителем и отцеубийцею? Что скажем об Иове? Правда, он славен был и во время благополучия; но еще славнее он оказался после скорбей. Но нужно ли говорить о давнем и древнем? Если кто рассмотрит и настоящие наши дела, тот увидит, как велика польза скорбей. Ныне, наслаждаясь миром, мы ослабели, обленились, и наполнили Церковь тысячами зол. Когда же терпели гонения, тогда были целомудреннее, благонравнее, ревностнее и усерднее как к этим собраниям, так и к слушанию. Что огонь для золота, то скорбь для души: она стирает с нее скверну, делает ее чистою, светлою и ясною. Скорбь вводит в царство, а беспечальная жизнь – в геенну. Вот почему путь к царству тесен, а в геенну просторен. Потому (и Христос), как бы предлагая нам какое-нибудь великое благо, сказал: «В мире будете иметь скорбь» («в мире скорбни будете») (Ин.16:33). Итак, если ты ученик (Христов), иди путем тесным и скорбным; не ропщи и не унывай. Если ты (для Господа) не хочешь терпеть скорби, то все же будешь терпеть скорби по другим причинам, но без всякой для себя пользы. Так и завистник, и корыстолюбец, и привязавшийся к блуднице, и тщеславный, и преданный всякому другому пороку, терпит многия печали и скорби, и скорбит не меньше плачущих. Если же не проливает слез и не плачет, то от стыда и бесчувствия. А если бы ты проник в душу его, то увидел бы, что она обливается бесчисленными волнами. Итак, если и той и другой жизнью живущим необходимо должно скорбеть, то почему мы не избираем жизни, которая вместе со скорбью доставляет бесчисленные венцы? Всех святых Бог вел этим путем, – путем скорбей и тесноты, как для их собственной пользы, так и для

предохранения других, чтобы последние не думали о них выше их достоинства.

Действительно, от того и идолопоклонство сделалось господствующим, что дивились людям сверх их достоинства. Так римский сенат признал Александра тринадцатым богом, – сенат же имел такую власть производить и включать в число богов. Когда стали известны все дела Христовы, начальствовавший над (иудейским) народом послал спросить, не угодно ли будет и Его включить в число богов? Но сенат не соизволил, гневаясь и досадуя, что прежде его приговора и определения просияла сила Распятого и привлекла к почитанию всю вселенную. Впрочем, не по их воле устроилось, что не человеческим определением провозглашено божество Христа, и что Он не признан был одним из многих, произведенных в боги (римским сенатом). Сенат ведь признал богами и кулачных бойцов и любимца Адрианова, отчего и город Антиной получил свое название. Так как смерть свидетельствует о смертной природе людей, то диавол изобрел другой путь, именно воспользовался бессмертием души, и, присоединив к этому непомерную лесть, многих ввел в нечестие. И смотри, какая злокозненность! Когда мы рассуждаем о бессмертии с надлежащею целью, диавол внушает сомнения против истины; а когда сам хочет употребить ту же истину во вред, то всячески старается подтвердить ее. И если бы кто спросил: «Почему Александр бог? Не умер ли он, и даже жалким образом?» – (диавол) скажет: «Душа бессмертна». Теперь ты рассуждаешь о бессмертии и любомудрствуешь, чтобы отвлечь нас от Бога всяческих. А когда мы скажем, что бессмертие есть величайший дар Божий, тогда ты станешь уверять нас, как будто заблуждающихся, что мы низки, пресмыкаемся долу, и ничем не лучше бессловесных. Когда мы скажем, что Распятый жив, тотчас следует смех, хотя вся вселенная вопиет о том – и древле, и ныне; древле – чудесами, а ныне – обращением к Нему многих, так как такие дела не мертвому свойственны. А если кто скажет, что Александр жив, ты веришь этому, хотя не можешь представить ни одного знамения. «Да, – скажешь, – он сделал много великого во время жизни: покорил народы и

города, одержал победы во многих войнах и сражениях и воздвиг победные памятники».

5. Но если я представляю нечто такое, о чем ни он во время жизни, ни другой кто-либо из прежде бывших людей и помыслить не мог, то какого еще другого потребуешь доказательства воскресению? В самом деле, если царь, имеющий войско, при жизни счастливо ведет войны и одерживает победы, то в этом нет ничего удивительного, ничего странного и нового. Но после крестной смерти и погребения произвести везде, и на суше и на море, такие великие дела – это в высшей степени поразительно, и свидетельствует о божественном и неизреченном могуществе. Александр по смерти своей не восстановил разделенной и совершенно исчезнувшей державы своей. Да и как мог сделать это мертвый? Напротив, Христос тогда особенно и утвердил державу свою, когда умер. Но что говорить о Христе, когда и ученикам Своим Он дал силу прославляться по смерти? Скажи мне, где гроб Александра? Укажи мне и скажи, в какой день он умер? А рабов Христовых и гробы славны, так как находятся в царственном городе, и дни кончины известны, так как составляют торжество для целой вселенной. Александрова гроба не знают и свои; а гроб Христов знают и варвары.

И гробы рабов Распятого блистательнее царских дворцов, не только по величине и красоте строений, – хотя и в этом отношении они превосходнее, – но, что гораздо важнее, по ревности стекающих к ним. Сам облеченный в багряницу приходит лобызать эти гробы, и, отложивши гордость, стоит пред ними, и молит святых, чтобы предстательствовали за него пред Богом. В предстательстве умерших скинотворца и рыбаля имеет нужду облеченный в диадему. Итак, скажи мне, ужели дерзнешь называть мертвым их Владыку, когда рабы Его и по смерти предстательствуют за царей вселенной? И это может всякий, кому угодно, видеть не только в Риме, но и в Константинополе. И здесь сын Константина Великого почитал великой честью для родителя положить его в преддверии рыбаля. И что во дворцах царей привратники, то при гробах рыбаля цари. Рыбари, как владельцы места, занимают

внутренность, а цари, как присельники и соседи их, пожелали, чтоб им отведено было место у (наружных) дверей, а чрез это и неверующим показывают, что в воскресении рыбаки будут иметь преимущество. Ведь если здесь в гробницах такое (предпочтение), то тем более в воскресении.

Так изменяется порядок вещей! Цари заменяют место слуг и рабов, а подчиненные облачаются саном царей, или даже еще и более славным, а что в этом нет лести, в том уверяет самая истина. От гробов рыбаков и царские гробницы стали славнее, потому что эти гробы почитаются более, нежели все другие царские гробницы. Там глубокая пустыня, а здесь великое стечение народа. А если хочешь сравнить эти гробы и с царскими дворцами, то первенство опять на стороне первых. Из дворцов многие гонят народ, а сюда многие призывают и влекут богатых и бедных, мужчин и женщин, рабов и свободных. Там великий страх, а здесь неизреченное наслаждение. Приятно видеть царя, облеченного в золотую одежду и в венец, и видеть окружающих его военачальников, правителей, центурионов, трибунов и преторов. Но здесь все столько внушает уважения и благоговения, что первое в сравнении с этим не больше, как тень или детская забава. Едва ты переступаешь порог, самое место возносит мысль твою к небу, к горнему Царю, к воинству ангельскому, к престолу высокому, к неприступной славе. Здесь (на земле) начальнику предоставлено право одного из подданных разрешать от уз, а другого связывать; кости же святых имеют не эту жалкую и низкую власть, а гораздо высшую. Они предают суду и подвергают истязаниям демонов, разрешают связанных жестокими их узами. Какое судилище страшнее этого? Тогда как никого не видно, никто не давит демона, мы слышим вопли, терзания, бичевания, истязания, языки палимые, потому что демон не может сносить этой дивной силы. Те, которые были облечены в плоть, побеждают бесплотные силы. Прах, кости и пепел мучат существа невидимые. Вот почему для того, чтобы видеть царские дворцы, никто бы никогда не предпринял путешествия; напротив, многие цари часто путешествовали для такого зрелища. И это потому, что храмы святых мучеников представляют знамения и образы

будущего суда, так как здесь демоны мучатся, и люди наказываются и освобождаются. Видишь, какова сила святых и после смерти? Видишь, каково бессилие грешников даже и при жизни? Итак, убегай порока, чтобы тебе иметь верх над порочными, и со всем тщанием следуй добродетели. Ведь если настоящее так велико, то подумай, каково будущее. И непрестанно возбуждаемый такою любовью к добродетели, старайся восхитить вечную жизнь, которой все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 27

2Кор.12:11. Я дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили. Вам бы надлежало хвалить меня.

Апостол хвалит себя для спасения учеников. – Многосторонность апостольской любви. – Ничего нет бесполезнее человека, не умеющего любить. – Зависть – невыносимое зло.

1. Окончив речь о похвалах себе самому, (апостол) не остановился на этом, но снова защищается, и просит извинения в сказанном, говоря, что это сделал он по необходимости, а не по собственной охоте. Впрочем, несмотря и на необходимость, называет себя несмысленным. Вначале говорил: «примите меня, хотя как неразумного» («яко безумна примите мя»), или: «как бы в неразумии» («яко в безумии»); а теперь, отбросив «как», прямо называет себя несмысленным. Он достиг своею речью желаемого, и потому уже смело и без пощады нападает на этот недостаток, научая всех никогда не хвалиться без нужды, когда уже он, Павел, даже и по нужде похвалившись, назвал за то себя несмысленным. Потом и всю вину сказанного слагает не на лжеапостолов, но на учеников: "вы меня, – говорит, – к сему принудили» («мя понудисте»). Если бы (лжеапостолы) хвалились, но тем не вводили бы вас в заблуждение и погибель, то я не дошел бы до того, чтобы позволить себе такие слова. Но так как они растлили всю церковь, то, заботясь о вашей пользе, я принужден был сделаться несмысленным». И не сказал: «Я опасался, чтобы они, восхитивши над вами первенство, не посеяли у вас своего учения»; об этом сказал он прежде: «боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились» («боюсь, да не како, якоже змий Еву прельсти..., тако истлеют и разумы ваша») (2Кор.11:3); а здесь говорит не так, но с большим достоинством и с большею властью, сделавшись смелее вследствие сказанного.

«Вам бы надлежало хвалить меня» («Аз бо должен бых от вас хвалим бывати»). Потом представляет на это и причину; и

говорит опять не об одних откровениях, или чудесах, но и об искушениях. «Ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов» («Ничим же бо лишихся первейших апостол»). Смотри, как и здесь опять говорит с большею властью. Раньше он говорил: «я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка» ("непщую ничимже лишихся"); а здесь говорит уже положительно, потому что как я уже заметил, после представленных доказательств стал смелее. Впрочем, все еще не отступает от умеренности и от своего обычая. Но как сказавший нечто необычайное и высшее своего достоинства, потому что сопричислил себя к апостолам, опять употребляет скромное выражение, и присовокупляет: «хотя я и ничто, признаки Апостола оказались перед вами» («аще и ничтоже есмь, знамения апостола содеяшася в вас») (2Кор.12:11–12). «Смотри, – говорит, – не на то, что я незначителен и мал, но на то, получил ли ты от меня, что надлежало получить от апостола». И не сказал: «незначителен», но – что еще ниже: "ничто" ("ничтоже"). Какая, в самом деле, польза быть великим, и никому не приносить пользы? Так нет пользы и от искусного врача, который не вылечил ни одного больного.

«Итак, – говорит, – не рассуждай о том, что я ничего не значу; но смотри на то, что во всем, служившем к вашему благу, я не отстал от других, а, напротив, дал доказательство моего апостольства. Поэтому мне не было нужды говорить самому о себе». Говорил же это не для того, чтобы действительно искал похвалы – как мог нуждаться в похвалах тот, кто самое небо почитал малым в сравнении с любовью ко Христу? – но потому, что желал спасения (учеников своих). Затем, чтобы не сказали: «Что нам, если ты и ничем не ниже первейших апостолов?», он присовокупил: «Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знамениями, чудесами и силами» («знамения апостола содеяшася в вас, во всяком терпении и в знамениях и чудесах»). О, какую бездну совершенств выразил он в немногих словах! И смотри, что ставит на первом месте. Терпение – потому что признак апостола – все переносить великодушно. И о терпении выразился кратко, одним словом, между тем как о знамениях, которые совершены были не его

собственную силу, выразился несколькими словами. Но представь себе, сколько уз, сколько ударов, сколько опасностей, сколько наветов, какое множество искушений разумел он здесь, сколько браней внутренних и внешних, сколько печалей, сколько нападений выразил он одним словом – "терпение". А словом "знамения" не изобразил ли опять того, сколько им воскрешено мертвецов, сколько исцелено слепцов, сколько очищено прокаженных, сколько изгнано демонов? Слыша это, научимся и мы, если даже нас заставляет необходимость говорить о своих заслугах, не распространяться о них, как поступил и сам (Павел).

2. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: «Хотя ты велик и сделал много, однако, не столько, сколько апостолы в других церквях», (Павел) присовокупил: «Ибо чего у вас недостает перед прочими церквями?» («что бо есть, егоже лишистесь паче прочих церквей?») (2Кор.12:13). «И вы, – говорит, – в сравнении с прочими церквями причастны не меньшей благодати». Но, может быть, кто-нибудь скажет: «Для чего он переводит речь на апостолов, оставив борьбу с лжеапостолами?» Для того, чтобы больше возбудить их внимание и показать, что он не только лучше их (лжеапостолов), но и не ниже великих апостолов. Вот почему, рассуждая о них (лжеапостолах), он говорит: "я больше" ("паче аз"); а когда сравнивает себя с апостолами, то считает достаточным для себя быть не ниже их, хотя и более их потрудился. Вместе с тем он показывает чрез это, что (коринфяне) обижают и самих апостолов, когда равного им ставят ниже лжеапостолов.

«Разве только того, что сам я не был вам в тягость?» («Разве точию, яко аз сам не стужих вам?»). Апостол опять делает (коринфянам) строгий упрек; а последующие слова еще сильнее: «Простите мне такую вину» («дадите ми неправду сию»). Но и при всей строгости, в них выражается любовь и похвала (коринфянам), если только и сами они считают для себя обидою, что апостол не соглашался ничего брать у них, и не осмеливался получать от них себе пропитания. «Если, – говорит, – вы обвиняете меня в этом, то (не сказал: «несправедливо обвиняете», но гораздо благосклоннее) прошу

извинения, простите мне этот грех». И заметь, какое благоразумие! Так как этот упрек, часто повторяемый, наносил им бесчестие, то он каждый раз смягчает его. Так, выше сказав: «По истине Христовой во мне скажу, что похвала сия не отнимется у меня» («есть истина Христова во мне, яко похваление сие не заградится о мне») (2Кор.11:10), вслед затем говорит: «Потому ли, что не люблю вас? Богу известно! ...чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались *такими же*, как и мы" («не люблю ли вас? Бог весть...; но да отсеку вину хотящим вины, и да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы») (2Кор.11:11–12). И в первом послании: «За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно» («кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие») (1Кор.9:18). И здесь опять говорит: «Простите мне такую вину» («дадите ми неправду сию»). Везде он старается не показать, что не берет по причине их немощи. Поэтому и здесь говорит: «Если вы это ставите мне в вину, то прошу прощения». А, говоря таким образом, он и наносит им рану, и врачует ее. Не говори: «Если хочешь нанести удар, то для чего извиняешься? Если хочешь врачевать, то для чего наносишь удар?» В том и состоит благоразумие, чтобы и рассечь, и перевязать рану. Потом, чтобы не подумали, как я и прежде сказал, что (апостол) часто обращается к одному и тому же с намерением получить что-нибудь от них, он отклоняет такое подозрение, подобно тому, как и в первом послании, когда говорил: «написал это не для того, чтобы так было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою» («не писал же, да тако будет о мне; добре бо мне паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднит») (1Кор.9:15).

(То же самое, только) приятнее и благосклоннее, (выражает он) и здесь. Как же именно? «Вот, в третий раз, – говорит он, – я готов идти к вам, и не буду отягощать вас, ибо я ищу не вашего, а вас. Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей» («Се, третье готов приити к вам, и не стужу вам; не ищу бо ваших, но вас. Не должны бо суть чада родителем снискати имения, но родители чадом») (2Кор.12:14).

Смысл его слов такой: «Не прихожу к вам не потому, что не беру; напротив, я приходил уже в другой раз, и в третий готов идти, и опять не буду вам в тягость». И причина тому уважительная. Не сказал: «Не хочу быть вам в тягость, потому что вы скупы, потому чтобы этим обременитесь, потому что вы немощны». Но что говорит? – «Ибо я ищу не вашего, а вас» («Не ищу бо ваших, но вас»). А ищу большего: вместо денег – душ, вместо золота – спасения». Потом, так как оставалось еще место подозрению, что он огорчен ими, он представляет и рассуждение. Они естественно могли сказать: «Разве нельзя искать и нас, и нашего?» Поэтому он оправдывает их с великою благосклонностью, говоря: «Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей» («не должны бо суть чада родителем снискати имения, но родители чадом»). Вместо наименований «учителя и ученики», употребляет слова «родители и дети», и показывает, что вменяет себе в обязанность и то, к чему не был обязан, так как Христос не дал такого повеления, а (апостол) из снисхождения (к коринфянам) говорит это. Потому же присовокупляет и нечто большее: сказал не только то, что дети не должны снискивать для родителей имения, но еще и то, что родители обязаны это делать.

Итак, если родители обязаны давать, то "Я, – говорит, – охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши» («аз в сладость иждиву, и иждивен буду по душам ваших») (2Кор.12:15). «Родителям собирать имение для детей повелел закон природы, а я, – говорит, – не только это исполняю, но даже отдаю самого себя». Верх щедрости – не только ничего не брать, но и отдавать свое, и отдавать не просто, но с великим усердием, даже при недостатке. На это и указывает (апостол) выражением «истощать себя» («иждивен буду»). «Хотя бы нужно было изнурить самую плоть, не пощажу ее ради вашего спасения». Следующие за этим слова выражают и любовь, и упрек: «несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами» («аще и излишше вас любя, менее любим есмь»). «И это, – говорит, – я делаю для тех, которых я люблю, и которые не любят меня в той же мере». Итак, смотри теперь, сколько здесь степеней: надлежало брать, а он не брал – это

первая заслуга; не брал, находясь в бедности – это вторая; не брал, когда им проповедовал – это третья; сам дает им – это четвертая; и не просто дает, но с избытком – это пятая; отдает не имение только, но и самого себя – это шестая; отдает себя за тех, которые не очень его любят – это седьмая; и которых он весьма любит – это восьмая.

3. Будем же и мы соревновать ему. Велик грех – (ненавидеть и) не иметь любви; но еще больший грех, если кто на любовь не отвечает любовью. Если любящий любящего не имеет никакого преимущества пред мытарями, то не имеющий и этого хуже самых зверей. Что ты говоришь, человек? Ты не любишь любящего? Для чего же ты живешь? К чему ты после этого годеи? К каким делам – к общественным или к частным? Ни к чему. Подлинно, нет ничего бесполезнее человека, не умеющего любить. Закону любви часто покорялись и разбойники, и убийцы, и воры; вкусив только вместе соли, делались они другими, и за общим столом переменяли свой нрав. А ты, имея общение с другим не только за солью, но в словах и делах, во входах и исходах, не любишь его? Предающиеся постыдной любви расточают все свое имущество на бесчестных женщин; а ты, имея честную любовь, так холоден, немощен, бессилен, что не в состоянии любить даже и тогда, когда это не стоит никаких издержек? «Но кто же, – скажешь, – будет так жалок, кто так звероподобен, что мог бы отвращаться и ненавидеть любящего?» Хорошо делаешь, что, по причине несообразности дела, не веришь. Но если я укажу тебе многих людей такого рода, то как нам стерпеть тогда такой стыд?

В самом деле, когда ты злословишь любящего тебя, когда, слыша о нем худые речи, не защищаешь его, когда завидуешь его доброй славе, то что это за любовь? Конечно, и не завидовать – еще не достаточное доказательство дружбы, равно как и не враждовать и не преследовать; надобно поддерживать любящего нас, и споспешествовать его выгодам. Когда же человек все говорит и делает, чтобы еще и погубить ближнего, то что может быть несчастнее такой души? Вчера и сегодня утром ты был другом, разделял с ним беседу и стол, а

затем вдруг, увидев, что член твой благоуспевает, ты сбрасываешь с себя личину дружбы, враждуешь, даже безумствуешь, – потому что явное ведь безумие терзаться благополучием ближнего. Это свойственно только одуревшим и бешеным собакам; подобно им, и раздраженные завистью набрасываются на каждого. Лучше иметь змею, клубящуюся в утробе, нежели зависть, внутри гнездящуюся. Змею можно еще или изbleвать при помощи лекарства, или усмирить пищею; но зависть не в утробе гнездится, а живет в самых недрах души, и есть болезнь, с трудом излечиваемая. Змея, находящаяся во внутренности, когда есть для нее другая пища, не трогает тела человеческого; зависть же, хотя бы предложили ей тысячу снедей, пожирает самую душу, со всех сторон ее грызет, терзает и рвет; для нее нельзя найти никакого успокоительного средства, которое сокращало бы ее неистовство, кроме одного только – несчастья с благоденствующим. Тогда она успокаивается. Вернее же сказать, и то (средство) недействительно. Пусть этот и злостраждет; но, видя другого благоденствующим, она сдается теми же муками; для нее отовсюду раны, отовсюду удары, потому что, живя на земле, невозможно не видеть счастливых. И так велика сила этой болезни, что подверженный ей, хотя бы заключился и внутри дома, завидует прежним, уже умершим людям. Велико зло, что страдают завистью люди, живущие в мире, хотя это и не так еще страшно; но когда этой же болезнью одержимы люди, уже освободившиеся от треволнений – это тяжелее всего. Желал бы я молчать; но если бы молчание уничтожало и стыд, причиняемый делами, то полезно было бы не говорить. А если, хотя я умолчу, самые дела будут вопиять громче моего языка, то вреда от моих слов никакого не будет, поскольку пороки выставляются нами на позор, и какая-нибудь выгода и польза, может быть, произойдет. Эта болезнь коснулась и церкви, все извратила, расторгла союз тела, и, вооружаемые завистью, мы восстаем друг против друга. Отсюда произошло великое развращение. В самом деле, если и при общем всех созидании не легко достигнуть, чтобы твердо стояли назидаемые, то какой же будет конец, когда все будем разрушать?

4. Что ты делаешь, человек? Ты считаешь полезным разрушать благосостояние ближнего; но прежде него ты разрушаешь свое собственное. Не видишь ли, как и садовники, и земледельцы, – все стремятся к одной цели? Один копает землю, другой насаждает растение, иной прикрывает корень, иной поливает посаженное, иной ограждает и обносит стеною, иной отгоняет скот – и все заботятся об одном – чтобы оберечь растение. А тут не так. Напротив, я насаждаю, а другой колеблет и ослабляет насажденное. Дай, по крайней мере, хорошо укрепиться ему, чтобы оно приобрело силу противиться навету. Ты не мое дело губишь, а свое расстраиваешь. Я насадил, тебе надлежало поливать. Если же ты станешь потрясать насажденное, выдернешь и самый корень, то тебе нечего будет и поливать. Но ты видишь, что насаждающий пользуется почетом? Не бойся, – ни ты, ни я ничего не значим, потому что «и насаждающий, и поливающий есть ничто» («ни насаждаяй, ни напаяяй есть что») (1Кор.3:7); все дело принадлежит одному Богу, так что ты восстаешь и враждуешь на Бога, если исторгаешь насажденное. Итак, надобно, наконец, образумиться, придти в сознание. Я не столько боюсь внешней войны, сколько борьбы внутренней. Если корень хорошо укреплен в земле, то не потерпит вреда от ветров; а если шатается, потому что внутри подточен червем, то дерево упадет, хотя бы никто его не трогал.

Долго ли будем и мы, подобно червям, подтачивать корень церкви? Подлинно, от земли рождаются таковые помыслы, или лучше сказать – и не от земли, а от нечистот, потому что имеют мать свою гниль, и недалеко отстоят от самых отвратительных женских отправления. Сделаемся когда-нибудь доблестными мужами, станем подвижниками любомудрия, отразим сильное стремление этих зол! Я вижу, что многочисленные чада церкви повержены ныне долу, подобно мертвому телу. И как в теле, недавно умершем, хотя можно еще видеть и глаза, и руки, и ноги, и шею, и голову, однако ни один член не исправляет своего дела, – так и здесь присутствующие. Здесь все – верные, но вера их бездейственна. Мы погасили ревность, и тело Христово соделали мертвым. Страшно

выговорить это; но гораздо страшнее видеть на самом деле. По имени мы братья, а по делам враги; все называемся членами одного тела, а чужды друг другу как звери. Говорю это не для того, чтобы выставить на позор дела наши, но чтобы пристыдить и отвратить от них. Кто-нибудь вошел в дом, принят с честью; надлежало бы благодарить Бога за то, что член твой пользуется почтением, и в нем прославляется Бог, а ты поступаешь напротив: говоришь о нем худо тому, кто почтил его, чтобы обоих свалить, да и на себя навлечь стыд.

Для чего, несчастный и жалкий человек, ты скорбишь, слыша, что брата твоего хвалят или пред мужами, или пред женами? Приложи и свои похвалы, тогда и себе доставишь похвалу. Если же отрицаешь похвалу, то, прежде всего, сам о себе говоришь худо, навлекая на себя худую славу, а его еще более возносишь. Когда слышишь похвалы другому, старайся сделать, чтобы они относились и к тебе, если не за жизнь и добродетель твою, то, по крайней мере, за то, что радуешься совершенствам в брате. Один похвалил, и ты удивляйся: тогда и тебя он похвалит как человека благонамеренного и правдивого. Не опасайся, что унизишь себя, хваля другого; скорее приведет к тому твое осуждение. Люди своенравны, и когда видят, что ты говоришь худо, упорствуют в похвалах, желая тем уязвить тебя, а обвинителей выставить лжецами и в собственных их глазах, и пред другими. Видишь ли, какой позор навлекаем мы сами на себя, как губим и разгоняем паству? Сделаемся же, наконец, членами, составим одно тело. Кого хвалят, тот пусть отказывается от похвал и пусть относит их к своему брату; а кто слышит похвалу другому, пусть радуется об этом. Если мы будем находиться в таком тесном союзе, то привлечем к себе и Главу тела; если же будем разъединены, то лишимся Ее помощи; а без Нее тело, не будучи поддерживаемо свыше, потерпит великий вред. Итак, чтобы этого не случилось с нами, отвергнем ненависть и зависть, и, презрев людскую славу, облобызаем любовь и согласие. Таким образом сделаемся причастниками и настоящих, и будущих благ, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа

нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 28

2Кор.12:16–18. Положим, что сам я не обременял вас, но, будучи хитр, лукавством брал с вас. Но пользовался ли я чем от вас через кого-нибудь из тех, кого посылал к вам? Я упросил Тита и послал с ним одного из братьев: Тит воспользовался ли чем от вас? Не в одном ли духе мы действовали? Не одним ли путем ходили?

Ограждение от подозрений в корыстолюбии. – Учитель соболезнует о несчастиях учеников. – Добродетель страшна для ее противников.

1. Очень неясно сказаны эти слова Павлом, но не без цели и не напрасно. Так как речь идет о деньгах, и (апостол) защищается, что он ничего не берет, то и прилично ему было прикрыть свои слова. Что же, однако, значит сказанное? Раньше (апостол) сказал, что он ничего не брал, напротив – даже готов отдать и издержать свое, и много рассуждал о том, как в этом послании, так и в первом. А теперь говорит нечто другое – как бы вводит слова из сделанного ему возражения и предварительно разрешает его. Вот смысл сказанного им: «Я не искал от вас прибытков, но, может быть, иной скажет, что, хотя сам я и ничего не брал, но, как человек хитрый, настроил посланных мною от своего лица просить у вас чего-нибудь, и от них сам получал, а, таким образом, получая чрез других, отклонял от себя подозрение, что беру сам. Но и этого никто не может сказать. Свидетели тому вы сами». Вот почему он и ведет речь вопросами, говоря: «Я упросил Тита и послал с ним одного из братьев: Тит воспользовался ли чем от вас?» («умолих Тита, и с ним послах брата. Еда лихоимствова чим вас Тит?») Не так же ли он приходил к вам, как и я?» То есть, и он ничего не брал. Видишь ли, с каким тщанием старался он не только себя сохранить чистым от корыстолюбия, но и посылаемых им поставить так, чтобы не подать и малого предлога желавшим порицать его?

Это гораздо выше того, что сделал патриарх (Авраам). Этот последний, возвращаясь с победы, когда царь давал ему часть

военной добычи, отказался взять больше того, что съели его домочадцы; а он (Павел), как сам не пользовался, так и сотрудникам своим не позволял пользоваться даже необходимою пищею, чтобы таким образом совершенно заградить уста бесстыдных. Поэтому он не сам от себя говорит, что они ничего не брали, но, что гораздо важнее, представляет в этом свидетелями самих коринфян, чтобы свидетельство шло не от собственного его лица, но утверждалось на их приговоре. Так обыкновенно поступаем мы, когда дело идет о чем-нибудь очевидном и не подлежащем никакому сомнению. «Скажите, – говорит (апостол), – разве кто-нибудь из посланных нами обогатился чем от вас?» Не говорит: «Разве кто взял что-нибудь у вас?» Но называет такое дело лихоимством, укоряя их тем, приводя в стыд, и показывая, что брать у кого-нибудь против воли его есть лихоимство. И не сказал: «Тит», но: «кто-нибудь», то есть: «Вы не можете и того сказать, что хотя один не брал, но брал другой. Напротив, не брал ни один из посланных».

«Упросил Тита» («Умолих Тита»). И это сказано с укоризной. Не сказал: «я послал Тита», но – "упросил" ("умолих"), показывая тем, что если бы он и взял что у них, то взял бы по праву; однако он и при всем том остался чистым. Поэтому опять спрашивает их: «Тит воспользовался ли чем от вас? Не в одном ли духе мы действовали?» («еда лихоимствова чим вас Тит? Не тем же ли духом ходихом?») Что значит: «в одном духе» («тем же духом»)? То, что он все приписывает благодати, и показывает, что все достойное похвалы совершено не нашими трудами, но есть дело дара Духа и благодати. Подлинно, величайшая была благодать, когда терпевшие во всем недостаток и голодавшие ничего не брали ради назидания наставляемых. «Не одним ли путем ходили?» («Не теми же ли стопами?») То есть: «Они нисколько не отступили от принятой мною осторожности, но сохранили то же правило». «Не думаете ли еще, что мы *только* оправдываемся перед вами?» («Паки ли мните, яко ответ вам творим?») (2Кор.12:19). Видишь ли, с каким апостольским благоразумием часто повторяет это? Так раньше сказал: «Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами» («не паки себе хвалим пред вами, но

вину даем вам похвалению») (2Кор.5:12), и в начале послания: «Неужели нужны для нас... одобрительные письма к вам или от вас?» («или требуем... извещательных посланий») (2Кор.3:1). «И все это, возлюбленные, к вашему назиданию» («Вся же о вашем созидании»). Опять успокаивает их. Но даже и здесь не говорит ясно: «Мы не брали у вас по причине вашей немощи, но для вашего назидания», хотя, правда, яснее, чем прежде высказал, что огорчило его, впрочем, без укоризны. Именно, не сказал: «по причине немощи вашей», но – «чтобы вы получили назидание».

«Ибо я опасюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете» («Боюсь бо, еда како пришед, не яцех же хощу, обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хотите») (2Кор.12:20). (Апостол) хочет сказать нечто важное и для них неприятное; потому и представляет оправдание, говоря: «все это к вашему назиданию» («вся же о вашем созидании»), а присовокупляя: "опасаюсь" ("боюсь"), смягчает то, что намерен был сказать. Это уже показывает не высокомерие или учительскую власть, но отеческую попечительность, когда он страшится более, чем сами согрешившие, и с трепетом приступает к их исправлению. Но даже и так не нападает на них и говорит не прямо, а в виде сомнения: «чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю» («еда како пришед, не яцех же хощу»). Не сказал: «добродетельными», но: «какими не желаю» («не яцех же хощу»), везде употребляя слова, выражающие дружескую любовь. И слово "найти" ("обрящу") выражает нечто неожиданное, равно как и «вам не найти меня» («обрящуся вам»), поскольку то и другое – дело не произвольное, но необходимое, имеющее начало в вас самих. Поэтому говорит: «чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете» («обрящуся, якова же не хотите»). Не сказал и здесь: «каковым я не хочу», но гораздо разительнее – «таким, каким не желаете» («якова же не хотите»). Это было уже в его воле, хотя не главным образом, однако же, в его воле. Он мог опять сказать: «каковым я не хочу», и тем показать свою любовь; но не хочет,

чтобы ослабевал слушатель; притом и речь его в таком случае была бы гораздо строже. А теперь он и им сильнее дал почувствовать, и себя показал более кротким. Так свойственно действовать его благоразумию – чтобы и рана была глубже, и удар легче. Потом, ввиду того, что сказанное было неясно, он раскрывает это, говоря: "чтобы *не найти у вас* раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков» («да не како рвения, зависти, ярости, клеветы, шептания, кичения»). Таким образом, что надлежало сказать в начале, он говорит в конце, потому что они восставали против него. Итак, не желая подать вида, что главным образом ищет своего, говорит сначала вообще.

2. Действительно, все вышеуказанное – клеветы, обвинения, разногласия – порождено было завистью. Зависть, как вредный корень, порождала раздражение, осуждение, высокомерие, и все прочее, а чрез них и сама еще более возрастала. «Чтобы опять, когда приду, не унижил меня у вас Бог мой» («Да не паки пришедша смирит мя Бог мой у вас») (2Кор.12:21). В слове "опять" ("паки") – новый упрек. «Довольно и прежнего», – говорит он, о чем и вначале говорил: «щадя вас, я доселе не приходил в Коринф» («щадя вас, не приидох в Коринф») (2Кор.1:23). Видишь, как он выказывает и негодование и сердоболие? Что же значит слово "унижит" ("смирит")? Обвинять, наказывать, требовать отчета, восседать в качестве судьи, составляет, по-видимому, славу, а он называет все это смирением. Он не только не стыдился этого смирения – того, что пришествие тела его немошно и слово унижено, но даже желал всегда быть таковым, и просил, чтобы не дойти до противного состояния. Об этом дальше он говорит яснее, показывая, что считает для себя наибольшим смирением дойти до необходимости карать и наказывать. Но почему он не сказал: «да не пришед смирюсь», но: «чтобы опять, когда приду, не унижил меня у вас Бог мой» («да не пришедша смирит мя Бог мой»)? «Если бы это было не для Бога, – говорит он, – я не обратил бы на то внимания, не беспокоился бы о том, потому что я не самовластно и не самовольно налагаю наказание, но по (Божью) повелению». Выше он то же самое выразил, сказав:

«чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете» («обрящуся, якова же не хотите»); а здесь ослабляет речь и говорит с большею снисходительностью и кротостью: "чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде» («восплачуся многих согрешших»), – не просто «согрешили» («согрешших»), но «не покаяться» («не покаявшихся»). И не сказал: «всех», но – "многих", причем и этих многих не объявляет по имени, облегчая и этим для них возврат на путь покаяния и давая знать, что покаяние может исправить их преступления; оплакивает только не раскаивающихся, неисцелимо больных, остающихся в язвах.

Итак, представь себе, какова добродетель апостола, если он, не зная за собою ничего худого, плачет о чужих грехах и смиряется за преступления других. В этом преимущественно и состоит долг учителя, чтобы соболезновать о несчастьях учеников, чтобы плакать и рыдать о язвах людей, ему подначальных. Потом исчисляет и роды греха: «в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали» («о студоложствии и нечистоте, яже содеяша»). Хотя сам (апостол) понимает здесь блуд, но если тщательно вникнуть в дело, то можно назвать этим именем и всякий род греха, потому что хотя блудник и прелюбодей по преимуществу называются нечистыми, но и другие грехи производят нечистоту в душе. Вот почему и Христос называет иудеев нечистыми, обвиняя их не в одном блуде, но и в других пороках. Потому и говорит, что они очистили только внешнее (Мф.23:26), и что «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека» («не входящее... сквернит человека, но исходящее») (Мф.15:11). И в другом месте сказано: «Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем» («нечист пред Господом всяк высокосердый») (Притч.16:5). И вполне справедливо, потому что ничего нет чище добродетели, и ничего грязнее – порока. Добродетель светлее солнца, а порок смраднее навоза. И это могут засвидетельствовать сами погрязшие в навозе и живущие во тьме, если кто-нибудь хотя несколько откроет им глаза. Доколе они остаются сами с собою и упиваются страстью, до тех пор, пребывая как бы во тьме, они бесстыдно

погрязают в мерзостях порока, и хотя чувствуют свое положение, но не совершенно. Когда же кто-нибудь из добродетельных обличает их, или только является пред ними, тогда они яснее видят свое жалкое положение, и, как бы освещаемые солнечным лучом, скрывают свою гнусность и стыдятся знакомых, хотя один раб, а другой свободный, один царь, а другой подданный.

Так устыдился Ахав, увидев Илию, и, раньше, чем последний сказал что-нибудь, уловлен был его одним взором. Обвинитель молчал, а он сам произнес осуждающий его приговор, говоря, как попавшийся в плен: «нашел ты меня, враг мой» («обрел еси мя, враже мой») (3Цар.21:20). Так сам Илия безбоязненно говорил тогда мучителю. Так Ирод, не снося стыда от обличений (а великий и трубный глас пророческого языка явно укорял его), вверг в темницу Иоанна. Как бы будучи обнаженным, он хотел погасить светильник, чтобы опять остаться во мраке. Или, лучше – сам не дерзнул погасить, но поставил в дому, как бы под спудом, а жалкая и несчастная женщина принудила его сделать это. Но и таким образом они не могли скрыть обличения, а только еще более обнаружили его, так как и спрашивавшие: «За что Иоанн посажен в темницу?» – узнавали причину, а впоследствии и все населяющие море и сушу, все, сколько доселе было, есть и будет людей, ясно узнали и будут узнавать об их гнусных делах, то есть о распутстве и убийстве, и никакое время не сможет истребить памяти об этом преступлении.

3. Такова добродетель! Так бессмертна память ее! Так одним словом поражает она своих противников! Действительно, за что (Ирод) заключил (Иоанна) в темницу? Почему не оставил его без внимания? Ужели бы (Иоанн) повлек его в судилище? Ужели бы наказал за прелюбодеяние? Все сказанное (Иоанном) не состояло ли в одном обличении? Чего же (Ирод) боялся и трепетал? Не простая ли это была речь, не одни ли только слова? Но они уязвляли его сильнее самого дела. (Иоанн) не повел его в обыкновенное судилище, но предал его на иной суд, суд собственной совести, и всех поставил над ним судиями, все в сердце своем полновластно произносили тогда над ним

приговор. Потому-то тиран и трепетал, не снося сияния добродетели. Видишь ли, какова сила Любомудрия? Оно узника сделало славнее тирана, так что последний страшился и трепетал первого. Но (Ирод) заключил только в оковы (Иоанна); а беззаконная (Иродиада) подвигла и на убийство. Между тем, (Иоанново) обвинение падало больше на него, потому что не ей говорил тогда (Иоанн): «Для чего ты живешь с тираном?» Не обличал же ее не потому, чтобы она не подлежала ответственности (могло ли это быть?), но потому, что он хотел исправить все (начав с Ирода). Поэтому и укорял его одного, и мало того – даже и его укорял не строго. Не говорил: «Скверный и гнусный, беззаконный и мерзкий! Ты попрал закон Божий, презрел заповеди Божии, и силу свою сделал для себя законом». Он не сказал ничего такого, но и в обличениях его видна большая умеренность и кротость: «не должно тебе иметь, – говорил он, – жену брата твоего» («не достоин тебе имети жену [Филиппа] брата твоего») (Мк.6:18). Такие слова более приличны учащему, нежели обличающему; вразумляющему, нежели наказывающему; руководствующему, нежели позорящему; исправляющему, нежели нападающему. Но, как я сказал, вору враждебен свет, грешникам ненавистен праведник, даже и при одном своем появлении: «Тяжело нам и смотреть на него» («тяжек нам и к видению») (Прем.2:15). (Грешники) не могут сносить лучей его, как больные глаза – лучей солнечных.

А многим грешникам тяжело не только видеть праведника, а даже и слышать о нем. Вот почему и та скверная и гнусная женщина, наставница, или, лучше сказать, убийца своей дочери, хотя сама даже не видела (Иоанна) и не слыхала его речей, устремилась на убийство, и распутно воспитанную дочь заставила распутно идти на убийство. Так сильно боялась она (Иоанна)! И что говорит? «Дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя» («Дажь ми zde на блюде главу Иоанна Крестителя») (Мф.14:8). Бедная и несчастная, в какую несешься ты пропасть? Разве пришел твой обличитель? Разве он пред тобою, и беспокоит тебя? Иные говорили: «Тяжело нам и смотреть на него» («тяжек есть нам и к видению»); а ей, как сказал я, тяжек был и для слуха, почему и она говорит: «дай

мне здесь на блюде голову Иоанна» («даждь ми zde на блюде главу Иоанна»). За тебя (Иродиада, Иоанн) в темнице, за тебя заключен в оковы; ты можешь тщеславиться любовью царя и говоришь: «Я овладела им, но и всенародно обличенный не охладел ко мне, не перестал меня любить, не отверг любоддеяния со мною, но даже и обличителя заключил в оковы». Что же ты бесишься и неистовствуешь, когда и по обличении греха имеешь мужа? Для чего ищешь трапезы фурий и готовишь пир для убийц – демонов? Видишь ли, как ничтожна, как робка, как бессильна злоба, как она чем более одолевает, тем становится слабее? (Иродиада) не столько беспокоилась, когда Иоанн еще не был заключен в темницу, сколько тревожится, когда он уже связан. И потому настоятельно просит: «Дай мне здесь на блюде голову Иоанна». Для чего же – "здесь"? «Боюсь, – говорит она, – чтобы не обманули ложным известием об убиении, чтобы кто-нибудь не избавил (Иоанна) от гибели». Но почему просишь не всего мертвеца, а одну главу? «Страстно желаю, – говорит, – видеть безмолвным язык, оскорбивший меня». Но, бедная и несчастная! Ты увидишь противное (как то и случилось): отсеченная голова будет говорить еще громче прежнего. Тогда Иоанн вопиал в одной только Иудее, а теперь его глас дойдет до пределов вселенной; и где ни войдешь в церковь, у мавров ли, или у персов, или даже на британских островах – везде услышишь вопиющего Иоанна: «Не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего». Но (Иродиада) не умела рассуждать; она неотступно просит, требует, понуждает бессмысленного тирана совершить убийство, боясь, чтобы он не одумался.

А ты и отсюда познай опять силу добродетели. Не выносит праведника, когда он заключен даже в темницы, находится в оковах, молчит. Видишь ли, как порок бессилен и как нечист? Вот вносят на блюде человеческую главу вместо снедей. Что отвратительнее, что порочнее, что бесстыднее этой девицы? Что она сказала на диавольском зрелище, на демонском пиршестве? Видишь ли язык, и еще язык – один доставляет спасительные врачества, а другой носит на себе яд и уготовляет диавольское пиршество. Но почему она не велела обезглавить

его среди самого пиршества, что доставило бы ей более удовольствия? Опасалась, чтобы (Иоанн), представши на пиршестве, своим видом и дерзновением не преклонил к себе всех. Потому и требует главы, желая воздвигнуть блистательный памятник любодееанию: «а она отнесла матери своей» («И даде матери своей») (Мк.6:28).

4. Видишь ли награду за пляску? Видишь ли добычу диавольских козней? Я разумею не главу Иоанна, но самого мужа (Ирода). В самом деле, кто тщательно вникнет, тот увидит, что над царем одержана победа, что победительница сама побеждена, а обезглавленный увенчан, провозглашен победителем, и по смерти своей еще сильнее поражает страхом сердца грешников. А что сказанное – не пустые слова, спроси самого Ирода. Когда он услышал о чудесах Христовых, то говорил: «это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им» («сей есть Иоанн; той воскрес от мертвых и сего ради силы деются о нем») (Мф.14:2). Так сильно он боялся и непрестанно трепетал, и никто не мог освободить его от страха совести; напротив – судия этот оставался неподкупным, мучил его, и каждодневно наказывал за убийство. Итак, зная это, убоимся не претерпевать, но делать зло. Одно есть победа, а другое – поражение. Потому и Павел говорил: «Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными?... Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев» («почто не паче обидими есте?... Но вы [сами] обидите и лишаете, да еще братию») (1Кор.6:7–8). Терпящему зло готовы венцы, награды и прославление. И это можно видеть на всех святых. Если же все таким образом увенчаны и провозглашены победителями, то и мы пойдем тем же путем; будем молиться, чтобы не впасть в искушение; а если оно придет, то, вооружившись мужеством, покажем должную ревность, чтобы получить нам будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 29

2Кор.13:1. В третий уже раз иду к вам. При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово.

Различные виды «немощи». – Восхваление Павла. – Каким путем достигается слава.

1. Любомудрие Павла и его отеческое суровое сердце можно видеть из многого другого, а преимущественно – из того, что он в увещаниях обилен и строг, а в наказаниях мягок и медлителен. Он не тотчас наказал согрешивших, но двукратно увещевал их; мало того, даже и после того, как они преслушали его увещания, не наказывает, но опять увещевает, говоря: «В третий уже раз иду к вам («се третицею грядущу к вам»), а до пришествия пишу еще послание». А чтобы медленность не произвела беспечности, смотри, как и это предотвращает, непрестанно угрожая, напрягая удар и говоря: «когда опять приду, не пощажу» («еще прииду паки, не пощажу»); и еще: «чтобы опять, когда приду... не оплакивать мне многих» («да не пришед..., восплачуся многих»). Так поступает он и говорит, подражая в этом случае Владыке всех. И Бог, хотя непрестанно угрожает и многократно увещевает, но не часто карает и наказывает. Так поступает и он. Потому и прежде говорил: «щадя вас, я доселе не приходил в Коринф» («щадя вас, ктому не приидох в Коринф») (2Кор.1:23). Что значит – "щадя вас"? Т. е., «чтобы, нашедши вас согрешившими и не исправившимися, не подвергнуть вас каре и наказанию». И здесь, говоря: «В третий уже раз иду к вам. При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово» («третицею се грядущу к вам: при устах двою или триех свидетелей станет всяк глагол»), прилагает ненаписанное к написанному. Так поступил он и в другом случае, сказав: «совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею, ибо сказано: два будут одна плоть» («прилепляясь сквернодейце, едино тело есть: будета бо, рече, оба в плоть едину») (1Кор.6:16). Хотя последние слова сказаны о законном браке, но он удачно ими воспользовался для своего предмета, чтобы тем более устрашить.

Так поступает и здесь, вместо свидетелей представляя свои пребывания (в Коринфе) и свои увещания. Слова его имеют такой смысл: «Раз, и другой говорил я вам, когда приходил к вам; говорю и теперь на письме. И если выслушаете меня, то исполнено мое желание; если же не послушаете, то надобно уже будет сделать сказанное мною и наложить наказание». Поэтому и говорит: «предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу» («прежде рех и предглаголю, яко у вас быв второе, и отсутствуя ныне пишу прежде согрешившим и прочим всем, яко аще прииду паки, не пощажду») (2Кор.13:2). Если «при устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово («при устах двою или триех свидетелей станет всяк глагол»), – а я уже два раза был у вас и говорил, теперь же говорю на письме, – то мне надобно будет сдержать свое слово. Не думайте, чтобы послание мое к вам было маловажнее личного моего у вас присутствия. Как, будучи у вас я говорил, так и, находясь в отсутствии, пишу». Видишь ли отческую заботливость? Видишь ли подобающую учителю попечительность? Он и не смолчал, и не наказал; несколько раз предваряет, и не перестает грозить. Но наказание откладывает; если же и после этого не исправятся, тогда уже угрожает действительным наказанием.

Что же ты прежде говорил, будучи в Коринфе, и что пишешь теперь, находясь в отсутствии? «Когда опять приду, не пощажу» («Яко аще паки прииду, не пощажду»). Сперва сказал, что не может этого сделать, если не будет к тому принужден, и необходимость наказывать назвал плачем и смирением для себя: «чтобы опять, – говорит, – когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаются» («да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших и не покающихся»); даже оправдывался пред ними, что уже раз, и два, и три предварял их, что все делает и придумывает, как бы обойтись без наказания и исправить их словесными только угрозами; и после этого только уже произносит грозные эти слова: «когда опять приду, не пощажу». Не сказал: «отмщу,

накажу, предам истязанию», но и о самом наказании опять выражается отечески, показывая свою к ним любовь и сострадательность, по которым, щадя их, доселе отлагал (наказание). Потом, чтобы они и теперь не подумали, что (наказание) опять будет отложено, и угрозы только на словах, он как выше сказал: «При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово» («при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол»), так и здесь присовокупляет: «когда опять приду, не пощажу». Слова эти значат: «Я уже не отложу (наказания), если, – чего не дай Бог! – найду вас не исправившимися, но непременно накажу, и исполню, что сказал». Вслед за тем, с великим гневом и с сильным негодованием на тех, которые смеялись над ним, как над человеком слабым, и о прибытии его (в Коринф) шутя говорили: «в личном присутствии слаб, и речь его незначительна» («пришествие... немощно и слово уничижено») (2Кор.10:10), – как бы обращая к ним речь свою, говорит: «Вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне»? («понеже искушения ищите глаголющего во мне Христа») (2Кор.13:3). Это сказал он, чтобы нанести и удар (лжеапостолам), и вместе дать почувствовать всем им (коринфянам). Смысл же слов его такой: «Так как вы хотите испытать, обитает ли во мне Христос, требуете от меня доказательств, и потому смеетесь надо мною как над человеком низким и презренным, не имеющим в себе силы Христовой, то узнаете, что я не лишен ее, если подадите к тому случай, чего, впрочем, да не будет». «Что же, – скажи мне, – за то ли хочешь наказать, что они ищут доказательства?» «Нет, – говорит, – если бы я искал случая наказать их, то с самого же начала наказал бы согрешивших, и не стал бы медлить». А что он точно не желает наказывать, это он ясно показал впоследствии словами: «Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть» («молюся же... не сотворити вам ни единого зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будем») (2Кор.13:7).

2. Итак, он говорит это не в виде причины, но выражая скорее свое негодование, и, желая дать почувствовать это тем, которые его презирали. «Я не хочу, – говорит он, – показать над вами такого опыта. Если же сами вы подадите случай и захотите вызвать меня на то, то узнаете на самом деле». И смотри, с какою суровостью говорит он. Не сказал: «так как вы стараетесь искусить меня», но: «Христос ли говорит во мне», показывая тем, что они против Него согрешили. Не просто сказал: «обитает ли во мне Христос», но – «Христос ли говорит во мне», показывая тем, что слова его внушены Духом Святым. И если (Христос) не обнаруживает силы Своей и не наказывает, – апостол для того переносит речь от себя (ко Христу), чтобы сделать угрозы более страшными, – то не по немощи, так как Он всемогущ, но по долготерпению. Итак, никто пусть не почитает терпения (Господня) немощью! Чему ты, в самом деле, дивишься, если (Господь) не произносит теперь же суда на грешников и не подвергает их наказанию, но медлит и долготерпит, когда Он благоволил быть распятым на кресте, и, терпя крестные страдания, не наказывал? Потому (апостол) и присовокупил: «Он не бессилен для вас, но силен в вас. Ибо, хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божиею» («иже в вас не изнемогает, но может в вас. Ибо аще и распят бысть от немощи, но жив есть от силы Божия») (2Кор.13:3–4). Слова эти очень неясны и смущают немощных. Поэтому нужно раскрыть их яснее, и показать истинное значение этого выражения, заключающего в себе неясность, чтобы никто и из простых не соблазнялся.

Итак, требуется объяснить, какой смысл сказанного, что значит слово "немощь" (ασθένεια), и в каком значении оно употреблено. Ведь одно и тоже слово имеет многие значения. Так, немощью называется болезнь телесная, почему и сказано в Евангелии о Лазаре: «вот, кого Ты любишь, болен» («се, егоже любиши, болит») (немощствует – ασθενει) (Ин.11:3). И сам (Христос) сказал: «эта болезнь (немощь – ασθένεια) не к смерти» («сия болезнь не к смерти») (Ин.11:4). И Павел об Епафродите сказал: «он был болен (ησθένησε) при смерти; но Бог помиловал его» («болé; близ смерти, но Бог помилова его»)

(Флп.2:27); и о Тимофее: «употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (ασθενείας) («мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов») (1Тим.5:23). Во всех приведенных местах слово «немошь» означает телесный недуг. Немошью называются также нетвердость, колебания и несовершенство в вере. В таком смысле Павел говорил: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях» («изнемогающего в вере приемлите, не в сомнение помышлений») (Рим.14:1). И в словах: «Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи» («ов бо верует ясти вся, а изнемогая зелия [да] яст») (Рим.14:2), разумея немощного в вере. Вот два значения слова "немошь". Но и еще нечто называется немощью. Что же такое? Гонения, наветы, оскорбления, искушения, бедствия. И в таком смысле Павел говорил: «Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»» («о сем трикраты Господа молих... И рече ми: довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается») (2Кор.12:8–9). Что значит "в немощи"? В различных родах смерти. И в том же смысле (апостол) сказал: «Посему я благодушествую в немощах» («темже благоволю в немощи») (2Кор.12:10). Показывая затем, о какой говорит немощи, не упомянул о горячке или о сомнении в вере; но что сказал? «чтобы обитала во мне сила Христова... благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» («В досаждениях, во изгнаниях, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, да вселится в мя сила Христова. Егда бо немощствую, тогда силен есмь») (2Кор.12:9–10). «Когда, – говорит, – меня преследуют, когда гонят, когда против меня злоумышляют, «тогда силен», тогда больше всего побеждаю и преодолеваю злоумышляющих помощью живущей во мне обильной благодати». В этом-то третьем значении Павел и употребил слово "немошь".

И вот смысл сказанного. (Апостол) клонит речь к тому же, что говорил прежде, именно – что (коринфяне) почитали его низким и презренным. Так как он не хотел хвалиться, не хотел,

чтобы и другие разумели его таким, каков он был на самом деле, не хотел показать силу, которую имел для наказания непокорных, то и почитали его ничего не значащим. И так как думавшие таким образом оставались в крайней беспечности и нечувствительности и не исправлялись от грехов, то (апостол), пользуясь благоприятным случаем, в выражениях весьма сильных рассуждает и о них, показывая, что он ничего не сделал им не по немощи, но по долготерпению. Потом, как я уже сказал, переносит речь от себя ко Христу и тем умножает страх, увеличивает угрозу. Слова же его имеют такой смысл: «Если и сделаю что, накажу и покараю согрешивших, то разве я буду карать и наказывать их? Накажет Христос, Который обитает во мне. Если же не верите тому, и хотите видеть доказательство, то скоро узнаете из действий Живущего во мне, так как Он «не бессилен для вас, но силен в вас» («не изнемогает в вас, но может»). Для чего (апостол) прибавил "для вас", когда (Христос) везде силен? Захочет ли Он наказывать неверных, или демонов, или кого другого – Он все может. Что же значит это прибавление? (Апостол) или хочет пристыдить их тем, что они сами уже испытали, или выражает то, что (Христос) теперь показывает силу в вас, которые должны исправиться. Так и в другом месте сказал: «Ибо что мне судить и внешних?» («что бо ми и внешних судити?») (1Кор.5:12).

3. «Внешних, – говорит он, – будет судить Бог в день суда; а вас хочет наказать еще ныне, чтобы избавить от будущего наказания». Но смотри, как при всей своей попечительности, происходящей от отеческого сердоболия, (апостол) дает место страху и великому гневу, говоря: «Он не бессилен для вас, но силен в вас. Ибо, хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божию» («Иже в вас не изнемогает, но может в вас. Ибо аще и распят бысть от немощи, но жив есть от силы Божия»). Что значат слова: «хотя Он и распят в немощи» («аще и распят бысть от немощи»)? То, что хотя (Христос) благоизволил пострадать, что имело вид немощи, но это нисколько не уменьшает Его силы. Сила Его пребывает непобедимую, и то, что имело вид немощи, нимало не повредило ей; напротив, оно то наиболее и показало Его крепость в том, что и страдание

претерпел Он, и сила Его чрез то не сократилась. Итак, да не смущает тебя слово "немошь", потому что и в другом месте (апостол) говорит: «потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» («буге Божие премудрее человек ееть, и немощное Божие крепчае человек ееть») (1Кор.1:25); хотя в Боге нет ничего немудрого ("буиего"), ничего слабого, но так (апостол) назвал крест, представляя мнение о нем неверных.

Послушай, как сам он толкует слова свои: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство ееть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» («слово бо крестное погибающим убо юродство ееть, а спасаемым нам сила Божия ееть»). И еще: «а мы проповедуем Бога распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость» («мы же проповедуем Христа распята, Иудеем убо соблазн, Еллином же безумие, самим же званным Иудеем же и Еллином Христа, Божию силу и Божию премудрость») (1Кор.1:18, 23–24). И в другом месте: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием» («душевен же человек не приемлет, яже Духа...; юродство бо ему ееть») (1Кор.2:14). Смотри, как везде он излагает мнение неверных, почитающих крест юродством и немощью. Так и здесь говорит не о действительной немощи, но о воображаемой неверующими. Итак, (апостол) не то говорит, что (Христос) распят по немощи, – да не будет этого! – ведь Он во всем показал, что мог быть и не распят – то повергнув ниц на землю (пришедших с Иудею) (Ин.18:6), то помрачив солнце, то иссушив смоковницу, то ослепив очи хотевших взять Его, и сотворив другие бесчисленные чудеса.

Что же значит выражение "в немощи" ("от немощи")? То, что хотя Христос был и распят, претерпел бедствия и наветы, – а мы уже доказали, что наветы и бедствия называются немощью, – однако Он не понес никакого вреда. И все это (апостол) сказал для того, чтобы применить к самому себе. Так как (коринфяне) видели, что (апостолы) были гонимы, преследуемы, презираемы, и Бог не отмщал за них, и сами они

не вступались за себя, то, чтобы научить их, что они терпят все это не по немощи, и не потому, чтобы не могли отмстить за себя, указывает на пример Владыки. «Так, – говорит, – и сам (Господь) был распят, связан, терпел бесчисленные мучения, но не мстил за Себя; напротив, понес все, что казалось немощью, и в этой немощи явил силу свою, – потому что не потерпел никакого вреда, хотя и не мстил, и не вступался за Себя. Крест не пресек жизни Его, не воспрепятствовал воскресению; напротив – (Христос) воскрес, и живет. А когда слышишь о кресте и жизни, разуме́й это о домостроительстве спасения, потому что о нем идет вся речь». А когда (апостол) говорит: «силою Божиею» («от силы Божия»), он не понимает, что (Христос) не мог сам оживотворить плоти Своей, а показывает только, что безразлично – сказать ли: «силою Отца», или: «силою Сына»; и потому, сказав: «силою Божиею» («от силы Божия»), то же сказал, что и «Своею силою». А что (Христос) действительно сам воздвиг и воскресил плоть Свою – послушай, как Он сам говорит о том: «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» («разорите церковь сию, и аз тремя денми воздвигну ю») (Ин.2:19). Если же (Христос) принадлежащее Ему называет принадлежащим Отцу, не приходи от этого в смущение. "Все, – говорит Он, – что имеет Отец, есть Мое» («Вся елика имать Отец, Моя суть») (Ин.16:15); и в другом месте: «И все Мое Твое, и Твое Мое» («Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя») (Ин.17:10).

«Итак, – говорит (апостол), – как (Христос), будучи распят, не потерпел никакого вреда, так и мы, когда нас гонят и вооружаются на нас, (не терпим вреда)». Потому и присовокупляет: «и мы также, *хотя* немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божиею» («ибо и мы немощствуем в Нем, но живи будем в Нем от силы Божия»). Что значит: «немощны в Нем» («(немощствуем в Нем)»? Подвергаемся гонениям, притеснениям, и терпим крайние бедствия. А что значит – "в Нем"? То, что терпим за проповедь и за веру в Него. Если же терпим за Него все скорбное и тягостное, то, несомненно, получим и радостное. Поэтому (апостол) и говорит далее: «но будем живы с Ним силою Божиею в вас. Испытайте самих

себя, в вере ли вы; самих себя исследуйте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть. О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны» («но живи будем в Нем от силы Божия... Себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христос в вас есть, разве точию чим неiskusни есте? Уповаю же, яко разуметь имате, яко мы несмы неiskusни»)(2Кор.13:4–6). (Апостол) выше доказал, что, если не наказывает (коринфян), то не потому, чтобы не имел в себе Христа, но потому, что подражает Его долготерпению, так как сам (Господь) был распят, и не отмстил за Себя. И теперь доказывает то же, но другим образом и гораздо убедительнее, извлекая доказательство из примера учеников. «Что мне говорить о себе – учителе, который имеет столько попечений, которому вверена целая вселенная, который совершил столько чудес? И вы сами, находящиеся в числе учеников, если захотите испытать самих себя, усмотрите, что и в вас обитает Христос. Если же в вас, то тем более в учителе. Если вы имеете веру, то и Христос в вас». И это самое сказано им о таких верующих, которые творили чудеса, потому что верующие в то время чудодействовали. Поэтому (апостол) и прибавляет: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследуйте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть. («себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христос в вас, разве точию чим неiskusни есте?») Если же в вас, то тем более – в учителе». Мне кажется, что (апостол) здесь говорит о вере чудодействующей. «Если вы имеете, – говорит он, – эту веру, то Христос в вас; «разве только вы сделались не тем, чем должны быть»».

4. Видишь ли, как опять он устрашает, и со всею ясностью показывает, что Христос с ним? Здесь, мне кажется, он указывает (коринфянам) и на жизнь. Так как одна вера недостаточна к получению духовной силы (чудотворения); а он сказал, что если вы пребываете в вере, то имеете в себе Христа, между тем как многие, имея веру, не имели этой силы чудодейственной, – то, разрешая недоумение, он и говорит:

«разве только вы не то, чем должны быть» («разве точию чим неiskusни есте»), то есть: «разве порочна жизнь ваша». «О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны» («Уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неiskusни»). Следовало сказать: «Если вы сделали и неiskusны, все же мы не неiskusны». Но не так он говорит, чтобы не оскорбить их, а выражает это прикровенно; не говорит утвердительно – «вы неiskusны»; не предлагает и в виде вопроса: «Разве вы неiskusны?» Но, оставляя это, выражает то же самое скрытным образом, говоря: «О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны» («уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неiskusни»). И здесь опять сильная угроза, великий страх. «Если вы хотите, – говорит, – чтобы я доказал вам это, наказав вас, то мы не затруднимся дать вам такое доказательство».

Впрочем, он не так говорит, но с большею строгостью и угрозою: «О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны» («уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неiskusни»). «Вам и без этого, – говорит он, – надлежало знать нашу силу и то, что в нас говорит и действует Христос; но так как вы хотите испытать это на самом деле, то узнаете, что «мы то, чем быть должны» («мы несмы неiskusни»). Потом, ввиду того, что он простер угрозу далеко, поставил наказание у самых уже дверей, привел (коринфян) в трепет и заставил ожидать казни, – то смотри, какою сладостью опять растворяет свое слово, как умеряет их страх и показывает свою невзыскательность, попечительность об учениках, любомудрие, высоту, и свободу от тщеславия. Все это он выражает в следующих далее словах: «Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть. Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину. Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о сем-то и молимся, о вашем совершенстве» («молюся же к Богу, не сотворити вам ни единого зла, не яко да мы иiskusни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неiskusни будем. Ничто же бо можем на истину, но по истине. Радуемся бо, егда мы

немоцствуем, вы же сильны бываете. О сем бо и молимся, о вашем совершении») (2Кор.13:7–9).

Где можно найти душу, подобную (Павловой)? Его презирали, унижали, осмеивали, над ним издевались, как над человеком ничтожным, ничего не значащим, хвастливым, который величается только на словах, а на деле нисколько не может показать своей силы; а он не только медлит, не только не хочет наказывать, но еще молит Бога, чтобы не дойти до такой необходимости. «Молюся же, – говорит он, – «чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть» («не сотворити вам ни единого зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будем»). Что значат эти слова? «Прошу и молю Бога, – говорит он, – чтобы мне никого не найти не исправившимся, никого не найти не раскаявшимся, и не только об этом молю, но и о том, чтобы вы и не начинали грешить, – «чтобы вы не делали, – говорит он, – никакого зла» («не сотворити вам ни единого зла»); а если согрешите, то чтобы вы спешили покаяться, предварили меня исправлением, и предотвратили всякий гнев. Я забочусь не о том, чтобы явиться пред вами искусным, но совершенно напротив, – о том, чтобы нам не явиться искусными. Если, – говорит, – вы пребываете во грехах нераскаянными, то необходимо нужно наказать вас, подвергнуть истязанию ваши тела, как поступлено было с Сапфирию и с волхвом (Деян.5:13–14, 8:11), над которым мы явили опыт нашей силы. Но мы не об этом молимся, а напротив, чтобы нам не показывать себя искусными в таком деле, то есть, чтобы не делать опыта силы, какая в нас, наказывая вас и карая согрешающих и болящих неисцельно.

Но о чем (молимся)? «Чтобы вы делали добро» (да вы доброе сотворите»); молимся о том, чтобы вы всегда пребывали в добродетели, всегда были исправны; «хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть («мы же яко неискусни будем»), не обнаруживая в себе карающей силы». И не сказал: "неискусны (будем)», так как не стал бы неискусным, хотя бы и не наказал; напротив, чрез это самое и показал бы себя

искусным. «Но, если некоторые, – говорит, – и почитают нас презренными и недостойными уважения, потому что не показываем силы своей, то мы нимало об этом не заботимся. Лучше нам навлечь на себя от них такое мнение, нежели проявлять данную нам от Бога силу в наказании людей с неисправимой душой. «Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину» («Ничто же бо можем на истину, но по истине»). Чтобы не показалось, будто он делает так из угождения им (что чуждо для души, не знающей тщеславия), а напротив – что делает то, чего требует самое свойство дела, (апостол) и присовокупил: «Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину» («ничто же бо можем на истину»). «Если, – говорит, – найдем вас благоустроенными, сложившими с себя грехи чрез покаяние, и имеющими дерзновение к Богу, то нам, хотя бы мы и захотели, нельзя будет наказать вас, и если бы решились на то, Бог не будет нам содействовать. Он для того дал нам силу, чтобы мы произносили приговор верно, праведно, а не вопреки истине».

Видишь ли, как он везде смягчает слово свое и умеряет тяжесть угрозы? И сколько заботился об этом, столько желает показать и свое к ним благорасположение. Потому и присовокупил: «Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о сем-то и молимся, о вашем совершенстве» («радуемся бо, егда мы немощствуем, вы же сильни бываете. О сем же и молимся, о вашем совершении»). «Тому особенно радуемся, – говорит он, – что ничего не можем против истины, т. е. не можем наказывать вас, когда вы благоугождаете (Богу). А так как не можем, то и не хотим, даже желаем противного. Но потому-то самому особенно и радуемся, когда не находим, что вы подаете нам причину показать силу нашу в наказании вас. И хотя и чрез то явились бы мы славными, искусными и сильными, но желаем противного, т. е., чтобы вы были искусны и непорочны, а мы отсюда не приобрели себе славы». Потому и говорит: «Мы радуемся, когда мы немощны» («радуемся бо, егда мы немощствуем»). Что значит – "немощны" («немощствуем»)? «Когда нас почитают немощными; не когда мы немощны, но когда почитаемся немощными». А таковыми почитали

(апостолов) враги за то, что не обнаруживали карающей своей силы. «И все же мы радуемся, когда вы так живете, что не подаете нам повода наказывать вас. И для нас приятно, что почитают нас в этом отношении немощными, только бы вы были неукоризненны». Потому и прибавляет: «а вы сильны» («вы же сильны бываете»), т. е. искусны и добродетельны. «И мы не только желаем, но и молимся об этом – чтобы вы были непорочны, совершенны, и не подавали нам никакого повода (наказывать вас)».

5. Подлинно отеческая любовь – предпочитать спасение учеников личной своей славе! Вот душа, в которой нет места тщеславию. А свобода от тщеславия больше всего освобождает от оков телесных и возносит от земли к небу. Напротив, тщеславие ведет ко многим грехам. Да и невозможно стать высоким, великим и благородным не очистившему себя от тщеславия; оно необходимо пресмыкается долу, и многое портит, раболепствуя этому гнусному повелителю, более жестокому, чем всякий варвар. В самом деле, что может быть свирепее тщеславия, которое тогда наиболее и свирепствует, когда наиболее ему служат? Такого свойства не имеют даже и звери – напротив, они смягчаются, когда за ними ухаживают. А тщеславие совершенно напротив: когда его презирают – оно укрощается, а когда чествуют – свирепеет, и вооружается на своих почитателей. Служившие тщеславию иудеи жестоко наказаны; а ученики (Христовы), презиравшие его, увенчаны. Но что говорю о наказании и венцах? Даже к тому самому, чтобы сделаться славным, всего более содействует презрение тщеславия. И отсюда видно также, что почитающие тщеславие сами себе вредят; а презирающие его приобретают пользу. Ученики (ничто не мешает воспользоваться опять тем же примером), презревшие тщеславие, предпочтившие славу Божию, сияют светлее солнца, стяжав себе бессмертную память и по кончине. Напротив, поработившиеся тщеславию иудеи не имеют теперь ни города, ни домов, стали бесчестными, изгнанниками, пресельниками, ничтожными, презренными.

Так и ты, если хочешь достигнуть славы, отвергай славу; а если будешь гоняться за славой, лишишься славы. Если же угодно, покажем то же самое и на делах житейских. Кого мы преследуем насмешками и остротами? Не тех ли, которые домогаются славы? Они-то, следовательно, всего более и лишены ее, имея тысячи обвинителей и находясь у всех в бесчестии. А кому, скажи, удивляемся? Не тем ли, которые презируют славу? Они-то, следовательно, и пользуются ею. Подобно тому, как богат не тот, кто во многом имеет нужду, но кто ни в чем не нуждается, так и славен не тот, кто ищет славы, но кто презирает ее. Ведь земная слава только тень славы. Видя написанный на картине хлеб, никто не прикасается к картине, хотя бы мучился ужасным голодом. Не гоняйся же и ты за тенью, – ведь это тень славы, а не слава. А чтобы тебе увериться, что это так – размысли о том, что славолюбие всеми считается за нечто худое, чего надобно избегать, по мнению всякого, даже желающего славы; и снискал ли уже кто славу, или только домогается ее, – стыдится, когда называют его славолубцем. «Откуда же, – спросишь, – желание славы, и отчего происходит эта страсть?» От малодушия (нужно не обличать только погрешности, но и исправлять), от несовершенного смысла, от детского понятия. Перестанем же быть детьми, и станем мужчинами; будем не за тенью гоняться, но искать везде истины – и в богатстве, и в удовольствиях, и в наслаждениях, и в славе, и в могуществе, – и эта болезнь прекратится, а вместе с нею и другие многие. Гоняться за тенью свойственно безумному. Потому Павел и сказал: «Отрезвитесь, как должно, и не грешите» («истрезвитесь праведно и не согрешайте») (1Кор.15:34).

Пристрастие к славе есть своего рода безумие, которое гораздо сильнее безумия, производимого в человеке бесом или обнаруживаемого при сумасшествии. Последнее извинительно, а первое не имеет никакого оправдания, потому что здесь самая душа повреждена, и ее суждения неправильны, погибельны. Сумасшествие часто происходит от злохудожного разума. Как самая жестокая и неисцелимая горячка есть та, которая поражает твердое тело, свирепствует в нервах и скрывается в

жилах, так и это неистовство ужасно, потому что свирепствует в разуме, извращает и ослабляет его. В самом деле, не ясное ли и очевидное сумасшествие, не болезнь ли всякого сумасшествия жесточе – презирать постоянно пребывающее, и с великим тщанием гоняться за скоропреходящим? Скажи, если бы кто стал догонять ветер или захотел схватить его, не назвали ли бы того безумным? Или, если бы кто стал гоняться за тенью и презирать действительные предметы, возненавидел бы жену свою и вместо нее обнимал тень ее, или стал бы отвращаться от своего сына, а любить опять тень его, то потребуешь ли ты еще яснейшего доказательства его сумасшествия? Но таковы все пристрастные к настоящим вещам. Все ведь настоящее – тень; укажешь ли ты на славу, или на могущество, на почести, на богатство, на удовольствие, или на что бы то ни было другое житейское. Потому-то и пророк сказал: «человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится» («убо образом ходит человек, обаче все мятется») (Пс.38:7), и еще: «Дни мои – как уклоняющаяся тень» ("дни наши яко сень уклонишася») (Пс.101:12). И в другом месте все человеческие (замыслы) он называет дымом и цветом травным (Пс.101:4–5). Но не одно только приятное есть тень, а также и прискорбное, как-то: и смерть, и бедность, и болезнь, и тому подобное. Что же постоянно как из приятного, так и из прискорбного? Вечное царствие и нескончаемое мучение, потому что ни червь не умрет, ни огонь не угаснет, и праведники воскреснут в жизнь вечную, а грешники в муку вечную. Итак, чтобы нам избежать нескончаемого мучения, а наследовать вечное царствие, – оставив тень, со всею ревностью обратимся к предметам действительным. Таким образом достигнем царствия небесного, которого и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 30

2Кор.13:10. Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению.

Дух Святый единосущен Отцу и Сыну.

1. (Апостол) сознавал, что сказанное им, особенно к концу послания, строго. Выше он говорил: «Я же, Павел, который лично между вами скромн, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым. Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти» («сам же аз Павел молю вы кротостию и тихостию Христовою, иже в лице убо смирен в вас, не сый же у вас дерзаю в вас. Молю же, да не присущ дерзаю надеянием, им же помышляю смети на некия непщующия нас, яко по плоти ходящих»); и: «и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится» («в готовности имущи отмстити всяко преслушание, егда исполнится ваше послушание») (2Кор.10:1–2, 6): и еще: «Ибо я опасаюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете: чтобы *не найти у вас* раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков, чтобы опять, когда приду, не унижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покались в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали» («боюсь же, еда како пришед, не яцех же хошу обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хотите:... да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согреших и не покаившихся о нечистоте и блужении..., яже содеяша»)) (2Кор.12:20–21); и потом: «Я предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу. Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне» («прежде рех и предлагаю, яко у вас быв второе, и

отсутствуя ныне пишу..., яко еще прииду паки, не пощажду; понеже искушения ищите глаголющего во мне Христа»)(2Кор.13:2–3).

Итак, ввиду этого, равно как и многого другого, что сказано было им в их устрашение, посрамление, укоризну и порицание, он, желая оправдать себя во всем, говорит: «Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости» («сего ради не сый у вас сия пишу, да не пришед безщадно сотворю»). «Я желаю – (говорит), – чтобы строгость моя была только на словах, а не на деле; желаю, чтобы послания были строги, чтобы угрозы продолжались, но не приводились в исполнение». Но и в самом этом оправдании он опять делает речь свою грозною, показывая, что не он будет наказывать их, но Бог, именно, он присовокупил: «по власти, данной мне Господом» («по власти, юже Господь даде ми»); и вместе давая опять разуметь, что не желает употребить власть свою для наказания их, тоже присовокупил: «к созиданию, а не к разорению» («в созидание, а не на разорение»). Впрочем, теперь хотя и сделал об этом намек, как сказал я, однако оставил им самим на размышление, что, если они не исправятся, то наказать не исправляющихся есть также созидание. А что это действительно так, сам он знал, и показал то на деле.

«Впрочем, братия, радуйтесь, усовершенвайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, – и Бог любви и мира будет с вами» («Прочее, братие, радуйтесь, совершенвайтесь, утешайтесь, тожде мудрствуйте, мир имейте, и Бог любви и мира будет с вами»)(2Кор.13:11). Что значит: «Впрочем, братия, радуйтесь» («прочее, братие, радуйтесь»)? Ты опечалил, устрашил, поверг в скорбь, заставил трепетать и бояться; как же велишь радоваться? «По этому самому, – говорит, – и велю радоваться. В самом деле, если вы, со своей стороны, будете соответствовать тому, что я обязан сделать, со своей стороны, то не будет препятствия к радости. А с моей стороны все сделано: я долготерпел, медлил, не отлучал вас, убеждал, увещевал, устрашал, угрожал, чтобы как-нибудь произвести в вас плоды покаяния. Теперь вам должно сделать свое дело, – и

радость ваша не помрачится». «Усовершеншайтесь» («Совершеншайтесь»). Что же значит – «Усовершеншайтесь» («совершеншайтесь»)? Будьте совершенны и восполните, чего не достает. «Утешайтесь». Так как искушений было много, и опасности были велики, то ищите утешения друг в друге, и в нас, и в собственном исправлении. Если радость ваша происходит от (чистой) совести, и если вы совершенны, то ничего не достает к вашему благодушию и утешению, потому что ничто не доставляет столько утешения, как чистая совесть, хотя бы вы окружены были бесчисленными искушениями.

«Будьте единомысленны, мирны» («Тоже мудрствуйте, мир имейте»). Об этом просил он и в начале первого послания. Случается, что люди имеют одни и те же мысли, однако не имеют мира, например, – когда в догматах веры согласны, а друг против друга враждуют. Напротив, Павел здесь требует того и другого (и единомыслия и согласия). «И Бог любви и мира будет с вами» («И Бог любви и мира будет с вами»). Не только увещевает и советует иметь мир, но и молит о том Бога; и подлинно, здесь он или молит, или предсказывает будущее, а вернее, то и другое вместе. «Если, – говорит он, – будете так поступать, то есть, одно и то же мудрствовать и иметь мир между собою, то и Бог будет с вами, потому что Бог есть Бог любви и мира, Он этому радуется, и об этом веселится. Отсюда – от любви Его – и в вас будет мир. Отсюда – избавление от всех зол. Эта любовь спасла вселенную, она прекратила застарелую на земле вражду, она соединила землю с небом, она сделала людей ангелами. Возлюбим же ее и мы, потому что она – мать бесчисленных благ. Ею мы спасены, через нее нам дарованы все неизреченные блага». Затем, возводя их к любви, (апостол) говорит: «Приветствуйте друг друга лобзанием святым» («целуйте друг друга лобзанием святым») (2Кор.13:12). Что значит – "святым"? Не притворным, не коварным, каким Иуда облобызал Христа. Для того и дано лобзание, чтобы возбуждать любовь, чтобы воспламенять искреннее расположение, чтобы мы так любили друг друга, как братья братьев, как дети отцов, и отцы детей, или еще и больше, – потому что эта (любовь) – от природы, а наша – от благодати.

Чрез лобзание соединяются между собою души. Вот почему, и возвращаясь из путешествий, мы целуем друг друга, когда души наши приходят во взаимное общение. Поцелуй уст особенно выражает расположение души нашей.

2. Можно сказать и еще нечто об этом святом лобзании. Что же такое? Мы – храм Христов. Поэтому, лобзая друг друга, мы лобзаем преддверия и вход храма. Не видите ли, как многие лобызают двери и этого храма⁸, одни преклоняя главу, другие, прикасаясь рукой и поднося руку к устам? И этими вратами и дверьми⁹ входил и входит к нам Христос, когда мы причащаемся. Вы, причастники таинства, понимаете, что я говорю. Не простой чести сподобляются уста наши, приемлющие тело Владычне. Потому-то здесь, по преимуществу, мы и лобзаем друг друга. Пусть слышат это предающиеся сквернословию и злословию, – и да ужаснутся при мысли, как они сквернят уста свои. Пусть слышат это срамно лобызающиеся. Послушай, что Бог вещал устами твоими, – и береги их от осквернения. Он вещал ими о жизни будущей, о воскресении, о бессмертии, о том, что смерть уже не смерть, и о многих других неизреченных (тайнах). В самом деле, приступающий к таинству приближается к устам иерея, как к прорицалищу. Послушаем, как они страшны. Приступающий погубил жизнь свою еще в прародителях, и приходит взыскать ее и просить совета, как найти и приобрести ее. Тогда Бог вещает устами иерея, как найти ее; и уста иерея бывают страшнее самого очистилища. Это последнее никогда не издавало такого гласа, а прорекало о предметах гораздо низших, о земных войнах и о земном мире; напротив, эти уста вещают о небе, о будущей жизни, о вещах новых и превосходящих разум. Сказавши же: «Приветствуйте друг друга лобзанием святым» («целуйте друг друга лобзанием святым»), (апостол) присовокупил: «Приветствуют вас все святые» («целуют вы святии вси»), и этим подавая им радостную надежду. Это он написал вместо лобзания, соединяя их между собою этим взаимным приветствием, потому что от тех же уст происходит и лобзание и слова. Видишь ли, как он соединяет между собою всех – удаленных по плоти и близких, первых –

посредством писания, а последних – посредством лобзания? «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и общение Святого Духа со всеми вами. Аминь» (2Кор.13:13). Таким образом, соединив их между собою и приветствиями, и лобзаниями, опять заключает слово молитвою, а чрез нее всемерно старается соединить их и с Богом.

Где теперь утверждающие, что Святой Дух не единосущен Отцу и Сыну потому, что о Нем не упоминается в начале посланий? Вот теперь (апостол) наименовал и Его вместе с Отцом и Сыном. Кроме того, должно сказать и то, что (апостол) в послании к колоссянам, сказав: «благодать вам и мир от Бога Отца нашего» (Кол.1:3), умолчал о Сыне, и не прибавил, как в прочих посланиях: «и Господа Иисуса Христа». Ужели поэтому и Сын будет не единосущен (Отцу)? Но утверждать это есть крайнее безумие. Напротив, то самое и показывает Его единосущие, что Павел в различных местах различно упоминает (о лицах). А что сказанное мною не одна догадка, – послушай, как он упоминает о Сыне и о Духе, а умалчивает об Отце. Так в (первом) послании к Коринфянам говорит: «но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» («но омыстесь, но освятитесь, но оправдастесь именем Господа Иисуса Христа, и Духом Бога нашего») (1Кор.6:11).

Итак, скажи, неужели они не крестились во имя Отца? Тогда они и не омылись, и не освятились. Но они крестились (во имя Отца), так как действительно крестились. Почему же не сказал, что омылись именем Отца? Потому, что для него безразлично – один раз упомянуть об одной ипостаси, в другой раз – о другой. То же найдешь и во многих местах посланий. Так в послании к Римлянам говорит: «умоляю вас, братия, милосердием Божиим» («молю убо вас... щедротами Божиими») (Рим.12:1), хотя щедроты принадлежат и Сыну. И в другом месте: «умоляю вас... любовью Духа» («молю вы... любовь Духа») (Рим.15:30), хотя любовь принадлежит и Отцу. Почему же он не упомянул о Сыне, когда говорит о щедротах, и об Отце, когда говорит о любви? Он умолчал об этом, как для всех явном и несомненном. Найдешь также и то, что (апостол) и самые дары

приписывает (лицам Св. Троицы) в обратном порядке. Так, сказав здесь: «благодать Христа, и любовь Бога и Отца, и общение Святого Духа», в другом месте общение приписывает Сыну, а любовь Духу, говоря: «умоляю вас... любовью Духа» («молю вы... любовью Духа»), а в (первом) послании к Коринфянам: «Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его» («верен Бог, им же звани бысте во общение Сына Его») (1Кор.1:9). Так все, принадлежащее Троице, нераздельно! И где общение Духа, там и общение Сына, и где благодать Сына, там благодать Отца и Святого Духа. Так (апостол) сказал: «благодать вам от Бога Отца»; а в другом месте, исчисливши многие виды благодати, присоединил: «Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» («вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властью коемуждо, якоже хочет») (1Кор.12:11). Говорю же это не потому, что смешиваю ипостаси, – нет! – напротив, знаю как то, чем они различаются и разделяются, так и единство их сущности.

3. Итак, будем и догматы эти содержать со всею точностью и привлекать к себе любовь Божию. Бог прежде возлюбил нас, когда мы еще ненавидели Его, и примирил с Собою, когда мы еще были врагами Его; и теперь хочет любить нас, уже любящих Его. Будем же постоянно любить Его, чтобы и Он любил нас. Если мы, пользуясь любовью сильных людей, для всех бываем страшны, то тем более, когда будем (в любви) у Бога. И если из любви к Нему нужно будет отдать имущество, тело свое, даже самую душу, не пощадим ничего. Не достаточно свидетельствовать любовь свою к Нему только на словах; нужно показать ее и делами, так как и Он сам явил Свою любовь к нам не словами только, но и делами. Так и ты покажи любовь к Нему на самом деле, и твори угодное Ему. В таком случае сам же ты опять получишь пользу. Сам, ведь, Он ни в чем нашем не нуждается. Это-то и служит особенным доказательством искренней любви Его к нам, что, не нуждаясь в нашей любви, Он все делает для того, чтобы мы Его любили. Потому и Моисей говорил: «чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты... ходил всеми путями Его, и любил

Его» («что бо ищет Господь Бог у вас, точию еже... любите Его, и готову быти тебе еже ходити в след Его») (Втор.10:12).

Таким образом, когда Он повелевает тебе любить Его, тогда особенно показывает, что любит тебя, потому что ничто так не доставляет нам спасения, как любовь к Нему. Смотри, и все заповеди Его клонятся к нашему успокоению, спасению и прославлению. Так, когда Он говорит: «блаженны милостивые,... блаженны чистые сердцем,... блаженны кроткие,... блаженны нищие духом,... блаженны миротворцы» (Мф.5:3–9), сам Он никакой пользы отсюда не получает, а заповедует это для того, чтобы нас украсить и настроить. Равным образом, когда говорит: "алкал Я" («взалкался») (Мф.25:42), не имеет нужды в нашей помощи, но тебя побуждает к человеколюбию. Он и без тебя мог бы пропитать бедного, но, даруя тебе величайшее сокровище, заповедал это. Если солнце, будучи творением, не нуждается в наших очах (оно ведь так же стало бы блистать, хотя бы и никто не смотрел на него), но мы получаем пользу, когда наслаждаемся лучами его, то тем более применимо это к Богу. Но чтобы тебе еще более увериться в этом, послушай: какое, ты думаешь, различие между Богом и нами? Такое ли, как между нами и комарами, или гораздо большее? Очевидно, что гораздо и даже беспредельно большее. Итак, если мы, тщеславные, не нуждаемся в помощи или в славе от комаров, то тем более не нуждается Бог, бесстрастный и ни в чем не имеющий нужды. Поэтому в той только мере получает от нас пользу Бог, в какой благоденствует нам, в какой радуется о нашем спасении. Часто даже оставляя Свое, Он ищет твоего. «Если какой брат, – сказано, – имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее» («Аще кто жену имать неверну, и та благоволит жити с ним, да не оставляет ея») (1Кор.7:12). «Кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать» («А отпущаяй жену разве словесе любодейнаго, творит ю любодействовати») (Мф.5:32). Видишь ли несказанную благодать? «Если, – говорит, – жена твоя любодействует, не принуждаю тебя жить с нею; если же она неверующая, не препятствую. Опять, если кто

оскорбил тебя, повелеваю оставить приносимый Мне дар и идти к оскорбившему». «Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» («Аще бо принесеши дар твой, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави дар твой пред алтарем, и шед, прежде смирился с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой») (Мф.5:23–24).

И притча о должнике не то же ли самое показывает? В самом деле, когда он расточил десять тысяч талантов, господин умилился над ним и отпустил ему; когда же он потребовал от своего сораба сто динариев, господин назвал его лукавым и предал наказанию (Мф.18:24). Столь много печется Господь о твоём спокойствии! Варвар замыслил грех против жены праведника, – и (Господь) говорит ему: «удержал тебя от греха предо Мною» («пощадох тя, да не согрешиши ко Мне») (Быт.20:6). Павел гнал апостолов – и (Господь) говорит ему: «что ты гонишь Меня» («что Мя гониши?») (Деян.9:4) Другие алчут, а Он называет Себя алчущим, и нагим, и странником (Мф.25:35), желая пристыдить тебя и побудить тем к подаванию милостыни. Итак, представляя себе любовь, какую Бог доселе во всем нам оказывал и оказывает, – а Он благоволил сообщить нам ведение о Себе, что составляет величайшее и главное благо, свет ума, и учение добродетели, дал нам закон добродетельной жизни, сделал для нас все, дал нам и Сына Своего, и обещал царствие, и призвал нас к неизреченным благам, и приуготовил нам блаженнейшую жизнь, – будем все делать и говорить так, чтобы нам явиться достойными и любви Его, и получить будущие блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания

- ¹ - В книге – (Рим.4:2).
- ² - βεβαιών – утверждающий
- ³ - (πλεονεκτηθώμεν)
- ⁴ - (πλεονεξίαν)
- ⁵ - Ενδυσάμενοι; По-видимому, Златоуст читал здесь –
Εκδυσάμενοι, как показывают дальнейшие слова беседы
- ⁶ - (Как видно, согласно толкованию Златоуста, правильное
здесь было бы употребить не слово «когда», как в Синодальном
переводе, а слово «если», как в церковно-славянском. – и.Н.)
- ⁷ - (В этом стихе синодальный перевод не согласуется с
толкованием Златоуста. – и.Н.)
- ⁸ - Храма, в котором Златоуст произносил свою беседу
- ⁹ - Нашими устами.